

Лиза Джейн Смит

Дневники Вампира ч.7.

Возвращение. Полночь

Глава 1

— Дорогой Дневник, — прошептала Елена, — это — истерика? Я оставила тебя в багажнике «Ягуара», и это — в два часа ночи.

Она водила пальцем по ноге в длинной ночной рубашке, как будто держа ручку, и что-то записывала. Она зашептала еще тише, уткнувшись лбом в стекло:

— И я боюсь выйти на улицу в темноту — и забрать тебя. Я боюсь! — она поводила еще и затем, чувствуя, что слезы стекают по ее щекам, неохотно включила мобильный телефон, чтобы сделать запись. Это была глупая трата батареи, но ничего не могла поделать. Она нуждалась в этом.

— И вот я, — сказала она тихо, — сижу на заднем сиденье машины. Это будет моей первой записью на сегодня. Кстати во время этого путешествия у нас появилось правило — я сплю на заднем сиденье «Ягуара», а Мэтт и Деймон — на открытом воздухе. На улице так темно, что мне никак не удастся найти глазами Мэтта. Я просто схожу с ума — плачу и чувствую себя такой потерянной, такой одинокой без Стефана...

— Мы должны избавиться от «Ягуара» — он слишком большой, слишком красный, слишком роскошный, и слишком заметный, если мы пытаемся быть незаметными, поскольку мы едем в место, где мы можем освободить Стефана. После того, как автомобиль будет продан, лапис-лазурь и алмазный кулон, который Стефан дал мне прежде, чем исчез, будет самым дорогим, что у меня осталось. За день до... Стефан был обманут, и ушел, думая, что сможет стать обычным человеком. А теперь...

— Как я могу прекратить думать о том, что Они могут сделать с ним, и второе — кто это «Они»? Вероятно китцуны, злые духи, лисы в тюрьме называющейся Ши-но-Ши.

Елена остановилась, чтобы вытереть свой мокрый нос рукавом ночной рубашки.

— Как я могла оказаться в такой ситуации? — она покачала головой, стукнув по сидению сжатым кулаком.

— Возможно, если я могла понять это, я смогла бы придумать План «А». У меня всегда есть План «А». И у моих друзей всегда есть План «В» и «С», чтобы помочь мне, — Елена заморгала, подумав о Бонни и Мередит. — Но теперь я напугана, что никогда не увижу их снова.

И я боюсь за весь город Феллс Чёрч.

Мгновение она сидела со своим сжатым кулаком на ее колене. Внутренний голос в ней заговорил: «Так, перестань хныкать, Елена, и подумай. Думай. Начни с самого начала».

Начало? С чего все началось? Стефан?

Нет, она жила в Феллс Чёрче задолго до прихода Стефана.

Медленно, почти мечтательно, она говорила в свой мобильный телефон:

— Во-первых: кто я? Я — Елена Гилберт, мне восемнадцать, — еще более медленно сказала она, — я... не думаю, что напрасно говорят, что я красива. Если бы я не знала это, я никогда, должно быть, не смотрела в зеркало или слышала комплименты. Это не то, чем я должна гордиться — это — только кое-что, что было передано от родителей.

— На кого я похожа? У меня светлые волосы, которые волнами падают мне на плечи и синие глаза, которые, как говорят некоторые люди, похожи на лапис — лазурь: темно-синий со всплесками золота, — она издала смешок, — возможно именно поэтому вампиры любят меня.

Затем, поджав губы и глядя в черноту вокруг себя, серьезно произнесла:

— Многие ребята называли меня самой ангельской девушкой в мире. И я игралась с

ними. Я просто использовала их в обмен на популярность, ради забавы, для чего угодно. Я говорю честно, ведь все в порядке? Я рассматривала их как игрушки или трофеи, — она замолчала. — Но это было что-то другое. Кое-что, к чему я шла всю жизнь — но я не знаю что. Я чувствовала, как будто я что-то искала, что я никогда не могла найти в парнях. Ни одна из моих интриг или игр с ними не трогала мое сердце... глубоко... пока один особый парень не вышел вперед, — она остановилась, сглотнула и сказала еще раз. — Один очень особенный парень. Его зовут Стефан. И он оказался не тем, кем он выглядел, обычным парнем — великолепным старшеклассником с вьющимися черными волосами, и зелеными как изумруды глазами. Стефан Сальваторе оказался вампиром. Настоящим вампиром.

Елене пришлось остановиться, чтобы сделать несколько глубоких вдохов, до того как она смогла произнести следующие слова:

— И, как оказалось, у него есть великолепный старший брат, Деймон, — она закусила губу, и долгое время спустя, добавила, — разве полюбила бы я Стефана, если бы знала с самого начала что он вампир? Да! Да! Да! Я влюбилась бы в него независимо от того, кто он! Но вышло по-другому — и это повлияло на меня.

Палец Елены прослеживал узор на ее длинной ночной рубашке, едва касаясь.

— Ведите ли, вампиры проявляют свою любовь, обмениваясь кровью. Проблема в том, что я делилась кровью так же и с Деймоном. Не совсем по своей воле, но потому что он постоянно был подле меня, и днем и ночью, — Елена вздохнула. — Деймон говорит, что он хочет сделать меня вампиром и своей Принцессой Ночи. То, на что это похоже: он хочет меня всю себе. Но я не доверилась бы Деймону в чем-нибудь, пока он не даст свое слово. Это — одна причуда, которая у него имеется, он никогда не нарушает свое обещание.

Елена почувствовала, что ее губы изогнулись в слабой улыбке, но она говорила спокойно, плавно, в мобильный телефон, о котором почти забыла:

— Девушка, связавшаяся с двумя вампирами... это к беде, не так ли? Так может, я заслужила все происходящее? Я умерла. Не так, как умирают, когда останавливается сердце, тебя реанимируют, а потом ты возвращаешься к жизни со всеми этими разговорами о том, как шла к Свету. Я действительно шла к Свету. Я умерла. А когда я очнулась — подумать только! — я оказалась вампиром. Деймон был... добр ко мне, когда я проснулась, став вампиром. Возможно, именно по этой причине у меня все еще... есть к нему чувства. Он никогда не пользовался ситуацией, хотя легко мог бы сделать это... я немного успела за свою вампирскую жизнь. У меня было время вспомнить Стефана и полюбить его еще сильнее, так как я знала, как тяжело это все для него. Я присутствовала на своей поминальной службе. Ха! У каждого должна быть возможность это сделать. Я научилась всегда, всегда носить лазурит, чтобы не стать завтраком для вампира. Мне пришлось попрощаться с маленькой 4-летней сестренкой, Маргарет, и навестить Бонни и Мередит

Елена практически не замечала слезы, все еще текущие по ее щекам... Она говорила спокойно:

— А потом я снова умерла. Умерла так, как умирает на солнце вампир, у которого не оказалось с собой лазурита. Я не рассыпалась в пыль: мне было только 17. Но, тем не менее, солнце мне навредило. Можно сказать, я покидала этот мир спокойно. Я заставила Стефана пообещать мне, что он всегда будет заботиться о Деймоне. Думаю, что и Деймон тогда мысленно поклялся всегда заботиться о Стефане. Итак, я умерла, в объятьях Стефана и рядом с Деймоном, словно засыпая и куда-то уносясь. После этого мне что-то снилось, чего уже не помню, а потом однажды все очень удивились, потому что я заговорила с ними через Бонни, которая, бедняжка, очень сильный медиум. Думаю, меня кто-то нанял на работу в качестве духа-хранителя Феллс Чёрч. Городу грозила опасность.

Горожане должны были вступить в схватку, и они были уверены, что проиграют, вот меня и отпустили обратно в мир живых, чтобы помочь им. Ну и когда мы выиграли войну, меня оставили на земле в придачу со странными способностями, которых я не могу постичь. Но там также был Стефан! И мы снова были вместе!

Елена крепко обняла сама себя, как будто держала в объятьях Стефана, представляя его

руки, обнимающие ее. Она закрыла глаза, пока ее дыхание не успокоилось.

— Что касается моих способностей, о них по порядку. Это телепатия, которой я могу воспользоваться, если второй человек тоже обладает этой способностью — а вампиры — телепаты, конечно до определенной степени, если время от времени не обмениваться с ними своей кровью. А еще у меня есть Крылья. Это истинная правда — у меня есть Крылья! И эти Крылья имеют такие возможности, что вам и не снились. Единственная проблема — я не имею ни малейшего представления как ими пользоваться. Есть что-то, что я иногда чувствую, как сейчас, что хочет вырваться из меня, и вложить свое имя в мои уста, пытаюсь поставить мое тело в правильное положение. Крылья Защиты и их название говорит о том, что они могут пригодиться нам в этом путешествии. Но я даже не могу вспомнить, что я сделала, чтобы задействовать Крылья, которые были у меня раньше. А что делать, чтобы заработали Крылья, которые даны мне сейчас — узнать гораздо сложнее. Я наговариваю какие-то слова — пока не почувствую себя полной идиоткой — но ничего не происходит. Итак, я снова человек — такая же живая, как Бонни. И, о Господи, если бы я только могла сейчас увидеть ее и Мередит! Но каждый раз я повторяю, что с каждой минутой становлюсь ближе к Стефану. Так и есть, если не принимать в расчет время на замечание наших следов Демоном, который пытается сбить всех преследователей с толку.

— Зачем кому-то выслеживать нас? Хорошо, видишь ли, когда я возвратилась из загробной жизни, был очень большой взрыв Силы, которую заметили все, кто может видеть Силу. Теперь, как я объясняю Силу? Это — то, что есть у всех, но люди об этом — кроме настоящих экстрасенсов, таких как Бонни, не подозревают. У вампиров определенно есть Сила, и они используют ее, чтобы Влиять на людей, чтобы любить их, или думать, затуманивать действительность, как поступал Стефан, повлияв на руководство школы. Его документы были в порядке, когда он «перешел» в Среднюю школу Роберта Э. Ли. Или они используют Силу, чтобы отражать атаки других вампиров или существ тьмы — или людей. Но я говорила о вспышке Силы, когда я опускалась с небес. Она была настолько огромной, что привлекла два ужасных существа с другой стороны мира. И затем они решили приблизиться и посмотреть на то, что вызвало вспышку, и было ли там что-либо, что они могли использовать для себя.

Я не шучу, говоря, что они пришли с другого конца земли. Их называют китцуны, это злые духи лис из Японии. Они похожи на наших оборотней — но намного сильнее. Они так сильны, что использовали малахов, которые на самом деле являются растениями, но выглядят как насекомые. Они могут быть маленькими как ушко иглой, а могут вырасти настолько большими, что проглотят вашу руку. Малах прикрепляется к нервным окончаниям, разрушает всю твою нервную систему, и завладевает тобой изнутри.

Тут Елена задрожала, и ее голос перешел на шепот:

— Это произошло с Демоном. Маленький малах проник в него и завладел им изнутри, и Демон стал куклой в руках Шиничи. Я забыла сказать, что так называют китцунов — Шиничи и Мисао. Мисао — женщина. У них обоих темные волосы, ярко красные на концах, но волосы Мисао длиннее. Они представляются братом и сестрой — но они не относятся так друг к другу. Как только Демон оказался в их власти, Шиничи заставил оболочку Демона совершать ужасные поступки. Он заставить его мучить Мэтта и меня, и даже сейчас, я знаю, что Мэтт только за это готов убить Демона — я собственными руками извлекла из спины Демона, в итоге чуть не умершего от боли, — Мэтт понял бы меня. Я не могу винить Демона, за то, что Шиничи заставить его сделать. Не могу.

Демон был... Ты не представляешь, как он изменился. Он был подавлен. Он кричал. Он... в любом случае, я не надеюсь увидеть его таким же когда-нибудь еще. Но если когда-нибудь я обрету Силу своих Крыльев, Шиничи не поздоровится. Думаю, что последний раз мы совершили ошибку. Знаешь, в конце концов, мы победили Шиничи и Мисао, но мы их не убили. Мы были слишком высокоморальны или добры, или что-то в этом роде. Это было нашей ошибкой. Потому что Демон не был единственным, кем завладели малахи Шиничи. Еще были девочки, маленькие девочки четырнадцати,

пятнадцати лет и моложе. И несколько мальчиков. И они вели себя как ненормальные. Причиняли боль себе и своим близким. Мы не знали насколько все плохо, пока не заключили сделку с Шиничи. Возможно, мы были далеки от морали, заключая сделку с дьяволом. Но они похитили Стефана, и Деймон, который был уже к тому времени одержим, помог им. Как только Деймон был исцелен, все, что он хотел, это отправиться к Шиничи и Мисао, чтобы узнать, где находится Стефан, и затем заставить их покинуть Феллс Чёрч навсегда. В обмен на это Деймон позволил Шиничи стереть свою память. Если вампиры поглощают Силу, китцуны поглощают воспоминания. И Шиничи поглотил воспоминания Деймона за прошедшие несколько дней — время, когда Деймон был одержим и мучил нас ... и время, когда мои Крылья заставили Деймона понять, что он сделал это. Я не думаю, что сам Деймон дорожил теми воспоминаниями, или тем, что он делал или хотел того, как он изменился, когда он оказался лицом к лицу с тем, что *он* сделал это. Таким образом, он позволил Шиничи забрать свои воспоминания, в обмен на сведения о местоположение Стефана. Проблема состоит в том, что мы доверились слову Шиничи, которое он дал тогда — когда слово Шиничи не стоит ничего вообще. Плюс, он стал использовать телепатический канал, который он открыл между своим разумом и разумом Деймона, получив гораздо больше воспоминаний Деймона без его согласия. Это произошло прошлой ночью, когда мы остановились возле полицейского, который хотел знать, что делают трое подростков в дорогом автомобиле вчера вечером. Но Деймон смог повлиять на него, чтобы он ушел. Всего лишь через несколько часов Деймон полностью забыл о том, что произошло. Это пугает Деймона. И то, что пугает Деймона, что он это никогда не признает, вот, что пугает меня до смерти. И, ты мог бы спросить, что делают три подростка в центре страны, в штате Теннесси, согласно последнему дорожному знаку, который я видела? Мы направляемся к каким-то воротам тьмы Измерение..., где Шиничи и Мисао оставили Стефана в тюрьме, называющейся Ши-но-Ши. Шиничи только поместил знание в голову Деймона, и я не могу заставить Деймона рассказать о том, что это за место. Но Стефан там, и я, так или иначе, до него доберусь, даже если это убьет меня. Даже если мне придется научиться убивать. Я уже не та маленькая славная девочка из Виржинии, какой была когда-то.

Елена остановилась и перевела дыхание. Потом, обхватив себя руками, продолжила:

— Почему Мэтт с нами? Что ж, все из-за Кэролайн Форбс — моей лучшей подруги со времен детского сада и до прошлого года... когда Стефан появился в Феллс Чёрч, мы обе захотели быть с ним. Но Стефан выбрал меня. И после этого Кэролайн превратилась в моего злейшего врага. Кроме того, она стала счастливой победительницей в игре Шиничи под названием «Посещение первой попавшейся девушки в Феллс Чёрч». Если ближе к сути: она достаточно долго была подружкой Трайлера Смоллвуда прежде, чем стать его жертвой. Я могу только догадываться, как долго они были вместе, и где Тайлер сейчас. Все что я знаю, это то, что в итоге Кэролайн заиклилась на Шиничи, потому что «ей нужен был муж». Так она это себе представляла. Я же предполагаю... ладно, Деймон предполагает, что она собирается... завести щенков. Маленьких таких оборотней, понимаете? Поскольку Тайлер — оборотень. Деймон говорит, что вынашивание ребенка от оборотня способствует обращению еще быстрее, чем укус, и что в какой-то момент беременности ты обретаешь возможность быть полностью волком или полностью человеком, но до этого момента ты просто смесь из того и другого. Грустно то, что Шиничи едва бросил на нее второй взгляд, когда она обо всем этом проболталась. Но до этого, Кэролайн настолько отчаялась, что обвинила Мэтта в... в изнасиловании, произошедшем на неудавшемся свидании. Должно быть, она знала что-то о действиях Шиничи, ведь она утверждала, что ее «свидание» с Мэттом проходило в то самое время, когда на него напал один из огромных малахов, оставив на руке Мэтта отметки, похожие на следы девичьих ногтей. Все правильно, за Мэттом погналась полиция. Так что по существу, это из-за меня ему пришлось присоединиться к нам. Отец Кэролайн — один из самых влиятельных людей в Феллс Чёрч, он дружит с окружным прокурором Риджмонтом и является главой одного из тех мужских клубов, где имеется секретное рукопожатие и прочая ерунда, которая делает вас, ну знаете «заметным в обществе». Если бы

я не убедила Мэтта сбежать вместо того, чтобы опровергать обвинения Кэролайн, Форбсы, должно быть, линчевали его. Я ощущаю гнев, он словно огонь внутри меня, не только злость и боль за Мэтта, но злость на то, что Кэролайн унизила всех девушек своим обманом. Потому что, большинство девушек не патологические лгуны, и не стали бы вероломно выдвигать такие ложные обвинения. Она опозорила весь женский род, совершив этот поступок.

Елена сделала паузу, взглянув на свои руки, потом добавила:

— Иногда, когда я злюсь на Кэролайн, чашки начинают дрожать, или ручки скатываются со стола. Деймон говорит, что все это вызвано моей аурой, моей жизненной силой, она изменилась с тех пор, как я вернулась из загробного мира. Во-первых, любой, кто выпьет мою кровь, становится невероятно сильным. Стефан был достаточно силен, чтобы лисы-демоны никогда не смогли загнать его в ловушку, если бы только Деймон не обманул его сначала. Они могли справиться с ним, лишь когда он был ослаблен и закован. Кандалы — плохая новость для всякого сверхъестественного существа, плюс, вампир должен питаться по крайней мере, один раз в день, иначе он слабеет, и я держу пари, нет, я абсолютно уверена, что они использовали эту уловку против него. Вот почему я не могу перестать думать о том, в каком состоянии Стефан находится в данную минуту. Но я не должна позволять себе слишком сильно бояться или злиться, иначе я потеряю контроль над своей аурой. Деймон показал мне, как сдерживать ее внутри, словно я — самая обычная девушка. Она все еще светло золотистая и привлекательная, но уже не сверкает маяком для таких существ, как вампиры. Потому что есть еще одна вещь, которую моя кровь... возможно, даже просто моя аура... может делать. Так... Я ведь могу говорить здесь все, что хочу, правильно? Теперь моя аура вызывает в вампирах желание... словно они живые парни. Не только для того, чтобы укусить, понятно? Но чтобы поцеловать, и так далее. Естественно, они начинают преследовать меня, если почувствуют это. Словно мир наполнен пчелами, а я — единственный цветок. Так что мне приходится тренироваться скрывать свою ауру. Когда она видна лишь слегка, я могу сойти за обычного человека, а не за того, кто умер и вернулся с того света. Но это так трудно — всегда помнить, что нужно ее прятать, и это довольно больно, быстро втягивать ее, если я вдруг забудусь! Кроме того, я чувствую — это абсолютно личное, понятно? Деймон, я прокляну тебя, если ты решишь прослушать эту запись. Я чувствую, что хочу, чтобы Стефан укусил меня. Это ослабляет давление, что очень хорошо. Укус вампира причиняет боль, только если ты борешься, или если вампир сам хочет, чтобы было больно. В противном случае, он может быть таким приятным, а потом ты прикасаешься к разуму вампира, который кусает тебя, и... О! Я так сильно скупаю по Стефану!

Елена дрожала. Так же сильно, как она старалась унять свое воображение, она продолжала думать о том, что тюремщики Стефана могут сделать с ним. Она безжалостно сжимала свой мобильный телефон, позволяя слезам скатываться прямо на него.

— Я не могу позволить себе думать о том, что они могут с ним сделать, иначе действительно начну сходить с ума. Я превращаюсь в одну из тех бесполезных дрожащих сумасшедших, которые хотят только кричать, кричать и кричать без остановки. Мне приходится каждую секунду бороться, чтобы не думать об этом. Потому что, только спокойная Елена, вооруженная планами «А», «В» и «С» может помочь Стефану. Когда он будет в безопасности, в моих объятьях, тогда я смогу дрожать и плакать сколько угодно... и кричать тоже.

Елена вновь остановилась, почти улыбаясь, ее голова склонилась к спинке пассажирского кресла, голос стал чересчур хриплым:

— Сейчас я устала. Но, по крайней мере, у меня есть план «А». Мне нужно вытянуть из Деймона побольше информации о том месте, куда мы направляемся, Темном Измерении, и все, что он знает о двух подсказках, которые Мисао дала мне, на счет ключа, который откроет темницу Стефана. Кажется... Кажется, я о них еще не упоминала. Ключ, лисий ключ, который нужен нам, чтобы освободить Стефана, разделен на две части, которые

спрятаны в двух разных местах. И когда Мисао насмеялась над тем, как мало я знаю об этих местах, она дала мне прямые подсказки о том, где они находятся. Она даже не предполагала, что я действительно отправлюсь в Темное Измерение, просто пускала пыль в глаза. Но я до сих пор помню эти зацепки, они звучали примерно так: Одна половина в «инструменте серебряного соловья», а вторая часть «спрятана в бальном зале Блоддьювед». Нужно посмотреть, есть ли у Деймона какие-нибудь соображения на этот счет. Похоже, когда мы доберемся до Темного Измерения, нам придется проникать в дома людей и другие места. Чтобы отыскать бальный зал, лучше всего как-то получить приглашение на бал, верно? Звучит как: «Проще сказать, чем сделать», но, чего бы это не стоило, я добьюсь своего. Вот так просто.

Елена решительно подняла голову, потом прошептала:

— Ты можешь поверить? Я только что взглянула вверх и смогла разглядеть бледные штрихи рассвета на небе: светлый зеленый, кремовый, оранжевый и самый блеклый — голубой... Я проговорила всю ночь. Сейчас так спокойно. Солнце начинает подниматься...

Какого черта? Что это было? Что-то только что сделало громкое «Ба-Бах!» на крыше «Ягуара».

Елена остановила запись в мобильник. Она была испугана, сначала этот шум, а теперь — скребущие звуки на крыше...

Ей нужно было выбраться из машины как можно скорее.

Глава 2

Елена сорвалась с сиденья «Ягуара» и недалеко отбежала от автомобиля прежде, чем повернуться, чтобы посмотреть на то, что упало на крышу.

То, что упало, было Мэттом. Он изо всех сил пытался подняться со спины.

— Мэтт о, мой Бог! Ты в порядке? Тебе больно? — Елена закричала, и в то же самое время Мэтт мучительно простонал:

— Елена, о, мой Бог! «Ягуар» цел? Он поврежден?

— Мэтт, ты сошел с ума? Ты ударился головой?

— Поцарапался? А люк все еще работает?

— Нет царапин. Люк в порядке. — Елена понятия не имела, работал ли люк, но она поняла, что Мэтт бредил, из-за его головы.

Он пытался спуститься, не испачкав «Ягуар», но это было тяжело, так как его ноги были покрыты грязью. Слезть с автомобиля, не используя ног, оказывалось трудно.

Тем временем, Елена оглядывалась. Она сама когда-то упала с неба, да, но сначала она была мертва в течение шести месяцев и явилась голая, а Мэтт не подходил ни под одно требование. Она предположила более прозаическое объяснение.

И вот оно, отдыхает на желтостволом дереве и следит за сценой с неширокой, злой улыбкой.

Деймон.

Он был худощав; не такой высокий, как Стефан, но с неопределимой аурой угрозы, что более чем восполняет недостаток роста. Он был так же безукоризненно одет как всегда: черные джинсы от Армани, черная рубашка, черный кожаный жакет, и черные ботинки, которые сочетались с его небрежно развевающимися темными волосами и черными глазами.

Это сделал именно он. Елена прекрасно осознавала, что она одета в длинную белую ночную рубашку, которую взяла с мыслью, что она могла переодеться под нею в случае необходимости, во время их остановок.

Проблема состояла в том, что она обычно делала это только на рассвете, и сегодня запись дневника отвлекла ее. И внезапно ее длинная ночная рубашка стала не совсем подходящим одеянием для ранне-утренней борьбы с Деймоном.

Она не была откровенной, будучи больше из фланели, чем из нейлона, но она была кружевной, особенно вокруг шеи. Тесьма вокруг симпатичной шеи такому вампиру как Деймон — походила на развевающийся красный плащ перед неистовым быком.

Елена скрестила руки на груди. Она также попыталась удостовериться, что ее аура была втянута.

— Ты похожа на Венди, — сказал Деймон, и его улыбка была злой, сверкающей, и определенно благодарной. Он ласково наклонил голову в сторону.

Елена отказалась от утешения.

— Венди, кто это? — поинтересовалась она, и в момент вспомнила имя девочки в Питере Пэне, и вздрогнула внутри. Елена была всегда способна сострить в ответ. Проблема состояла в том, что у Деймона это получалось лучше.

— Да ведь Венди... дорогая, — сказал Деймон, с нежностью в голосе.

Елена чувствовала внутреннюю дрожь. Деймон обещал не Влиять на нее — не использовать свои телепатические способности омрачить или управлять ее разумом. Но иногда чувствовалось, насколько близок он к этому. Да, это была определенно ошибка Деймона, подумала Елена. У нее не было никаких чувств к нему, что ну, в общем, они были чем-то вроде сестринских. Но Деймон никогда не сдавался, независимо от того, сколько времени она отвергала его.

Позади Елены раздался звук падения, это, несомненно, означало, что Мэтт, наконец, спустился с крыши «Ягуара». Он немедленно кинулся в бой.

— Не называй Елену, дорогой Еленой! — кричал он, комментируя то, как Деймон обратился к девушке, — Венди вероятно имя его последней маленькой подружки. И... и... и ты знаешь то, что он сделал? Как он разбудил меня этим утром? — Мэтт дрожал от негодования.

— Он поднял тебя и бросил сверху на автомобиль? — рискнула Елена. Она говорила через плечо Мэтта, потому что поднялся слабый утренний ветер, который прижимал ее длинную ночную рубашку к телу. Она не хотела, чтобы Деймон оказался сейчас позади нее.

— Нет! Я имею в виду, да! Нет и да! Но — когда он это сделал, он даже не стал использовать свои руки! Он сделал так, — Мэтт, махнул рукой — и сначала я упал в яму с грязью и следующее, что я помню, это как я рухнул на «Ягуар». Это могло сломать или крышку люка или меня! И теперь я весь в грязи, — добавил Мэтт, с отвращением исследуя себя, как будто только что заметил.

Деймон заговорил:

— И почему же я взял тебя и бросил? Что ты делал в то время, когда я стоял вдалеке?

Мэтт вспыхнул до корней его светлых волос. Его обычно спокойные синие глаза засверкали.

— Я держал в руках палку, — с вызовом ответил он.

— Палка. Палка типа той, что ты найдешь у обочины? Такая палка?

— Я действительно поднял ее на обочине, да! — все еще вызывающе.

— Но тогда с ней случилось что-то странное.

Из ниоткуда, Елена не смогла увидеть, Деймон внезапно выудил очень длинный, и очень крепко выглядящий кол, с концом, необычайно острым концом. Это было определенно вырезано из древесины: из дуба, судя по всему. В то время как Деймон изучал свою «палку» со всех сторон с видом крайней озадаченности, Елена вспыхнула на Мэтта:

— Мэтт! — укоризненно воскликнула она. Это было определенно последней каплей в холодной войне между этими двумя парнями.

— Я только подумал, — Мэтт настаивал на своем, — что это могла бы быть хорошая идея. Так как я сплю на открытом воздухе ночью, и... другой вампир мог бы прийти.

Елена уже отвернулась начала успокаивать Деймона, когда Мэтт вспыхнул заново.

— Расскажи ей, как ты фактически разбудил меня! — взрываясь, сказал он.

И, не давая Деймону шанса вставить слово, он продолжил:

— Я только открыл глаза, когда он ткнул этим в меня! — Мэтт приблизился к Елене,

держа что-то. Елена в недоумении, взяла нечто у него, и перевернула. Это, казалось, было обломком карандаша, но было окрашено в темный красно-коричневый цвет.

— Он прислонил это ко мне и сказал «царапнул двоих», — проговорил Мэтт. — Он убил двух человек, и еще хвастался этим!

Елена внезапно расхотела дальше держать карандаш.

— Деймон! — в муках простонала она, поскольку она попыталась, поскольку она без слов пыталась выразить. — Деймон-ты-не-делал-этого-на-самом-деле.

— Не проси его, Елена. Что нам надо делать...

— Если кто-нибудь позволил бы мне вставить хоть слово, — сказал Деймон, теперь выглядя по-настоящему сердитым, — я мог бы упомянуть, что прежде, чем я мог объяснить о карандаше, кто-то попытался остановить меня на месте, даже не дав выйти из моего спального мешка. И то, что я собирался сказать, что это были не люди. А вампиры, головорезы, наемники — но они были охвачены малахами Шиничи. И они шли по нашему следу. Они добрались до Уоррена, Кентукки, вероятно, задавали вопросы об автомобиле. Мы определенно оказываемся перед необходимостью избавиться от него.

— Нет! — защищаясь, закричал Мэтт. — Этот автомобиль — этот автомобиль многое значит для Стефана и Елены.

— Этот автомобиль значит кое-что для тебя, — поправил Деймон. — И я могу напомнить, что я оставил свой «Феррари» у ручья, и именно поэтому, мы смогли взять тебя в эту небольшую экспедицию.

Елена подняла руку. Она не хотела слушать этого больше. У нее действительно были чувства к автомобилю. Он был большим и блестяще красным и роскошным и плавным — и это напоминало, что она и Стефан чувствовали в тот день, когда он купил его для нее, празднуя начало их новой совместной жизни. Только один взгляд на него заставлял ее помнить день, и тяжесть руки Стефана на ее плече и манеру, с которой он смотрел на нее, когда она глядела на него снизу вверх — его зеленые глаза, искрящиеся радостью оттого, что он дал ей то, что она действительно хотела.

К смущению и ярости Елены, она поняла, что немного дрожит, и что ее собственные глаза были полны слез.

— Ты видишь, — сказал Мэтт, впиваясь взглядом в Деймона. — Теперь ты заставил ее плакать.

— Я? Я не тот, кто упомянул моего дорогого покойного младшего брата, — сказал Деймон учтиво.

— Да прекратите вы! Сейчас же! Оба! — закричала Елена, пытаясь сохранить равновесие. — И заберите этот карандаш, пожалуйста... — добавила она, держа его на вытянутой руке.

Когда Деймон забрал его, Елена вытерла свои ладони о ночнушку, испытывая легкое головокружение. Она содрогнулась, вспомнив о том, что вампиры выследили их. А потом, внезапно, она покачнулась и теплая, сильная рука обвилась вокруг нее, она услышала голос Деймона позади себя:

— Ей нужно немного свежего воздуха, и я собираюсь дать ей его.

В следующий момент Елена почувствовала себя невесомой, Деймон держал ее на руках, и они взлетали все выше.

— Деймон, не мог бы ты отпустить меня?

— Прямо сейчас, милая? До земли уже далековато...

Елена продолжила протестовать, но она должна была признаться, что он ее успокоил. Холодный утренний воздух освежил ее сознание, но он также заставлял ее дрожать. Она попыталась остановить дрожь, но не могла. Деймон посмотрел на нее сверху вниз, и к ее удивлению, выглядел полностью серьезным, сделал движения, как будто хотел снять свой пиджак.

Елена торопливо сказала:

— Нет, нет, поехали дальше, в смысле полетели, я держусь.

— Постарайся не столкнуться с чайками! Они низко летают! — сказал Деймон с серьезным видом, но в уголке его губ затаилась кривая ухмылка. Елена отвернулась от него, потому что сама готова была рассмеяться.

— Ну, рассказывай, когда ты научился поднимать людей в воздух и швырять их на машины? — поинтересовалась она.

— Совсем недавно. Это было так же, как с полетами. Трудная задачка. Но ты знаешь, я люблю преодолевать препятствия.

Он смотрел на нее с озорством в глазах, этих черных глубоких глазах с такими длинными девичьими ресницами, потраченными природой на парня. Елена чувствовала себя такой легкой, как будто была пухом от одуванчика, но ее голова все еще кружилась, она чувствовала себя опьяненной.

Сейчас ей было гораздо теплее, потому что — она поняла — Деймон окутал ее своей аурой, которая и была теплой. Не только в температурном отношении, она была горячей от безрассудного, практически опьяняющего осознания того, что он держал ее на руках, ее глаза, ее лицо, ее волосы, парящие невесомо в золотом облаке, обрамляющем ее плечи. Елена не могла не покраснеть и практически услышала его мысли о том, что смущение ей очень к лицу, бледно-розовый цвет шел ей больше природного бледного. То, что она покраснела, было непреднамеренным физическим откликом на его теплоту и нежность, но ко всему этому Елена почувствовала и эмоциональный отклик — благодарность за то, что он сделал, признательность за его обожание, и неожиданную симпатию по отношению к Деймону. Этой ночью он спас ей жизнь, если бы она знала об этих вампирах, управляемых малахами Шиничи, вампирах-убийцах, начнем с этого. Она не могла даже вообразить то, что такие существа сделают ей, и она не хотела. Она могла только радоваться, что Деймон был достаточно умен и, да, достаточно безжалостен, чтобы убить их прежде, чем они добрались до нее.

Она была бы слепой и откровенно глупой, если бы не признала, что Деймон — великолепен. То, что ей пришлось уже дважды умереть, не вызвало в ней страха, как, возможно, у большинства других девушек на ее месте, но факт оставался фактом, хотя Деймон был задумчив, и улыбался одной из тех редких искренних улыбок, предназначенных только для Елены.

Проблема была в том, что Деймон был вампиром и поэтому мог читать ее мысли, особенно когда она находилась так близко, и их ауры сливались. Деймону понравилось то, что Елена почувствовала к нему, и это вызвало его ответную реакцию. Она даже не успела сконцентрироваться на том, как растворяется в невесомости, как вдруг ее невесомое тело стало тяжелее, она почувствовала его руки, его объятья.

Проблема была в том, что Деймон не оказывал на нее воздействия, он был так же, как и она, увлечен, открывая ей свои чувства. Даже больше, чем она — у него не было никаких предубеждений, чтобы признать эти чувства. А у Елены были, но сейчас эти предубеждения казались такими мелкими и незначительными. Она не могла сосредоточиться. Деймон смотрел на нее удивленно, этот взгляд, она уже видела такой его взгляд, но не могла вспомнить когда.

Она потеряла способность рассуждать здраво. Она просто нежилась в ощущении счастья, оттого, что ее обнимают, ценят, любят и заботятся, причем до такой степени, что это даже пугало.

Когда Елена перестала бороться сама с собой, она сдалась окончательно. Бессознательно она повернула голову, обнажая горло, и закрыла глаза.

Очень нежно Деймон немного развернул ее голову, поддерживая одной рукой, и поцеловал ее.

Глава 3

Время остановилось.

Елена нашла, что она инстинктивно нащупывала мысли того, кто так сладко целовал ее.

Она никогда не оценивала поцелуй по-настоящему, пока не умерла, стала духом, и затем возвратилась на землю с аурой, которая показывала скрытый смысл поцелуя: мысли людей, слова, и даже их умы и души. Казалось, как будто она получала красивый новый смысл.

Когда две ауры, сливаются воедино, две души открываются друг другу. Полусознательно, Елена позволила своей ауре расширяться, и почти сразу встретила мысли. К ее удивлению, он отшатнулся от нее. Что-то было не так. Ей удалось уловить это прежде, чем он смог укрыться позади большого твердого камня, как валун.

Единственная вещь не скрылась за валуном, — который напомнил ее фотографии метеорита, которые она видела, с рябыми, обугленными краями, — маленький мальчик за руки и ноги прикованный к скале цепью.

Елена была в шоке. Независимо от того, что она видела, она знала, что это была только метафора, и что она не должна судить слишком быстро к чему метафора предназначена. Видения перед ней были действительно символами обнаженной души Деймона, но в такой форме, чтобы ее собственный ум мог понять и правильно интерпретировать, чтобы она правильно поняла, что увидела.

Инстинктивно, тем не менее, она поняла, что она увидела кое-что важное. Она затаила дыхание и пришла в восторг и вызывающую головокружение сладость от присоединения к ней другой души.

И теперь, ее врожденная любовь и беспокойство заставляли ее попытаться заговорить.

— Ты замерз? — спросила она ребенка, цепи которого были достаточно длинными, чтобы позволить ему обнять руками свои ноги.

Он был одет в черные лохмотья.

Он молча кивнул.

Его огромные черные глаза, казалось, занимали большую часть лица.

— Где ты находишься? — с сомнением спросила Елена, думая о возможности согреть ребенка.

— Не в этом? — она показала на гигантский каменный валун.

Мальчик снова кивнул.

— Там теплее, но он не позволяет мне находиться внутри долго.

— Он? — Елена всегда была в поисках признаков Шиничи, этого злого духа лисы.

— Кто «он», милый? — она уже опустилась на колени и взяла ребенка на руки, он был холодный, ледяной, и оковы были обледенелыми.

— Деймон, — прошептал маленький оборванец.

Впервые глаза мальчика оставили ее лицо, чтобы с ужасом поглядеть вокруг.

— Деймон сделал это? — голос Елены сначала был громким, но концу она зашептала, как и мальчик, поскольку он перевел на нее просительные глаза и отчаянно погладил ее губы, как бархатная лапка котенка.

«Это — все только символы», — напомнила себе Елена.

«Это — разум Деймон — его душа — то, что ты видишь.»

— А ты? — спросил он внезапно.

Такого не бывало прежде, когда ты сделал это с кем-то — увидел мир внутри него, пейзажи полные любви и залитые лунным светом, все это символизирует нормальную, здоровую работу не обычного, а экстраординарного разума.

Елена не могла вспомнить имя человека теперь, но она вспомнила красоту. Она знала, что ее собственный ум использовал бы такие символы, чтобы представить себя другому человеку.

Нет, она поняла внезапно и окончательно: она не видела Душу Деймона.

Душа Деймона была где-то в этом огромном, тяжелом валуне.

Его душа жила в ограниченной отвратительной вещи, и он избрал этот путь.

Все, что он оставил снаружи, было всего лишь старым воспоминанием о его детстве, мальчик, который был изгнан из остальной части его души.

— Если Деймон оставил тебя здесь, то, кто ты? — Елена говорила медленно, проверяя свою теорию, глядя на черные как ночь глаза ребенка, и темные волосы и черты, которые она узнала, даже если они выглядели такими юными.

— Я — Деймон, — бледными губами прошептал малыш.

Может быть, даже скорей всего, подумала Елена. Она не хотела навредить этому символу детства Деймона. Она хотела, чтобы он почувствовал те удобство и комфорт, которые чувствует она. Если бы душа Деймона походила на дом, то она прибралась бы в нем, и заполнила каждую комнату цветами и звездным светом.

Если на пейзаж, она поместила бы ореол вокруг полной белой луны, или радугу среди облаков.

Но вместо этого она представляла из себя голодающего ребенка, прикованного цепью к камню то, что никто не мог разрушить, и она хотела утешить и успокоить малыша.

Она укачивала маленького мальчика, потирая его руки и ноги, прижав его как птенца к своему духу-телу.

Сначала он был настороженным и напряженным в ее руках.

Но спустя некоторое время, когда в результате их контакта ничего плохого не произошло, он расслабился, и девушка почувствовала, что его маленькое тельце стало теплым, тяжелым и сонливым в ее руках. Сама она чувствовала сладкое удовлетворение от заботы о маленьком существе. Через несколько минут ребенок в ее руках уснул, и Елена

подумала, что на его губах появился слабый признак улыбки. Она обняла его небольшое тело, мягко покачивала, улыбаясь про себя.

Она размышляла о ком-то, кто держал ее, когда она плакала.

Этот кто-то — не был забыт, никогда забывался — но от него ее горло сжимается от боли.

Кто-то такой важный, было крайне важно, чтобы она помнила его теперь, сейчас, и что она... она должна... найти...

И вдруг мирная ночь ума Деймона была взорвана звуком, светом и энергией, и в Елене, оказавшейся на пути этой силы, разгорелась память от одного имени.

Стефан.

Боже, она позабыла о нем, по-настоящему, в течение нескольких минут она позволила втянуть себя в то, что означало забыть его.

Тоска всех тех одиноких ночных часов, когда она сидела и изливала свое горе и страхи в дневник, и затем мир и покой, что предложил ей Деймон фактически заставил ее забыть Стефана, забыть то, что он мог страдать в этот самый момент.

— Нет, нет! — боролась с темнотой Елена.

— Отпусти, я должна найти, не надейся, что я забыла.

— Елена, — голос Деймона был спокоен и нежен, по крайней мере, бесстрастен. — Если ты продолжишь вырываться, как сейчас, у тебя получится — но до земли далеко.

Елена открыла глаза, и все ее воспоминания о скале и маленьком мальчике улетели, рассеялись как белый пух одуванчика по ветру.

Она с укоризной посмотрела на Деймона:

— Ты... ты...

— Да, — сказал Деймон спокойно, — свали вину на меня. Почему нет? Но я не влиял на тебя и не кусал. Я лишь поцеловал тебя. Твоя сила сделала остальное, она, может, неконтролируема, но в то же время необычайно твердая. Честно говоря, я никогда не намеревался всасываться так глубоко, прости за каламбур.

Его голос был легким, но Елену внезапно озарило внутреннее видение: плач ребенка, и она спросила себя: был ли он действительно таким равнодушным, как хотел показать.

«Но это его натура, не правда ли?» — с горечью подумала девушка. Он выделяет

мечты, фантазии, радость, которые остаются в сознании его... доноров.

Елена знала, девушки и молодые женщины, на которых Деймон... охотился, его обожали, и все их жалобы сводились к тому, что он не достаточно часто посещал их.

— Я понимаю, — сказала Елена, когда они парили ближе к земле. — Но это не повториться снова. Существует только один человек, которого я могу целовать, и это Стефан.

Деймон открыл рот, но в этот момент раздался голос в такой же ярости и обиде, как и у Елены, но не заботящийся о последствиях.

Елена вдруг вспомнила еще одного человека, про которого забыла.

— ДЕЙМОН, ТЫ УБЛЮДОК, СПУСТИ Ее ВНИЗ!

Мэтт.

Елена и Деймон изящно опустились на землю рядом с «Ягуаром».

Мэтт сразу же подбежал к девушке и схватил ее, рассматривая, как будто она побывала в аварии, уделив особое внимание шее.

Вновь Елена почувствовала себя неудобно, одетая в белую кружевную рубашку в присутствии двух парней.

— Я в порядке, честное слово, — сказала она Мэтту. — У меня просто немного кружится голова. Через несколько минут мне станет лучше.

Мэтт вздохнул с облегчением. Он не был до сих пор в нее влюблен как когда-то, но Елена понимала, что он всегда беспокоился о ней и всегда будет.

Он заботился о ней как о подруге своего друга Стефана, а так же по личным причинам. Она знала, что он никогда не забудет время, когда они были вместе. Более того, он доверял ей. Поэтому, в данный момент, когда она сказала, что все в порядке, он поверил в это. Он даже был готов подарить не слишком враждебный взгляд Деймону. Тогда ребята направились к водительской двери «Ягуара».

— О, нет, — сказал Мэтт.

— Ты водил вчера, и посмотри, что произошло! Ты говоришь, что вампиры сели нам на хвост!

— Ты говоришь, что это моя вина? Вампиры выследили эту гигантскую-красную-пожарную-машину и это как-то связано со мной?

Мэтт посмотрел, упрямо сжав зубы, его загорелая кожа покраснела.

— Я говорю, что мы должны меняться. Твоя очередь прошла.

— Я что-то не припомню, чтобы кто-то говорил «по очереди».

Деймону удалось придать остроту словам, что заставляло их довольно зло звучать.

— И если я сажусь в машину, то я и поведу.

Елена кашлянула. Но никто даже внимания не обратил.

— Я не сяду в машину, если ты за рулем! — в ярости кричал Мэтт.

— А я не сяду в машину, если за рулем — ты, — лаконично парировал Деймон.

Елена откашлялась более громко, и Мэтт, наконец, вспомнил про ее существование.

— Ну, Елена, нельзя было ожидать, что он всю дорогу будет везти нас, — сказал он прежде, чем девушка смогла даже предположить такую возможность.

— Конечно, если мы собираемся отправиться туда сегодня, — добавил парень, резко поглядев на Деймона.

Деймон покачал своей темной головой:

— Нет. Я еду более запутанным путем. И, чем меньше людей знают, куда мы направляемся, тем безопаснее он будет. Вы не сможете проговориться, если не знаете.

Елена почувствовала, как будто кто-то кубиком льда слегка коснулся ее волос на затылке.

Когда Деймон произнес эти слова...

— Но они уже знают, куда мы едем, не правда ли? — спросила она, возвращаясь назад к практичности. — Они знают, что мы хотим спасти Стефана, и они в курсе, где он.

— Ах, да. Они знают, что мы собираемся попасть в темное измерение. Но что за врата?

И где? Если мы можем потеряться в них, единственное, что должно нас волновать — это Стефан и тюремные надзиратели.

Мэтт оглянулся.

— Сколько там врат?

— Тысячи. Там, где три линии Лей пересекаются, там потенциальное место врат. Но поскольку европейцы выгнали коренных американцев из их домов, большинство врат не используются или запечатаны, как это было в старые времена.

Деймон пожал плечами. Но Елена ощущала покалывание от волнения и беспокойства.

— Почему бы нам просто не найти ближайшие и пройти в них?

— Путешествие в тюремное подземелье? Ты не знаешь, о чем говоришь. Прежде всего, ты нуждаешься во мне, чтобы попасть во врата, и даже тогда это не будет приятно.

— Не приятно для кого? Нас или тебя? — угрюмо спросил Мэтт.

Деймон наградил его долгим, пустым взглядом:

— Если вы попробуете это самостоятельно, это будет коротко и неизлечимо неприятно для тебя. Со мной будет не совсем удобно, но привычнее. А что на счет того, что это путешествие на несколько дней, ну, в конце концов, там будет видно, — закончил Деймон со странной улыбкой.

— И это заняло бы дольше времени, чем проход в главные врата.

— Почему? — потребовал Мэтт, всегда готовый задавать такие вопросы, на которые Елена очень и очень не хотела знать ответы.

— Потому, что это как джунгли, и пятифутовые¹ пиявки, пожирающие деревья, будут самой малой из ваших забот, или пустыня, где любой враг сможет увидеть вас, и каждый из них — твой враг.

Возникла пауза, во время которой Елена с трудом размышляла.

Деймон выглядел серьезным.

Было ясно, что он действительно не хотел делать этого, и существовало не много вещей, которые беспокоили Деймона. Он любил борьбу. Более того, это была пустая трата времени...

— Ладно, — медленно проговорила Елена. — Мы поступим по-твоему.

Парни снова одновременно потянулись в ручке водительской двери

— Послушайте, — сказала Елена, не глядя ни на кого из них. — Я поведу «Ягуар» до ближайшего города. Но сначала, я сяду в него и переоденусь в настоящую одежду, а так же посплю несколько минут. Мэтт, если хочешь, можешь найти ручей, или что-то вроде и почиститься. Потом я поеду в ближайший город и позавтракаю. После этого...

- Можете продолжать спорить, — закончил за нее Деймон. — Поступим так, милая. Я встречу вас в любой забегаловке, которую вы выберете.

Елена кивнула.

— Ты уверен, что сможешь нас найти? Я стараюсь прятать свою ауру.

— Слушай, пожарно-красный «Ягуар» в любой точке города, который вы найдете на этой дороге, будет так же заметен, как НЛО, — съязвил Деймон.

— Почему он только и делает, что... — раздалось бормотание Мэтта.

Каким-то образом, хотя это была его самая главная претензия к Деймону, парень часто забывал, что тот является вампиром.

— Значит, ты собираешься отправиться туда первым и найти девушку, идущую из летней школы, — прорычал Мэтт, и его голубые глаза потемнели. — И ты набросишься на нее, и утащишь туда, где никто не услышит, как она кричит, запорокинешь ей голову и вонзишь свои зубы ей в горло.

Возникла довольно длинная пауза. Затем Деймон произнес несколько обиженно:

— Почему, нет. Это то, что вы люди можете сделать для меня.

¹ около 154 см

Елена увидела необходимость вмешаться.

— Мэтт, Мэтт, это делал на Деймон. Это был Шиничи. И ты знаешь это.

Она осторожно взяла Мэтта за предплечье, и потянула, пока он не повернулся к ней.

Долгое время Мэтт не смотрел на нее. Время шло, и Елена опасалась, что он отдалится от нее. Но вот, наконец, он повернул голову, чтобы она смогла посмотреть ему в глаза.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Я пойду вместе с ним. Но ты знаешь, что он уходит, чтобы пить человеческую кровь.

— От согласных доноров! — прокричал Деймон, который обладал отменным слухом.

Мэтт вновь взорвался:

— Потому что ты то, что они хотят! Ты гипнотизируешь их, или, нет, не знаю, или влияешь Силой на них и еще чем другим. Как тебе понравится.

За спиной Мэтта, Елена в ярости сделала движение на Деймона, как будто прогоняла стайку цыплят.

Сначала Деймон просто поднял бровь, но потом элегантно пожал плечами, его формы стали расплываться, так как он принял форму ворона и быстро стал всего лишь точкой на фоне восходящего солнца.

— Как ты считаешь, тихо спросила Елена, ты сможешь избавиться от своей палки? Просто это делает Деймона совершенным параноиком.

Мэтт посмотрел вокруг, потом на нее и, наконец, кивнул:

— Я выброшу ее по дороге, когда пойду умыться, — мрачно сказал он, глядя на свои грязные ноги.

— В любом случае, — добавил он, — ты лезь в машину и попытайся поспать. Похоже, это тебе нужно.

— Разбуди меня в два часа, — ответила Елена, с мыслью, что через пару часов она будет сожалеть об этом больше, чем сможет сказать.

Глава 4

— Ты дрожишь. Позволь мне сделать это в одиночку, — сказала Мередит, положив руку на плечо Бонни, когда они стояли перед домом Кэролайн Форбс.

Бонни начала поддаваться давлению, но заставила себя остановиться. Это было униительно дрожать так очевидно июльским утром в Виржинии. Так же было униительно, что с ней обращаются как с ребенком. Но Мередит, которая была старше всего на шесть месяцев, смотрелась сегодня более взрослой, чем обычно. Ее темные волосы были откинuty назад, таким образом, ее глаза казались еще больше, и смуглое лицо с высокими скулами представало в наилучшем виде. «Она практически моя нянька», тоскливо подумала Бонни.

Мередит так же была на высоких каблуках, вместо своей обычной платформы. Бонни, в сравнении с ней, чувствовала себя более маленькой и юной, чем когда-либо. Она провела рукой по своим клубнично-русым кудрям, пробуя распушить их и сделать себя на драгоценные полдюйма выше.

— Я не боюсь. Я замерзла, — сказала Бонни со всем достоинством, на которое способна.

— Я знаю. Ты чувствуешь, что что-то исходит оттуда, не так ли? — Мередит кивнула на дом перед ними.

Бонни покосилась на него, а потом снова на Мередит. Внезапно взрослость Мередит стала скорей утешающей, чем раздражительной. Но прежде, чем вновь посмотреть на дом Кэролайн, она выпалила:

— Зачем каблуки?

— О, — протянула Мередит, глядя вниз. — Только с практической целью. Если кто-то попытается схватить меня за ногу, на этот раз он получит сдачи.

Она топнула ногой, и раздался удовлетворяющий стук.

Бонни почти улыбнулась:

— Разве ты не носишь свой кастет?

— Я не нуждаюсь в нем, я проучу Кэролайн голыми руками, если она попытается что-нибудь сделать. Но мы отошли от темы. Я могу сделать это одна.

Бонни, наконец, позволила себе вложить свою руку в тонкую, с длинными пальцами руку Мередит. Она пожала ее.

— Я знаю, что ты сможешь. Но я та, кто должна. Это меня она пригласила.

— Да, — сказала Мередит, изящно изогнув губу. — Она всегда знала, куда вонзить нож. Ну что бы ни случилось, Кэролайн сама виновата. Для начала мы постараемся ей помочь, ради нее и ради нас. Мы постараемся заставить ее принять помощь. После этого...

— После этого, — проговорила Бонни, — к сожалению неизвестность.

Она вновь посмотрела на дом Кэролайн. Он смотрелся каким-то... перекошенным... как будто его было видно через кривое зеркало. Более того, у него плохая аура: черная, просачивалась сквозь уродливые тени серо-зеленого. Бонни никогда не видела у дома такой энергетики. И дышало холодом как из морозилки. Бонни чувствовала, что это высосет и ее жизненную энергию и превратит в лед, если только представится шанс.

Она позволила Мередит позвонить в дверь. Раздалось негромкое эхо, и когда миссис Форбс ответила, ее голос тоже отозвался эхом.

У внутренней части дома тоже было то забавное зеркальное искажение, смотря на это, Бонни подумала, что это вызывает какое-то странное ощущение.

Если бы она закрыла глаза, то можно представить себя в более широком месте, с уходящим под наклоном полом.

— Вы пришли повидаться с Кэролайн? — спросила миссис Форбс. Ее появление шокировало Бонни. Мать Кэролайн была похожа на старуху, с седыми волосами и морщинистым, бледным лицом.

— Она в своей комнате. Я вам покажу, — сказала мама Кэролайн.

— Но миссис Форбс, мы знаем, где это, — Мередит осеклась, когда Бонни положила ей на плечо руку.

Увядшая, состарившаяся женщина показывала дорогу. У нее почти не осталось ауры, поняла Бонни, и была поражена до глубины сердца. Она знала Кэролайн и ее родителей так долго, может, их отношения строились таким образом?

«Я не буду называть имени Кэролайн, независимо от того, как она делает», молча пообещала Бонни: «Не важно, что. Даже... да, даже после того, как она поступила с Мэттом. Я постараюсь помнить что-то хорошее о ней».

Но в этом доме тяжело было думать вообще и думать о чем-то хорошем в частности.

Бонни знала, что они поднимаются по лестнице, она видела каждую ступеньку впереди себя.

Но все остальные ее чувства говорили ей, что они спускаются вниз.

Это было ужасающее чувство, вызывавшее головокружение — резкий уклон вниз, когда она видит, что ноги поднимаются.

Присутствовал так же странный и острый запах тухлых яиц.

Это был омерзительный, гнилой запах, который витал в воздухе.

Дверь в комнату Кэролайн была закрыта, а перед ней на полу стояла тарелка, с вилкой и ножом на ней.

Миссис Форбс опередила Мередит и Бонни, быстро взяла тарелку, открыла дверь напротив комнаты Кэролайн, поставила ее туда, прикрыв дверь за ней. Но перед тем как тарелка исчезла, Бонни уловила движение к горке продуктов на прекрасном английском фарфоре.

— Она сейчас почти не разговаривает со мной, — сказала миссис Форбс тем же пустым голосом, что и раньше.

— Но она говорила, что ждет вас.

Она поспешила мимо них, оставляя их одних в коридоре. Запах тухлых яиц — нет, серы, теперь Бонни поняла, был очень силен. Сера, она узнала запах класса химии в прошлом году. Но как такой ужасный аромат мог оказаться в элегантном доме миссис Форбс? Бонни повернулась к Мередит, чтобы спросить, но та покачала головой. Бонни знала этот жест. Молчи. Бонни сглотнула, вытерла слезящиеся глаза и посмотрела на Мередит, поворачивающую ручку двери Кэролайн. В комнате было темно. Из прихожей лилось достаточно света, чтобы показать, что занавески в комнате были усилены непрозрачными покрывалами, прибитыми над ними. На кровати никого не было.

— Входите, и закройте эту дверь, быстро! — это был голос Кэролайн, с ее типичными язвительными нотами.

Волна облегчения прокатилась по Бонни. Голос не походил на мужской бас или завывание, это была Кэролайн-в-плохом-настроении. Она вступила в полумрак перед ней.

Елена уселась на заднее сиденье «Ягуара» и надела бирюзовую футболку и джинсы под сорочкой, на всякий случай, если бы остановился полицейский или кто-то еще пытающийся помочь владельцу автомобиля, остановившемуся посреди пустынного шоссе. А затем прилегла на кресле. Но хотя ей было тепло и уютно, сон к ней не шел.

«Чего я хочу? Правильно ли я поступаю сейчас?» — спросила она себя.

Ответ пришел незамедлительно.

«Я хочу к Стефану. Я хочу чувствовать, как его руки обнимают меня. Я хочу посмотреть в его лицо — в его зеленые глаза с этим особым взглядом, как только он умеет смотреть на меня. Я хочу, чтобы он простил меня и сказал мне, что он знает, что я буду всегда любить его. И я хочу...» — Елене стало тепло, потому, что жар пробежал по ее телу, — «я хочу, чтобы он поцеловал меня. Я хочу поцеловать Стефана... тепло и сладко и спокойно...»

Елена подумала, что это второй или третий раз, когда она закрывает глаза, на них наворачиваются слезы. На самом деле она могла только плакать, плакать о Стефане. Но что-то остановило ее. Она с трудом выжала слезинку. Боже, она обессилена... Елена старалась. Она лежала с закрытыми глазами и раскачивалась взад и вперед, стараясь не думать о Стефане хоть несколько минут. Она должна поспать.

Отчаявшись, она резко поднялась, чтобы устроиться поудобнее, когда все вокруг изменилось. Елене было комфортно. Слишком комфортно. Она ничем не могла почувствовать сиденье. Она взлетела и замерла, сидя в воздухе. Она почти касалась головой потолка «Ягуара».

«Я снова потеряла вес!» — с ужасом подумала девушка.

Но нет, это было иначе, чем тогда, когда, вернувшись из загробного мира, она парила в воздухе как воздушный шарик. Она не могла объяснить, почему, но она была уверена. Она боялась, что улетит в неизвестном направлении. Она не была уверена о причине своего бедствия, но не смела двинуться. И потом она увидела это. Она увидела себя, свою упавшую назад голову и закрытые глаза, лежащую на кресле в машине. Она могла разглядеть все в мельчайших подробностях, от складочек на ее футболке до заплетенных в косу золотистых волос, которые из-за отсутствия резинки уже растрепались. Она выглядела так, как будто спала. Так вот как все это закончилось.

Это то, что они скажут, что Елена Гилберт, в один летний день, мирно скончался во сне.

Никаких причин смерти найдено не было....

Поскольку она не хотела видеть причиной смерти свое горе и в качестве мелодраматического жеста, она попыталась броситься вниз на свое тело, закрыв лицо одной рукой. Не сработало. Как только она протянула руку, чтобы попробовать еще, она оказалась

вне «Ягуара». Она прошла прямо через потолок, не чувствуя его.

«Я полагаю, что такое происходит, когда ты становишься призраком», — подумала Елена. — «Но это не как в прошлый раз. Ведь я увидела туннель и отправилась на свет. Может быть, я не призрак».

Вдруг Елена почувствовала приступ смеха.

«Я знаю, что это такое, с торжеством подумала она. Моя душа вышла из тела!» —

Она снова внимательно оглядела себя.

Да! Да! Вот она, нить, связывающая ее спящее тело с телом духовным. Она была привязана! Куда бы она ни пошла, она сможет найти дорогу домой. Существовало только два возможных направления. Один из них — возвращение в Феллс Чёрч. Она знала общее направление от солнца, и была уверена, что это кто-то с буквой «О».

О.

В.

(как-то Бонни переживала приступ спиритизма и перечитала множество книг на эту и аналогичные темы) будет в состоянии узнать все пересечения линий Лей.

Другим направлением был, конечно, Стефан. Деймон мог думать, что она не знает куда идти, и это было правдой, она могла лишь смутно предположить, что Стефан находился в другую сторону по отношению к восходящему солнцу. Но она всегда слышала, что души истинно любящих как-то связаны, серебряной нитью ли от сердца к сердцу или красным шнурком от мизинца к мизинцу.

К ее радости, она нашла почти сразу.

Тонкий шнурок лунного цвета, казалось, натянулся между спящей Еленой и... да. Когда она прикоснулась к разуму, он резонировал ей Стефана, и она знала, что приведет ее к нему. Было некогда сомневаться в намерении, какое направление выбирать.

Она оказалась в Феллс Чёрче.

Бонни была экстрасенсом с внушительной силой, как и старая домовладелица Стефана, госпожа Теофилия Флауэрс. Они были там, наряду с Мередит и ее блестящим интеллектом, для защиты города. И они бы все поняли, несколько отчаянно сказала она себе. Такого шанса у нее могло бы больше не быть. Более не колеблясь, Елена повернулась к Стефану, и позволила себе идти. Тут же она поняла, что мчится сквозь воздух слишком быстро, не понимая, что творится вокруг.

Все вокруг было размыто, различаясь лишь по цвету и структуре, как поняла Елена — она проходила сквозь объекты. Таким образом, лишь через миг, она увидела душераздирающую сцену: Стефан на ветхом и сломанном убогом ложе весь серый и истощенный.

Стефан в омерзительной, усыпанной тростником, наполненной вшами камере с проклятыми кусками железа, откуда не мог сбежать ни один вампир. Елена отвернулась, чтобы он не увидел ее мучения, и слезы когда проснется. Она успокаивала себя, когда вдруг голос Стефана заставил ее дрогнуть. Он уже не спал.

— Ты пытаешься и пытаешься, не так ли? — сказал он, его голос был полон сарказма. — Думаю, ты должна получить за это баллы. Но всегда что-то идет не так. В прошлый раз это были маленькие резкие ушки. В этот раз это одежда. Елена ни за что не одела бы мятую рубашку как эта, и не была бы босиком с грязными ногами, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Убирайся.

Пожав плечами под изношенным одеялом, он отвернулся от нее. Елена изумленно смотрела. Она была слишком раздражена, чтобы подбирать слова: они вырывались из нее как из гейзера.

— О, Стефан! Я просто заснула в одежде на случай, если здесь остановится полиция, пока я на заднем сидении «Ягуара». «Ягуара», который ты мне купил. Но я не думала, что тебе это важно! Моя одежда мятая, так как она из моей шерстяной сумки, а ноги

испачкались, когда Деймон... Ну... ну... Это не важно. У меня есть ночная рубашка, но она не была на мне, когда я вышла из тела, и, я думаю, когда ты выйдешь, ты будешь выглядеть так же, как и твое тело....

Тут она тревожно вскинула руки, так как Стефан летал вокруг. Но... Чудо из чудес... На его щеках появился оттенок крови! Более того, он уже не выглядел презрительным. Он казался неумолимым, его зеленые глаза угрожающе сверкали.

— Ты испачкалась, когда Деймон — ЧТО? — осторожно и четко потребовал он.

— Это не важно...

— Важно, черт возьми, — отрезал Стефан. — Елена, — прошептал он, глядя на нее, будто она только что появилась.

— Стефан! — она не могла удержаться и не обнять его.

Она уже ничего не могла контролировать.

— Стефан, не знаю как, но я здесь. Это я! Я не сон и не привидение. Засыпая, я думала о тебе — и вот я тут! — она пыталась прикоснуться к нему похожими на привидение руками. — Ты мне веришь?

— Я верю тебе... так как я думал о тебе. Каким-то образом это перенесло тебя сюда.

С помощью любви. Потому что мы любим друг друга! — он произноси слова как откровение.

Елена закрыла глаза. Если бы она была здесь в своем теле, она бы показала Стефану, как сильно его любит. Но сейчас они могут использовать лишь неуклюжие слова, которые были абсолютно правдивы.

— Я всегда буду любить тебя, Елена, — сказал Стефан, снова шепча.

— Но я не хочу, чтоб ты находилась возле Деймона. Он найдет способ сделать тебе больно...

— Я могу с этим справиться, — прервала его Елена. — Тебе придется смириться с этим! Так как он моя единственная надежда, Стефан! Он не причинит мне вреда. Он уже убивал, защищая меня. О Боже! Сколько всего произошло! Мы на пути в... — Елена не решалась, ее глаза осторожно осматривались.

Глаза Стефана на миг расширились. Но когда он говорил, его лицо было невозмутимо:

— Место, где ты будешь в безопасности.

— Да, — ответила она так же серьезно, зная, что призрачные слезы льются по ее бестелесным щекам. — И... О, Стефан, как много ты не знаешь. Кэролайн обвинила Мэтта в нападении на нее на их свидании, так как она беременна. Но это не был Мэтт!

— Конечно, нет! — с негодованием сказал Стефан, и сказал бы больше, но Елена продолжила:

— И я думаю, что забеременела она от Тайлера Смоллвуда, судя по сроку, и потому, что Кэролайн меняется. Деймон говорит, что оборотень-ребенок всегда превращает свою мать в оборотня. Да, но части оборотня придется бороться с малахом, который тоже внутри нее. Бонни и Мерedit рассказали мне о том, что Кэролайн нравится сидеть на затопленном полу как ящерице, что просто страшно. Но я должна была оставить их разбираться с этим самостоятельно, так что я могла... могла добраться до того безопасного места.

— Оборотни и лисы, — Стефан покачал головой. — Конечно, китцуны являются более могущественными волшебниками, а оборотни, как правила, сначала убивают, а потом думают.

Он ударил по колену кулаком:

— Хотел бы я быть там! Елена, — разразился он смесью удивления и отчаяния, — а вместо этого я здесь, а не с вами. Я никогда не думал, что смогу это сделать. Но я ни чем не могу помочь вам.

— Моя кровь, — Елена сделала беспомощный жест и увидела самодовольство в глазах Стефана. У него еще осталось вино «Черная магия» от лиса, которое она втайне передала ему! Она знала это! Это была единственная жидкость, которая смогла бы, в крайнем случае, поддерживать жизнь в вампире, когда кровь не доступна.

Вино «Черная магия» — безалкогольное и не изготовлено для людей, а в первую очередь является напитком, который используют вампиры, находясь далеко от крови. Дэймон сказал Елене, что оно волшебное, из винограда, выращенного на землях старых ледников, и что оно должно храниться в полной темноте. Именно это и придает ему такой бархатный и терпкий вкус, сказал он.

— Это не вопрос, — сказал Стефан, видимо для тех, кто может шпионить. — Как это точно случилось? — спросил он после. — Это твоя душа? Почему бы тебе не пройти вот сюда и рассказать мне об этом?

Он лег на койку, с болью отводя от нее глаза:

— Я сожалею, но не могу предложить ничего лучше.

На мгновение его лицо исказилось гримасой унижения. Все это время он скрывал это от нее и чувствовал стыд от появления перед ней в грязной камере, наполненной Бог знает чем и в лохмотьях. Он — Стефан Сальваторе, который был когда-то...

Был когда-то, сердце Елены расколосось. Она знала, что оно расколосось, потому что чувствовала каждый его острый, как стекло, осколок, терзающий каждый кусочек ее плоти. Она знала, что оно расколосось, потому как она плакала, ее огромные слезинки духа падали на лицо Стефана как кровь, прозрачные в воздухе, но, едва касаясь его лица, окрашивались в багрово-красный цвет.

«Кровь? О ну конечно это была кровь», — подумала она.

Она не смогла принести для него что-то еще более полезное в этой форме. Она действительно рыдала теперь; ее плечи дрожали, а слезы, продолжали падать на Стефана, который теперь поднял одну руку, чтобы поймать хоть одну...

— Елена, — в его голосе слышалось удивление.

— Что... что? — спросила она.

— Твои слезы. Твои слезы заставляют меня чувствовать себя... — он смотрел на нее снизу вверх с чем-то вроде благоговения.

Елена до сих пор не может остановить плач, хотя знала, что она успокоила его гордое сердце и сделала что-то еще.

— Я не понимаю.

Он поймал одну из ее слез и поцеловал ее. Потом он посмотрел на нее с блеском в его глазах.

— Тяжело говорить, моя маленькая любовь...

Тогда зачем слова, подумала она, продолжая плакать, но, спустившись, таким образом, она дышала чуть повыше его горла.

— Это просто... они не слишком щедры с закусками тут, — сказал он ей. — Как ты догадываешься. Если бы ты не помогала мне, я был бы мертвецом к этому времени.

Они не могут понять, почему я еще им не являюсь. Так они — они погибнут прежде, чем доберутся до меня, иногда, ты видишь...

Елена подняла свою голову, и на сей раз слезы чистого гнева упали прямо на его лицо:

— Где они? Я убью их. Не говори мне, что я не смогу, потому что я найду дорогу. Я найду способ убить их, хотя и нахожусь в этом мире.

Он покачал головой:

— Ангел, ангел, ты не видишь? Ты не должна убивать. Потому что твои слезы, слезы чистейшего создания.

Она покачала головой:

— Стефан, любой знает, что я не чистейшее создание.

— Чистейшее создание, — продолжал Стефан, даже не отвлекаясь на ее возражение, — может вылечить от всех скорбей. И я был болен сегодня, Елена, хоть я и пытался это скрыть.

Но я исцелен сейчас! Совсем как новенький! Они никогда не будут в состоянии понять, каким образом это могло произойти.

— Ты уверен?

— Посмотри на меня!

Елена взглянула на него. Серое, осунувшееся лицо Стефана теперь выглядело иначе. Обычно он был бледен, но сейчас его тонкие черты порозовели, как будто он стоял перед костром и свет отражался от изящных очертаний любимого лица.

— Это... сделала я? — она вспомнила первые капельки слез — они выглядели как кровь на его лице. Не как кровь, поняла она, а как естественный оттенок, опускаясь на его лицо и освежая его. Она не могла скрывать свое лицо у его шеи, она подумала: «Я рада. О, как я рада. Но я хотела, чтобы мы могли касаться друг друга. Я хочу чувствовать твои руки, обнимающие меня».

— По крайней мере, я могу смотреть на тебя, — прошептал Стефан, и Елена знала, что даже это, как вода в пустыне для него.

— И, если я мог коснуться тебя, то положил бы руку вот здесь, у талии и поцеловал тебя сюда и сюда.

Какое-то время они говорили друг другу, обычные слова влюбленных, смотря и слушая друг друга. А потом Стефан тихо и твердо попросил рассказать ему все про Деймона, с чего они и начали. В настоящее время Елена была достаточно хладнокровна, чтобы рассказать ему об инциденте с Мэттом, без представления Деймона как злодея.

— Стефан, Деймон действительно, как умеет, защищает нас.

Она рассказала ему о двух вампирах, которые следили за ними, и как поступил Деймон. Стефан просто пожал плечами и сказал сухо:

— Большинство карандашами пишут; а Деймон ими людей списывает.

Он добавил:

— А твоя одежда испачкалась?..

— Поскольку я слышала, громкий шум, когда Мэтт упал на крышу автомобиля, — сказала она. — Но, честно говоря, в это время он пытался угрожать Деймону самодельным колом. Я подсказала ему избавиться от нее.

Она шепотом добавила:

— Стефан, я не против того, что Деймон и я сейчас должны проводить много времени вместе. Это ничего не меняет между нами.

— Я знаю.

И удивительно то, что он действительно знал. Елена купалась в теплоте его доверия к ней.

После этого, они «коснулись» друг друга, Елена невесомо прижалась к изогнутой руке Стефана... И это было счастье. А затем мир во всей вселенной вздрогнул при звуке оглушительного хлопка. Это дернуло Елену. Он исходил не отсюда, мира любви и доверия, и сладостного разделения каждой частички ее души со Стефаном. Это началось снова, чудовищное гудение, что страшно напугало Елену. Она бесполезно схватила Стефана, который с беспокойством смотрел на нее. Он не слышал звук, который, как она поняла, был у нее в голове. Потом стало еще хуже. Она была вырвана из объятий Стефана и понеслась назад через предметы, все быстрее и быстрее, пока не очутилась в своем теле.

При всем своем нежелании она осела в совершенно твердом теле, что до сих пор было единственным, что она знала. Она упала в него и растворилась, затем она села и услышала Мэтта, который стучал в окно.

— Прошло два часа, как ты пошла спать, — сказал он, когда дверь открылась. — Но я понял, что тебе это нужно. С тобой все в порядке?

— Ах, Мэтт, — простонала Елена.

На мгновение казалось, что она не сможет удержаться от слез. Но потом она вспомнила улыбку Стефана. Елена моргнула, заставляя себя иметь дело с ее новой ситуацией. Она не видела Стефана уже достаточно долго. Но ее воспоминания о недолгом прекрасном времени, проведенном вместе, были окутаны нарциссами и лавандой, и ничто не могло забрать у нее это.

Деймон был разгневан.

Поскольку он взлетал все выше на широко раскрытых черных вороньих крыльях, пейзаж внизу разворачивался как великолепный ковер, а освещение рассвета озаряло поля и изгибы холмов изумрудом. Деймон все игнорировал. Он видел это множество раз.

То, что он искал, было *una donna splendida*.² Но его разум продолжал дрейфовать.

Остолоп и его кол... Деймон никак не мог понять, почему Елена наряду с ними хотела оградить беглеца от правосудия. Елена... Деймон пытался вызвать в ее воображении те самые чувства, наполненные гневом, которые вызывал в нем Мэтт, но никак не мог с этим справиться.

Он кружил вокруг города, держась ближе к жилым районам, в поисках аур. Ему нужна была сильная и настолько же прекрасная аура. И он был в Америке достаточно долго, чтоб знать, что ранним утром можно встретить на улице три типа людей.

Первыми были студенты, но сейчас лето, так что их не так много чтоб выбирать. Несмотря на предположения Мэтта, Деймон крайне редко подходил к девочкам из средней школы. Вторыми были бегуны. И третьими, у кого были прекрасные мысли, как у... этой, внизу... были домашние садовники.

Молодая женщина с садовыми ножницами смотрела, как Деймон завернул и приближался к ее дому, сначала быстро, но потом замедлил свой шаг. Его шаги уверяли, что он восхищен цветочной феерией перед прелестным Викторианским домом. На мгновение женщина была поражена, практически напугана. Это было нормально. Деймон был одет в черные туфли, черные джинсы, черную футболку, и черный кожаный плащ, дополненный солнцезащитными очками.

Но потом он улыбнулся и начал первую попытку проникнуть в мысли прекрасной леди. Одна вещь была ясна с самого начала. Ей нравились розы.

— У меня просто шквал эмоций! — сказал он, встряхивая головой от восхищения, когда смотрел на кустарники, усыпанные блестящими розовыми бутончиками, — и те Белые «Айсберги», вьющиеся по решетке... ваши «Лунные камни»! — он слегка коснулся уже распутившейся розочки, чьи лепестки только слегка наливались цветом.

Криста, молодая женщина не могла сдержать улыбку. Деймон легко почувствовал поток информации с ее памяти к своей. Ей было всего двадцать два, не замужем, все еще жила с родителями. Она имела именно ту ауру, которую он искал, а в доме только спящий отец.

— Вы не похожи на того, кто интересуется розами, — искренне сказала Криста и затем застенчиво засмеялась. — Простите, я встречала все сорта роз на Криквильской Выставке Роз.

— Моя мать страстный садовник, — солгал Деймон свободно и без тени сомнения. — Я думаю, я перенял это увлечение от нее. Теперь я не задерживаюсь на одном месте достаточно долго, чтобы вырастить их, но я могу мечтать. Хотите знать, какая моя главная мечта?

К этому времени Криста чувствовала, как будто она плыла на прекрасной с ароматом роз туче. Деймон чувствовал каждый тонкий ее нюанс, приятно было видеть ее румянец, наслаждаться легкой дрожью, которая потрясла ее тело.

— Да, — просто сказала Криста. — Я хотела бы знать, о чем вы мечтаете.

Подавшись вперед, Деймон снизил голос:

— Я хочу вырастить настоящую черную розу.

Криста вздрогнула, в ее разуме что-то мелькнуло, что Деймон не успел разобрать,

² сверкающая женщина (итал.)

но потом сказала таким же приглушенным голосом:

— Тогда я хотела бы показать вам кое-что. Если... если у вас найдется для меня время.

Задний двор выглядел еще более роскошно, чем вид дома с улицы, и Деймон с одобрением отметил мягко покачивающийся гамак. Вскоре ему понадобится место, куда положить Кристу... пока она не проснется. Но позади беседки обнаружилось нечто, что заставило его невольно ускорить события.

— Черные розы! — воскликнул он, глядя на бутоны цвета темного, практически бургундского вина.

— Да, — тихо сказала Криста, — черная магия — черные, наиболее удачные из всех когда-либо выведенных. Я получаю урожай трижды в год, — робко прошептала она, не задаваясь более вопросом, кто этот молодой человек, пораженная охватившими ее чувствами, которые почти увлекли и Деймона.

— Они великолепны, — сказал он, — это самый глубокий красный цвет, который я когда-либо видел. Ближайший к черному из всех выведенных.

Криста все еще дрожала от радости.

— Можете выбрать одну, если хотите. Я возьму их на выставку в Криквиле на следующей неделе, но могу дать вам одну полностью распустившуюся. Может, Вы сможете почувствовать ее аромат.

— Я... с удовольствием, — сказал Деймон.

— Вы можете подарить ее своей девушке.

— У меня нет девушки, — ответил Деймон, обрадованный возможностью снова солгать.

Руки Кристи мелко дрожали, пока она отрезала для него один из самых длинных, самых прямых стеблей.

Деймон потянулся, чтобы взять розу, их пальцы соприкоснулись. Деймон улыбнулся ей. Когда колени Кристи сами собой подогнулись, Деймон легко подхватил ее и продолжил делать то, ради чего пришел.

Мерedit была позади Бонни, когда вошла в комнату Кэролайн.

— Я же сказала, закройте эту чертову дверь! — сказала — нет — прорычала Кэролайн.

Было вполне естественно посмотреть, откуда исходит голос. Прежде, чем Мерedit погасила единственный источник света, закрыв за собой дверь, Бонни увидела стол в углу комнаты. Стул, стоявший раньше перед ним, исчез. Кэролайн была под ним. В десять лет это могло бы оказаться удачным убежищем, но восемнадцатилетней Кэролайн пришлось скорчиться в немыслимой позе, чтобы уместиться там. Она замерла на куче тряпья, похожего на обрывки одежды.

«Ее лучшей одежды», — подумала вдруг Бонни, когда в свете закрывающейся двери на мгновение сверкнула искромсанная золотая ткань. Теперь они оказались втроем в темноте. Со стороны двери, выходящей в коридор, свет совсем не поступал.

— Это потому, что коридор находится в другом мире, — Бонни посетила дикая мысль.

— Что со светильником, Кэролайн? — тихо спросила Мерedit.

Ее голос был ровный, успокаивающий:

— Ты просила нас приехать и увидеться с тобой, но мы тебя не видим.

— Я сказала приехать и поговорить со мной, — немедленно поправила Кэролайн, точно в прежние времена. Это тоже должно было успокаивать, только Бонни слышала раскатыстый голос из-под стола, можно сказать другого тембра. Не столько охрипший, сколько... «Ты действительно не хочешь думать об этом. В полуночной тьме этой комнаты», — твердил разум Бонни: «Не столько охрипший, сколько рычащий», — беспомощно подумала Бонни.

Можно сказать, Кэролайн рычала, когда отвечала. По еле слышным звукам Бонни поняла, что девушка под столом задвигалась. Дыхание Бонни участилось.

— Но мы хотим видеть тебя, — тихо произнесла Мередит, — и ты знаешь, что Бонни боится темноты. Можно я просто включу твой ночник?

Бонни чувствовала, что дрожит. Это плохо. Не очень-то умно показывать Кэролайн, что боишься ее. Но всепоглощающая тьма заставляла ее трепетать. Она почти чувствовала, как комната искажается, или, быть может, это только ее воображение. Она слышала звуки — резкие двойные щелчки прямо за спиной — и они заставляли ее каждый раз вздрагивать.

Что было их причиной?

— Ну ладно! Включи тот, что у кровати, — Кэролайн определенно рычала. И направлялась к ним; Бонни слышала шуршание и дыхание все ближе.

Это была паническая, иррациональная мысль, но Бонни ничего не могла с собой поделать и вдруг уперлась во что-то... Что-то высокое и теплое. Это не Мередит. За все то время, что Бонни знала Мередит, от нее никогда не пахло горьким потом и тухлыми яйцами. Что-то теплое завладело поднятыми руками Бонни и стиснуло их с теми же странными шелкающими звуками. Руки не были просто теплыми, они были горячими и сухими. Их края странно кольнули кожу Бонни. Как только свет у кровати включился, все исчезло. Лампа, что нашла Мередит, излучала тусклый-тусклый рубиновый свет — и понятно почему. Ярκο-красный халатик и пеньюар опутывали абажур.

— Это может привести к пожару, — проговорила Мередит, но даже в ее ровном голосе слышалась дрожь.

Кэролайн предстала перед ними в красном освещении. Бонни она показалась выше, чем когда-либо, высокая и мускулистая, с немного выступающим животом. Она была одета обычно, в джинсы и облегающую футболку. Руки шутливо заведены за спину, улыбка прежняя, наглая и лукавая.

«Хочу домой», — подумала Бонни.

— Ну? — не выдержала Мередит.

Кэролайн продолжала улыбаться:

— Что, ну?

Мередит начала выходить из себя:

— Чего ты хочешь?

Кэролайн с лукавством глядела на них:

— Вы навестили сегодня свою подругу Изабелл? Поговорили с ней?

Бонни подавила в себе мощное желание залепить пощечину и стереть тем самым самодовольство с лица Кэролайн. Но она сделала этого. Должно быть, это игра неверного света лампы — она знала, все из-за него, — но, казалось, будто в центре каждого глаза Кэролайн блестит красная точка.

— Да, мы были у Изабелл в больнице, — равнодушно сказала Мередит. И, с очевидным гневом в голосе, добавила: — Ты прекрасно знаешь, что она еще не может говорить. Но, — торжествующе добила она: — доктора уверяют, что все будет хорошо. Ее язык срастется, Кэролайн. Да, у нее шрамы везде, где она пронзила себя, но она вполне сможет разговаривать.

Улыбка Кэролайн погасла, теперь ее лицо выглядело осунувшимся и наполненным глухой яростью

«Из-за чего?» — подумалось Бонни.

— Было бы лучше, если б ты иногда выбиралась из этого дома, — сказала Мередит девушке с медными волосами. — Ты не можешь жить в темноте...

— Я не собираюсь жить здесь вечно, — резко оборвала Кэролайн. — Только пока не родятся близнецы.

Она стояла, по-прежнему держа руки за собой, и выгибая спину так, что живот выпирал больше, чем когда-либо.

— ... Близнецы? — Бонни была явно поражена.

— Мэтт-младший и Мэтти. Так я собираюсь их назвать
Злорадная ухмылка в сочетании с бесстыдными глазами Кэролайн — такого Бонни не смогла выдержать.

— Ты не сделаешь этого! — услышала она свой крик.

— Или, быть может, я назову девочку Хани.

Мэтью и Хани, в честь их папочки, Мэтью Ханикатта.

— Ты не сделаешь этого! — вскричала Бонни еще более пронзительно, — Мэтта даже нет здесь, он не может защититься.

— Да, он весьма неожиданно испарился, не правда ли. Полиция все задается вопросом, почему ему пришлось сбежать. Конечно, — Кэролайн понизила голос до значительного шепота, — он был не один. С ним была Елена. Интересно, чем эти двое занимаются в свободное время? — высокомерно захихикала она.

— С Мэттом не только Елена, — сказала Мередит, теперь ее голос был низким и опасным. — Кое-кто еще. Помнишь договор, что ты подписала? О неразглашении любой информации, касающейся Елены? Кэролайн медленно, точно ящерица, сморгнула.

— Это было давным-давно. Для меня в другой жизни.

— Кэролайн, у тебя не будет вообще никакой жизни, если нарушишь клятву! Деймон убьет тебя. Или... ты уже...? — Мередит осеклась.

Кэролайн все еще по-детски хихикала, будто она маленькая девочка, а кто-то при ней отпустил скабрезную шуточку.

Бонни почувствовала, как по всему ее телу проступил холодный пот. Тонкие волоски на руках приподнялись.

— Что ты слышишь, Кэролайн? — Мередит облизнула губы.

Бонни видела, что она старается удержать контакт с глазами Кэролайн, но рыжеволосая девушка отвернулась.

— Это... Шиничи? — Мередит вдруг кинулась вперед и схватила Кэролайн за руки. — Раньше ты видела и слышала его, когда смотрела в зеркало. Теперь ты слышишь его постоянно, Кэролайн?

Бонни хотела помочь Мередит. Правда, хотела. Но не могла ни двигаться, не говорить.

В волосах Кэролайн проглядывали седые пряди.

«Седые волосы», — подумала Бонни.

Они светились тускло, и были гораздо светлее, чем пылающая рыжая копна, которой Кэролайн так гордилась. И там были... другие волосы, они совсем не блестели. Бонни видела подобный пестрый окрас у собак, и смутно полагала, что он также встречается среди волков. Но увидеть такое на голове своей подруги, особенно такие, казалось, ошетинившиеся и трепещущие волоски, вставшие дыбом, как у разъяренной собаки... Она ненормальная. Не взбешена, не в ярости; она сошла с ума, — поняла Бонни.

Кэролайн подняла взгляд, но не на Мередит, а посмотрела прямо в глаза Бонни.

Бонни вздрогнула. Кэролайн смотрела на нее, будто решая, не получится ли из нее ужин или лучше сразу выкинуть Бонни в мусор. Мередит встала рядом с Бонни. Кулаки ее были сжаты.

— Хор-рош пялиться, — внезапно сказала Кэролайн и отвернулась. Да, это определенно было рычание.

— Ты же хотела нас видеть, не так ли? — мягко проговорила Мередит. — Ты... рисуешься перед нами. Но мне кажется, возможно, это твой способ просить о помощи...

— Навр-ряд ли!

— Кэролайн, — сказала вдруг Бонни, изумленная захлестнувшей ее волной жалости, Вспомни, ты говорила, что хочешь замуж? Я... — она замолчала и сглотнула.

Кто возьмет в жены этого монстра, который всего несколько недель назад выглядел обычной девочкой-подростком?

— Тогда я тебя понимала, — сбивчиво закончила Бонни. — Но, честно говоря, ничего не получится, если ты будешь продолжать утверждать, будто это Мэтт напал на тебя!

Никто... — она не смогла заставить себя сказать очевидное. — Никто не поверит такой, как ты.

— О, я обо всем позабочусь, — рыкнула Кэролайн, затем хихикнула. — Тебя ждет сюрпр-приз.

Мысленно Бонни отметила знакомую вспышку наглости в изумрудном взгляде Кэролайн, хитрое, скрытное выражение ее лица, мерцание рыже-каштановых волос.

— Почему именно Мэтт? — требовательно спросила Мередит.

— Как ты узнала, что он был в ту ночь атакован малахами? Шиничи отправил его вслед за Мэттом ради тебя?

— Или это была Мисао? — вспомнив про близнеца китцуна — женщину духа лисы, она больше общалась с Кэролайн.

— У нас с Мэттом было свидание в тот вечер. — Внезапно голос Кэролайн стал монотонным, будто она цитировала вслух поэзию — ужасно. — Я была не против поцеловать его — он такой милый. Думаю, что тогда он и получил отметину на шее. Думаю, я могла немного укусить его за губу.

Бонни уже было открыла рот, но сдерживающая рука Мередит остановила ее.

— Но тут он просто взбесился, — пропела Кэролайн. — Он напал на меня! Я расцарапала его своими ногтями, сверху вниз одной рукой. Но Мэтт был сильнее. Намного сильнее. И сейчас...

«И сейчас ты вынашиваешь щенков», — хотела сказать Бонни, но Мередит сдвинула ей плечо и она снова остановилась. Кроме того, с внезапным приступом тревоги Бонни подумала, что дети могут выглядеть как люди, и возможно, их будет только двое, как и говорила Кэролайн. Потом что они будут делать? Бонни знала, как мыслят взрослые. Даже если Кэролайн не перекрасит обратно волосы, они скажут: «Посмотрите, от пережитого стресса она поседела раньше времени». И даже если взрослые заметят странную внешность Кэролайн или ее странное поведение, как только что Бонни и Мередит, то, скорей всего свалят все на пережитый шок. «Ах, бедная Кэролайн, она так изменилась с того дня». «Она так испугалась Мэтта, что прячется от него под столом». И даже то, что она не моется, спишут на одно из проявлений стресса. Кроме того, кто знает, когда эти щенята родятся? Может малах внутри Кэролайн может контролировать и это, и представит все как нормальную беременность. И вдруг Бонни была вырвана из собственных мыслей, чтобы сосредоточиться на словах Кэролайн. Девушка в этот момент рычала. Она выглядела как старые времена, оскорбленная и оттаивающая, когда говорила:

— Я просто не понимаю, почему вы верите ему, а не мне.

— Потому, что мы знаем вас обоих, — спокойно ответила Мередит, — если бы Мэтт встречался с тобой, мы бы об этом знали, а он не встречался. И он не такой парень, чтобы запросто оказаться перед твоей дверью, если учесть, как он относится к тебе.

— Но ты же говорила, что этот монстр напал на него.

— Малах, Кэролайн. Пора запомнить. И один из них внутри тебя.

Кэролайн усмехнулась и махнула рукой:

— Вы говорили, что они могут вселяться и заставлять совершать поступки, не свойственные человеку, не так ли?

Наступило молчание. Бонни подумала, что даже, если они и говорили об этом, то не ей.

— Ладно, если я признаюсь, что я и Мэтт не встречаемся? Что, если я скажу, что увидела его развезжающим по округе со скоростью пять миль в час, и он неважно выглядел. Его рукав был в клочья разорван, а его рука вся была исполосована. Так что я позвала его домой и пыталась наложить повязку на руку, а он вдруг просто сошел с ума. Я пыталась царапать, но мне мешали бинты. Я порвала их. Они у меня до сих пор, все в крови.

Если бы я рассказала вам такую историю, что бы вы сказали?

«Я сказала, что ты использовала нас для репетиции своей речи перед шерифом Моссбергом», — холодно подумала Бонни. — «И я сказала бы, что ты права, ты вполне можешь нормально выглядеть, если постараться. Если отбросить детское хихиканье и

избавиться от коварного взгляда, будешь еще убедительней».

Но заговорила Мередит:

— Кэролайн, они определяют ДНК крови.

— Ну конечно, я знаю это! — Кэролайн так возмутилась, что на мгновение забыла, что должна смотреть лукавым взглядом

Мередит смотрела на нее.

— Это значит, они смогут определить, принадлежит ли кровь на повязке Мэтту или нет, — сказала она. — И по тому, как растеклась кровь, определяют правдивость твоего рассказа.

— Там нет никаких разводов. Бинты промокли насквозь.

Внезапно Кэролайн подошла к шкафу и открыла его, вытаскивая нечто длинное, что изначально было спортивными повязками. Теперь они отливали красным при слабом свете. Глядя на куски ткани в рубиновом свете, Бонни знала две вещи. Это не было частью того компресса, что миссис Флауэрс наложила на руку Мэтта утром, после нападения. И этот кусок был пропитан настоящей кровью до самых краев. Мир, казалось, закружился вокруг.

Потому что даже если Бонни и доверяла Мэтту, эта новая история пугала ее. Эта новая история могла бы сработать. Даже при условии, что никто не смог бы найти Мэтта и проверить его кровь. Даже Мэтт признавал, что не помнит часть ночи... Он многое не может вспомнить. Но это не означает, Каролина говорит правду! С чего бы ей начинать со лжи, и, как только всплыли факты, изменять историю.

Глаза Кэролайн стали похожими на кошачьи. Кошки играют с мышами, просто для развлечения. Только, чтобы посмотреть, как они бегают. Мэтт убежал.

Бонни покачала головой. Вдруг, ей стало невозможно больше находиться в этом доме. Он как-то настроил ее голову, заставил принять свои невозможные углы и искаженные стены.

Она даже привыкла к невыносимому запаху и красному свету. Но теперь Кэролайн протягивает ей окровавленные бинты и говорит, что это Мэтт залил их своей кровью...

— Я иду домой, — сказала вдруг Бонни. — Мэтт этого не делал, и я никогда не вернусь сюда!

И, под сопровождение хихиканья Кэролайн, повернулась, стараясь не смотреть на гнездо, которое она устроила под столом. Там были пустые бутылки, и остатки недоеденной пищи вперемешку со сваленной в кучу одеждой. Там может оказаться что угодно, даже малах. Но, как только Бонни двинулась, комната, казалось, завертелась вместе с ней, она два раза повернулась вокруг себя, прежде чем смогла остановиться.

— Бонни, подожди. Кэролайн? — почти вне себя сказала Мередит.

Та, изогнув все тело как змея, заползала под стол.

— Кэролайн, а как же Тайлер Смоллвуд? Ты не подумала о настоящем отце своих детей? Как долго вы были вместе, пока ты не встретила с Клаусом? Где он сейчас?

— Все, что я знаю, что он мертв. Ты и твои др-р-рузья убили его, — рычание вернулось, но оно не было злобным.

Это было больше похоже на триумфальное мурлыканье.

— Но я не скучаю по нему, так что надеюсь, что он остается мертвым, — добавила Кэролайн, с глухим смехом. — Он бы не женился на мне.

Бонни хотелось убраться отсюда. Она нащупывала ручку двери и когда нашла, была ослеплена. Она так долго находилась в комнате с рубиновым светом, что коридор просто ослепил ее как полуденное солнце в пустыне.

— Выключи лампу, — рявкнула Кэролайн из-под стола.

Но, как только Мередит собралась сделать это, задался сильный щелчок и ярко-красный свет погас сам собой.

И еще. Прежде, чем дверь захлопнулась, свет из коридора озарил комнату Кэролайн как маяк. И она уже рвала что-то зубами. Что-то, похожее на мясо, сырое мясо. Бонни бросилась бежать и чуть не сбила с ног миссис Форбс. Женщина все еще стояла в комнате, где

осталась, когда они вошли к Кэролайн. Она даже не выглядела так, будто подслушивала. Она просто стояла, глядя в пустоту.

— Я должна проводить вас, — сказала она бесцветным голосом.

Она не подняла головы, чтобы взглянуть на Бонни и Мередит.

— В противном случае, вы можете потеряться. Это прямо по коридору и вниз по лестнице, и еще четыре шага до входной двери.

На всем пути Мередит не сказала ни слова, а Бонни просто не могла. Оказавшись на улице, Мередит оглянулась на Бонни.

— Ну? В ней преобладает малах или оборотень? Можешь что-нибудь сказать про ее ауру?

Бонни услышала свой смех, больше похожий на плач:

— Мередит, ее аура нечеловеческая — и я не понимаю, чья. Мне кажется, у ее мамы совсем нет ауры. Они просто... этот дом просто...

— Не беспокойся, Бонни. Тебе не придется идти туда снова.

— Это похоже... — но Бонни не знала, как выразить гнетущее впечатление от стен, искажающихся как в кривом зеркале или что лестница, ведущая вверх, вдруг оказывается ступеньками вниз. — Я думаю, — сказала она, наконец, — тебе следует копать дальше. Первым делом обратить внимание на американский вариант одержимости.

— Ты имеешь в виду одержимость демонами, — Мередит метнула на Бонни внимательный взгляд.

— Да. Я согласна. Только не представляю, с чего начать.

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет, — тихо сказала Мередит. — Например, ты заметила, что она не показывала нам свои руки? Я думаю, это очень странно.

— Я знаю, почему, — прошептала Бонни, стараясь подавить вырывающиеся всхлипы. — Это потому, что у нее больше нет ногтей.

— Что ты сказала?

— Она схватила меня руками за запястья. Я чувствовала их.

— Бонни, о чем ты?

Бонни заставила себя говорить:

— У Кэролайн теперь когти, Мередит. Настоящие. Как у волка.

— Или, может быть, — Мередит перешла на шепот, — как у лисы.

Глава 5

Елена использовала все свои многочисленные таланты, чтобы успокоить Мэтта, угощая его второй и третьей бельгийской вафлей и улыбаясь ему через стол. Но не совсем удачно.

Мэтт вел себя, как будто спешил, но в то же время не мог оторвать глаз от нее. Он все еще думает о Деймоне, пикирующего вниз и нападавшего на молодую девушку, беспомощно подумала Елена.

Деймона не было когда они пришли в кафе. Елена видела, как Мэтт нахмурил брови и напряженно думал.

— Почему мы не можем сдать «Ягуар «в салон подержанных автомобилей? Если мы собираемся отказаться от «Ягуара», я хочу знать твое мнение, чем мы можем его заменить.

— Да, мой совет относительно побывавших в авариях, разваливающихся на части тачек будет самым лучшим, — сказал Мэтт с кривой усмешкой, которая говорила о том, что он знал, что Елена руководит им, но он не возражал.

Единственный автосалон в городе не выглядел многообещающе. Но даже он не выглядел таким депрессивным, как его владелец. Елена и Мэтт нашли его спящим внутри небольшого здания с грязными окнами. Мэтт осторожно постучал в окно, и в итоге, в запачканном окне человек в кресле пошевелился, он сердито махнул им, отправляя прочь.

Но Мэтт постучал в окно еще раз, когда мужчина уже начал опускать свою голову на кресло, на этот раз он очень медленно сели, с видом горького отчаяния, подошел к двери.

— Что вы хотите? — требовательно спросил он.

— Продать машину, — Мэтт произнес это громко, опередив Елену, которая могла бы сказать это мягче.

— У вас, подростков, есть машина на продажу? — мрачно сказал невысокий человек.

— За все мои двадцать лет, что я владею этим местом...

— Смотрите.

Мэтт отступил, чтобы показать блестящий красный «Ягуар», сияющий на утреннем солнце и как великан, возвышающийся на колесах.

— Совершенно новый Jaguar XZR. От нуля до шестидесяти миль за 3.7 секунды! 550 лошадиных сил, двигатель AJ-V8 GEN III R с шестискоростной ZF-автоматической коробкой передач! Адаптивная Динамика и Активный Дифференциал с исключительной тягой и обработкой! XZR единственный в своем роде! — Мэтт закончил и подступил нос к носу к невысокому человеку, чей рот медленно начал открываться, его глаза сверкали и бегали от машины к парню.

— Вы хотите обменять это на что-нибудь из салона? — потрясенно спросил он, пребывая в откровенном недоверии. — У меня должны были быть наличные... минуточку! — он прервал сам себя. Его глаза прекратили сверкать и превратились в глаза игрока в покер. Его плечи зашевелились, а голова осталась на месте, придав ему сходство со стервятником.

— Я не хочу, — наотрез отказался он и сделал вид, будто направляется к офису.

— Что это значит, «вы не хотите»? Вы пускали слюни над ним минуту назад! — прокричал Мэтт, мужчина прекратил морщиться.

Выражение его лица не изменилось.

«Я должна была вести переговоры», — подумала Елена. «Я бы не допустила разгорания войны из-за одного слова — но уже слишком поздно».

Она старалась не слушать мужские голоса и посмотрела на ветхие автомобили, выставленные на продажу, у каждого был свой небольшой пыльный знак, ввернутый под ветровое стекло:

ПРОЧЬ ПРОЦЕНТЫ В РОЖДЕСТВО! ЛЕГКИЙ КРЕДИТ! ЗАБИРАЙТЕ!
БАБУЛЯМ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЦЕНЫ! БЕЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВЗНОСА!
ПОПРОБУЙТЕ САМИ!

Она боялась, что расплатится в любую секунду.

— Здесь нет спроса на такую машину, — владелец говорил с выражением. — Кому понадобится покупать ее?

— Да ты спятил! Эта машина притянет клиентов, это — это реклама. Лучше, чем фиолетовый бегемот вон там.

— Это не бегемот. Это слон. Кто может сказать, сколько он будет стоить? — владелец обследовал взглядом «Ягуар». Не новый. У него слишком большой пробег.

— Он был куплен две недели назад.

— И что? Еще через несколько недель «Ягуар» будет рекламировать автомобили следующего года, — владелец махнул рукой на гигантское техническое средство Елены, — устаревший.

— Устаревший?!

— Да. Да. Большая машина как эта, пожирает бензин.

— Он эффективней, чем гибрид!

— Вы думаете, что люди это знают? Они видят это...

— Послушайте, я мог бы продать эту машину в другом месте...

— Так продай ее. В моем салоне, здесь и сейчас, этот автомобиль едва ли стоит одного автомобиля в обмен!

— Две машины, — из-за спин Мэтта и Елены послышался новый голос, глаза автодилера расширились, как будто он только что увидел привидение.

Елена повернулась и встретила непостижимый черный пристальный взгляд Деймона. Его фирменные темные очки Ray-Ban висели на футболке, сам он стоял, заложив руки за спину. Он безжалостно смотрел на продавца. Прошло несколько минут, и...

— Серебрянный «Приус» в дальнем правом углу. Под... под тентом, — автодилер сказал медленно с ошеломленным выражением, отвечая на вопрос, который не был задан вслух. — Я... подожду вас там, — добавил он голосом, соответствующим его лицу. — Возьмите ключи.

— И пусть парень прокатится на ней, — приказал Деймон и хозяин показал, что ключи у него на поясе, а затем медленно пошел прочь, глядя в пустоту.

Елена обратилась к Деймону:

— Одно предположение. Ты спросил его, какая машина у него лучше.

— Замени на «менее отвратительную» и ты будешь ближе, — сказал Деймон, на десятую долю секунды сверкнув ослепительной улыбкой.

— Но, Деймон, зачем две машины? Я знаю, что это справедливее, но все же, что мы будем делать со второй машиной?

— Передвижной дом на колесах, — ответил Деймон.

— О, нет.

Но — даже Елена могла видеть преимущества этого — по крайней мере, после того, как они провели серьезное совещание, где было принято решение о графике чередования между машинами для Елены.

Она вздохнула:

— Ладно, если Мэтт согласится...

— Остолоп согласится, — сказал Деймон, глядя на нее крото, так крото, будто невинный ангел.

— Что у тебя за спиной? — сказала Елена, решив оставить вопрос о том, что Деймон собирается сделать с Мэттом.

Деймон вновь улыбнулся, но в этот раз улыбка была странноватой, просто небольшой изгиб с одной стороны рта. Его глаза не выражали ничего особенного. Но его правая рука вытянулась и в ней была самая красивая роза, которую Елена когда-либо видела в своей жизни.

Роза была глубочайшего красного цвета, который она когда-либо видела, однако в ней не было ни намека на фиолетовый, она была бархатистого цвета красного бургундского вина, и была распушена как раз в момент полного цветения. Выглядело, как будто она плюшевая на ощупь, а ее яркий, прямой как линейка стебель, как минимум восемнадцати дюймов длинной был всего лишь с несколькими листочками. Елена решительно убрала свои руки за спину. Деймон не был сентиментальным — даже когда он уговаривал ее стать его принцессой тьмы.

Роза, вероятно, имела отношение к его путешествию.

— Не нравится? — сказал Деймон.

Елене показалось, что это прозвучало так, будто он разочарован.

— Конечно, нравится. Но зачем это?

Деймон отстранился.

— Она для тебя, принцесса, обиженно сказал он, — Не волнуйся, я ее не украл.

Нет, он бы не украл. Елена знала, каким образом он получил розу... но она была такая красивая... Так как она до сих пор не сделала попытки забрать цветок, Деймон стал ласкать ее щеку прохладными шелковистыми лепестками. Заставляя ее дрожать...

— Перестань, Деймон, — пробормотала она, но, казалось, не была способна отступить ни на шаг.

Он продолжал. Прохладные лепестки с тихим шелестом касались другой половины ее лица. Елена машинально стала глубоко дышать, но то, что она почувствовала, совсем не

было цветочным. Это был запах чего-то темного, темного вина, чего-то старинного и ароматного, того, что однажды опьянило ее тотчас же. Пьянила «Темная Магия», и ее собственное волнение... просто быть с Дэймоном. Крохотный голосок в ее голове протестовал — это не настоящая я.

«Я люблю Стефана».

— Дэймон... Я хочу... Я хочу к...

— Ты хочешь знать, почему я принес именно эту розу? — Дэймон говорил мягко, и его голос смешивался с ее воспоминаниями. — Я принес ее из-за ее названия. Это роза «Черная магия».

— Да, — сказала Елена просто.

Она знала, что прежде, чем он это сказал. Это было единственное название, которое подходило цветку. Между тем Дэймон поцеловал ее розой, обводя цветком вокруг ее щеки, а затем надавив на него. Лепестки потверже, в середине, прижались к ее коже, в то время как внешние лепестки только пощекотали ее. Елена чувствовала себя совершенно легкомысленной. День был влажный и теплый: как роза могла источать холод? Сейчас внешние лепестки оЧёрчивали ее губы, она хотела сказать — нет, но так или иначе слова не приходили.

Она словно переместилась в прошлое, вернулась в те дни, когда Дэймон впервые явился к ней, впервые заявил что, она принадлежит ему. Тогда она практически позволила себя поцеловать, даже прежде, чем узнала его имя...

С тех пор его планы не изменились. Смутно, Елена вспоминала нечто подобное раньше.

Дэймон изменял других, не изменяясь сам. «И я изменилась», — подумала Елена, полплыл под ее ногами. — «Я настолько изменилась с тех пор, чтобы увидеть в Дэймоне нечто». Она не могла представить, что такое в нем есть. Не просто дикую и злую темную сторону, но и нежную. Честь и порядочность, которые оказались в ловушке, прикованными золотыми цепями к валуну его сознания.

«Я должна», — подумала Елена, — «помочь ему. Я все-таки должна помочь ему и маленькому мальчику, прикованному к валуну».

Эти мысли медленно текли у нее в голове, и, казалось, она отделилась от тела. Она настолько задумалась, что по-сути и оказалась вне тела, и только сейчас она поняла, насколько близко подошел к ней Дэймон. Ее спина упиралась в один из жалких, убогих автомобилей.

Легко, но с оттенком серьезности Дэймон сказал:

— Роза за поцелуй, а? Она называется «Черная магия» и я честно получил ее. Ее звали... это была... — Дэймон замолчал, и на мгновение недоумение отразилось на его лице. Потом он улыбнулся, но эта улыбка была одной из тех, которых он включал, и выключал прежде, чем кто-либо догадывался, что видел ее.

Елена чувствовала беду. Конечно, Дэймон не мог до сих пор толком запомнить имя Мэтта, но он никогда бы не забыл имя девушки. И сейчас он действительно пытался вспомнить. Особенно спустя пару минут после того, как он, должно быть,пил ее кровь.

— Снова Шиничи? — спросила Елена

Он все еще забирает воспоминания Дэймона — только самые основные моменты, конечно. Ощущения, хорошие или плохие? Елена знала, что Дэймон думает о том же самом. Его черные глаза слабо мерцали. Дэймон был разъярен — но, казалось, он был, уязвим в своей ярости. Не думая, Елена положила свои руки на плечи Дэймона. Она не обращала внимания на розу даже тогда, когда он провел ей по изгибу ее скулы.

Она старалась говорить спокойно:

— Дэймон, что мы будем делать?

В этот момент появился Мэтт. Вернее, вбежал. Пробираясь через лабиринт автомобилей, со стороны белого внедорожника с одной спущенной шиной, он прокричал:

— Эй, ребята, этот «Приус»...

И замер на месте.

Елена знала, что он увидел: Демон гладил ее розой, а Елена практически обнимала его. Она убрала руки с плеч Деймона. Но она не могла отодвинуться от него — мешал автомобиль позади.

— Мэтт... — начала Елена, но потом ее голос замер.

Она хотела сказать, что-то вроде «Это не то, что тебе показалось. Мы не обнимались. Я вообще не прикасалась к нему».

Но это было как раз то, чем казалось. Она беспокоилась за Деймона. Она пыталась достучаться до него... Это был небольшой шок, эта мысль повторялась с силой вспышки солнечного света, пронизывающего незащищенное тело вампира. Она заботилась о Деймоне. Она действительно это делала. Ей было трудно с ним, потому что они были одинаковы во многих отношениях. Упорны, оба хотели делать все по-своему, страстны, нетерпеливы... Она и Деймон одинаковы. Маленькие вспышки били Елену насквозь, и ее тело ослабело. Она была рада, что могла облокотиться на машину, даже если на всей ее одежде останется пыль.

«Я люблю Стефана», — думала она почти в истерике. — «Он единственный, кого люблю. Но мне нужно достучаться до Деймона. Он может рассыпаться на кусочки передо мной».

Пока она смотрела на Мэтта, в ее глазах стояли слезы... Она упорно моргала, но они оставались на ее ресницах, не желая вытекать.

— Мэтт... — прошептала она.

Он ничего не сказал. Ему и не нужно было. За него говорило выражение его лица: удивление, обращенное почему-то к Елене, что он прежде никогда не видел, он никогда так не смотрел на нее.

Это было своего рода отчуждение, что накрыло ее полностью и что разорвало всякую связь между ними.

— Мэтт, нет... — прошептала она.

А затем, к ее удивлению, заговорил Деймон:

— Ты должен знать, что это все я. Ты вряд ли можешь винить девушку, которая пыталась защитить себя.

Елена посмотрела на свои руки, которые сейчас дрожали. Деймон продолжал:

— Ты знаешь, что во всем виноват я. Елена никогда бы...

И тогда Елена осознала. Деймон воздействовал на Мэтта.

— Нет! — она прервала Деймона, схватила его снова, затрясла его. — Не делай этого! Не с Мэттом!

Черные глаза посмотрели на нее, определенно, сейчас они не были глазами ее поклонника.

Деймона прервали, когда он использовал Силу. Если бы это был кто-нибудь другой, то он бы закончил свое брэнное существование в виде маленького масляного пятна на асфальте.

— Я спасаю тебя, — холодно сказал Деймон. — Ты пытаешься меня остановить?

Елена колебалась. Может, всего один раз, и только во благо Мэтту? Что-то поднялось в ней. Очень высоко, она не могла спрятать свою ауру полностью.

— Никогда не делать это со мной, — сказала Елена.

Ее голос звучал тихо, но холодно.

— Даже не пытайся воздействовать на меня! И оставь Мэтта в покое!

Нечто похожее на одобрение мелькнуло в бесконечной темноте взгляда Деймона. И исчезло до того, как она могла быть уверена, что видела это. Но когда он заговорил, он показался ей менее отстраненным.

— Ладно, сказал Мэтт. — Какой у нас сейчас план? Придумайте ему название, — медленно произнес Мэтт, не глядя ни на одного из них.

Он покраснел, но был смертельно спокойным:

— Я собирался сказать, что этот «Приус» совсем неплох. И у продавца есть еще один такой же. В хорошем состоянии. Мы могли бы взять эти две машины. И тогда мы могли бы

разделиться и запутать тех, кто следует за нами! Они не смогут узнать за кем следовать.

В обычном состоянии Елена бросилась бы обнимать Мэтта. Но Мэтт уставился на свои ботинки, что, возможно, было к лучшему, поскольку, Деймон закрыл глаза, и слегка покачал головой, как будто не мог поверить во что-то крайне идиотское.

«Он прав», — подумала Елена. — «Это моя аура — или Деймона — вот почему они возвращаются. Мы не можем запутать их идентичными машинами, если у нас не будет двух идентичных аур тоже».

Это означает, что она должна всю дорогу ехать с Мэттом. Но Деймон никогда на это не согласится. И ей нужен Деймон, чтобы добраться до возлюбленного, одного единственного, ее второй половинки: Стефана.

— Я возьму ту, что похуже, — Мэтт говорил, обращаясь к Деймону и игнорируя ее. — Я привык к потрепанным машинам. Я уже договорился с торговцем. Мы должны отправляться в путь.

Все еще обращаясь только к Деймону, он сказал:

— Ты должен сказать, куда мы действительно направляемся. Мы должны разделиться.

Деймон довольно долго молчал. Затем он резко сказал:

— Седона, штат Аризона, для начала.

Мэтт огорчился.

— Это место, которое заполнено сумасшедшими лунатиками-нююзейджерами. Ты шутишь.

— Я говорил, что Седона для начала. Это абсолютная пустыня — ничего кроме камней — повсюду. Ты можешь потеряться там... очень легко.

Деймон сверкнул блестящей улыбкой, и мгновенно погасил ее.

— Мы будем в Juniper Resort, неподалеку от Северного шоссе, 89А, — добавил он ровно.

— Я понял, — сказал Мэтт.

Елена не увидела ни одной эмоции на его лице или в его поведении, но его аура бурлила красным.

— Послушай, Мэтт, — начала Елена, — мы должны встречаться каждую ночь, так что просто следуй за нами... — она осеклась, резко выдохнув.

Мэтт уже отвернулся. Он даже не повернулся, на ее слова. Он просто продолжил идти, не сказав ни слова. Без оглядки.

Глава 6

Елена проснулась оттого, что Деймон нетерпеливо стучал в окно «Приуса». Она была полностью одета и прижимала к себе дневник. Это было на следующий день после того, как Мэтт их оставил.

— Ты спала так всю ночь? — спросил Деймон, глядя сверху вниз, как она протирает глаза.

Как обычно он был безукоризненно одет, как всегда в черном. Жара и влажность не оказывали влияния на него.

— Я позавтракал, — коротко сказал он, садясь на водительское сиденье. — И принес тебе это.

Этим оказались пластиковый стаканчик с дымящимся кофе, в который с благодарностью вцепилась Елена, как если бы это было вино «Черная магия», и пакет, в котором оказались пончики.

Не очень питательный завтрак, но Елена жаждала кофеина и сахара.

— Мне нужно будет сделать остановку для отдыха, — предупредила Елена, глядя как Деймон садится за руль и заводит машину. — Чтобы умыться и переодеться.

Они двигались на запад, Елена знала это, потому что прошлой ночью сверилась с картой в Интернете. Маленькое изображение на мобильном телефоне соответствовало системе навигации «Приуса».

Они обе показывали, что Седона, штат Аризона находились прямо по маленькой сельской дороге, где Деймон припарковался на ночь в Арканзасе. Но вскоре Деймон развернул машину в южном направлении, выбрав окольный путь, который бы смог — или не смог — запутать преследователей. К моменту, когда они нашли место для стоянки, Елена чуть не умерла от разрыва мочевого пузыря. В туалете она самым наглым образом провела целых полчаса, умываясь холодной водой, расчесывая волосы, переодеваясь в новые джинсы и белую чистую рубашку, которая шнуровалась спереди как корсет. В конце концов, а вдруг ей еще раз придется выйти из своей телесной оболочки во время сна, чтобы увидеться со Стефаном.

То, о чем она точно не хотела думать, так это о том, что в связи с отъездом Мэтта, она осталась одна с диким вампиром Деймоном и находилась в центре Соединенных Штатов, направляясь в буквальном смысле в потусторонний мир.

Когда, наконец, Елена вышла из туалета, Деймон никак не отреагировал, хотя она все равно успела заметить его оценивающий взгляд.

«О, черт!» — подумала Елена, — «Я же оставила в машине свой дневник».

Она была настолько уверена, что он прочитал его, как будто сама застала его за этим занятием. Но она была рада, что ничего не написала о том, как, покинув свое физическое тело, нашла Стефана.

Хотя она и верила, что Деймон тоже хочет освободить Стефана — она бы не села с ним в эту машину, если бы это было не так — но она чувствовала: ему лучше не знать, что она добралась до Стефана первой.

Деймону нравилось самому контролировать ситуацию, также как и ей. Еще ему нравилось пробовать свое внушение на каждом встречном полицейском, останавливающем их машину за превышение скорости. Сегодня он был вспыльчив даже по его собственным меркам.

Елена сама уже убедилась, что Деймон может быть чрезвычайно приятным собеседником, если сам захочет этого. Он будет рассказывать невероятные истории, и шутить до тех пор, пока самый отъявленный молчун и зануда не сможет сдержаться и рассмеется.

Но сегодня он даже не отвечал на вопросы Елены, намного меньше смеялся ее шуткам. Когда она попыталась установить с ним физический контакт, легонько дотронувшись до его руки, он дернулся от нее так, будто это прикосновение могло прожечь насквозь его черную кожаную куртку.

«Ладно, просто замечательно», — обиженно подумала Елена.

Она прислонила голову к окну и стала всматриваться в пейзажи, которые казались ей однообразными. Ее мысли блуждали. Где сейчас Мэтт? Он обогнал их или следует за ними? Спал ли он вчера ночью? Он едет по штату Техас? Хорошо ли он поел? Вспомнив, как он, уходя, даже не обернулся, чтобы попрощаться, Елена моргнула, и накопившиеся в глазах слезы, вырвались наружу.

Елена была лидером. Она могла исправить любую ситуацию, если участвующие в ней были нормальными, вменяемыми людьми. И умение манипулировать парнями было ее отличительной чертой. Она крутила ими, строила их со средних классов. Но сейчас, приблизительно две с половиной недели с момента возвращения с того света, мира духов, которого она не помнит, ей совсем не хотелось никем управлять.

И это ей нравилось в Стефане.

Однажды она уже смогла переубедить его избавиться от его преднамеренного инстинкта избегать все, что ему дорого, ей не пришлось управлять им. Она не управляла, за исключением мягких намеков и она стала экспертом по вампирам. Не охотиться или убивать их, а любить, не рискуя собой. Елена знала, когда можно укусить или дать укусить себя,

когда остановиться и как остаться при этом человеком. Но, несмотря на эти намеки, ей никогда не хотелось управлять Стефаном. Она просто хотела быть с ним. Но из-за этого ситуация и вышла из-под контроля.

Елена могла жить и без Стефана, — подумалось ей.

Также как сейчас вдали от Мередит и Бонни ей казалось, что у нее не хватает рук, так и без Стефана она чувствовала, что живет без своего сердца. Он был ее половинкой, равный ей и ее противоположность, ее возлюбленный и любовник в самом чистом смысле этого слова. Он был второй половинкой священных тайн жизни для нее. После встречи с ним вчера вечером, даже если она была сном, чего она даже не допускала, Елена скучала по нему настолько, что чувствовала пульсирующую боль внутри. Боль настолько сильную, что она даже не могла спокойно сидеть на месте.

Если бы она рискнула, она бы просто сошла с ума и начала просить Деймона ехать быстрее. Хотя боль убивала ее изнутри, Елена не была самоубийцей. Они остановились в каком-то безмянном городе, чтобы пообедать. У Елены не было аппетита, но Деймон крутился вокруг нее как заботливая наседка, что ее почему-то стало раздражать. К тому времени как они снова сели в машину, чтобы продолжить путь, напряжение в машине сгустилось до такой степени, что его можно было разрезать даже сложенной надвое салфеткой, не говоря уже о ноже, — подумала Елена.

И тут до нее дошло, что за напряжение это было. Деймона спасало одно — его гордость.

Он знал, что Елена все поняла. Она прекратила попытки дотронуться до него или даже заговорить с ним. И это было правильно. Но то, что он чувствовал сейчас, ему не нравилось. Вампиры выбирают девушек за их красивые бледные шейки, но эстетические чувства Деймона требовали, чтобы его доноры и во всем остальном соответствовали его понятиям о прекрасном. А притягательная человеческая аура Елены предлагала вампиру уникальную жизненную силу не только ее крови.

И сущность Деймона отзывалась на нее произвольно. Он не думал о девушке в этом смысле уже почти пятьсот лет. Вампиры не были на это способны. Но Деймон сейчас был способен — и даже очень. И чем ближе он находился к Елене, чем сильнее ее аура притягивала его, тем меньше он мог себя контролировать. Благодаря всем демонам в аду, его гордость была сильнее его плотских желаний. Деймон никогда никого ни о чем не просил в своей жизни. Он платил за кровь, которую брал у людей, своей особой монетой: удовольствиями, фантазиями и мечтами. Но Елене не нужны были фантазии, не нужны мечты. Ей не нужен был он. Она хотела Стефана.

И гордость Деймона никогда бы не позволила ему просить Елену о том, что желал один лишь он, как равно он никогда бы не смог взять это без ее согласия... оставалось надеяться.

Только несколько дней назад он был пустой оболочкой, его тело было куклой, которую за ниточки дергали близнецы-китцуны, которые заставили его причинять Елене боль так извращенно, что внутри его все сжималось от страха. Деймон не существовал тогда как личность, а его телом, играя, управлял Шиничи. И хотя он едва мог в это поверить, власть Шиничи над ним была настолько полной, что он повиновался каждой команде китцуна, он мучил Елену, он мог бы даже убить ее. И у него не было никаких оснований не верить этому или утверждать, что это не может быть правдой. Это было правдой. Это произошло. Шиничи был намного сильнее его, когда дело доходило до управления разумом, и у китцуна не было вампирских слабостей к красивым девушкам — и их шеям. К тому же он оказался садистом. Ему нравилась боль — боль других людей, и в этом все дело.

Деймон не мог отрицать того, что было в прошлом, не мог винить себя, почему он не «проснулся», не вышел из игры Шиничи и не прекратил муки Елены. В нем было нечему

«просыпаться». И если какая-то маленькая часть его сознания все еще оплакивала причиненное ей зло, Деймон хорошенько постарался, чтобы засунуть эти мысли куда подальше. Ему некогда было тратить время на сожаления, он собирался контролировать события в будущем.

И этого больше не произойдет никогда — он не допустит этого, даже ценой своей жизни.

Деймон не мог понять только одного, почему Елена его не отталкивает. Она вела себя так, будто доверяла ему. Из всех людей на свете у нее было больше всего прав ненавидеть его, направить на него карающую десницу. Но она ни разу не напомнила ему об этом. Он ни разу не увидел злость в ее голубых, обрамленных золотом глазах. Она единственная, наверное, понимала, что тот, кто полностью подчинен власти малаха, как это было с Деймоном, не имеет выбора — вернее, не может его сделать, потому что не находится в этот момент в себе — и не осознает, что делает. Быть может, это происходит потому, что она достала из него то, что малах внедрил в него — пульсирующее, полупрозрачное тельце.

Деймон с усилием подавил нарастающую дрожь.

Он знал это только потому, что Шиничи весело упомянул это, пока убирал все воспоминания Деймона, начиная с того времени, когда двое, китцун и вампир, встретились в Старом Лесу. Деймон был бы рад избавиться от этих воспоминаний. С момента, когда он встретился с пристальным взглядом лисьих смеющихся золотых глаз, его жизнь была отравлена.

И теперь... прямо сейчас он был наедине с Еленой, посреди пустыни, с немногочисленными, значительно отдаленными городами. Они были совершенно, исключительно одни, и Деймон безнадежно хотел от нее то, что и любой обычный парень, которого она бы встретила на своем пути. Хуже всего было то, что очаровывать девушек, вводить их в заблуждение, в действительности было смыслом существования Деймона. Конечно, это была только одна из причин, по которой он был в состоянии продолжать жить в течение прошлой половины тысячелетия. И все же он понимал, что не надо так поступать с этой девушкой, которая была для него бриллиантом среди серой человеческой массы.

Судя по всему, он полностью контролировал ситуацию, холодно и отчетливо, сухо и бескорыстно. Правда заключалась в том, что он сходил с ума. Той ночью, убедившись, что Елена накормлена, напоена и безопасно закрыта в машине, Деймон призвал густой туман и темную силу и начал устанавливать защиту.

Это было объявлением для всех сестер и братьев ночи, которые могли бы натолкнуться на автомобиль, что девушка внутри была под защитой Деймона; и что Деймон выследит и живьем сдерет шкуру с любого, кто просто нарушит отдых девушки... а затем он нашел бы время для реального наказания преступника.

Деймон пролетел в обличье ворона несколько миль на юг, нашел какой-то кабак с парочкой выпивающих там оборотней и парочкой обслуживающих их симпатичных барменш, которые всю ночь напролет ругались и спорили.

Но этого было не достаточно, чтобы отвлечь его — почти не достаточно. На утро, вернувшись рано, он увидел, что защита вокруг автомобиля изорвана в клочья.

Прежде, чем он успел запаниковать, он понял, что Елена взломала ее изнутри. Она не хотела напугать его, потому что ее намерения были мирными, а сердце невинным. Потом появилась сама Елена, возвращаясь с берега реки, Она выглядела умытой и освежившейся.

У Деймона пересохло в горле, когда он увидел ее. Ее изяществом, ее красотой, ее невыносимой близостью. Он мог ощущать ее влажную кожу, и не мог сопротивляться себе, вдыхая снова и снова ее необыкновенный аромат. Он не знал, как бы он мог вынести еще один день этого.

И тогда у Деймона внезапно возникла Идея.

— Не хотела бы ты научиться кое-чему, что помогло бы тебе контролировать ауру? — спросил он, когда он проходила мимо, направляясь к машине.

Елена бросила на него косой взгляд.

— Значит, ты решил снова со мной говорить. Я должна в обморок от радости упасть?
— Ладно, это всегда бы приветствовалось...
— Да ладно? — сказала она резко, и Деймон осознал, что он недооценивал масштабы шторма, поднятого им в этой грозной девушке.

— Нет.
— Нет, я серьезно, сказал он, останавливая на ней мрачный взгляд.
— Я знаю. Ты скажешь мне стать вампиром, чтобы мне легче было контролировать свою Силу.

— Нет, нет, нет. Это не связано с превращением в вампира.
Деймон не стал спорить и это, видимо, впечатлило Елену, потому что в итоге она сказала: — И что же это тогда?

— Это обучение тому, как циркулировать твою Силу. Кровь циркулирует, так? И Сила тоже может циркулировать. Даже люди знали это веками, хотя и называли жизненной силой, ци или ки. Сейчас ты просто разбрасываешься своей Силой. Это твоя аура. Но если ты научишься управлять ею, ты можешь накопить ее для какого-нибудь большого выброса, одновременно, накапливая ее, она будет менее заметной.

Елена пришла в полный восторг.
— Почему ты не рассказал мне об этом раньше?
«Потому что я дурак», — подумал Деймон. «Потому что для вампиров это на уровне инстинкта, как дышать для тебя».

Он соврал, не покраснев:
— Ну, надо иметь достаточный уровень знаний, чтобы это получилось.
— А сейчас у меня достаточный уровень?
— Думаю, да, — Деймон придал некоторую неуверенность своему голосу.
Естественно, это сделало Елену еще более решительной.
— Покажи! — попросила она.
— Ты хочешь, чтобы я показал прямо сейчас? — он огляделся вокруг. — Кто-то может проезжать мимо...

— Мы же съехали с дороги. Ну, пожалуйста, Деймон... пожалуйста... — она взглянула на него широко раскрытыми голубыми глазами, которым практически любой мужчина не смог бы отказать.

Она дотронулась до его руки, снова пытаясь установить контакт, и когда он автоматически отстранился, продолжила:

— Я действительно хочу научиться. Ты можешь меня научить. Покажи мне как это делается, и я продолжу тренироваться сама.

Деймон посмотрел на свою руку, почувствовав колебания своего здравого смысла и силы воли. Как она это делает?

— Ладно.
Он вздохнул. В этом захолустном местечке на планете было как минимум три или четыре миллиона мужчин, которые отдали бы все, чтобы остаться с теплой и желанной, томной Еленой Гилберт. И самое ужасное — он был одним из них, а ей было на него наплевать. Ну конечно. Она любила Стефана. Ладно, посмотрим, изменится ли что-нибудь в его Принцессе когда — если — она сможет освободить Стефана или пройти хотя бы одно из предстоящих испытаний, оставшись живой.

Между тем, Деймон постарался придать своему голосу, лицу, ауре равнодушие. У него было немного времени попрактиковаться в этом. Всего лишь пять веков.

— Для начала нужно найти особую точку, — сказал он без тепла в голосе, тоном не просто бесстрастным, а на самом деле холодным.

Выражение лица Елены не изменилось. Она тоже умеет быть бесстрастной. Даже ее глубокие голубые глаза, казалось, впитали в себя морозный блеск.

— Хорошо, где она?
— Там, где сердце, но левее.

Он дотронулся до ребер Елены, затем сместился влево. Елена боролась с напряжением и дрожью — он это видел. Деймон искал нужную ему точку там, где плоть становилась мягкой над ребрами, там, где, многим кажется, находится их сердце, потому что они чувствуют, как оно бьется.

— Она должна быть где-то... здесь... а сейчас я запущу твою Силу один или два цикла, а потом ты сможешь попробовать сама. Это позволит тебе прятать свою ауру, когда тебе это будет нужно.

— Но как я пойму?..

— Ты поймешь, поверь мне.

Он не хотел, чтобы она задавала вопросы, поэтому он просто держал одну руку перед ней — не касаясь ее тела и даже одежды — и заставлял ее жизненную силу циркулировать синхронно со своей. Вот так. Сейчас нужно запустить цикл. Он знал, что она должна почувствовать: электрический шок, начиная с исходной точки, где он запустил цикл, и быстро распространяющееся тепло по всему ее телу.

Потом ее накрыл калейдоскоп эмоций, как только он прошел первые несколько циклов.

Стоя напротив него, она почувствовала, что внезапно начала лучше различать звуки, ее зрение стало острее, потом тепло пошло вниз по позвоночнику, добралось до кончиков пальцев ног, удары ее сердца участились, и она ощутила что-то вроде электрического разряда в ладонях.

Она подняла свою руку и положила на талию, там, где ее начала бить дрожь. Потом энергия опустилась по ее ногам, она могла чувствовать ее в подошвах ног, она сделала несколько кругов вокруг ее пальцев, и поднялась вновь к месту, где зародилась — рядом с сердцем.

Деймон услышал, как Елена охнула, когда ее впервые пронизал шоковый удар, потом она почувствовала усиливающееся сердцебиение, ее ресницы дрогнули, и мир стал для нее гораздо яснее, ее зрачки расширились, как у девушки в состоянии влюбленности, ее тело застыло, почувствовав как в траве пробежала мышь, — она бы никогда не услышала этого звука, если бы не направила Силу к своим ушам.

Он запустил цикл заново, чтобы она смогла почувствовать процесс. Затем он отпустил ее. Елена тяжело дышала и сильно устала, и это он отдавал ей свою энергию.

— Я никогда не смогу повторить это в одиночку, — выдохнула она.

— Сможешь, со временем и опытом.

— И когда ты научишься делать это, то сможешь контролировать свои возможности.

— Ну, если ты говоришь то...

Сейчас глаза Елены были прикрыты и полумесяцы ресниц отбрасывали тени на щеки.

Было ясно, что она на пределе. Деймон почувствовал искушение привлечь ее к себе, но подавил его. Елена дала ясно понять, что не хотела, чтобы он обнимал ее. «Интересно, скольких ребят она оттолкнула?» — с внезапной горечью подумал Деймон. Эта горечь удивила его. Почему его должно заботить сколькими парнями крутила Елена? Когда он сделает ее своей Принцессой Тьмы, они вдвоем будут охотиться на людей, иногда вместе, иногда поодиночке. Он не ревновал бы ее тогда.

— Я говорю, что у тебя получится. Просто надо попрактиковаться самой.

В машине Деймону удавалось казаться раздраженным. Это было достаточно тяжело, потому что Елена была идеальной спутницей. Она не болтала, не мурлыкала мелодии себе

под нос и — слава богу — не пыталась петь в голос вместе с радио, не чавкала жвачкой и не курила, не лезла с советами к водителю, не требовала часто останавливаться и никогда не задавала вопроса: «Мы уже приехали?» Кстати это было тяжело для любого, мужчины или женщины, почувствовать раздражение от общества Елены Гилберт, сколь угодно долго они не находились рядом с ней.

Она не была так неудержима, как Бонни, и так спокойна, как Мередит. В Елене было достаточно очарования, чтобы компенсировать ее живой, яркий и решительный ум. В ней было достаточно сострадания, чтобы уравновесить ее явный эгоизм, ее странные способности не давали шанс кому-либо назвать ее нормальной. Она была очень верна своим друзьям, и великодушной настолько, что никого не считала своим врагом — исключая китцуна и Дневник из рода вампиров.

Она была честной, и откровенной и любящей. Еще в ней была отрицательная черта, которую друзья называли неистовостью, но Деймон знал, что это было на самом деле.

Эта черта, компенсировавшая ее наивность, мягкость и остроумную сторону ее натуры.

И Деймону казалось, что эти качества мешали ему, особенно сейчас. О да... Елена Гилберт была достаточно великолепной, чтобы любые негативные черты не имели никакого значения.

Но Деймон решительно собирался быть раздраженным, и у него было достаточно силы воли, чтобы выбирать настроение и придерживаться его, а уж уместно оно было в данной ситуации или нет — другое дело.

Он игнорировал все попытки Елены заговорить с ним и, в конце концов, она прекратила пытаться это сделать. Его мысли были о дюжине парней и мужчин, с которыми совершенная девушка рядом с ним делила постель. Он знал, что Елена, Кэролайн и Мередит были старшими членами квартета, когда они были друзьями, а Бонни была младшей, и считалась слишком наивной, чтобы быть полностью принятой в компанию. И почему, когда он сейчас был с Еленой, ему неприятно было обнаружить, что его на несколько секунд заинтересовало, манипулировал ли им Шиничи, когда забрал его воспоминания.

Интересно, а Стефана когда-нибудь волновало ее прошлое? Особенно когда она встречалась со своим бойфрендом — Мэттом — и он крутился рядом, когда они расстались, и хотел отдать за нее свою жизнь? Стефан не мог и не должен был положить этому конец — как он мог положить конец тому, чего хотела Елена? Деймон видел единство их желаний, даже когда Елена, возвратившись с того света, была по уму ребенком. Когда это касалось Стефана и Елены, она контролировала отношения. Как говорят люди: она была главной в семье.

И скоро эта семья могла стать шведской. Деймон про себя засмеялся. Но его настроение стало еще мрачнее.

Небо над машиной потемнело в ответ, ветер срывал зеленые листья с деревьев, хотя их время опадать еще не пришло. Кошачьими лапками дождь забарабанил в лобовое стекло, затем сверкнула молния и послышался гром.

Елена невольно подскакивала каждый раз, когда доносились раскаты. Деймон наблюдал за этим с мрачным удовлетворением. Он знал, что она догадывалась, кто управлял погодой. Но никто не проронил ни слова об этом.

«Она не будет просить», — подумал он, чувствуя разъяренную гордость в ней снова и раздражение к самому себе за то, что был так мил с ней.

Они проехали мотель, Елена проследила за тусклым электрическим светом, повернувшись назад, пока он не исчез в темноте.

Деймон не хотел останавливать машину. Не мог остановить ее, если честно. Сейчас они въезжали в очень сильную бурю, и время от времени машина подпрыгивала, планируя в воздухе, но Деймону удавалось держать ситуацию под контролем — с большим усилием.

Ему нравилось водить машину в таких условиях.

Только когда он увидел знак, утверждающий, что следующая остановка будет через сто миль, Деймон, не спрашивая совета у Елены, свернул на подъездную дорогу к мотелю и

остановил машину.

К тому времени тучи сгустились, и на них как их ведра полился дождь. Комната, которую снял Деймон, была на задворках, отдельно от основного здания. Деймон как раз нуждался в одиночестве.

Глава 7

Поскольку они спешили поскорее добраться от машины до укромной комнаты в отеле, Елене пришлось собрать всю силу воли, чтобы удержаться на ногах. Как только дверь в комнату захлопнулась, оставив бурю снаружи, а ее изнеможенное и ноющее тело внутри, она направилась в ванную комнату, даже не включая свет. Ее одежда, волосы и ноги были полностью мокрыми. Флуоресцентный свет в ванной комнате казался слишком ярким после ночной темноты и шторма.

Или возможно это было началом ее изучения обращения с ее Способностями. Это, конечно же, было сюрпризом. Деймон даже не прикасался к ней, но шок, который она почувствовала, словно эхо отражался внутри нее.

И ощущение, будто ее Сила управляла снаружи ее тела, в общем, не описать словами. Это был умопомрачительный опыт, все хорошо. Даже сейчас лишь мысли об этом заставляют ее коленки дрожать. Но было ясно, как никогда, что Деймон ничего от нее не хочет.

Елена столкнулась со своим отображением в зеркале, и вздрогнула. Да, она выглядела как утопленная крыса, которую мило протянуло по сточной канаве. Ее волосы были сырыми, что превращало ее блестящие кудри в крошечные завитки по всей голове и вокруг лица; она была бледна, будто заболела, и ее голубые глаза глядели из защемленного и обессиленного лица ребенка.

Лишь на миг она вспомнила, что была в еще худшей форме несколько дней — да, прошли лишь пара дней — назад, и Деймон, рассматривающий ее с предельной мягкостью, будто ее потрепанный вид ничего для него не значил.

Но эти воспоминания вытянул у Деймона Шиничи, и это было слишком, чтоб надеяться, что это его настоящее состояние души.

Это была... прихоть... как и все остальные его прихоти.

Рассерженная на Деймона — и на саму себя, за подколки в спину, Елена отвернулась от зеркала.

Прошлое было позади.

Она не знала, почему Деймон внезапно начал отталкивать ее прикосновения, или смотреть на нее тяжелыми холодными глазами хищника. Какая-то причина побудила в нем такую ненависть к ней, он с трудом мог находиться с ней в машине. И что бы это ни было, Елена училась игнорировать это, так как если Деймон уйдет, у нее не останется шанса найти Стефана.

Стефан!

Наконец-то ее трепетное сердце сможет найти покой в мыслях о Стефане. Ему было все равно как она выглядела, единственное, что его волновало, было, ее благополучие. Елена закрыла глаза, включила горячую воду в ванной и содрала с себя липкую одежду, согревая образ любви и одобрения Стефана. Мотель предоставил маленькую пластиковую бутылочку пены для ванной, но Елена не тронула ее.

Она привезла с собой в прозрачном, золотистом мешочке ванильную соль для ванной в своей тряпичной сумке, и это была первая возможность ею воспользоваться. Она высыпала приблизительно одну треть кристаллов соли из украшенного лентой мешочка в быстро заполняющуюся ванну и была вознаграждена взрывом аромата ванили, который приятно растекся по ее легким. Через несколько минут Елена погрузилась в горячую воду,

наполненную пеной с ванильным благоуханием. Ее глаза были закрыты и тепло проникало в ее тело. Мягко распадающиеся кристаллы соли понемногу оставляли боль позади. Это была не обычная соль для ванной. У нее не было запаха лекарств, но ее дала домовладелица Стефана, миссис Флаурес, которая была пожилой благородной доброй ведьмой. Травяные рецепты миссис Флаурес были ее специализацией, и сейчас Елена могла поклясться, что она чувствует как все напряжение, накопившееся в последние несколько дней, покидает ее тело и мягко испаряется.

О, это было именно то, в чем она сейчас нуждалась. Елена никогда не оценивала ванну так высоко, как сейчас. «Теперь осталась единственное», — твердо сказала она себе, вдыхая восхитительные пары ванили. — «Ты просила миссис Флаурес о соли для ванн, которая расслабит тебя, но ты не сможешь уснуть в ней. Ты погрузишься, заранее зная какими будут ощущения. Быть здесь, делать это, без надобности покупать саван».

Но даже сейчас мысли Елены были более тусклыми и разбитыми, поскольку горячая вода продолжала расслаблять ее мышцы, и аромат ванили кружил ей голову. Она теряла целостность, ее мысли дрейфовали в мечтаниях....

Она отдавалась теплу и роскоши без необходимости что-либо делать...

Она спала.

В своем сне она была оживленной.

Была полутьма, но она могла с уверенностью сказать, что так или иначе она скользила вниз сквозь глубокий серый туман.

Что ее волновало — так это то, что она была окружена препирающимися голосами, и они спорили о ней.

— Второй шанс? Я говорил с ней об этом.

— Она ничего не вспомнит.

— Не важно, что она будет помнить. Все останется внутри нее, не пробужденное.

— Оно будет жить в ней, пока не наступит время.

Елена не знала, что это все означает.

Затем туман рассеивался, и облака таяли для нее, и она дрейфовала вниз, все медленнее и медленнее, пока не очутилась на мягкой земле, покрытой сосновыми иголочками.

Голоса пропали.

Она лежала на лесном покрове, но не была обнаженной. Она была одета в свое лучшее вечернее платье, том, что с кружевами от Валентино. Она слушала мельчайшие звуки, окружающие ее, когда вдруг ее аура отреагировала, как никогда ранее. Она предупредила о приближении кого-то. Кого-то, кто приносил чувство защищенности в теплых земляных оттенках, в мягких розовых тонах и глубоком фиолетово-голубом, которые окутали ее еще перед тем, как человек подошел.

Это были... чьи-то... чувства к ней.

Еще кроме любви и успокаивающей заботы вокруг себя она чувствовала насыщенную лесную зелень, лучи тепло-золотого и таинственный полупрозрачный след, словно водопад, который, падая и пенясь, искрился как бриллианты.

— Елена, — прошептал голос.

— Елена.

Он был таким знакомым...

— Елена.

— Елена.

Она знала его...

— Елена, ангел мой!

Это означало любовь. Было ли это наяву или во сне, Елена распахнула свои объятия. Этот человек был связан с ней. Он был ее волшебством, ее утешением, ее лучшим возлюбленным. Это не важно, как он оказался здесь или что случилось до этого. Он был вечным супругом ее души.

И потом...

Сильные руки овладели ею...

Теплое тело так близко к ее...

Сладкие поцелуи...

Много, много раз...

Это знакомое чувство, как будто она плавится в его объятьях...

Он был так нежен, но почти свиреп в своей любви к ней.

Он дал клятву не убивать, но он мог убить, чтобы спасти ее.

Она была для него самым дорогим во всем мире...

Любая жертва могла бы стоять этого, если бы она была свободна и невредима. Его жизнь ничего не значила без нее поэтому, он охотно отдал это, смеясь и целуя ее со своим последним вздохом. Елена вдохнула изумительный аромат осенних листьев, который исходил от его свитера и успокаивал. Как ребенок, она позволила себе успокоиться с помощью простых знакомых ароматов, ощущая прикосновение щеки к его плечу и их дыхание в унисон. Когда она попыталась дать имя этому чуду, оно появилось в ее памяти.

Стефан...

Елена даже не нужно было смотреть на его лицо, чтобы узнать древесно-зеленые глаза Стефана, которые могли быть, как танцующие воды в маленьком пруду, зарябившие от ветра и искрящиеся тысячами разных граней света. Она опустила свою голову к его шее, боясь отпустить его, хотя не могла вспомнить почему.

«Я не знаю, как я сюда добралась», — сказала она ему мысленно.

На самом деле, она не помнит ничего до этого, до пробуждения от его голоса, только перемешанные изображения.

«Это не важно. Я с тобой».

Страх охватил ее.

«Это не просто сон, да?»

«Нет, это не просто сон».

«И я с тобой навсегда».

«Но как мы попали сюда?»

«Ш-ш-ш. Ты устала. Я обниму тебя. Клянусь жизнью. Просто отдыхай. Позволь мне обнять тебя хотя бы один раз».

«Один раз? Но...»

Но теперь Елена почувствовала себя обеспокоенной и ошеломленной, и ей пришлось откинуть голову назад, что бы увидеть лицо Стефана.

Она откинула назад подбородок и встретила со смеющимися бездонно-черными глазами на точеном, бледном и красивом лице.

От ужаса она практически закричала.

«Тише. Тише, ангел».

«Деймон!»

Темные глаза, которые встретились с ее, были полны любви и радости.

«Кто же еще?»

— Как ты смеешь, как ты попал сюда? — Елена все больше и больше приходила в замешательство.

— Я не привязан какому-либо месту, — ответил Деймон внезапно грустным голосом. — Ты знаешь, что я всегда буду с тобой.

— Нет, я не знаю, верни мне Стефана!

Но было уже поздно.

Елена уже слышала звук капавшей воды и ощущала прохладное плавное плескание вокруг нее. Она проснулась как раз вовремя, чтобы не уйти с головой под воду в ванной.

Сон...

Она чувствовала, что тело стало более гибким и легким, но не могла избавиться от ощущений, которые принес ей сон... Это было не ощущение отстраненности, или ее обычный, сумасшедший, запутанный сон.

«Я не привязан какому-либо месту. Я всегда буду с тобой».

Ну и что же означают эти слова? При упоминании этих слов, в Елене что-то дрогнуло. Она быстро оделась — но не в парадную ночную рубашку с кружевами от Валентино, а в серо-черный спортивный костюм. Когда она вошла в комнату, она почувствовала себя утомленной, раздраженной и готовой начать битву, если поймет по виду Деймона, что он слышал ее мысли, которые были во сне.

Но Деймон этого не сделал.

Елена увидела кровать, сумела сосредоточиться на ней, споткнулась и рухнула на подушки, утопая в них, они ей не понравились. Елена любила свои подушки. В течение нескольких минут, она лежала, наслаждаясь состоянием после принятия ванны, ее кожа и голова постепенно приятно охлаждались. Насколько она поняла, Деймон стоял в той же позе, которую принял сразу, как только они вошли в комнату. И он был также неподвижен и молчалив как утомленный. Наконец, чтобы покончить с этим, она заговорила с ним. И Елена начала сразу с сути проблемы:

— Что не так, Деймон?

— Ничего.

Деймон смотрел в окно, делая вид, что рассматривает что-то за стеклом.

— Что ничего?

Деймон покачал головой. Но, так или иначе, его вид красноречиво передал его мнение относительно этой комнаты мотеля. Она рассматривала бежевые стены, бежевый ковер, бежевое кресло, бежевый стол, и, конечно же, бежевое покрывало на кровати. «Даже Деймон не смог отказаться от комнаты только на том основании, что она не соответствует его традиционному черному цвету», — подумала она, и затем: «Ох, я так устала. И сбита с толку. И напугана. И... невероятно глупа. Здесь только одна кровать. Я лежу на ней».

— Деймон... — с усилием, она встала.

— Что ты хочешь?

— Там есть кресло. Я могу спать в кресле.

Он обернулся, и она увидела, что он не был раздражен или настроен на игры. Он был в бешенстве. Быстрый, неуловимый для человеческого взгляда поворот головы убийцы и полный контроль над телом, который притупил это движение еще до того, как оно началось. Деймон с его внезапными движениями и пугающим спокойствием, опять смотрел в окно, его тело было готово к... чему-то. Сейчас, оно выглядело готовым к прыжку сквозь стекло, чтобы вырваться наружу.

— Вампирам не нужен сон, — сказал он еще более ледяным и твердым голосом, чем тот, который она слышала с тех пор, как Мэтт их оставил.

Это придало ей сил встать с постели.

— Знаешь, я знаю, что это ложь.

— Иди в кровать, Елена. Иди спать, — но его голос был такой же.

Она ждала ровного, усталого приказа. Деймон казался более напряженным, более твердым, чем когда-либо. Более потрясенным, чем когда-либо.

Ее глаза увлажнились:

— Дело в Мэтте?

— Нет.

— В Шиничи?

— Нет!

Ага.

— Дело в нем, не так ли? Ты боишься, что Шиничи пробьет твою защиту и овладеет тобой опять. Разве не так?

— Иди спать, Елена, — сказал глухо Деймон.

Он по-прежнему игнорировал ее, как будто ее не было. Елена разозлилась:

— Что мне надо сделать, чтоб ты понял, что я тебе доверяю? Я путешествую наедине с тобой, не имея ни малейшего понятия, куда мы направляемся. Я доверяю тебе жизнь

Стефана.

Елена находилась позади Деймона на бежевом ковре, который пах... ничем, кипящей водой. Даже не пылью. Ее слова были пылью. Существовало в них что-то, что звучало глухо, неверно. Они были правдой, но они не доходили до Деймона....

Елена вздохнула.

Случайное прикосновение к Деймону всегда было опасной штукой, с риском нарваться на его инстинкт убийцы, даже когда он не был одержим. Она очень осторожно протянула кончики пальцев к его руке в кожаной куртке. Она заговорила настолько четко и бесстрастно, насколько могла:

— Ты знаешь, что у меня есть другие чувства, помимо обычных пяти. Сколько раз мне это повторять, Деймон? Я знаю, что это не ты мучил меня и Мэтта на прошлой неделе, -

отчаявшись, Елена услышала мольбу в своем голосе. — Я знаю, что ты защищал меня в этой поездке, когда я была в опасности, даже убивал ради меня. Это много значит для меня. Ты можешь сказать, что не веришь в человеческое умение прощать, но не думаю, что ты о нем забыл. И когда ты знаешь о нем, ты понимаешь, что изначально тут нечего прощать.

— Это абсолютно не связано с событиями прошлой недели!

Перемена в его голосе — сила его голоса, ударила Елену наотмашь. Это было больно... и испугало ее. Деймон был серьезен. Так же, он был жутко напряжен, не совсем как под влиянием Шиничи, но похоже.

— Деймон...

— Оставь меня в покое!

— Где я уже такое слышала? — сбита с толку, с колотящимся сердцем Елена погрузилась в воспоминания.

Ах, да.

Стефан.

Когда они со Стефаном первый раз были в его комнате, когда он боялся любить ее. Когда он был уверен, что она будет проклята, если он покажет свои чувства. Может ли Деймон быть таким похожим на брата, над которым он всегда издевается?

— Хотя бы повернись и говори со мной лицом к лицу.

— Елена, — это был шепот, но, казалось, будто Деймон не мог говорить своим обычным вкрадчиво-угрожающим тоном. — Иди спать. Иди к черту. Иди куда угодно, только держись от меня подальше.

— У тебя это так хорошо получается, правда? — сейчас в ее голосе сквозил холод. Опрометчиво, повинувшись своей злобе, она приблизилась к нему. — Отталкивать людей прочь. Но я знаю, что ты не питался сегодня вечером. Тебе ничего большего не надо от меня и у тебя не получается строить из себя голодающего мученика так же хорошо, как у Стефана.

Елена говорила, зная, что ее слова точно должны были спровоцировать его на определенный ответ, но обычная реакция Деймона на такие вещи была — расслабиться и сделать вид, что он ничего не услышал. То, что происходило, было знакомо ей. Деймон обернулся и поймал ее своей железной хваткой. Затем, с ходу, как сокол хватая мышь, он поцеловал ее. Он был достаточно силен, чтобы удерживать ее возле себя, не причиняя вреда. Поцелуй был настойчивым и долгим, и на какое то время Елена просто потерялась. Тело Деймона было прохладным, ее же, напротив, было теплым и влажным после ванны.

То, как он держал ее, могло причинить ей боль, если бы она попыталась вырваться. А потом она знала, что он не станет удерживать ее.

Но уверена ли она? И готова ли сломать себе кость, чтобы проверить? Он гладил ее волосы, накручивая их на пальцы... несколько часов спустя, после того, как он ее учил чувствовать вещи до кончиков волос. Он знал ее слабые места. Не просто слабые места женщины. Он знал ее. Он знал, как заставить ее стонать от удовольствия и как успокоить ее.

Ничего не оставалось, кроме как проверить свою теорию и, возможно, сломать руку.

Она не покорится этому непрошеному вторжению. Ни за что! Но когда она вспомнила, как ее интересовали маленький мальчик, прикованный к большой каменной глыбе, она

сознательно открыла свои мысли Демону.

Он попал в ловушку своих собственных поступков. Как только их мысли встретились, произошло что-то вроде фейерверка. Взрыва. Ракеты. Звезды засветили по-новому.

Елена перестала обращать внимание на ощущения в собственном теле и начала искать глыбу. Внутри одной из самых закрытых частей его разума было очень глубоко. Глубоко в бесконечной темноте, которая там царила. Но, казалось, что Елена принесла с собой фонарик. Каждый раз, когда она поворачивалась, темные заросли паутины падали и тяжелые каменные арки рушились на землю.

— Не волнуйся, — сказала Елена. — Свет ничего тебе не сделает! Тебе не обязательно тут жить. Я покажу тебе красоту света.

«Что я говорю?» — Елена задумалась над этим вопросом после того, как слова слетели с ее губ. «Как я могу это обещать ему? Может, ему нравится жить в темноте!»

Но в следующую секунду, она подошла ближе к мальчику, достаточно близко, что бы увидеть его удивленное бледное лицо.

— Ты опять пришла, — сказал он так, как будто это было чудом.

— Ты сказала, что ты придешь, и ты пришла!

Эти слова сразу же успокоили Елену. Она нагнулась, натянула до предела цепи и посадила его на колени.

— Ты рад, что я вернулась? — сказала она нежно.

Она гладила его гладкие волосы.

— О да! — этот возглас испугал Елену практически так же, как и обрадовал. — Ты самый приятный человек, которого я когда-либо...самая красивая, которую я когда-либо...

— Тш-ш-ш, — сказала Елена, — тише.

— Должен же быть способ согреть тебя.

— Цепи, — робко сказал ребенок. — Цепи делают меня слабым и холодным. Но цепи должны быть, так как без них он не сможет меня контролировать.

— Понятно, — жестко сказала Елена.

Она начала понимать, какими были отношения Демона и маленького мальчика. Подумав немного, она взялась за цепи и попыталась их разорвать. Была же у Елены здесь способность излучать свет, может, у нее имелась и супер-сила? Она безрезультатно пыталась раскрутить и растянуть цепи и в итоге порезала кончик пальца об острый край.

— Ой! — огромные темные глаза мальчика уставились на капельку крови. Он выглядел потрясенным и испуганным.

— Хочешь? — Елена неуверенно протянула ему руку.

«Что за бедное создание, если ему приходится жаждать крови других людей», — подумала она.

Он робко кивнул, как будто был уверен, что она рассердится. Но Елена только улыбнулась, и он трепетно взял ее за палец и слотнул всю показавшуюся на пальце кровь, сложив губы, словно в поцелуе. Когда он поднял голову, показалось, что краска прилила к его щекам.

— Ты говорил мне, что тебя держит здесь Демон, — сказала она, обнимая его и чувствуя, как ее тепло передается его холодному телу. — Ты можешь мне сказать почему?

Ребенок все еще облизывал губы, но он моментально повернул к ней лицо и тут же ответил:

— Я — Хранитель Тайн. Но, к сожалению, Тайны стали такими большими, что даже я не знаю их.

Елена проследила за движением его головы, когда мальчик кивком указал на цепь, тянущуюся от его маленьких конечностей к огромному металлическому шару. Она испытывала глубокую жалость к этому маленькому хранителю. И задалась вопросом, что же, спрашивается, могло быть в этой большой каменной сфере, которую Демон так тщательно охранял. Но ей так и не удалось спросить.

Глава 8

В тот же момент когда Елена открыла рот, чтобы начать говорить, она почувствовала, что ее будто уносит ураганом. На мгновение она схватилась за мальчика, которого вырывало из ее рук, затем она только успела прокричать:

— Я вернусь, — и услышать его ответ, прежде чем она была вытиснена в обычный мир с ваннами, махинациями и мотельными комнатами.

— Я сохранию наш секрет! — вот что прокричал ей маленький мальчик в последний момент.

И что это могло означать, что он утаит их встречу от настоящего (или «обычного») Деймона? Мгновением позже Елена стояла в грязной комнате мотеля, и Деймон держал ее за плечи.

Как только он отпустил ее, Елена могла почувствовать вкус соли, который, казалось, не имел никакого значения для напавшего на нее. Казалось, Деймон был во власти жестокого отчаяния. Он трясся как мальчишка, который в первый раз поцеловал свою первую любовь.

«Вот что значит потерять контроль», — подумала Елена. В том, что касалось ее, то она чувствовала, что может бороться. Нет! Она должна оставаться в здравом уме. Елена пихала его и выворачивалась, осознанно причиняя себе боль, пытаясь освободиться из его стальной хватки.

Получилось.

Одержимый? Шиничи снова проник в разум Деймона и заставляет его делать?..

Елена боролась яростнее, брыкаясь пока практически не начала кричать от боли.

Она почти стонала — почти сломала.

Что-то подсказывало Елене, что Шиничи здесь ни при чем.

Настоящей душой Деймона был маленький мальчик, закованный в цепи Бог-знает-сколько веков, который никогда не знал тепла и близости, но до сих пор глубоко ценил их. Ребенок, прикованный к валуну, был самым сокровенным секретом Деймона. И Елену трясло так сильно, что она засомневалась, устоит ли на ногах, она задумалась о ребенке. Было ли ему холодно? Плакал ли он как Елена? Она и Деймон остановились, глядя в глаза друг другу и тяжело дыша.

Лоснящиеся волосы Деймона были взъерошены, придавая ему распутный вид как у пирата. Его лицо, всегда такое бледное и невозмутимое, было налито кровью. Его глаза опустились, чтобы посмотреть, как Елена непроизвольно потирала запястья. Она чувствовала, будто тысячи иголок и булавок пронзали ей кожу, так восстанавливалось кровообращение. Вдруг он отвел взгляд, он не мог снова взглянуть ей в глаза.

Зрительный контакт.

Хорошо.

Елена нашла оружие, нащупывая в слепую кресло и обнаружив кровать неожиданно близко позади нее. Сейчас у нее не было большого выбора оружия, и она должна была использовать все, что у нее было. Она села, поддавшись слабости в теле, но продолжая смотреть Деймону в лицо. Он надул губы. И это было... нечестно. Обиженный вид Деймона — был частью его тяжелой артиллерии. У него был самый красивый рот, который она когда-либо видела у мужчины или женщины. Рот, волосы, полу прикрытые веки, тяжелые ресницы, изящность линии подбородка... Нечестно, даже для таких, как Елена, которые давно перестали интересоваться людьми только из-за их красоты. Но она никогда не видела эти губы надутыми, эти безупречные волосы спутанными, эти ресницы дрожащими, из-за того, что он смотрел куда угодно, только не на нее, но, старясь этого не показывать.

— Это был... о чем ты думал, когда отказывался разговаривать со мной? — спросила она, ее голос был практически ровный.

Внезапная неподвижность Деймона была безупречной, как и все остальные его

безупречности. Бездыханной, конечно. Он уставился в одну точку на бежевом ковре, которой по справедливости следовало вспыхнуть. Затем, наконец, он поднял свои огромные темные глаза на нее. Трудно было сказать что-нибудь о глазах Деймона, потому что радужная оболочка была практически такого же цвета, что зрачок, но Елена чувствовала, что в тот момент зрачок был настолько расширен, что закрывал всю радужную оболочку.

Как могли глаза, темные как ночь светиться? Ей казалось, что она видит в них вселенную полную звезд.

Деймон сказал тихо:

— Беги.

Елена почувствовала напряжение в ногах:

— Шиничи?

— Нет. Ты должна бежать.

Елена почувствовала, как медленно расслабляются ее бедренные мускулы, было приятно не пытаться доказывать, что она умеет бегать, или даже ползти, смотря что, потребовалось бы. Ее кулаки крепко сжались.

— Ты хочешь сказать, что это все из-за того, что ты сволочь? — сказала она.

— Ты снова решил меня ненавидеть? Тебе нравится?.. — Деймон снова пришел в смятение, неподвижность в движение быстрее, чем ее глаза могли уловить это. Он выбил оконную раму, вдруг, нанеся удар практически в последний момент. Оно разбилось и тысячи маленьких осколков стекла, как алмазы посыпались в темноту улицы.

— Это привлечет сюда людей, чтобы помочь тебе.

Деймон не пытался подобрать слова, которые, казалось, пришли слишком поздно.

Теперь, когда он отвернулся от нее, он казалось, не беспокоился о сохранении приличия.

Мелкая дрожь пробежала по его телу.

— Сейчас уже поздно, гроза, мы далеко от главного здания, я сомневаюсь, что кто-то услышит.

Тело Елены, наконец, почувствовало приток адреналина, который позволял ей бороться с захватом Деймона. Она ощущала дрожь, и должна была что-то делать, чтобы просто не затрястись всем телом. И они вернулись к самому началу, Деймон смотрел в ночь, а она на его спину. Или, скорее всего, это было место, где он хотел ее видеть.

— Ты мог просто попросить, — сказала она.

Она не знала, возможно, ли было вампиру это понять. Она до сих пор не научила Стефана. Он жил без того, чего бы ему хотелось, потому что не понимал, что можно просто попросить об этом. У Деймона, думала она, обычно не было такой проблемы. Он брал все, что он хотел, как бы небрежно собирая продукты с полок в тележку в магазине. И сейчас он про себя смеялся, что означало, что он был по-настоящему поражен.

— Я приму это как извинение, — мягко сказала Елена.

Теперь Деймон смеялся вслух, и Елена почувствовала озноб. Вот, она старалась помочь ему, и...

— Ты думаешь, — он прервал ее размышления, — это все, что мне нужно?

Деймон мог легко выпить ее крови, пока она была неподвижно зажата в его объятьях. Но, безусловно, он хотел не только этого. Ее аура...она знала, как ее аура влияла на вампиров. И Деймон постоянно защищал ее от всех вампиров, которые могли видеть ее ауру. Разница, исходя из откровений ее знакомого, была в том, что она ни капли не заботилась о других. Но Деймон был другим. Когда он поцеловал ее, она почувствовала изменения внутри себя. Что-то, что она никогда прежде не ощущала... до Стефана.

И она предала Стефана — неужели это была действительно она, Елена, когда поддалась возникшей ситуации? Деймон был лучше, чем она. Он говорил ей, что ее притягательная аура должна находиться подальше от него. И завтра его мучения начнутся заново. Елена была во многих ситуациях, когда ей следовало уйти, пока не стало слишком жарко. Проблема в том, что теперь она не может повернуться и уйти не оборачиваясь, чтобы

уберечь себя от большей опасности.

И, кстати, потерять шанс найти Стефана.

Если бы она поехала с Мэттом? Но Деймон сказал, что они не смогут попасть в темное измерение, не два человека. Он говорил, что они нуждались в том, чтобы он сопровождал их.

У Елены были еще некоторые сомнения относительно того, что Деймон сделал бы хоть шаг по Аризоне, не говоря уже о том, чтобы искать Стефана, если бы она не сопровождала бы каждый шаг его пути. Кроме того, как можно было затащить Мэтта на этот опасный путь? Елена знала, что Мэтт готов умереть за нее, и он это сделает, если они столкнутся с вампирами и оборотнями.

Умрет.

Оставив Елену одну с ее врагами. Ах, да Елена знала, чем занимался Деймон каждый вечер, когда она спала в машине. Он накладывал какое-то темное заклинание вокруг нее, подписанное его именем, и оно охраняло ее от случайных посетителей до утра. Но их заклятыми врагами были китцуны-близнецы Шиничи и Мисао.

Вот о чем думала Елена прежде, чем поднять голову и посмотреть в глаза Деймону. Глаза, которые в этот момент напоминали ей ребенка, прикованного к скале.

— Ты не собираешься бежать? — прошептал он.

Елена покачала головой.

— Ты действительно не боишься меня?

— Я боюсь.

Елена опять почувствовала дрожь. Но сейчас она стремилась по направлению к своей цели, и ничто не могло ее остановить. Особенно когда он на нее так смотрел. Это напомнило ей ощущение огромной радости, торжествующей гордости в момент их схватки с лисами.

— Я не могу быть твоей Принцессой Тьмы, — сказала она ему. — Ты знаешь, что я не могу бросить Стефана.

Тень его старой иронической ухмылки, коснулась его губ:

— У нас много времени, чтобы я смог убедить тебя, рассуждать, как я, по этому поводу.

«Не надо», — подумала Елена.

Она знала, что Стефан поймет. Но даже сейчас, когда казалось, весь мир кружился вокруг нее, Елена находила в себе силы спорить с Деймоном.

— Ты говоришь, что это не Шиничи. Я верю тебе. Но, ты сделал это из-за того, что сказала Кэролайн? — Она почувствовала внезапную жесткость в собственном голосе.

— Кэролайн? — Деймон моргнул, сбитый с толку.

— Она сказала, что прежде, чем встретить Стефана, я была просто... — Елена не смогла произнести последнее слово.

— Что я была... я вела беспорядочную половую жизнь.

Челюсть Деймона упала, а щеки вспыхнули так быстро, как будто его застали врасплох.

— Эта девушка... — пробормотал он. — Она уже решила свою судьбу. Если бы это был кто-то другой, я бы еще мог проявить какую-то жалость. Но она зашла слишком далеко дальше любых приличий. — Каждое словом он произносил все медленнее, и к концу речи его лицо приобрело выражение неподдельного удивления.

Он смотрел на Елену, и она знала, что он видел слезы на глазах, потому что он вытер их пальцами. Когда он это сделал, он остановился в недоумении и поднес одну руку к губам, пробуя слезу на вкус. Каковы бы ни были они на вкус, казалось, он все равно не верил своим ощущениям. Он поднес к губам вторую руку. Елена, не скрывая взгляд, прямо смотрела на него. Это должно было смутить его, но не смутило. Вместо этого по его лицу пробежала масса разных эмоций, сменяющиеся одно другим так быстро, что ее человеческий взгляд не мог их различить. Но она выделила удивление, недоверие, смущение, еще большее удивление и потом, в конце концов, какой-то радостный шок и потрясение, он выглядел так, будто у него стояли слезы в глазах.

А потом Деймон засмеялся.

Это был короткий смешок, больше похожий на насмешку над собой, но это смех был настоящим, даже эйфорическим.

— Деймон, — прошептала Елена, все еще продолжая бороться с собственным желанием заплакать, — что это было? Что не так?

— Ничего не случилось, все хорошо, — сказал он, поднимая палец вверх. — Ты никогда не должна пытаться обмануть вампира, Елена. У вампиров много способностей, которых нет у людей — и о некоторых из них мы сами не знаем, пока они нам не понадобятся. Мне понадобилось много времени, чтобы понять, что я знаю о тебе. Потому что все говорили мне одни вещи, а мои собственные ощущения убеждали меня в чем-то ином. И я понял наконец-то в чем. Я знаю, какая ты на самом деле, Елена.

Примерно полминуты Елена сидела в пораженном молчании.

— Если хочешь, я могу сказать это прямо сейчас, то, чему никто не поверит.

— Может и не поверит, — сказал Деймон, — если они люди. Но вампиры запрограммированы видеть ауру девушек. И она является приманкой, Елена. Я не знаю, и мне все равно, как ты получила такую репутацию. Я обманывался долгое время, но, наконец, я нашел истину.

Внезапно он наклонился к ней, чтобы она не видела ничего кроме него, его волосы падали прядями на лоб, губы приблизились к ее, бездонные темные глаза завладели ее взглядом.

— Елена, — прошептал он, — это твой секрет. Я не знаю, как тебе удалось, но ты... девственница.

Он наклонился к ней, его губы дотронулись до нее, разделяя несколько вдохов. Они оставались так долго, долго, будто находились в плену, и Деймон давал возможность Елене получать кислород из его тела, как и она, давала, то, что нужно ему. Для многих людей тишина их тел, постоянный контакт глаз, когда ни один не отводит взгляда, показались бы слишком долгими.

Это чувство, будто погружаешься все глубже в своего партнера, чтобы все потеряло четкость и, становясь частичкой души друг друга, прежде чем поцелуй завершиться.

Но Елена буквально плыла по воздуху, что Деймон и давал ей в буквальном смысле.

Если бы сильные, длинные, тонкие руки Деймона не обхватывали ее за плечи, она ускользнула бы полностью.

Елена знала, что существует другой путь, что удержит ее внизу. Он может повлиять на нее, чтобы она захотела остаться с ним. Но до сих пор она не чувствовала ни малейшей попытки использования Силы. Казалось, он все еще хочет оставить ей право выбора. Он не хотел соблазнить ее, используя один из методов и приемов Силы, которые он узнал за свою более чем пятисотлетнюю жизнь. Дыхание становилось все более учащенным, Елена почувствовала, что ее ощущения расплываются и сердце заколотилось чаще.

Была ли она полностью уверена, что Стефан не возражал бы и против этого? Но Стефан оказал ей большую честь, доверяя ей и веря в ее любовь.

И она начинает чувствовать истинного Деймона, его очевидную необходимость поведения с ней, его уязвимость, поэтому ему необходимо было стать таким, как одержимым. Не пытаясь повлиять на нее, он по-прежнему расстилался большими темными крыльями вокруг нее так, что не куда было бежать, не куда бежать.

Елена чувствовала, что теряет сознание от накала страсти, что была между ними. В качестве последнего жеста, не отказа, а приглашения, она отклонила назад голову, обнажая свою шею, чтобы он почувствовал ее желание. И как будто большие, хрустальные колокольчики зазвонили вдали, она чувствовала его ликование по поводу ее добровольного поражения бархатной темноте, которая обгоняла ее. Она не почувствовала зубов, которые сломали преграду ее кожи и достигли крови. Но до этого она видела звезды. Казалось, вселенная была сосредоточена в глазах Деймона. Слезы потекли по ее щекам.

Глава 9

На следующее утро в номере мотеля Елена встала и спокойно оделась, признательная за дополнительное пространство. Деймона не было, как она и ожидала. Он по обыкновению рано позавтракал, пока они были в дороге, словив несколько официанток из ночной придорожной закуской для дальнобойщиков. «Надо обсудить это с ним как-нибудь», — думала она, когда помещала пакет земляного кофе в маленькое ситечко кофейника ровно на две чашки, предусмотренного в мотеле.

Пахло хорошо.

Но, ей крайне необходимо сейчас поговорить с кем-то о том, что случилось прошлой ночью. Сперва, ее выбор пал на Стефана, конечно, но она поняла, что тот случай полета вне ее тела получился не по просьбе.

То, что ей нужно сделать, так это позвонить Бонни и Мередит. Ей нужно было поговорить с ними, это было ее право, но сейчас настали времена, когда она не могла. Интуитивно, она понимала, что любые контакты с Феллс Чёрч были не к добру. И Мэтт никогда не проверял их.

Ни разу.

У нее не было представления, где он, но лучше бы он был возле Седоны, вот и все. Он сознательно отрезал любую связь между ними. Прекрасно. Он должен появиться, как обещал. И все же... Елене до сих пор требовалось поговорить с кем-то. Ей нужно было выразить себя.

Конечно! Она идиотка! У нее все еще был ее верный компаньон, никогда не говорящий ни слова, и никогда не заставляющий ее ждать. Она налив себе чашку обжигающего горячего кофе на ходу. Елена вытащила свой дневник со дна своей сумки с вещами и открыла его на свежей, чистой странице. Не было ничего, кроме свежей страницы и чернильной ручки, которая плавно задвигалась, она начала писать. Пятнадцать минут спустя за окном послышался скрежет, через минуту Деймон шагнул внутрь.

У него было несколько бумажных пакетов, и Елена почувствовала себя необъяснимо уютно и хорошо. Она предложила ему кофе, который был довольно приятным, даже если в него положить сухие сливки, и Деймон застыл...

— Бензин, — сказал он торжественно, значительно подняв брови глядя на нее, и поставил пакеты на стол.

— Вдруг они пытаются использовать растения против нас. Нет, спасибо, — добавил он, глядя на ее, стоящую, с полной чашкой кофе, протянутой ему.

— Я был в гараже у механика и купил это. Я просто пойду, вымою руки.

Он скрылся из виду, обойдя Елену.

Он прошел мимо, не взглянув. Не обратив внимания даже на то, что на ней была единственная чистая пара одежды: джинсы и тонкий цветной топ, который на первый взгляд смотрелся белым и только яркий свет показывал, что он был эфирно-радужным.

«Даже ни разу не взглянул», — подумала Елена, остро переживая его невнимание и ощутив, что так или иначе, жизнь дала ей пощечину. Она собралась вылить кофе, но потом решила, что он нужен ей самой и сделала несколько обжигающих глотков. Затем она подошла к дневнику, и прочитала последние две или три страницы.

— Ты готова отправляться? — Деймон перекрикивал журчание воды в ванной.

— Да, минуту.

Елена читала страницы дневника, от предыдущей записи пробежавшись до начала следующей перед ней.

— Мы могли бы начать двигаться на запад прямо отсюда, — кричал Деймон. — Мы можем добраться за один день. Они будут думать, что это маневр для одних конкретных ворот и будут обыскивать все подобные. Тем временем мы поедем в направлении Врат и будем впереди на несколько дней от преследующих нас. Это идеально.

— Угу, — читая, сказала Елена.

— Мы должны будем встретить Остолопа завтра, возможно, даже этим вечером, в зависимости от того, сколько проблем они вызовут.

— Угу.

— Но сначала я хотел спросить тебя: ты думаешь, что это — совпадение, что наше окно сломано? Потому что я всегда помещал защиту на ночь, и я уверен... — он провел рукой по своему лбу, — я уверен, что я, должно быть, сделал это и вчера вечером. Но что-то прошло через нее, сломало окно и ушло без следа. Вот почему я купил весь этот бензин. Если они попытаются сделать что-то из дерева, то я взрывом превращу их всех в Стоунхендж.

«И половину невинных жителей штата», — подумала мрачно Елена. Но она была в состоянии такого шока, что более ее ничего не могло впечатлить.

— Что ты делаешь? — Деймон ясно дал понять, что готов встать и отправляться.

— Избавляюсь от кое-чего не нужного, — сказала Елена и спустила воду в туалете, наблюдая за разорванными частями своего дневника, закручивающимися в вихре, прежде чем исчезнуть.

— Я бы не беспокоилась насчет окна, хотя... — сказала она, входя обратно в спальню и обувая ботинки. — Не вставай еще минуту, Деймон. Мне нужно с тобой поговорить кое о чем.

— О, ну перестань. Это может подождать до того, как мы окажемся в пути, или не может?

— Нет. Не может, потому что мы должны заплатить за это окно. Ты разбил его прошлой ночью, Деймон. Но ты не помнишь, что сделал это, так ведь?

Деймон уставился на нее. Она могла бы сказать, что его первым желанием было засмеяться. Вторым, которому он уступил, посчитать ее чокнутой.

— Я серьезно, — сказала она, когда он встал и зашагал к окну с отчетливо просматриваемым желанием превратиться в ворона и улететь отсюда.

— Не смей никуда уходить, потому что это еще не все.

— Не все вещи, которые делал и которых не помню? — Деймон прислонился к стене в одной из его старых высокомерных поз. — Возможно, я разбил несколько гитар, не выключал радио до четырех часов ночи?

— Нет. Не только вещи из прошлой ночи, — сказала Елена, глядя в сторону. Она не могла смотреть на него. — Другие вещи, из других дней...

— В роде того, что я пытался саботировать эту поездку на протяжении всего времени, — сказал он, его голос был лаконичным. Он посмотрел на потолок и тяжело вздохнул: — Может быть, я сделал это, просто чтобы оказаться наедине с тобой.

— Заткнись, Деймон!

Откуда это взялось? Что ж, она это, конечно же, знала. Исходя из ее ощущений о прошлой ночи. Проблема была в том, что она должна была получить от него кое-что — серьезно, если бы он воспринял. Приходилось подумать об этом, чтобы найти лучший способ как поступить.

— Ты не думаешь, что твои чувства по поводу Стефана, ну, изменились за последнее время? — спросила Елена.

— Что?

— Как ты думаешь, — ох, это было так сложно смотреть в черные глаза цвета бесконечной вселенной. Особенно потому, что прошлой ночью они были полны несметного числа звезд, — ты думаешь, что ты стал относиться к нему по-другому? Уважать его желания больше, чем обычно?

Теперь Деймон открыто рассматривал ее, точно также как она рассматривала его.

— Ты серьезно? — сказал он.

— Совершенно, — сказала она и, с большим усилием, она вернула слезы туда, где они должны были быть.

— Кое-что случилось прошлой ночью, — проговорил он. Он пристально смотрел на ее

лицо. — Не так ли?

— Кое-что произошло, да, — сказала Елена. — Это было — это было куда больше чем... — ей нужно было выдохнуть, и вместе с этим практически все слезы вышли.

— Шиничи! Шиничи, *che bastardo!*³ *Imbroglione!*⁴ Вор! Я убью его медленно! — внезапно Деймон был повсюду.

Он был около нее, его руки на ее плечах; в следующую минуту он кричал проклятия из окна, затем он вернулся, держа ее обоими руками. Но только одно слово имело значение для Елены. Шиничи. Китцун со своими черными, окрашенными в красный на кончиках волосами, которые заставили их сдаться только для того, чтобы узнать местонахождение Стефана.

— *Mascalzone!*⁵ *Maleducato,*⁶ — Елена вновь перестала понимать смысл ругательств Деймона.

Что ж, это была правда. Прошлая ночь Деймоном была полностью забыта, украдена из его головы так просто и точно также как в тот раз, когда она использовала Крылья Искупления и Крылья Очищения на нем. С последним он не мог не согласиться. Но прошлой ночью — какие еще вещи были похищены лисой? Вырезать весь вечер и ночь — этот вечер и эту ночь, подразумевалось...

— Он никогда не прекращал связи между моим умом и его. Он по-прежнему может залезть внутрь, когда захочет.

Деймон, наконец, перестал ругаться и замер. Он сел на диван напротив кровати и опустил свои руки между колен. Он выглядел очень несчастным.

— Елена, ты должна сказать мне. Что он забрал у меня вчера ночью? Пожалуйста! — Деймон выглядел так, как будто он может упасть на колени перед ней, без мелодрамы. — Если... если... это то, о чем я думаю...

Елена улыбнулась, хотя слезы по-прежнему стекали по ее лицу.

— Я полагаю, это не было — чем-то, особенно важным, — сказала она.

— Но...

— Скажем так, на этот раз — это только мое, — сказала Елена. — Если бы он украл у тебя что-нибудь другое, или если он попытается сделать это в будущем, тогда он затеял нечестную игру. Но это будет моим секретом.

«До тогда дня, может быть, когда ты расколешь свой огромный валун полный тайн», — подумала она.

— Пока я не разорву его в клочья, вместе с его языком и его хвостом! — огрызнулся Деймон, и это было настоящее рычание животного.

Елена была рада, что оно было адресовано не ей.

— Не волнуйся, — добавил Деймон настолько тихим голосом, который был чуть ли не опаснее ярости животного. — Я найду его, где бы он не пытался спрятаться. И я заберу это у него. Я бы оставил только его маленькую пушистую шкуру. Я сделаю тебе рукавицы из него, как тебе такое?

Елена попыталась улыбнуться, и это получилось у нее очень правдоподобно. Ей нужно было просто смириться с тем, что случилось с ней, хотя она не верила ни минуты, что Деймон оставит ее в покое по этому вопросу, до тех пор, пока не заберет свои воспоминания у Шиничи.

³ Ублюдок (итал.)

⁴ Обманщик (итал.)

⁵ Подлец (итал.)

⁶ Невоспитанный, грубый (итал.)

Она осознала, что на каком-то уровне, она наказала Деймона, за то, что сделал Шиничи, и это было неправильно.

«Я обещаю, никто не узнает о прошлой ночи», — сказала она себе. — «Даже если Демон что-то предпримет. Я не скажу даже Бонни и Мередит.»

И это пало тяжестью на нее, что, вероятно, было справедливо.

Когда они убирали мусор от последнего припадка ярости Деймона, он вдруг подошел к ней и смахнул стекающую слезу со щеки Елены.

— Спасибо, — начала Елена. Затем прервалась.

Деймон коснулся пальцем своих губ. Он посмотрел на нее пораженный и немного разочарованный. Затем он пожал плечами.

— Ты все еще можешь стать приманкой для единорога, — сказал он. — Это я говорил это вчера ночью?

Елена поколебалась, а затем решила, что его слова не заходили за границы секретности.

— Да. Но... не выдавай меня, ладно, — добавила она неожиданно тревожно. — Я пообещала не говорить моим друзьям ничего.

Деймон посмотрел на нее.

— Почему я должен что-то кому-то говорить? Если только ты не говоришь о рыжеволосой малявке?

— Я говорю тебе; Я не скажу ничего. За исключением очевидного, — Кэролайн не девственница. Ну, со всем то шумом о ее беременности.

— Но ты помнишь, — прервал ее Деймон, — я приехал в Феллс Чёрч раньше Стефана; только я скрывался в тени. И то, как ты говоришь...

— О, я знаю. Мы любим парней, и парни любят нас, и мы уже тогда имели соответствующую репутацию. Что бы мы не говорили, неважно, мы ощущали, что говорят другие. Какая-то часть из этого была правдой, но в основном тут было два варианта — и ты, конечно же, знаешь, что бы сказали парни...

Деймон знал. Он кивнул.

— Что ж, довольно скоро каждый говорил о нас, будто мы делали все и со всеми. Они даже написали об этом в газете и ежегоднике и на стенах в туалете. Мы же в ответ сочинили небольшое стихотворение и иногда мы даже подписывались им. Как же оно звучало? — Елена погрузилась в воспоминания года-двух назад или даже больше.

Потом она зачитала:

— То, что вы слышали, не делает это правдой,

Просто потому что вы это прочитали, не делает это таковым.

В следующий раз, то, что вы услышите, может быть о вас.

И не думайте, что сможете изменить их мнение, просто знайте — вы знаете!

Когда Елена закончила, она посмотрела на Деймона, вдруг почувствовав сильную необходимость добраться до Стефана.

— Мы почти у цели, — сказала она.

— Давай поторопимся.

Глава 10

Штат Аризона оказался жаркой бесплодной пустыней, точно как Елена его себе и представляла. Они с Деймоном направились прямо в Джунипер Ресорт, и Елена была подавлена, если не поражена, увидев, что Мэтт не зарегистрирован.

— Не может быть, чтобы ему потребовалось больше времени, чем нам, чтобы добраться сюда, — сказала она, как только они добрались до их комнат. — Если только — о, Боже,

Деймон! Если только Шиничи не поймал его.

Деймон сел на кровать и мрачно рассматривал Елену.

— Что ж, я надеялся, что этот тупица, по крайней мере, будет столь любезен и лично объясниться с тобой, и мне не придется говорить тебе это самому. Но, я отслеживал его ауру с того времени, как он оставил нас. Она неуклонно отдалялась, следуя по направлению в Феллс Чёрч. Иногда, действительно дурные вести требуют времени, чтобы впитаться.

— Ты имеешь ввиду, — сказала Елена, — что он и вовсе не собирается объявляться здесь?

— Я хочу сказать, что, по прямой это не так уж далеко от места, где мы взяли автомобили в Феллс Чёрч. Он поехал в том направлении. И он не вернется.

— Но почему? — потребовала Елена, словно логика могла взять верх над реальностью. — Зачем ему уезжать и оставлять меня? Тем более, зачем ему ехать в Феллс Чёрч, если его там ищут?

— Что касается того, почему он уехал: я думаю, у него сложилось не правильное представление о тебе и обо мне, ну или правильное, но немного рановато, — Деймон поднял брови к Елене, и она бросила в него подушкой, — и решил оставить нас наедине. Что касается Феллс Чёрч... — Деймон пожал плечами. — Послушай, ты знала парня дольше, чем я, но даже я могу сказать, что он — типа Галахеда.⁷ Если бы я должен был говорить, то я бы сказал, что он пошел встретить обвинения Кэролайн.

— О, нет, — сказала Елена, подойдя к двери, в которую стучали. — Нет, после того, как я говорила ему и говорила ему...

— О, да, — сказал Деймон, немного приседая. — Даже с твоим советом мудреца, звучащим в его ушах...

Дверь открылась. Это была Бонни.

Бонни, с ее миниатюрной фигурой, ее вьющимися земляничными волосами, с ее широкими, проникновенными карими глазами. Елена от волнения не поверила собственным глазам, и все еще переваривая аргументы Деймона, закрыла дверь.

— Мэтта могут там линчевать, — почти кричала Елена, с неясным раздражением, оттого, что где-то продолжали стучать. Деймон был непреклонен. Обходя Елену и направляясь к двери, он сказал:

— Думаю тебе лучше присесть, — и усадил ее на стул, придерживая, пока она не бросила попытки снова встать.

Затем он открыл дверь. На сей раз это стучала Мередит. Высокая и тоненькая с темными волосами как облако, спадающими на плечи, Мередит просияла намерением продолжать стучать, пока дверь бы не открылась. Что-то произошло внутри Елены, и она обнаружила, что могла думать больше, чем об одном человеке сразу. Это была Мередит. И Бонни.

В Седоне, Аризона!

Елена подскочила со стула, куда Деймон поместил ее, и бросилась обнимать Мередит, бессвязно проговаривая:

— Вы приехали! Вы приехали! Вы знали, что я не могу позвонить вам, и вы приехали! Бонни попала в объятия и прошептала Деймону:

— Она вернулась к поцелуям всех, кого встречает?

— К сожалению, — сказал Деймон, — нет. Но будьте готовы к тому, что она задушит вас до смерти в объятиях.

Елена повернулась к нему:

— Я все слышала! О, Бонни! Я просто не могу поверить, что вы обе действительно здесь. Я так сильно хочу поговорить с вами! — тем временем, она обнимала Бонни, а Бонни обнимала ее, и Мередит крепко обнимала их обоих.

Незаметные движения сестринского клуба передавались друг другу, такие

⁷ Благородный. Рыцарь без страха и упрека (фр.)

как, изогнутая бровь здесь, кивок головой там, хмурый взгляд и пожатие плечами заканчивающееся вздохом.

Деймон не знал, что только что он был обвинен, осужден, оправдан и возвращен в доверие — но пришел к выводу, что в будущем необходимо быть повнимательней.

Елена сперва сердито сказала:

— Вы, должно быть, встретились с Мэттом... должно быть он рассказал Вам об этом месте.

— Рассказал, и потом продал свой «Приус», а мы вроде как упаковали вещи, побежали за билетами на самолет и вот мы здесь, ждем вас — мы не хотели с вами разминуться! — задыхаясь сказала Бонни.

— Я не предполагал, что вы купили билеты сюда только два дня тому назад, — сказал Деймон, развалившись на стуле Елены и опустив руки на подлокотники.

— Дай подумать... — начала Бонни, но Мередит решительно сказала:

— Да, именно так. Что? Это что-то значит для тебя?

— Мы пытались сохранить кое-что слегка неопределенным для врага, — сказал Деймон. — Но, как оказалось, это, вероятно, не имеет значение.

«Нет», — думала Елена, — «потому, что Шиничи может залезать в твои мозги всякий раз, когда хочет украсть воспоминания, и все что ты можешь сделать это попытаться дать отпор».

— Но это означает, что Елена и я должны уходить отсюда немедленно, — продолжал Деймон. — Сначала я должен выполнить поручение. Елена должна собираться. Возьми так мало вещей как только можешь, только самое необходимое, но включая еду на два-три дня.

— Ты сказал... немедленно? — выдохнула Бонни, и резко присела на пол.

— В этом есть смысл, если мы уже потеряли элемент неожиданности, — ответил Деймон.

— Поверить не могу, вы двое прилетели, чтобы попрощаться со мной, в то время как Мэтт охраняет город, — сказала Елена. — Это так приятно! — она лучезарно улыбнулась, прежде чем мысленно добавить: «И так глупо!»

— Что ж...

— Что ж, у меня все еще есть кое-какие дела, — сказал Деймон, отмахнувшись не поворачиваясь. — Давай скажи, что мы уедем отсюда через полчаса.

— Вредный, — выразила недовольство Бонни, когда дверь за Деймоном благополучно захлопнулась, — похоже, у нас всего несколько минут, чтобы поговорить, перед тем как мы начнем собирать вещи.

— Я могу сложить все меньше, чем за пять минут, — с сожалением сказала Елена, мысленно вернувшись к последним словам Бонни.

«Перед тем как *мы* начнем собирать вещи».

— Я не могу сложить только самое необходимое, — раздраженно сказала Мередит. — Я не смогла сохранить все на своем мобильнике, и я понятия не имею, когда смогу перезарядить батареи. У меня чемодан полностью забит бумагами!

Елена повернулась к ним лицом и нервно сказала:

— Гм, я, абсолютно уверена, что это я тот, кто, как предполагается, пакует вещи, — сказала она. — Потому что я единственная уезжаю... верно?

Другой взгляд назад и вперед.

— Как будто мы позволили бы вам отправиться в какой-то другой мир без нас! — сказала Бонни. — Мы нужны вам!

— Не в другой мир; а только в другое измерение, — сказала Мередит.

— Но принцип тот же.

— Но я не могу позволить вам ехать со мной!

— Конечно не можешь. Я старше тебя, — сказала Мередит. — Ты не можешь мне что-то запрещать. Но правда в том, что у нас есть цель. Мы хотим найти звездный шар Шиничи или Мисао, если сможем. Если мы смогли бы сделать это, тогда, мы думаем, мы

смогли бы остановить кое-что происходящее непосредственно в Феллс Чёрч.

— Звездный шар? — безучастно сказала Елена, в то время как где-то глубинах ее памяти, всплыло тревожное изображение.

— Объясню позже.

Елена покачала головой.

— Но... вы оставили Мэтта одного разбираться со всем сверхъестественным, что там происходит? Когда он в бегах и должен скрываться от полиции?

— Елена, даже полиция теперь напугана Феллс Чёрчем, и знаешь, если они арестуют его и поместят в Риджмонт, это будет самое безопасное место для него. Но они не собираются делать это. Он работает с миссис Флауэрс, и они отлично сработались; они надежная команда, — Мередит остановилась, чтобы перевести дыхание, и казалось, обдумать, как лучше рассказать что-то.

Бонни сказала это ей очень тихим голосом.

— Я была бесполезна, Елена. Я начала, ну, в общем, я начала впадать в истерику, и видеть и слышать то, чего не было, или, по крайней мере, воображать это, и может быть, даже делала так, чтобы все это сбывалось. Я пугала сама себя в своих мыслях и я думаю, что я фактически толкала людей в опасность. У Мэтта достаточно практики, чтобы делать это.

Она слегка коснулась своих глаз:

— Я знаю, что Темное Измерение просто ужасно, но меньше всего я хочу подвергнуть опасности огромное количество невинных людей.

Мередит кивнула:

— Бонни там... становилось все хуже и хуже. Даже если бы мы не захотели отправиться с тобой, мне все равно пришлось бы как-то вывести ее из этого положения. Я не хочу быть слишком драматичной, но я верю, что демоны приходили за ней. И так как Стефана нет, Деймон возможно единственный кто может держать их на расстоянии. Или, возможно, ты можешь помочь ей, Елена?

Мередит... слишком драматична? Елена могла видеть едва заметную дрожь по коже Мередит и легкую испарину на лбу Бонни, от которой ее завитки становились влажными.

Мередит коснулась запястья Елены:

— Мы уехали отсюда не по своей воле. Феллс Чёрч — теперь район боевых действий — это правда, как и то, что мы не оставили Мэтта без союзников. Таких как доктор Альберт — она способна рассуждать логически — она лучший врач страны — и она даже могла бы кого-нибудь убедить, что Шиничи и малахи реальны. Но кроме всего этого, родители поверили. И родители, и психиатры, и газетчики. И, в любом случае, они делают невозможной работу в открытую. Мэтт сейчас не в самом худшем положении. Но на прошлой неделе... Взгляни на воскресную газету.

Елена взяла Риджмонт Таймс у Мередит.

Это самая крупная газета в пределах Феллс Чёрч.

Заголовок гласил:

«Одержимость в 21 веке?»

Под заголовком было напечатано еще много серых строк, но то, что действительно бросалось в глаза, была фотография драки между тремя девушками, которые казалось, бились в припадке или невозможно для человеческого тела извивались. Лица двух девушек выражали просто боль страх, но была и третья девушка, от которой у Елены застыла кровь в венах. Она была сгорбленная, так что ее лицо было верх тормашками, и она смотрела прямо в камеру, а ее губы были содраны ее зубами. Ее глаза — никак иначе не выразить — были демоническими. Они не были выкатившимися из орбит или уродливыми или что-нибудь вроде того.

Они не пылали устрашающим красным.

Все дело было в их выражении.

Елена никогда не видела глаз, от вида которых у нее свело бы живот.

Бонни тихо сказала:

— У тебя когда-нибудь проскальзывало ощущение наподобие: «Ого, тут вращается целая вселенная»?

— Постоянно, после знакомства со Стефаном, — сказала Мередит. — Без обид, Елена. Но дело в том, что все это случилось всего через пару дней; за минуту, те из взрослых, кто знал, что что-то действительно происходит, собрались вместе.

Мередит вздохнула и пробежала пальчиками с идеально наманикюренными ногтями по волосам прежде, чем продолжила:

— Те девушки, которых Бонни зовет одержимыми в новом смысле. Или, может, ими овладела Мисао — женщина китцун, вероятно проделывает это. Но если только мы сможем найти эти, так называемые, звездные шары — или даже только один из них — то мы сможем заставить их привести все это в порядок.

Елена убрала газету, так чтобы не видеть эти выкатившиеся глаза, плившиеся на нее:

— А пока происходят все эти события, что делает твой парень во время такого кризиса? Впервые Мередит посмотрела с неподдельным облегчением:

— Пока мы разговариваем, он может быть, в пути. Я ему написала обо всем, что произошло и он, фактически, единственный, кто сказал Бонни уходить.

Она метнула извиняющийся взгляд на Бонни, которая просто подняла лицо и руки к небесам.

— И как только он закончит свою работу на каком-то острове, с названием Шинмеи-но-Ума, он сразу приедет в Феллс Чёрч. Это как раз по специальности Аларика, и он даже совсем не испугался. Так что, даже если мы уехали бы на недели, у Мэтта была бы дополнительная поддержка.

Елена вскинула руки вверх в таком же жесте, как и Бонни.

— Есть кое-что, что вы должны знать до того как мы приступим. Я не смогу помочь, Бонни. Если вы рассчитываете на меня, что я смогу сделать то, что делала, когда мы защищались от Шиничи и Мисао в прошлый раз — так вот, я не могу. Я пробовала снова и снова, старалась как могла сделать что-нибудь моими крыльями. Но из этого ничего не вышло.

Мередит сказала тихо:

— Ну, тогда может Деймон знает что-то...

— Может и знает, но, Мередит, не впутывай его прямо сейчас. Не в эту минуту. Что он знает наверняка, так это то, что Шиничи может оказывать влияние и забирать воспоминания — и кто знает, может быть даже завладеть им снова...

— Этот лживый китцун! — выругалась Бонни, по-хозяйски.

«Как если бы Деймон был ее парнем», — подумала Елена.

— Шиничи клялся, что не станет этого делать...

— И еще он клялся, что покинет Феллс Чёрч. Только по одной единственной причине я верю в те подсказки о лисьих ключах, что Мисао дала мне, так это потому, что она насмеялась надо мной. Ей и мысль в голову не пришла, что мы заключим сделку, так что, она не пыталась обмануть или говорить слишком замысловато — я полагаю.

— Что ж, вот почему мы здесь с вами, вызволить Стефана, — сказала Бонни. — И если нам повезет найти звездные мячи, тогда это позволит нам контролировать Шиничи. Верно?

— Верно, — горячо сказала Елена.

— Верно, — торжественно сказала Мередит.

Бонни кивнула:

— Сестринство Велоцераторов⁸ навсегда! — каждая из них быстро положила свою

⁸ Velociraptor (лат.); от лат. *velox* — быстрый и *raptor* — охотник. Род хищных двуногих динозавров, существовавший в позднем меловом периоде 83–70 млн лет назад.

правую руку поверх другой руки, формируя подобие колеса с тремя спицами.

Это напомнило Елене те дни, когда они произносили эти слова вчетвером.

— А что насчет Кэролайн? — спросила она.

Бонни и Мередит переглянулись друг с другом, как бы советуясь.

Затем Мередит покачала головой:

— Ты не захочешь об этом знать. На самом деле, — сказала она.

— Я смогу это принять. На самом деле, — сказала Елена практически шепотом. — Мередит, я была мертва, ты помнишь? Дважды.

Мередит все еще качала головой:

— Если ты не можешь даже смотреть на то фото, то тебе не следует слышать про Кэролайн. Мы дважды ходили повидаться с ней...

— Ты дважды ходила повидаться с ней, — вмешалась Бонни. — Во второй раз, я упала в обморок, и ты оставила меня за дверью.

— Я поняла, что могу потерять тебя навсегда, и я прошу прощения, — Мередит прервалась, когда Бонни взяла ее под руку, и слегка толкнула.

— В любом случае, это был не совсем визит, — сказала Мередит. — Я забежала в комнату Кэролайн перед ее матерью и нашла ее в гнезде, не говоря о том, *что* она ела. Когда она заметила меня, то только рассмеялась и продолжила есть.

— И? — спросила Елена, когда напряжение стало слишком тягостным для нее. — Что это было?

— Я думаю, — мрачно сказала Мередит, — это были черви и слизняки. Она все растягивала их вверх и вверх, и они извивались прежде, чем она съедала их. Но это было не самое худшее. Слушайте, вы сейчас можете только лишь оценить ту ситуацию... она только ухмылялась надо мной, а потом сказала охрипшим голосом: «Перекусишь?», отчего мой рот внезапно наполнился этой извивающейся массой, которая затем спустилась вниз по моему горлу. Так что, меня стошнило прямо на ковер. Кэролайн начала смеяться, я выбежала из комнаты, подхватила Бонни, и мы поспешно вышли из дома и никогда больше не возвращались туда. Но... на полпути к дому я поняла, что Бонни задыхается. Во рту и в носу у нее были черви. Я знаю правила оказания первой помощи; большую часть из них мне удалось вытащить прежде, чем вызвалась рвота. Но...

— Это был опыт, который, я надеюсь, мне больше никогда не выпадет возможность повторить, — отсутствие выражения в голосе Бонни сказало больше, чем то, что мог выразить любой другой пугающий тон.

Мередит продолжила:

— Я слышала, что родители Кэролайн переехали из своего дома, и я не могу обвинить их в этом. Кэролайн уже больше восемнадцати. Что я могу еще добавить... надо молиться, чтобы кровь оборотня победила в ней, потому что это, мне кажется, по крайней мере, менее ужасно, чем малах или что-то... что-то подобное, демоническое. Ну а если все будет наоборот...

Елена оперлась подбородком на колени.

— А миссис Флауэрс что-нибудь может с этим сделать?

— Миссис Флауэрс рада, что Мэтт рядом, как я сказала, они сплоченная команда. И теперь, когда она, наконец, поговорила с людьми двадцать первого века, думаю, ей это нравится.

И, к тому же, она постоянно упражнялась этому ремеслу.

— Ремеслу?

— Да, так она называет свое колдовство. Я понятия не имею хорошо ли она работает или нет, так как у меня нет никого, с кем можно было бы сравнить.

— Ее припарки работают как настоящая магия! — сказала Бонни так же твердо, как и Елена:

— Ее солевые ванны — работают тоже.

Мередит усмехнулась:

— Жаль, что она не здесь, с нами.

Елена покачала головой. Теперь, когда она снова объединилась с Бонни и Мередит, она точно знала, что она никогда не сможет войти в Темноту без них. Они были гораздо больше чем просто ее компания; они были частью ее самой... и здесь каждая из них готова рискнуть своей жизнью ради Стефана и Феллс Чёрча.

В этот момент дверь в комнату открылась. Вошел Деймон, неся пару коричневых бумажных пакетов в своей руке.

— Ну что, все хорошенько попрощались? — спросил он.

Он, казалось, с трудом мог смотреть на обеих гостей, поэтому он остановил свой пристальный взгляд на Елене.

— Ну... Не то, что бы... не совсем, — сказала Елена.

Она подумала, способен ли Деймон выкинуть Мередит через окно с пятого этажа. Может лучше постепенно...

— Потому что мы едем с вами, — сказала Мередит, а Бонни добавила: — Хотя, мы забыли упаковаться.

Елена быстро скользнула вперед и стала так, чтобы оказаться между Деймоном и девочками. Но Деймон только уставился в пол.

— Это плохая идея, — очень тихо сказал он. — Очень, очень, очень плохая идея.

— Деймон не Воздействуй на них! Пожалуйста! — Елена настоящим жестом махнула перед ним руками, а Деймон поднял одну руку в отрицательно жесте, и их руки случайно дотронулись друг до друга... и сплелись.

Электрический удар.

«Но приятный», — подумала Елена, хотя на самом деле у нее не было времени подумать об этом. Она и Деймон отчаянно пытались отдернуть обратно руки, но казалось, не могли это сделать. Слабая электрическая волна бежала от ладони Елены через все тело. Наконец, попытки распутаться увенчались успехом, и они оба, чувствуя вину, повернулись, посмотреть на Бонни и Мередит, которые уставились на них огромными глазами.

Недоверчивыми глазами.

Глазами на лице, которое имело выражение: «Ага! Что тут у нас?» Это был долгий момент, все молчали, и никто не двигался. Затем Деймон серьезно сказал:

— Это не развлекательная поездка. Мы туда едем, потому что у нас нет выбора.

— Не у вас одних, — голос Мередит был бесстрастен. — Если едет Елена, то мы все едем.

— Мы знаем, что это плохое место, — сказала Бонни, — но мы определенно едем с вами.

— Кроме того, у нас есть свои собственные намерения, — добавила Мередит. — Чтобы очистить Феллс Чёрч от зла, которое причинил и сейчас причиняет Шиничи.

Деймон покачал головой.

— Вы не понимаете. Вам там не понравится, — сурово сказал он.

Деймон потряс мобильным телефоном:

— Там нет электроэнергии. Даже обладание одной из этих вещей — преступление. А наказание практически за любое преступление — пытка и смерть, — он подошел к ней на шаг.

Мередит отодвинулась от него в противоположном направлении, а ее темный пристальный взгляд остановился на нем.

— Слушайте, вы даже представить себе не можете, что нужно сделать, чтобы только войти туда, — холодно сказал Деймон. — Во-первых, вам нужен вампир — вам повезло, что один у вас есть. Дальше вам нужно будет сделать многое, что вам не понравится.

— Если Елена сможет это сделать, сможем и мы, — спокойно сказала Мередит, прервав его.

— Я не хочу, чтобы любой из вас причинили боль. Я иду туда ради Стефана, — поспешно сказала Елена, говоря отчасти подругам и отчасти своей сущности, до которой,

наконец, достигли разряды тока и электрические импульсы.

Такое странное чувство сладости, учащенного сердцебиения, как будто сейчас растаешь от удовольствия, взбудоражило все ее тело. Такое неистовое ощущение лишь от прикосновения к чьей-то руке... Елена смогла оторвать глаза от лица Деймона и вернуться к доводу аргументов.

— Ты едешь туда за Стефаном, ведь так, — настаивала Мередит, — и мы едем с тобой.

— Я говорю вам, вам там не понравится. Вы будете все время жалеть об этом, если, конечно, будете живы, — решительно заявил Деймон с безнадежным выражением.

Бонни пристально посмотрела на Деймона своими большими карими глазами, и на ее маленьком сердцевидном личике отразилась мольба. Ее руки крепко сжимали горло. «Сейчас она была похожа на картинку с рекламной афиши», — думала Елена.

Те глаза стоили тысячу логических аргументов. Наконец, Деймон повернулся назад и посмотрел на Елену:

— Ты, вероятно, берешь их с собой на свой страх и риск. Себя я смогу защитить. Но тебя, Стефана и твоих подружек-подростков... я не смогу.

Слушать и понимать все это было шоком. Елена думала об этом иначе, но теперь... Она видела решительность в глазах, в поведении Мередит и видела, как Бонни поднялась на цыпочки, чтобы казаться выше и взрослее.

— Я думаю, что уже решено, — сказала она, стараясь говорить увереннее, хотя слышала, что голос ее дрожал.

В течение долгого времени Елена пристально смотрела в темные глаза Деймона, и затем его лицо озарила улыбка на 250 киловатт. В это же мгновение Деймон выключил свою улыбку и сказал:

— Я вижу. Хорошо, в таком случае, у меня есть дела. Меня, возможно, не будет долгое время, так что не стесняйтесь, пользуйтесь комнатой...

— Елена должна пойти к нам в комнату, — сказала Мередит. — Мне очень многое нужно ей показать. Если мы не сможем взять с собой много вещей, вечером нужно будет все сложить...

— Тогда, встречаемся здесь, скажем, на рассвете, — сказал Деймон, — Мы отправимся к Вратам Дьявола отсюда. И помните, не берите с собой деньги; там они абсолютно не нужны. И, это не каникулы, впрочем, вы скоро это поймете.

Изящным, ироническим жестом он отдал Елене ее сумку.

— Врата Дьявола? — спросила Бонни, когда они направились к лифту.

Ее голос задрожал.

— Тише, — сказал Мередит, — Это всего лишь название.

Елене захотелось не знать и не понимать, когда Мередит врет.

Глава 11

Елена отдернула портьеры, проверяя, не появились ли первые признаки рассвета. Бонни, свернувшись, дремала в кресле у окна. Елена и Мередит не спали всю ночь, и сейчас вокруг них были разбросаны распечатки, газеты и картинки из Интернета.

— Это уже распространилось за пределы Феллс Чёрча, — объяснила Мередит, указывая на статью в одной из газет. — Я не знаю, следует ли это вдоль лей линий или контролируется Шиничи, ну или просто двигается само по себе, как любой паразит.

— Ты пыталась связаться с Алариком?

Мередит взглянула на спящую Бонни. Она говорила тихо:

— Есть хорошие новости. Я долго пыталась связаться с ним, и у меня, наконец, получилось.

Он скоро приедет в Феллс Чёрч, ему только надо сделать еще одну остановку.

У Елены перехватило дыхание:

— Эта еще одна остановка намного важнее того, что происходит в городе?

— Именно поэтому я ничего не сказала об этом Бонни. И Мэтту тоже. Я знала, что они не поймут. Но... я дам тебе одну подсказку, о том какие легенды он исследует на Дальнем Востоке.

Мерedit не отводила темных глаз с глаз Елены.

— Нет... этого не может быть? Китцун?

— Да. Он собирается поехать в очень древнее место, где, предположительно, тем же способом, которым теперь уничтожается Феллс Чёрч, был разрушен другой город. Сейчас там никто не живет. Его название — Унмеи-но-Шима — означает Остров Обреченности. Может быть, он найдет там что-нибудь важное о сущности лисьих душ. Он сейчас занимается одним независимым исследованием, относящимся к разным культурам, с Сабриной Делл. Она ровесница Аларика, но уже знаменитый судебно-медицинский антрополог.

— И ты не ревнуешь? — с неловкостью спросила Елена.

С Мерedit было сложно говорить на личные темы. Задавая ей вопросы, всегда чувствуешь себя назойливой.

— Ну, — Мерedit откинула назад голову. — Не то, чтобы мы с Алариком официально встречаемся.

— Но ты никогда никому об это не говорила.

Мерedit опустила голову и быстро посмотрела на Елену.

— Теперь говорю, — сказала она.

Мгновение обе девушки сидели в тишине. Потом Елена прошептала:

— Ши-но-Ши, китцуны, Изабелл Сайтоу, Аларик и Остров Обреченности — возможно, они и не связаны друг с другом. Но если это так, я выясню, в чем дело.

— И я собираюсь помочь, — просто сказала Мерedit. — Но я думала, что после выпускного...

Елена больше не могла этого выносить:

— Мерedit, я обещаю, как только мы вернем Стефана, и все в городе успокоится, мы свяжем Аларика Планами от «А» до «Я», — сказала она.

Она скользнула вперед и поцеловала Мерedit в щеку:

— Это клятва сестринства Велоцираптора, договорились?

Мерedit дважды моргнула, один раз сглотнула и прошептала:

— Договорились.

Вдруг, она снова стала собой старой и рациональной.

— Спасибо, — сказала она. — Но очистить город может оказаться не такой уж легкой задачей.

Он уже на пути к массовому хаосу.

— И Мэтт захотел быть посреди всего этого? Один? — спросила Елена.

— Как мы говорим, он и миссис Флауэрс — отличная команда, — тихо сказала Мерedit, — и это его выбор.

— Хорошо, — сухо ответила Елена. — В конечном счете, он может оказаться в лучшем положении, чем мы.

Они вернулись к разбросанным газетам. Мерedit подняла несколько изображений китцунов, охраняющих святыни в Японии.

— Здесь говорится, что они обычно изображаются с «украшением» или ключом.

Она показала картинку китцуна с ключом во рту у главных ворот Храма Фушими.

— Ага, — сказала Елена. — Похоже, у ключа два крыла, ведь так?

— Мы с Бонни об этом тоже подумали. И драгоценные камни... хорошо, посмотри внимательно.

Елена взглянула и почувствовала, как у нее свело желудок. Да, они похожи на «снежный шар», тот самый, который Шиничи использовал для создания ловушки в Старом

лесу.

— Мы выяснили, что их называют «хоши-но-тама», — пояснила Мередит, — что переводится как звездный шар. В нем китцуны хранят часть своей магии; уничтожение звездного шара — это один из немногих способов их убить. Если ты завладеешь шаром, то сможешь контролировать его хозяина. Это именно то, что мы с Бонни хотим сделать.

— Но как его найти? — спросила Елена, взволнованная идеей возможности управления Шиничи и Мисао.

— Sa... — сказала Мередит, произнося слово «Sa», как вздох. Затем она улыбнулась одной из своих редких ослепительных улыбок: — На японском это значит: «интересно; хм; не хочу комментировать». О, мой Бог! Черт возьми, Я действительно не знаю. Думаю, мы могли бы использовать подобное слово в английском.

Несмотря ни на что, Елена захихикала.

— Согласно другим источникам, китцуна можно убить Грехом Сожаления или освященным оружием. Я не знаю, что означает первое, но... — Мередит тщательно осмотрела свой багаж и достала несовременный, но выглядящий исправным, револьвер.

— Мередит!

— Он принадлежал моему дедушке — один из пары. Второй у Мэтта. Они заряжены пулями, которые благословил священник.

— Ради Бога, и что за священник освятил пули? — воскликнула Елена.

Улыбка Мередит померкла.

— Тот, кто видел все, что произошло в Феллс Чёрч. Ты помнишь, как из-за влияния Кэролайн Изабелл Сайтоу стала одержимой, и что она с собой сделала?

Елена кивнула.

— Я помню, — сказала она с трудом.

— Ты помнишь, как мы рассказывали, что бабушка — Обаасан Сайтоу девушкой служила в храме? Она японская жрица. Именно она благословила пули для нас, на всякий случай, и специально пули на убийство китцуна. Надо было видеть, какой это жуткий ритуал.

Бонни чуть снова сознание не потеряла.

— Ты знаешь, как сейчас себя чувствует Изабелл?

Мередит медленно тряхнула своей темной головой:

— Лучше, но не думаю, что она осознает все, что случилось с Джимом. Это будет слишком жестоко для нее.

Елена пыталась подавить дрожь. Несчастья в огромном количестве преследовали Изабелл даже после того, как ей стало лучше. Джим Брайс, ее парень, провел лишь одну ночь с Кэролайн, но, несмотря на это, по словам врачей, у него болезнь Леш-Найхана.⁹

Той страшной ночью, когда Изабелл проткнула себе все, что только можно и разрежала язык таким образом, что он стал раздвоенным, Джим — симпатичная звезда баскетбольной команды — съел свои собственные пальцы и губы. По мнению Елены оба они были одержимы и их увечья были еще одной причиной, по которой близнецов китцунэ нужно остановить.

— Мы сделаем это, — сказала она вслух, поняв, что Мередит держит ее за руки так, как будто на ее месте была Бонни.

Елена боролась со слабостью, но, несмотря на это она решительно улыбнулась Мередит.

— Мы освободим Стефана и остановим Шиничи и Мисао. Мы должны это сделать.

В этот раз кивнула Мередит.

— Есть еще кое-что, — сказала она, наконец. — Мне продолжить?

⁹ Синдром Леша-Найхана — заболевание, обусловленное недостаточностью гипоксантинфосфорибозилтрансферазы и проявляющееся подагрой, умственной отсталостью и склонностью к самоповреждению.

— Да, мне нужно знать все.

— Хорошо, каждый прочитанный мной документ утверждает, что китцуны сначала захватывают девушек, а затем самых интересных парней для того, чтобы убить их.

Что за гибель им грозит, зависит от того, каковы их желания. При этом китцуны могут просто превратиться в блуждающий огонек, который заведет в болото, или станет причиной падения со скалы или же они могут воспользоваться такой сложной магией как трансформация.

— О, да, — сказала Елена глухо. — Я поняла это из того, что случилось с тобой и Бонни. Они могут принимать чужой облик.

— Да, но всегда можно найти какой-то недостаток, если немного подумать, то заметишь.

Они никогда не смогут сделать точную копию. Однако они могут иметь до девяти хвостов, и чем больше хвостов, тем они сильнее.

— Девять? Ужасно.

— Мы еще никогда не видели девятисостого.

— Ну, еще все впереди.

— Предполагается, что они могут свободно путешествовать из одного мира в другой.

— О, да.

— Они, как правило, отвечают за Кимон — Врата между мирами. Хочешь угадать как это переводится?

Елена уставилась на нее.

— О, нет.

— О, да.

— Но зачем Деймону нужно было тащить нас через всю страну? Неужели только для того, чтобы пройти через Врата Демонов, которыми пользуются китцуны?

— Sa... но когда Мэтт рассказал нам, что вы направляетесь к местам, расположенным недалеко от Седоны, мы с Бонни подумали именно об этом.

— Отлично.

Елена запустила в волосы руки и вздохнула.

— Что-нибудь еще? — спросила она, чувствуя себя как резко натянутая до предела.

— Только одна причина, по которой тебе следует расслабиться, не смотря на то, через что мы должны пройти. Некоторые из них хорошие. Китцуны, я имею в виду.

— Некоторые из них хорошие — хорошие в чем? Хорошие бойцы? Хорошие убийцы? Хорошие лжецы?

— Нет, Елена, на самом деле. Предположительно некоторые из них что-то вроде богов и богинь, которые вроде как испытывают тебя, и если ты проходишь испытания — они награждают тебя.

— Ты думаешь, что нам стоит рассчитывать, что мы столкнемся с кем-то подобным?

— Нет.

Елена опустила голову на журнальный столик, на котором были разбросаны распечатки Мередит.

— Мередит, серьезно, что мы собираемся делать, после того как пройдем через Врата Демонов? Мои силы сейчас столь же надежны, как и садящаяся батарейка. И дело не только в китцунах. Там будут другие демоны, вампиры — и старейшие тоже! Что нам делать?

Она подняла голову и серьезно заглянула в глаза подруги — те самые темные глаза, цвет которых она никогда не могла определить. К ее удивлению Мередит вместо того, чтобы выглядеть серьезной, допила диетическую колу и улыбнулась:

— Так плана «А» еще нет?

— Ну... может быть, есть одна идея. Но ничего определенного. А у тебя?

— Недостаточно, чтобы претендовать на планы «В» и «С». Так что, то, что мы делаем всегда, то же будет и сейчас, сделаем все от нас зависящее, и будем все спотыкаться и ошибаться, пока ты не сделаешь что-нибудь блестящее, и не спасешь нас всех, — весело

подмигнула Мередит.

Елена знала, почему она не называла Мередит, кратким именем, уже много лет. Никто из них троих, не любил использовать ласкательные имена. Елена продолжила очень серьезно, глядя прямо в глаза Мередит:

— Нет ничего, чего я хочу больше, чем спасти жизнь всех — каждого — от этих ублюдков китцунов. Я отдам свою жизнь ради Стефана, и всех вас. Но... в этот раз, это может быть кто-то еще, кто получит пулю. Или кол.

— Я знаю. Бонни знает. Мы говорили об этом, пока летели сюда. Но мы все еще с тобой, Елена. Знай это. Мы все с тобой.

Был только один способ ответить на это. Елена обоими руками взяла руку Мередит. Потом она глубоко вздохнула, и, словно трогая больной зуб, попробовала узнать новости на болезненную тему:

— А Мэтт... он... ну, что было с ним, когда вы уехали?

Мередит быстро взглянула в ее сторону. Мередит ничего не упускает.

— Он выглядел хорошо, только... был сбит с толку. Он впал в такое состояние, в котором он просто уставился в пустоту, и не услышал бы тебя, если бы ты с ним заговорила.

— Он сказал тебе, почему уехал?

— Ну...отчасти. Он сказал, что Деймон загипнотизировал тебя, и ты ничего не сделала, чтобы остановить его. Но он парень, а парни ревнивы...

— Нет, он был прав с тем, что увидел. Просто дело в том, что я... знаю Деймона немного лучше. А Мэтт — нет.

— Хм-хм.

Мередит наблюдала за ней из под опущенных век, едва дыша, как если бы Елена была птичкой, которую нельзя спугнуть, или она могла бы внезапно упорхнуть.

Елена рассмеялась.

— Тут нет ничего такого, — сказала она. — По крайней мере, я так не думаю. Просто... в некоторой степени Деймону нужна помощь, даже больше, чем Стефану, когда он впервые приехал в Феллс Чёрч.

Мередит сдвинула брови, но все что она сказала, было: — «м-хм».

— И... Я думаю, что, в действительности, Деймон любит Стефана больше, чем показывает.

Мередит подняла брови. Елена, наконец, взглянула на нее. Она открыла рот один раз, или дважды, но затем, просто смотрела на Мередит.

— Я в беде, да? — беспомощно сказала она.

— Если все это началось меньше, чем за недельную поездку с ним в одной машине, тогда — да. Но мы должны вспомнить, что Деймон как раз специализируется на женщинах. И он думает, что влюблен в тебя.

— Нет, он действительно... — начала Елена, но потом она закусила нижнюю губу. — О Боже, это то, о чем Деймон говорил. Я в беде.

— Давай просто понаблюдаем и посмотрим, что происходит, — сказала Мередит со здравомыслием. — Он, разумеется, тоже изменился. Раньше, он просто говорил тебе, что твоим друзьям нельзя приезжать — но это случилось. Сегодня он слонялся поблизости и прислушивался.

— Да. Я просто должна... должна быть настороже с этого времени, — немного заколебавшись, сказала Елена.

Как она сможет помочь тому ребенку внутри Деймона, без того чтобы сблизится с ним? И как она объяснила бы, все, что она, возможно, должна сделать — Стефану?

Елена вздохнула.

— Все, вероятно, будет хорошо, — пробормотала Бонни засыпая.

Мередит и Елена повернулись взглянуть на нее, и Елена почувствовала, как холод прошел по ее спине. Бонни с усилием сидела, но ее глаза были закрыты, а голос невнятным.

— Настоящий вопрос, это: что скажет Стефан о ночи в мотеле с Деймоном?

— Что? — голос Елены был пронзительный и достаточно громкий, чтобы разбудить всех спящих.

Но Бонни не пошевелилась.

— Что произошло? Какая ночь, в каком мотеле? — потребовала Мередит.

Когда Елена немедленно не ответила, она поймала ее руку и повернула ее так, чтобы быть с ней лицом к лицу. Наконец, Елена взглянула на подругу. Но ее глаза, она знала, ничего не покажут.

— Елена, о чем она говорит? Что произошло с Деймоном?

Елен все еще идеально скрывала эмоции на лице, и использовала слово, которое выучила только этим вечером:

— Sa...

— Елена, ты не возможна! Ты не бросишь Стефана после того, как спасешь его?

— Нет, конечно нет! — Елене стало больно. — Стефан и я принадлежим друг другу — навсегда.

— Но ты, тем не менее, провела ночь с Деймоном, в которую что-то случилось между вами.

— Кое-что... я полагаю.

— И этим «кое-что» было?..

Елена улыбнулась извиняющаяся.

— Sa...

— Я вытащу это из него! Я сдвину эту его оборону....

— Ты можешь придумать План «А» и План «Б» и все, — сказала Елена. — Но это не поможет.

Шиничи забрал его воспоминания. Мередит, мне жаль — ты не представляешь, как жаль. Но я поклялась, что никто никогда не узнает.

Она взглянула на высокую девушку, чувствуя полные глаза слез.

— Ты не можешь, просто — один раз — оставить все как есть? — Мередит ослабила окружение. — Елена Гилберт, миру повезло, что ты только одна. Ты...

Она остановилась, будто решая произнести это слово или нет. Потом она сказала:

— Пора идти в кровать. Рассветает рано итак, Врата Дьявола.

— Мередит!

— Что опять?

— Спасибо тебе.

Глава 12

Врата Дьявола. Елена посмотрела через плечо на заднее сидение «Приуса». Бонни сонно моргала. Мередит, которая гораздо меньше спала, но слышала намного больше тревожных новостей, выглядела как натянутая струна: напряженной, сосредоточенной и холодной как лед, и в полной готовности. Смотреть больше было не на что, кроме как на Деймона за рулем «Приуса» и его бумажные пакеты на заднем сиденье. За окном, где засушливый аризонский рассвет должен был освещать путь через горизонт, был только туман.

Это пугало и дезориентировало. Они выбрали небольшую дорогу — Шоссе 179, и постепенно туман подбирался к машине, и, наконец, окутал ее целиком. Елене казалось, что их намеренно пытались отключить от привычного мира Макдональда и Таргета,¹⁰ чтобы

¹⁰ Target Corporation (NYSE: TGT) — сеть магазинов розничной торговли. Была основана в Миннесоте в 1962 году. Является шестым крупнейшим ритейлером в США.

пересечь границу в том месте, о котором они не должны были знать, а тем более попасть в него.

В противоположную сторону машины не проезжали.

Совсем.

И как бы пристально Елена не всматривалась в окно, это было похоже на попытку смотреть сквозь быстро летящие облака.

— Не слишком ли быстро мы едем? — спросила Бонни, протирая глаза.

— Нет, — сказал Деймон.

— Это было бы замечательным совпадением, если кто-то еще ехал бы тем же маршрутом в то же время, что и мы.

— Очень напоминает Аризону, — разочаровано сказала она.

— Это может быть и Аризона, кто знает... — ответил Деймон. Но мы еще не проехали сквозь Врата. А они не находятся где-то в Аризоне, куда бы вы могли случайно попасть. Дорога туда имеет свои маленькие хитрости и ловушки. Проблема в том, что ты никогда не знаешь, с чем столкнешься. Теперь послушай, — добавил он, глядя на Елену с выражением, которое она знала. Оно означало: «я не шучу, я говорю с тобой на равных, я серьезен».

— Ты очень хорошо научилась показывать только человеческую ауру, — сказал Деймон. — Но это означает, что ты можешь научиться еще одной вещи, прежде чем мы войдем туда. Ты можешь использовать свою ауру, заставить ее сделать что-нибудь хорошее, когда тебе понадобится, вместо того, что бы просто ее прятать или ждать, пока она неожиданно выйдет из-под контроля, и поднимет машины весом в три тысячи фунтов.

— Что именно хорошее?

— То, что я собираюсь тебе показать. Сначала, просто расслабься и позволь мне контролировать это. Затем я потихоньку ослаблю контроль и передам его тебе. В итоге, ты сможешь направить свою Силу к своим глазам — твоё зрение усилится в разы; ушам — и слух станет намного резче; конечностям — и твои движения станут быстрее и точнее. Все в порядке?

— Ты не мог научить меня этому до того, как мы начали эту маленькую экскурсию?

Он широко и беззаботно улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ, хотя не знала, что его улыбка могла означать.

— Пока ты не показала, насколько хорошо ты можешь контролировать свою ауру, я не думал, что ты готова, — сказал он прямо. — Теперь готова. В твоём сознании что-то ожидает, чтобы его разблокировали. Ты поймешь, когда мы это откроем.

«И мы откроем это... чем? Поцелуем?» — с подозрением подумала Елена.

— Нет, нет. И это еще одна причина, почему ты должна научиться этому. Твоя телепатия выходит из-под контроля. Если ты не научишься скрывать свои мысли, ты никогда не пройдешь контрольный пункт Врат, как человек.

Контрольно-пропускной пункт. Это звучит зловеще. Елена кивнула и сказала:

— Ладно, что будем делать?

— То, что делали и раньше. Как я сказал, расслабься. Попробуй довериться мне.

Он положил свою правую руку ей на ребро, не дотрагиваясь до материи ее насыщенно-золотой блузки. Елена почувствовала, что краснеет, и подумала, что Бонни и Мередит могут подумать об этом, если они смотрят. И затем, Елена почувствовала еще кое-что. Это был не холод; это был не жар, но что-то похожее на смесь того и другого. Это была чистейшая энергия. Она сбивала бы ее с ног, если бы Деймон не держал ее под локоть своей другой рукой. Она подумала, что он использует свою Силу для того, чтобы зарядить ее, для того, чтобы сделать что-то... что-то, причиняющее боль. *Нет!* Елена попыталась вслух и телепатически донести до Деймона, что Силы слишком много и она делает ей больно. Но Деймон проигнорировал ее мольбы, так же как он проигнорировал и ее слезы, текущие по щекам. Сейчас его сила вела ее силу сквозь ее тело, причиняя боль. Ее кровообращение тянуло ее собственную Силу как хвост кометы. Оно заставляло ее посылать Силу в разные части тела, и там расти и расти, не позволяя ей вздохнуть или пошевелиться.

«Я начинаю взрываться» — все это время ее глаза были прикованы к глазам Деймона, посылая ему калейдоскоп своих чувств: от возмущенной злости до потрясения от мучительной боли до... а потом ... ее сознание взорвалось.

Остальная часть ее Силы потекла без боли. Каждый новый вздох добавлял все больше Силы, но она просто циркулировала через кровообращение, не увеличивая ее ауру, но увеличивая ее Силу, которая была в ней.

Через два-три быстрых вдоха она поняла, что делала это без особых усилий. Теперь Сила Елены не просто плавно перемещалась у нее внутри, выглядя со стороны, как у любого другого человека.

Кроме того, она была заполнена несколькими внезапно вспыхнувшими приливами энергии в точках пересечения потоков, и там, где они возникали, что-то менялось. Она поняла, что смотрит на Деймона круглыми глазами. Он мог бы рассказать ей о том, что она почувствует, вместо того, а не отпустить ее в слепую.

«Ты действительно настоящий подлец, не так ли?» — подумала Елена и с удивлением почувствовала, как Деймон услышал ее мысли, и почувствовала его автоматический ответ, означающий довольное согласие.

Тогда Елена забыла о нем, открыв новую способность. Она поняла, что может контролировать циркуляцию Силы внутри себя и даже делать ее больше и больше, готовясь к настоящему взрыву, а внешне ничего не будет заметно.

А узлы...

Елена посмотрела на то, что несколько минут назад было бесплодной пустыней. Свет пулями проходил через оба ее глаза. Она была поражена, она была в восторге. Цвета, казалось, ожили в болезненной великолепии. Она почувствовала, что может видеть намного дальше, чем когда-либо все глубже сквозь пустыню и одновременно она могла увидеть зрачки Деймона в радужных оболочках.

«Ведь они оба черные, но разных оттенков черного», — подумала она. — «Конечно, они должны подходить друг другу — откуда у Деймона могут быть радужные оболочки, не гармонирующие со зрачками. Но радужные оболочки были более фиолетовыми, тогда как зрачки были более шелковистыми и блестящими. Тем не менее, фиолетовый может содержать свет внутри — почти как ночное звездное небо, как эти Звездные Шары китцуна, о которых мне рассказывала Мередит».

Сейчас эти зрачки были расширены и упорно сосредоточены на ее лице, как будто Деймон не хотел пропустить ее реакцию. Вдруг уголки его губ ехидно сложились в слабую улыбку.

— Ты сделала это. Ты научилась направлять Силу на глаза, — он говорил еле слышным шепотом, который она никогда бы не услышала раньше.

— И на свои уши, — прошептала она в ответ, слушая удивительную симфонию слабых звуков вокруг.

Высоко в воздухе пропищала летучая мышь на частоте слишком высокой для обычного человеческого слуха. Что касается падения песчинок вокруг нее, они образовали что-то вроде слабого концерта, во время падения на скалу, и подпрыгивания с еле слышным звоном прежде, чем упасть на землю.

«Это удивительно», — сказала она Деймону, слыша самодовольство в своем телепатическом голосе.

«И я могу таким образом говорить с тобой в любое время?» — она должна была следить за собой — телепатия угрожала передать получателю больше, чем она хотела.

«Лучше быть осторожней», — согласился Деймон, подтверждая ее опасения. Она отправила больше, чем хотела.

«Но, Деймон, Бонни тоже может делать это? Если я попытаюсь показать ей?»

— Кто знает? — Деймон ответил вслух, что заставило Елену поморщиться. — Учить людей управлять Силой — не мой конек.

«А что на счет моих Крыльев, обладающих различными видами Силы? Смогу ли я

теперь их контролировать?»

«Об этом я совершенно ничего не знаю. Я никогда не встречался ни с чем подобным». Деймон выглядел задумчиво, затем потряс головой.

«Я думаю, тебе нужен кто-то более опытный, чем я, чтобы научить тебя их контролировать».

До того, как Елена успела что-то сказать, он кивнул:

«Нам лучше вернуться к остальным. Мы почти достигли Врат».

«И, как я полагаю, тогда не следует использовать телепатию».

«Ну, это довольно очевидно».

«Но ты научишь меня позже, не так ли? Всему, что ты знаешь о Силе?»

«Наверное, этим стоит заняться твоему парню, — почти грубо произнес Деймон.

«Он боится», — подумала Елена, пытаясь спрятать свои мысли за стеной белого шума, чтобы Деймон их не услышал. «Он так же боится открыться мне, как я боюсь его».

Глава 13

— Так вот, — произнес Деймон, когда они с Еленой подошли к Бонни и Мередит. — Сейчас предстоит самое трудное.

Мередит подняла глаза на него:

— Сейчас начинается...

— Да. По-настоящему сложный этап

Деймон, наконец, расстегнул таинственный черный кожаный мешок.

— Послушайте, — сказал он очень тихим голосом, — это те самые врата, через которые нам придется пройти. И когда мы будем это делать, вы можете абсолютно спокойно кричать и нервничать, это будет естественным поведением для вас, потому что вы станете пленницами.

Он вытащил несколько кусков веревки. Елена, Мередит, и Бонни одновременно приблизились к друг другу в автоматическом порыве дружбы и единения.

— Что, — протянула Мередит, новым вопросом решив устранить все свои сомнения, — эти веревки для...

— Они для того, чтобы связать руки.

— Чтобы что? — удивилась Елена.

Она никогда не видела Мередит настолько озлобленной. И сама она не могла выговорить и слова. Мередит подошла и теперь смотрела на Деймона с расстояния примерно в четыре дюйма.

«И ее глаза были серыми!» — некая отдаленная часть Елениного сознания воскликнула в изумлении. Насыщенного, глубокого, таинственного, чистого серого. — «Я все думала, что они коричневые, но это не так».

Тем временем Деймон с тревогой наблюдал за реакцией Мередит.

«Этого взгляда даже Тираннозавр Рекс испугался бы», — подумала Елена.

— И ты надеешься, что мы пойдем дальше со связанными руками? А что будешь делать ты?

— А я буду исполнять роль вашего хозяина, — добавил Деймон, блеснув в их сторону улыбкой, которая мгновенно исчезла. — Вы трое — мои рабыни.

Наступила продолжительная тишина. Елена жестом отмахнулась от кучи веревок.

— Мы не будем этого делать, — ее голос стал тише. — Не будем. Должен быть другой выход.

— Ты хочешь спасти Стефана или нет? — требовательно воскликнул Деймон. Его взгляд, остановившись на Елене, пылал темным огнем.

— Конечно, хочу! — воспоминания заставили ее щеки покраснеть, — но не в образе

рабыни, покорно следующей за тобой!

— Это единственный способ для живых людей попасть в Темное Измерение, — голос Дэймона стал скучающим. — Связанные или скованные цепью, в качестве собственности вампира, китцуна, или демона.

Мерedit покачала головой:

— Ты нам этого не говорил...

— Я говорил вам, что путь туда вам не понравится! — даже отвечая Мерedit, глаза Дэймона смотрели на Елену.

«Не смотря на внешнюю холодность, казалось, он умолял ее понять его доводы», — подумала она.

Раньше он бы просто лениво облокотился на стену, приподнял брови и сказал: «Отлично. Я и сам не особо хотел туда идти. Кто за то, чтобы устроить пикник?»

«Но Дэймон хотел, чтобы они пошли туда», — осознала Елена. — «Он отчаянно хотел, чтобы они пошли туда. Но он не знал, как по-другому честно сказать им об этом. Единственный способ, который он знал — это...»

— Ты должен пообещать нам кое-что, Дэймон, — сказала она, глядя ему в глаза. — И ты должен это сделать до того, как мы примем решение пойти туда или нет.

Она увидела облегчение в его глазах, в то время как для остальных его лицо оставалось хладнокровным и невозмутимым. Она знала, что он был рад, что она еще не приняла окончательное решение.

— Пообещать что? — спросил Дэймон.

— Ты должен поклясться — дать слово — неважно, что мы решим сейчас или в Темном Измерении, ты не станешь Воздействовать на нас. Ты не станешь усыплять нас, контролируя сознание, или подталкивать нас делать то, что тебе захочется. Ты не будешь использовать вампирские уловки на нашем разуме.

Дэймон не был бы Дэймоном, если бы не начал спорить:

— Но, смотрите, предположим, наступит момент, когда вы захотите, чтобы я сделал это? Будет что-то там, через что вам лучше было бы пройти во сне...

— Тогда мы скажем тебе, что изменили наше желание, и освободим тебя от обещания. Видишь? Здесь нет никакого подвоха. Ты просто поклянись.

— Ладно, — сказал Дэймон, все еще держа на ней пристальный взгляд. — Я клянусь, я не стану применять какую-либо Силу на ваш разум; что бы не случилось, я не буду воздействовать на вас, пока вы меня не попросите. Я даю слово.

— Хорошо.

Наконец, с еле заметной улыбкой и кивком Елена отвела взгляд. И Дэймон ответил ей практически неуловимым кивком. Она отвернулась и поймала на себе испытывающий взгляд коричневых глаз Бонни.

— Елена, — прошептала Бонни, потянув ее за руку. — Подойди сюда на секунду, хорошо? Елена едва ли могла сопротивляться этому. Бонни была сильна как маленькое Уэльское пони. Елена подошла, бросая через плечо бессильный взгляд на Дэймона.

— Что? — прошептала она, когда Бонни перестала ее тащить. Мерedit тоже подошла, рассчитывая, что вопрос касался всей их девичьей компании.

— Ну?

— Елена, — выпалила Бонни, как будто больше не могла держать слова внутри себя, — то, как ты и Дэймон ведете себя, совсем отличается от того, как было раньше. Раньше вы не... То есть, что именно случилось между вами, пока вы были вместе?

— Это совсем не подходящее время, — прошипела Елена. — У нас тут большие неприятности, в случае, если ты не заметила.

— Но, что если... — Мерedit оставила предложение незаконченным, убирая локон темных волос с глаз. — Что если, это что-то, что не понравится Стефану? Как то, «что произошло между Дэймоном и тобой, когда вы были одни в мотеле той ночью?» — закончила она, цитируя слова Бонни.

Бонни открыла рот:

— В каком мотеле? Когда ночью? Что случилось? — она почти кричала, Мередит пыталась успокоить ее, и больно схлопотала по руке.

Елена посмотрела сначала на одну подругу, затем на другую — двух подруг, которые умрут за нее, если понадобится. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Это было так не честно, но...

— Мы можем просто обсудить это позже? — предложила она, пытаясь показать глазами и бровями, что их может услышать Деймон!

Тогда Бонни прошептала:

— В каком мотеле? Какой ночью? Что...

Елена прервала ее.

— Ничего не произошло, — категорически сказала она. — Мередит всего лишь процитировала тебя, Бонни. Ты сказала эти слова прошлой ночью, когда спала. И может быть, когда-нибудь в будущем, ты расскажешь нам, о чем ты говорила, потому что я не знаю, — закончила она, посмотрев на Мередит, которая только подняла свою идеальную бровь.

— Ты права, — совершенно разочарованно сказала Мередит. — В английском языке могло бы использоваться такое слово как «sa».

— Для начала, это бы значительно укоротило наш разговор, — вздохнула Бонни. — Ну, тогда я выясню все сама. Вы можете думать, что у меня не получится, но я смогу

— Ну хорошо, а теперь у кого-нибудь есть что сказать по поводу этой идеи Деймона с веревками?

— Например, мы должны сказать, куда ему их себе заткнуть? — тихонько предложила Мередит.

Бонни взяла веревку. Она обернула ее вокруг тонкого, белого запястья.

— Я не думаю, что он купил ее с плохими намерениями, — сказала она, взгляд ее карих глаз опустел и голос, приобрел довольно жуткий тон, так было всегда, когда она входила в состояние транса.

— Я вижу парня и девушку, около прилавка в хозяйственном магазине. Она смеется, а парень говорит ей: «Ставлю на что угодно, что в следующем году ты пойдешь в колледж учиться на архитектора». Глаза девушки становятся туманными, она соглашается и...

— С меня хватит на сегодня откровений шпионящего за мной экстрасенса, — Деймон тихо подошел вплотную к троице.

Бонни подпрыгнула и практически выронила веревку из рук.

— Послушайте меня, — Деймон продолжил резким тоном, — в сотне метров отсюда последняя точка перехода. Или даете связать вам руки, и ведете себя как рабыни, или вообще не попадаете туда, чтобы спасти Стефана. Никогда. Вот и все.

Девушки совещались молча, переглядываясь друг с другом. Она знала, что выражение ее лица однозначно говорило о том, что она не просит Бонни и Мередит следовать за ней, но сама пойдет в любом случае, даже если ей придется ползти за Деймоном на четвереньках.

Мередит взглянула прямо в глаза Елены, медленно прикрывая свои, и кивнула головой, выдыхая. Бонни тоже кивнула, подписываясь на эту авантюру. Молча Бонни и Мередит позволили Елене связать им запястья. Запястья Елены связал Деймон и протянул между тремя еще одну веревку, как будто они были группой каторжниц. Елена почувствовала, как внутри нее поднялся поток энергии, прилив к щекам.

Она не отважилась посмотреть Деймону в глаза, не в таком положении, но, даже не спрашивая, она знала, что его воспоминания были о том, как Стефан выкинул его как собаку из своей комнаты, на глазах у той же компании, в которой он находился сейчас, не считая Мэтта.

«Мстительный грубиян», — подумала Елена, с трудом пряча мысли от Деймона. Она знала, что последние слова не принесли бы пользы. «Деймон был горд за свое поведение джентльмена...»

«Но джентльмены не заходят в Темное Измерение», — сказал его насмешливый голос в ее голове.

— Ладно, — вслух добавил Деймон, и взял в руку конец веревки. Он быстро шагал в темноту пещеры, а трое подруг спотыкались и наталкивались друг на друга, еле поспевая за ним.

Елена навсегда запомнит это небольшое путешествие, наверняка, так же как Мередит и Бонни. Они прошли через широкий вход в пещеру и вошли в маленькое отверстие в глубине, напоминающее зловещую пасть. Им потребовалось продемонстрировать чудеса ловкости, чтобы проникнуть внутрь троим сразу. Внутри пещера снова расширилась, стала просторной. По крайней мере, так говорили Елене ее обостренные ощущения.

Вечный туман снова вернулся, и Елена не имела ни малейшего понятия, куда они шли.

Только через несколько минут из густого тумана показались строения. Елена не знала, какими будут эти Врата Демонов. Возможно, это будут огромные деревянные черные двери, с резными изображениями змей и инкрустированные драгоценными камнями.

Возможно грубый, полуразвалившийся каменный колосс, как Египетские пирамиды.

Возможно даже своего рода футуристическое энергетическое поле, которое сверкает и вспыхивает сине-фиолетовыми лучами.

Однако то, что она увидела, было похоже на полуразвалившийся склад, место, куда привозили и откуда отправляли товар.

Там же была пустая хорошо огороженная площадка с колючей проволокой наверху.

Оттуда жутко пахло, и Елена была рада, что она и Деймон не направляли свою Силу на усиление чувства обоняния.

Там были люди, мужчины и женщины в элегантных костюмах, каждый с ключом в руке, они бормотали что-то, прежде чем открыть дверь по другую сторону здания. Одну и ту же дверь, но Елена могла поклясться чем угодно, что не все они собирались попасть в одно и то же место, если их ключи были такими же, как тот, что она неделю или две назад позаимствовала в доме Шиничи.

Одна из дам была одета так, будто она собиралась на костюмированный бал: в ее темно-рыжих волосах виднелись лисьи уши.

Только когда Елена увидела на уровне лодыжки женщины кончик лисьего хвоста, она поняла, что женщина была китцуном, использующая возможности Врат Демонов. Деймон торопливо — и не слишком аккуратно — протаскил их через все здание к шатающейся на петлях двери, ведущей в ветхую комнатку, которая оказалась больше, когда в нее войдешь, чем когда смотришь извне. В ней продавали и меняли все виды вещей: многие находящиеся в ней, по всей видимости, имели отношение к торговле рабами. Елена, Мередит, и Бонни смотрели друг на друга, вытаращив глаза. Понятное дело, что люди, приводящие мятежных рабов извне, считают пытки и устрашение обычным делом.

— Места для четверых, — сказал кратко Деймон узкому в плечах, но плотному мужчине, стоящему перед ним.

— Три дикарки сразу? — мужчина, пожиривший глазами девушек, повернулся и подозрительно взглянул на Деймона.

— Ну что сказать? Моя работа, это и мое хобби, — Деймон смотрел ему прямо в глаза.

— Да, но... — мужчина рассмеялся. — В последнее время, мы принимаем на хранение, может одного или двоих в месяц.

— Они по закону мои. Не похищенные. На колени, — небрежно добавил Деймон трем девушкам.

Именно Мередит выполнила его приказание первой, опустившись на землю, будто балерина. Ее темные, темно-серые глаза сосредоточились на чем-то, что могла видеть только она. Елена постаралась отвлечься от всего. Она мысленно представила, будто наклоняется, чтобы поцеловать Стефана, лежащего на соломенном тюфяке. Кажется, это сработало. Но Бонни была все еще на ногах. Самый зависимый, тихий и невинный член троицы обнаружила, что ее колени онемели.

— Упрямая, да? — спросил мужчина, строго разглядывая Деймона, даже когда тот улыбнулся. — Может тебе обменять ее на более сговорчивую.

— Возможно, — натянато проговорил Деймон.

Бонни смотрела на него безучастно, потом глянула на склонившихся девушек и упала на землю. Елена услышала, как она тихо всхлипнула.

— Но я знаю, что уверенный тон и осуждающий взгляд на самом деле срабатывают надежнее.

Мужчина сдался и снова тяжело сел.

— Билеты на четверых, — проворчал он и, протянув руку, потянул за грязную веревку колокола.

В этот момент Бонни заплакала от страха и унижения, но никто не заметил этого, кроме девушек. Елена даже не пыталась успокоить ее телепатически; это не совсем соответствовало ауре «нормальной человеческой девушки», и кто знал, какие здесь могут быть спрятаны ловушки или устройства в дополнение к мужчине, раздевающему их глазами снова и снова? Ей просто хотелось вызвать одну из атак Крыльев, прямо сейчас в этой комнате.

Это могло бы стереть самодовольную ухмылку с его лица. Спустя мгновение кое-что действительно стерло его полностью, как она того желала.

Деймон перегнулся через стойку и прошептал мужчине что-то, от чего его лицо с плотоядным выражением лица приобрело болезненно зеленый оттенок.

«Ты слышала, что он сказал?» — спросила Елена Мередит, используя только глаза и брови.

Мередит, чьи глаза были зажмурены, расположила свою руку напротив живота Елены, сделав вращательное, разрывающее движение. Даже Бонни улыбнулась.

Потом Деймон вывел их из сарая подождать снаружи. Они стояли всего несколько минут, когда Елена своим новым зрением разглядела лодку, бесшумно скользившую во мгле. Она поняла, что здание находится на самом берегу реки, но даже с Силой, направленной прямо в ее глаза, она с трудом могла разобрать, где земля перетекала в искрящуюся воду, и даже с Силой, направленной прямо ей в уши, она с трудом разбирала звуки стремительно бегущей воды. Лодка каким-то образом остановилась.

Елена не увидела ни брошенного якоря, ни чего-либо еще, чтобы закрепить ее. Но суть была в том, что лодка остановилась, и ухмыляющийся мужчина опустил планку, которая находилась как раз в том месте, где они пришвартовались: сначала Деймон, затем кучка его «рабынь».

В лодке Елена видела, как Деймон молча отдал шесть слитков золота перевозчику — по два за каждого — она подумала, что это может быть билет в один конец. На мгновение в ее памяти всплыла картина из детства: ей около трех, она сидит на коленях отца, читающего ей восхитительно иллюстрированную книгу греческих мифов. Она повествовала о Хароне, переправлявшем духов умерших через реку Стикс в Страну Мертвых. Ее отец рассказывал, что греки клали монеты на глаза умерших, чтобы те могли заплатить перевозчику...

«Из этого путешествия не вернуться!» — внезапно и неистово подумала она. — «И не спастись! Они действительно могут умереть»...

Странно, но это мрачное настроение вывело ее из трясины страха. Как только она подняла голову, возможно, чтобы закричать, тусклая фигура паромщика отвлеклась от своих обязанностей, как если бы он хотел взглянуть на своих пассажиров. Елена услышала крик Бонни. Мередит трясло, она отчаянно и бессмысленно искала сумку, в которой лежал ее пистолет. Даже Деймон не выглядел способным двигаться.

У высокого призрака в лодке не было лица. На месте глаз были глубокие впадины, дыра вместо рта и треугольное углубление там, где должен быть нос. Жуткий ужас от увиденного, сильный смрад в том сарае, все это было уж слишком для Бонни, она резко опустилась, и медленно потеряла сознание, напротив Мередит.

На пике ее ужаса у Елены наступил момент откровения.

В тусклых, влажных, мокрых сумерках она забыла о необходимости использовать все свои ощущения для их сдерживания. Несомненно, она была способна лучше разглядеть нечеловеческое лицо перевозчика, чем, скажем Мередит. Она так же могла слышать такие вещи как, звуки стучавших по камню орудий горняков, над ними, и возню огромных летучих мышей, или тараканов, или кого-то еще в каменных стенах, повсюду. Но сейчас, Елена внезапно почувствовала теплые слезы на холодных щеках, когда осознала, что полностью недооценивала Бонни, все то время, пока знала о телепатических способностях своей подруги.

Если чувства Бонни постоянно были открыты разного рода ужасам, которые, в эту минуту, Елена испытала на себе, то было неудивительно, что Бонни жила в страхе. Елена поняла, что обещает себе, быть чертовски более терпимой в следующий раз, когда Бонни споткнется или начнет кричать. Бонни, на самом деле, заслужила нечто вроде награды, за то, что до сих пор сохраняла власть над здравомыслием, решила Елена. Но Елена не рискнула на что-то большее, чем пристально посмотреть на ничего не осознающую подругу, и поклясться себе, что отныне, Бонни обнаружит чемпиона в Елене Гилберт.

Это обещание и теплота, зажженная как свеча в уме Елены, свеча, которую она, мысленно изобразив, поднесла к Стефану, свет от которой танцевал в его зеленых глазах и играл на его лице.

Этого было вполне достаточно, чтобы уберечься от потери здравого рассудка за оставшееся время поездки.

Тем временем, лодка пришвартовалась у места, совсем недалеко от того, с которого они отправились. Все три девушки были в состоянии истощения, вызванного затянувшимся страхом и мучительной неизвестностью.

Однако они не использовали время, чтобы обдумать слова «Темное Измерение» или вообразить число возможностей, в которых могла быть проявлена его темнота.

— Наш новый дом, — мрачно сказал Деймон.

Вместо того чтобы осматривать окрестности, Елена наблюдала за Деймоном. Его шея и плечи были напряжены, он явно не испытывал удовольствия. Она думала, что он направляется в его любимый специфический рай, мир рабов людей, где единственным правилом было самосохранение личного эго.

Теперь она осознала, что была не права.

Для Деймона это был мир существ с большой или большей Силой, чем его собственная.

Ему придется сражаться за достойное место среди них, как уличному мальчишке, с той лишь разницей, что он не мог позволить себе допускать какие-либо ошибки. Им нужно найти способ не просто жить, а роскошно жить и вращаться в высшем обществе, чтобы иметь хоть малейший шанс спасти Стефана.

Стефан — нет, она не могла позволить себе думать о нем в этот момент.

Если она начнет делать это, она приблизит свою гибель, ведь она начнет требовать невозможного, например, отправиться искать тюрьму, просто чтобы посмотреть на нее, как маленький мальчик восхищается более старшим мальчиком, и бежит за ним, куда бы тот не подался.

Это может не лучшим образом отразиться на их плане устроить побег из тюрьмы. План «А» был таким: не делать ошибок, и Елена будет придерживаться его, пока не придумает лучший план.

Именно так, Деймон и его «рабыни» переехали в Темное Измерение, через Врата Дьявола.

Самую младшую из рабынь необходимо было привести в себя, ей намочили лицо водой, чтобы она могла подняться и следовать за остальными.

Глава 14

Торопясь за Деймоном, Елена старалась не смотреть по сторонам. Она бы увидела слишком много там, где Бонни и Мередит смогли различить только неопределенную темноту.

По обеим сторонам от дороги находились здания, очевидно, туда пригоняли рабов для продажи или покупки, или для дальнейшей пересылки. В темноте Елене послышался детский плач, и если бы она сама не была настолько напугана, она бы уже побежала искать обиженных малышей.

«Но я не могу это сделать, потому что я тоже сейчас рабыня», — подумала она, и задрожала до кончиков пальцев. — «Я больше не обыкновенный человек. Я — часть чьей-то собственности».

Она сверлила взглядом затылок Деймона, удивляясь, как ему все-таки удалось втянуть ее в эту авантюру. Она осознала, что означает быть рабыней — кстати, удивительно то, что она уже имела интуитивное представление об этом — и это было Абсолютно Ужасно.

Это означало, что она может... хорошо, что с ней может случиться все что угодно, и это больше никого не касалось, кроме ее хозяина. И ее хозяином (как ему только удалось уговорить ее на это?) был Деймон. Хозяин их всех. Он мог продать трех девушек — Елену, Мередит и Бонни — и через час быть уже далеко отсюда с выручкой.

Они поспешили пройти территорию порта, девушки, не отрываящие взгляд от своих ног, пытаясь не споткнуться. И затем они добрались до вершины холма. Под ними в образовании в форме кратера был город. По краям были трущобы, и город был густо населен едва не до самого места, где они стояли. Но напротив была мелкая проволочная сетка, которая отделяла их, но в то же время позволяла наблюдать за городом с высоты птичьего полета. Если бы они все еще находились в пещере, то эта была бы самая величайшая из воображимых — но под землей они больше не были.

— Это произошло в какой-то момент, когда мы переплывали на пароме, — сказал Деймон. — Мы сделали что-то вроде поворота в пространстве.

Он попытался объяснить, а Елена пыталась его понять.

— Когда проходишь сквозь Ворота Дьявола, то оказываешься уже не в Земном Измерении, а в совершенно ином.

Елена лишь посмотрела в небо, чтобы поверить ему. Созвездия были другие; не было ни Малой, ни Большой Медведицы, ни Полярной звезды.

Зато было солнце.

Оно было гораздо больше, но и более тусклым по сравнению с земным солнцем и никогда не покидало горизонт. Все время его было видно только наполовину, понятие дня и ночи, как заметила Мередит, потеряли свое истинное значение. Когда они приблизились к воротам из проволочной сетки, которые, в конечном счете, выпустили бы их из рабовладельческой области, то были остановлены, как потом узнала Елена, Стражем.

Также она узнает, что в некотором смысле Стражи — правители Темного Измерения, а также что сами они пришли из другого далекого места, и это выглядело практически так, будто они навсегда захватили этот маленький кусочек Ада, пытаясь руководить королями и феодалами трущоб, которые поделили между собой город.

Стражем была высокая девушка с волосами того же цвета, что и у Елены — цвета настоящего золота — длиной до плеча, и она не обращала никакого внимания на Деймона, но немедленно обратилась к Елене, стоящей первой за ним.

— Зачем вы здесь?

Елена была очень рада тому, что Деймон научил ее контролировать свою ауру. Она сконцентрировалась на этом, пока ее мозг работал со сверхзвуковой скоростью над тем, какой ответ на вопрос будет подходящим. Ответ, что оставил бы их свободными и не отправил бы домой.

«Деймон не готовил нас к этому», — была ее первая мысль. Следующая: «Нет, он же никогда не был здесь раньше. Он не знает, по каким правилам здесь живут, только

некоторые вещи. И если будет выглядеть так, будто эта девушка пытается стать препятствием на его пути, то он может просто сойти с ума и напасть на нее», добавил предупредительный голосок где-то в подсознании Елены.

Елена удвоила скорость составления плана. Умение лгать всегда было отличительной чертой ее натуры, и теперь она сказала первое, что пришло в голову и показалось разумным.

— Мы с ним заключили пари, и я проиграла.

Что же, это прозвучало убедительно. Люди проигрывали в азартных играх самые разные вещи: земли, талисманы, лошадей, замки, бутылки с джиннами. Если бы это оказалось недостаточной причиной, то Елена всегда смогла бы сказать, что это лишь начало ее грустной истории. В любом случае, в каком-то смысле это было правдой.

Когда-то давно она отдала свою жизнь за Деймона, равно как и за Стефана, и Деймон никак не откроет новую страницу, как бы она его не просила. Хотя бы пол страницы.

Малюсенький листочек.

Стражница пристально смотрела на нее голубыми глазами, в которых сквозило замешательство.

Люди всю жизнь тарасились на Елену — быть молодой и красивой значит, что ты беспокоишься только когда люди на тебя не обращают внимания. Но замешательство было лишь частичкой неприятностей. Прочитала ли Стражница ее мысли? Елена попыталась добавить еще один слой белого шума сверху. Все что вышло, так это несколько строк из песни Бритни Спирс. Она увеличила внутреннюю громкость.

Стражница поднесла к голове два пальца, как если бы у нее возникла внезапная головная боль.

Затем она взглянула на Мередит.

— Зачем... вы здесь?

Обычно Мередит вовсе не лгала, но если и допускала ложь, то она была подобна интеллектуальному искусству. К счастью, она никогда не пыталась исправить то, что еще не было испорчено.

— И я тоже, — сказала она печально.

— А ты? — женщина смотрела на Бонни, которая выглядела так, будто собиралась немедленно почувствовать себя плохо снова.

Мередит пихнула Бонни локтем. И потом пристально на нее посмотрела. Елена глянула на Бонни еще более выразительно, понимая, что все, что та должна была произнести: «И я тоже».

И Бонни всегда хорошо поддакивала после того, как Мередит обозначит границы. Проблема была в то, что Бонни также была в трансе, или очень близка к нему, это не имело значения.

— Темные души, — сказала Бонни.

Женщина моргнула, но не так как обычно моргают, когда кто-то вдруг произносит полную чушь. Она моргнула от удивления.

«Господи», — подумала Елена.

Бонни узнала их пароль или что-то вроде. Она выдала предсказание и пророчество или что-то в этом роде.

— Темные... души? — сказала Стражница, внимательно смотря на Бонни.

— Город кишит ими, — печально сказала Бонни.

Пальцы Стражницы забегали, будто она что-то печатала в портативном компьютере.

— Мы это знаем. Это место, куда они приходят.

— Значит, вы должны положить этому конец.

— У нас ограниченные полномочия. Темным Измерением управляет несколько десятков правителей, приказы которых выполняют короли трущоб.

«Бонни», — подумала Елена, пытаясь пробиться через ее помутненный рассудок, даже если Стражница сможет ее услышать. — «Это и есть полиция».

В этот момент вмешался Деймон.

— У нее та же история, что и у остальных, — сказал он. — Кроме того, она — медиум.

— Никто не спрашивал твое мнение, — резко оборвала его Стражница, даже не глядя в его направлении.

— Мне все равно, какой у вас здесь статус, — она резко и пренебрежительно повернула голову в направлении огня города — Вы на моей земле за этим забором. И я спрашивала эту маленькую рыжеволосую девушку: то, что он сказал — правда?

На мгновение Елена запаниковала. После всего, что им пришлось пережить, если Бонни сейчас сорвется...

В это время Бонни моргнула. Что еще она могла сказать? Правду, что она была в одинаковом положении с Мередит и Еленой. И правдой было то, что она — медиум. Бонни не умела врать, особенно, когда ей давали время на размышления, но сейчас она могла ответить без колебаний:

— Да, это правда.

Стражница пристально взглянула на Деймона. Деймон ответил таким же пристальным взглядом, дав понять, что готов это делать всю ночь. В умении смущать взглядом ему не было равных. Стражница отмахнулась от них:

— Полагаю, у медиумов тоже могут быть невезучие дни, — сказала она, а потом обратилась к Деймону: — береги их. Ты знаешь, что на всех медиумов у нас надо получить лицензию?

Деймон, с лучшими светскими манерами особо важной персоны, произнес:

— Сударыня, они — не профессиональные медиумы. Они мои личные ассистентки.

— Я не «Сударыня», ко мне следует обращаться «Ваша Справедливость». Кстати, азартные люди здесь очень плохо кончают.

«Ха-ха», — подумала Елена. — «Если бы она только знала, в какую игру мы тут все играем... скорей всего, нас бы кинули в темницу похуже той, где сейчас находится Стефан».

С обратной стороны забора был внутренний двор.

Там были паланкины, а также рикши и повозки с запряженными в них козлами. Ни карет, ни лошадей.

Деймон нанял два паланкина: один для себя и Елены, а второй для Мередит и Бонни. Бонни, все еще выглядя растерянной, уставилась на солнце:

— Ты хочешь сказать, что оно никогда не поднимается до конца?

— Нет, — терпеливо ответил Деймон.

— И оно зависло здесь, не восходя.

— Вечные сумерки в Городе Тьмы. Ты увидишь больше, если мы двинемся дальше. Не притрагивайся, — добавил он, когда Мередит собралась развязать веревки, связывающие запястья Бонни, прежде чем каждый из них взберется в паланкин. — Вы обе можете снять веревки в палантине, если задерните занавески, но не потеряйте их. Вы все еще рабы и у вас должно быть что-то, что подтверждало бы это — даже если это соответствующие браслеты. Иначе у меня будут неприятности. А, и еще вам придется носить вуаль, когда вы ходите по городу.

— Нам что? — Елена бросила на него недоверчивый взгляд.

На лице Деймона на мгновение сверкнула улыбка, и прежде чем Елена успела сказать еще хоть слово, он достал прозрачные, тонкие ткани из своей черной сумки и раздал им. Вуали были такого размера, что можно было покрыть все тело.

— Но вам нужно будет лишь накрыть ими голову или повязать на своих волосах, или же еще где-нибудь, — сказанное Деймоном звучало освободительно.

— Из чего она? — спросила Мередит, щупая легкий шелковистый материал, прозрачный и такой тонкий, казалось, ветер вот-вот вырвет его из рук.

— Откуда мне знать?

— На обратной стороне они другого цвета! — обнаружила Бонни, позволяя ветру превратить ее бледно-зеленую вуаль в мерцающую серебристую.

Мередит встряхивала шелк волнующего глубоко-фиолетового оттенка,

превращающийся в таинственный темно-голубой, усыпанный мириадами звезд. Елена, которая ожидала, что ее вуаль будет голубой, поняла, что смотрит на Деймона. Он держал крошечный квадрат ткани в сжатом кулаке.

— Давай посмотрим, как далеко ты продвинулась, — прошептал он, наклоняя ее ближе к себе. — Угадай, какой цвет.

Другая девушка могла бы заметить только черные глаза цвета терна и безупречные, словно высеченные из мрамора линии лица Деймона, или может быть дикую, злобную улыбку — так или иначе, более дикую и сладкую чем когда-либо, похожую на радугу среди урагана. Но Елена заметила еще и ноту жесткости в положении его плечей и шеи — места, в которых возникла напряженность.

Темное Измерение сделало с ним свое дело, внутренне, хоть он и пытался скрыть это фальшью.

Только из любопытства она гадала, сколько проявлений Силы ему приходится блокировать каждую секунду.

Она уже собиралась предложить свою помощь, открывшись жуткому миру, когда он проговорил с яростью:

— Угадай! — тоном не предполагающим, что это предложение.

— Золотой, — тотчас ответила Елена и сама удивилась.

Когда она потянулась, чтобы забрать золотистый квадрат ткани из его руки, мощное, доставляющее наслаждение ощущение электрического тока распространилось от ее ладони вверх руки и, казалось, пронзил ее сердце насквозь.

Деймон коснулся ее пальцев лишь на миг, когда она забирала ткань, и Елена поняла, что все еще чувствует электрическую пульсацию, исходящую от кончиков его пальцев. Обратная сторона ее вуали наполнилась белым и мерцающим, как будто покрылась бриллиантами.

«Боже, может это и есть бриллианты», — подумала она. «Как еще можно было разговаривать с Деймоном?»

— Возможно это твоя свадебная фата? — прошептал Деймон ей на ухо.

Веревка вокруг запястий Елены ослабла, и она беспомощно провела по воздушной ткани, чувствуя, как крошечные драгоценные камни отдают холодным при прикосновении ее пальцев.

— Как ты узнал, что тебе понадобятся все эти вещи? — из чувства практичности спросила Елена. — Ты не знаешь все, но ты, кажется, знаешь достаточно.

— О, я разузнал в барах и других местах. Я отыскал нескольких людей, которые бывали здесь, и которым удалось вновь отсюда убраться — или же которых выставили отсюда, —

Дикая усмешка Деймона стала таковой еще больше. — Ночью, пока ты спала. В небольшом скрытом от глаз магазинчике я купил их.

Он склонился над ее вуалью и добавил:

— Тебе не обязательно накрывать ею лицо или что-то еще. Прижми ее к своим волоса, и она закрепится на них.

Елена так и поступила, надев вуаль золотом наружу. Она упала ей до пят. Она перебрала пальцами вуаль, уже видя в ней возможности для кокетства, а также для выражения презрения.

Если бы только она могла избавиться от этой проклятой веревки на запястьях... Через минуту Деймон вновь принял образ хладнокровного хозяина и сказал:

— Ради всех нас, мы должны быть строги в отношении этих вещей. Хозяева трущоб и дворянство, управляющее этим омерзительным беспорядком, которое они называют Темным Измерением, знают, что находятся в паре дней от революции, и если мы вмешаемся как-нибудь в состояние равновесия, то из нас сделают Общественный Пример.

— Хорошо, — ответила Елена. — Вот, придержи мою веревку, и я заберусь в паланкин.

Но в веревке не было смысла, не теперь, когда они сидели в одном паланкине. Его

несли четверо мужчин — небольшие, но выносливые, все одного роста, что было залогом спокойной и плавной поездки.

Если бы Елена была свободным гражданином, она бы никогда не позволила, чтобы ее перевозили четыре человека, которые (как она предположила) были рабами.

В действительности, она бы подняла большую шумиху из-за этого. Но смысл разговора, который она вела сама с собой на перевалочной станции, наконец, дошел до нее. Она была рабыней, хотя Деймон никому не платил, чтобы купить ее. Она не имела права поднимать шумиху из-за чего-либо. В этом красном зловонном месте она могла бы догадаться, что если начнет скандалить, то только создаст проблемы для самих носильщиков паланкина — заставив их хозяина, ну или кто там управляет фирмой по паланкинным перевозкам, наказать их, будто это была их вина.

Сейчас лучший План «А» — это Держать-Рот-На-Замке.

Тут было на что посмотреть, сейчас, когда они проходили по мосту через плохо пахнущие трущобы и переулки полные ветхих домов. Показались магазины, высоко огражденные и построенные из неокрашенного камня, потом более уважаемые дома, и вдруг их путь пролег прямо через базар. Но даже здесь на большинстве лиц проявлялся отпечаток нищеты и изнеможения. Во всяком случае, Елена ожидала холодный, черный, отмытый до блеска город с безэмоциональными вампирами и демонами с горящими глазами, разгуливающих по улицам.

Вместо этого, все кого она видела, выглядели как люди, и они продавали разные вещи: от лекарств до еды и напитков — то, что вампирам не нужно.

«Хорошо, возможно китцунам и демонам это нужно», — рассуждала Елена, содрогнувшись при мысли о том, чем питаются демоны.

В закоулках были суровые, полураздетые мальчики и девочки и одетые в лохмотья, изможденные люди держащие душераздирающие таблички: «Воспоминание за еду».

— Что это значит? — Елена спросила Деймона, но он ответил ей не сразу.

— Это то, как свободные люди города проводят большинство своего времени, — сказал он. — Так что запомни это, перед тем как начнешь одну из своих кампаний...

Елена его не слушала. Елена смотрела на одного из тех, кто держал такую табличку. Этот человек был страшно худым, с редкой бородой и плохими зубами, но хуже всего был его отчаянный взгляд. Время от времени он вытягивал дрожащую руку с маленьким, прозрачным шаром, который он взвешивал в своей ладони, бормоча:

— Летний день моей молодости.

Летний день десяти налогов в пользу короны. Чаще всего рядом с ним никого не было, когда он это произносил.

Елена сняла с пальца кольцо с лазуритом, которое Стефан дал ей, и протянула ему.

Она не хотела раздражать Деймона слезанием с паланкина, и ей пришлось сказать:

— Подойдите сюда, пожалуйста, — протягивая кольцо бородатому мужчине.

Он услышал и достаточно быстро подошел к паланкину. Елена увидела, как что-то двигается в его бороде, возможноishi, она заставила себя смотреть на кольцо, и сказала: — Возьмите это. Быстрее, пожалуйста!

Старый мужчина разглядывал кольцо так, как будто это было угощение.

— У меня нет сдачи, — простонал он, поднимая руки и вытирая рот рукавом. Казалось, что он сейчас без сознания упадет на землю. — У меня нет сдачи!

— Мне не нужна сдача! — сказала Елена, с трудом проглатывая огромный комок в горле. — Возьми кольцо. Быстрее, или я выброшу его.

Он выхватил его из ее пальцев, когда носильщики палантина снова двинулись вперед.

— Да благословят вас Стражи, госпожа, — сказал он, пытаясь не отставать от быстрого шага носильщиков. — Услышьте меня! Да благословят Они вас!

— Тебе на самом деле не следовало, — сказал Деймон Елене, когда голос за ними затих. — Знаешь, он не купит себе на это еды.

— Он был голоден, — тихо сказала Елена. Она не могла объяснить, что он напомнил ей

о Стефане, только не сейчас.

— Это было мое кольцо, — добавила она, обороняясь. — Предполагаю, сейчас ты скажешь, что он спустит его на алкоголь и наркотики.

— Нет, но он также не купит на него и еду. Он закатит банкет.

— Что ж, так много...

— В своем воображении. Он купит пыльный шар с каким-нибудь воспоминанием Румынского пира старого вампира, или воспоминание какого-то современного из города.

И будет постоянно смотреть его, пока медленно не умрет от голода.

Елена была потрясена.

— Деймон! Быстро! Я должна вернуться и найти его...

— Боюсь, ты не можешь, — Деймон лениво поднял руку. Он жестко схватил ее веревку. — Кроме того, он уже давно ушел.

— Как он может? Как кто-либо может это делать?

— Как может больной раком легких отказываться бросить курить? Но я согласен, что эти шары больше всего остального могут вызывать привыкание. Вини китцунов за то, что они принесли сюда свои звездные шары и сделали их самым сильным объектом одержимости.

— Звездные шары? Хоши-но-тама? — выдохнула Елена.

Деймон посмотрел на нее, он выглядел удивленным.

— Ты знаешь о них?

— Я знаю только то, что нашла Мередит. Она сказала, что китцуны часто изображаются со своими ключами, — она подняла на него свои брови, — или со Звездными шарами. И что в мифах говорится, они могут вкладывать часть или всю свою силу в шары, так что если ты найдешь их, ты сможешь контролировать китцуна. Она и Бонни хотят найти Звездные шары Мисао и Шиничи и взять над ними контроль.

— Спокойно, мое небьющееся сердце, — сказал драматично Деймон, но в следующую секунду он полностью был поглощен делом. — Помнишь, что сказал тот старик? Летний день за еду? Он говорил об этом.

Деймон поднял маленький стеклянный шар, который старик бросил в паланкин, и прижал к виску Елены.

Мир исчез. Деймон пропал. Достопримечательностей и звуков, да и запахов базара уже не было. Она сидела на зеленой траве, колышущейся от легкого ветерка, и смотрела на плакучую иву, что склонилась над ручьем — медная и в то же время насыщенно-зеленая.

В воздухе был сладкий аромат — жимолости, а может быть фрезии? Было нечто восхитительное в том, что взволновало Елену, когда она прилегла, чтобы понаблюдать за картинно-идеальными облаками, плывущими по лазурному небу.

Она чувствовала — Елена даже не знала, как это выразить словами. Она чувствовала себя молодой, но где-то в душе знала, что в действительности она гораздо моложе этой чужой личности, которая ей овладела. Тем не менее, эта весенняя пора взбудоражила ее чувства, и каждый золотисто-зеленый листик, каждый маленький упругий камыш, каждое невесомое белое облако, казалось, радуются вместе с ней.

А потом ее сердце сильно забилося. Она уловила звук шагов позади. В один радостный момент она поднялась на ноги, широко раскрыла руки, показывая свою любовь, неограниченную преданность этой... этой молодой девушке? Что-то внутри незнакомого ей разума, казалось, пришло в замешательство.

Большая часть которого была отдана определению совершенных качеств девушки, которая легко бежала по колышущейся траве: темным завиткам на ее шее, блестящим зеленым глазам под дугообразными бровями, ровной светящейся коже ее щек, когда она смеялась со своим возлюбленным, притворяясь, что убегает. Ее шаг был легким, как у эльфов!..

Преследуемая и преследователь упали вместе на мягкий ковер высокой травы... а потом все стало таким чувственным, что Елена, ее сознание в глубине разума незнакомца,

начала подумывать как можно было все это, черт побери, прекратить.

Каждый раз, когда она прикладывала руку к своему виску, нащупывая его, ее обнимала и целовала, пока дыхание не сбивалось... Аллегра... так звали девушку, Аллегра.

И, конечно, Аллегра была красива, особенно если смотреть на нее глазами незнакомца. Ее нежная кремовая кожа...

А потом шокированная также, когда она поняла, что базар исчез, он снова появился.

Она была Еленой, она ехала в паланкине с Деймоном, ее окружала какофония звуков — и тысяча различных запахов. Но она тяжело дышала и часть ее сознания все еще перекликалась с разумом Джона — так звали незнакомца — с любовью Джона к Аллегре.

— Но я по-прежнему не понимаю, — она причитала.

— Все просто, — сказал Деймон. — Ты прикладываешь пустой Звездный Шар, какого хочешь размера к виску, и вспоминаешь время, которое хочешь записать. Все остальное делает сам Звездный Шар.

Он махнул, не дав ей перебить, и наклонился вперед с озорством в его бездонных черных глазах.

— Возможно, тебе попался особенно жаркий летний день? — добавил он с намеком. — В этих паланкинах есть занавески, которые можно задернуть.

— Не глупи, Деймон, — ответила Елена, но чувства Джона перекрыли ее собственные, как волна, накрывающая прибрежный песок.

Она не хотела поцеловать Деймона, сказала она себе строго.

Она хотела поцеловать Стефана.

Но поскольку несколько мгновений назад она целовала Аллегру, это уже не казалось таким непререкаемым аргументом, как раньше.

— Не думаю, — начала она, все еще задыхаясь, когда Деймон приблизился к ней, — что это очень хорошая...

Легким движением дернув за веревку, Деймон освободил ее руки. Он бы снял веревку с обоих запястий, но Елена сразу же развернулась, поддерживая себя одной рукой. Она нуждалась в опоре.

В нынешних обстоятельствах, действительно, не было что-либо более значимого — или более волнующего — чем то, что сделал Деймон.

Он не занавесил паланкин, но Бонни и Мерedit ехали позади и не могли ничего видеть. не могли проникнуть в разум Елены.

Она почувствовала теплые руки, обнимающие ее, и инстинктивно устроилась в них поудобнее. Она почувствовала, как ее накрыла волна чистой любви и обожания по отношению к Деймону, к его пониманию, что она никогда не смогла бы сделать, если бы была рабыней, а он — ее хозяином.

«Мы с тобой никому не подчиняемся», — услышала она его голос в своей голове и вспомнила, что когда притупляла свои «читающие чужой разум» способности, она забыла перекрыть доступ для него.

Ох, ну может это как раз пригодится...

«Нам обоим нравится поклонение», — телепатически ответила она и почувствовала его смех на своих губах, как подтверждение своей правоты. Не было ничего слаще в ее жизни в эти дни, чем поцелуй Деймона. Она могла бы дрейфовать как сейчас вечно, забыв о внешнем мире. И это было хорошо, потому что у нее было впечатление, что там, во внешнем мире, очень много депрессии и не слишком много счастья. Но если бы она всегда могла возвращаться к этому, этому желанному, этому сладостному, этому экстазу...

Елена резко двинулась в паланкине, так внезапно нагрузив своим весом, что перевозчики, пошатнувшись, чуть было не упали от тяжести.

— Подонки, — прошептала она злобно.

Они были по-прежнему психически связаны, и она была рада видеть сквозь глаза Деймона, что она была похожа на мстительную Афродиту: ее золотые волосы поднялись и развевались позади нее, как во время грозы, ее глаза сияли фиолетовым светом в стихийной

ярости. И теперь, что хуже всего, эта богиня от него отвернулась.

— Даже на один день, — сказала она, — ты не можешь сдержать свое обещание.

— Я ничего не делал! Я не Воздействовал на тебя, Елена!

— Не зови меня так. У нас теперь, профессиональные отношения. Я называю тебя — господин. Ты называешь меня: «рабыня», «собака», или как тебе заблагорассудится.

— Если теперь у нас профессиональные отношения рабыни и господина, — сказал Деймон раздраженно, — тогда, я могу просто приказать тебе...

— Попробуй! — Елена приподняла уголки губ, что на самом деле, не было улыбкой. — Почему бы тебе не сделать так, и просто увидеть, что из этого получится?

Глава 15

Деймон явно решил отдаться на милость правосудия и принял тот жалостливый вид человека, лишённого душевного равновесия, который отлично удавался ему в любой ситуации.

— Я на самом деле не пытался влиять на тебя, — повторил он, но потом добавил быстро: — Может, я просто сменю тему и расскажу тебе поподробнее о Звездном шаре?

— Это, — сказала Елена ледяным тоном, — может быть хорошей идеей.

— Что ж, шары делают запись прямо с твоих нейронов, понимаешь? С нервных клеток твоего мозга. Все, что ты когда-либо испытывала, хранится где-то там, а Шар просто записывает.

— Получается, можно всегда помнить что-то и пересматривать снова и снова, как кино? — спросила Елена. Она теребила свою вуаль, закрывая лицо от Деймона, и думала о том, что можно было бы отдать Звездный Шар Алариду и Мередит перед их свадьбой.

— Нет, — сказал Деймон угрюмо. — Не так. Во-первых, воспоминания уходят от тебя, мы говорим об игрушке китцуна, помнишь? Если шар заберет что-то у тебя, ты сама уже не будешь ничего помнить об этом событии. Во-вторых, «запись» на шаре постепенно исчезает, от времени, из-за использования, и еще каких-то факторов, которые никому до конца не известны. В любом случае, шар становится мутным, ощущения, слабеют, и, в конце концов, остается простой хрустальный шарик.

— Но тот бедный мужчина продавал день своей жизни! Прекрасный день! Я думаю, он хотел бы сохранить его.

— Ты его видела.

— Да.

Елена снова представила себе грязного, измученного, серолицего старика. При мысли о том, что когда-то он был тем самым смеющимся, счастливым молодым Джоном, которого она ощутила благодаря Шару, девушка почувствовала, словно по спине провели кубиком льда.

— Как грустно! — продолжила она, имея в виду совсем не воспоминание.

Однако Деймон не следил за ее мыслями:

— Да, — сказал он. — Здесь много жалких стариков. Они заработали себе свободу от рабства, а, может, их благородный хозяин умер... в любом случае, вот как они заканчивают свои дни.

— Но как же Звездные Шары? Они сделаны только для бедняков? Богачи могут отправиться на Землю и узнать, что такое настоящий летний день, так?

Деймон невесело усмехнулся:

— О, нет, они не могут. Большинство из них привязано к этому месту.

Он так странно произнес слово «привязано»...

Елена решила уточнить:

— Слишком заняты для того, чтобы отправиться в отпуск?

— Слишком заняты, слишком могущественны, чтобы пройти сквозь защитные заклинания, оберегающие Землю, слишком обеспокоены тем, что их враги могут сделать в их отсутствие, слишком немощны физически, слишком известны, слишком мертвы...

— Мертвы? — казалось, что Елену вот-вот окутает зловонный туман, он которого несет мертвечиной.

Деймон одарил ее одной из своих дьявольских ухмылок:

— Забыла, что твой бойфренд сам не слишком живой? И то же самое относится к твоему благородному господину? Большинство людей после смерти отправляются на другие уровни: гораздо выше или гораздо ниже того, где мы сейчас находимся. Это место для плохих, но это только самый верхний уровень. Еще ниже... что ж, никто не хочет попасть туда.

— Ад? — выдохнула Елена: — Мы в Аду?

— Скорее — Лимбо,¹¹ по крайней мере, то место, где мы сейчас находимся. Кроме того, есть еще «Другая Сторона».

Он кивнул в сторону горизонта, где все еще заходило солнце.

— Другой город, в котором ты, возможно, провела свои «загробные каникулы».

Здесь его называют «Другая Сторона», но могу поделиться с тобой двумя слухами, которые донесли мои информаторы: там они называют свой город «Небесный Двор», и над ним чистое голубое небо, с которого всегда светит солнце.

— Небесный Двор... — Елена забыла, что говорит вслух.

Перед ее мысленным взором уже шествовали дамы, рыцари и маги, она представила место, похожее на Камелот. Произнесенные слова вызвали ноющую тоску и... нет, не воспоминания, но уверенность в том, что память о чем-то спрятана за дверцей внутри ее головы. Однако эта дверца была надежно заперта, и все, что Елене удавалось разглядеть сквозь замочную скважину — это множество женщин похожих на Стражницу: высокие, золотоволосые, голубоглазые. Среди них выделялась одна, она была гораздо ниже остальных, словно ребенок рядом со взрослыми, она подняла голову и встретилась взглядом с Еленой.

Паланкин двигался прочь от базара, направляясь в еще большие трущобы, которые Елена осматривала, бросая быстрые взгляды по обеим сторонам паланкина из-под скрывающей ее вуали.

Они выглядели так же, как земные трущобы, только еще хуже. Дети, волосы которых стали рыжими в лучах заходящего солнца, толпились возле носилок и протягивали руки в универсальном просительном жесте. У Елены внутри все сжималось от осознания того, что она не может дать им ничего действительно ценного.

Она хотела бы построить тут дома, позаботиться о том, чтобы у детей всегда была еда и чистая вода, дать им образование, и будущее, в которое можно было бы смотреть с надеждой. Но, поскольку она понятия не имела, как обеспечить им все это, она лишь наблюдала, как они уносятся прочь с такими сокровищами как ее жевательная резинка «Джуси Фрут», расческа, блеск для губ, бутылочка воды и серьги. Деймон только качал головой, но не пытался остановить ее, пока Елена не потянулась к кулону с лазуритом и бриллиантом, который подарил Стефан.

Она плакала, пытаясь расстегнуть замок, когда веревка, охватывающая ее запястья, неожиданно дернулась.

— Хватит, — сказал Деймон.

— Ты ничего не понимаешь.

— Мы еще не пересекли черту города. Почему бы тебе не посмотреть на архитектуру, вместо того, чтобы беспокоиться о бесполезном отродье, которое в любом случае умрет?

¹¹ Limbo у католиков: область между раем и адом, где пребывают души праведников, умерших до пришествия Христа, и души некрещеных младенцев.

— Как жестоко, — сказала Елена, но она даже не попыталась заставить его понять, она была слишком зла на него.

Тем не менее, она прекратила теребить цепочку и посмотрела поверх трущоб, как ей и предложил Деймон. Там она могла увидеть захватывающий вид горизонта, и здания, которые казалось, тянулись до бесконечности, сделанные из камня и выглядевшие так, как Египетские пирамиды и постройки Майя выглядели, если бы они были новые.

Хотя все было окрашено солнцем, сейчас скрытым мрачными багровыми облаками, в черные и красные цвета. Это огромное красное солнце — оно придавало атмосфере разный облик под разные настроения.

Временами оно даже, казалось, приобретало романтический оттенок, мерцая на большой реке, которую Елена и Деймон оставили позади, украшая мелкую рябь на медленно текущей воде. В другие моменты оно казалось чуждым и зловещим, четко вырисовываясь на горизонте как чудовищное предзнаменование, окрашивая строения, не имеет значения в насколько прекрасный, кровавый цвет. Когда они отвернулись от него, носильщики паланкина как раз внесли их в город, который заполнили высокие здания, Елена могла видеть длинные, зловещие тени, которые они отбрасывали впереди себя.

— Ну? Что ты думаешь? — казалось, Деймон старается ее успокоить.

— Я все еще думаю, что это походит на Ад, — медленно произнесла Елена. — Мне бы очень не хотелось здесь жить.

— Ах, но кто сказал, что мы должны жить здесь, моя Принцесса Тьмы? Мы вернемся домой, туда, где ночь бархатисто черная, и где луна, освящает землю, покрывая все цветом серебра.

Деймон медленно провел пальцем от кисти ее руки до плеча. Елена ощутила внутренний трепет от этого прикосновения. Она старалась поддерживать вуаль как преграду между ней и Деймоном, но она была слишком прозрачной. На его лице все еще сияла великолепная улыбка, ослепляющая сквозь усыпанную бриллиантами белизну, ну, в оболочке розового, конечно, из-за света — такой была обратная сторона вуали.

— Здесь есть луна? — спросила она, пытаясь отвлечь его.

Она боялась: боялась его, боялась себя.

— О, да, три или четыре штуки, я думаю. Но они очень маленькие и, конечно, из-за никогда не садящегося солнца, ты их не увидишь. Никакой... романтики.

Он снова улыбнулся ей, но в этот раз медленно, и Елена отвернулась. И отвернувшись, она увидела перед собой что-то, что завладело всем ее вниманием. В переулке перевернулась телега, из которой выкатились огромные рулоны из кожи и меха. Возле этой самой телеги была пожилая, худая и голодная на вид женщина, она лежала на земле, а высокий разгневанный мужчина, стоящий над ней, усыпал ее незащищенное тело ударами плети. Лицо женщины было обращено к Елене. Ее лицо искажала гримаса боли, когда она безуспешно пыталась свернуться в клубок, ее руки были на животе. Она была по пояс голой, но с тем как плеть хлестала ее плоть, тело ее от горла до талии покрывалось слоем крови.

Елена чувствовала, как расправляются Крылья Силы, но почему-то они не появились.

Она приказала всему круговороту своей жизненной силы сделать что-нибудь, чтобы освободить плечи, но ничего не вышло. Может быть, к этому имели отношение следы от рабских оков. Может, это был Деймон, находящийся рядом с ней и убедительным голосом приказывающий не вмешиваться. Для Елены его слова были не более чем звуком, который чередовался со звуком биения ее сердца в ушах. Она резко вырвала веревку из его руки и слезла с паланкина. В шесть или семь прыжков она достигла человека с кнутом. Он был вампиром, его клыки удлиннились при виде крови перед ним, но он ни разу не остановил своей бешеной порки. Он был слишком силен, чтобы Елена могла с ним справиться, но... С еще одним шагом Елена закрывала женщину, руки ее были раскинуты как жест защиты и неповиновения. С одного запястья свисала веревка.

Рабовладелец не был впечатлен.

Вот он уже замахнулся кнутом, который ударил Елену по щеке и одновременно

разорвал ее тонкую летнюю кофточку, рассекая нижнее белье и оставляя отметины на теле под ним. Она ахнула, хвост кнута разрезал на ней джинсы, как если бы они были маслом.

Невольно на глаза Елены навернулись слезы, но она не обращала на них внимания. Ей удавалось больше не издавать звуков, подобных первоначальному вздоху. И она продолжала оставаться там, где встала на защиту. Елена могла чувствовать хлестанье ветра на своей рваной блузке, а ее нетронутая вуаль развевалась позади, как бы защищая бедную рабыню, бессильно упавшую напротив телеги.

Елена по-прежнему пыталась вызвать Крылья.

Она хотела бороться с настоящим оружием, и оно у нее было, но она не могла заставить Крылья спасти ее и бедную рабыню позади. Даже без них Елена знала одну вещь. Этот гад перед ней не тронет свою рабыню, пока сначала не порвет Елену на кусочки. Кто-то остановился посмотреть, другие подбегали, выходя из магазина...

Когда дети, следовавшие за ее паланкином, окружили ее, плача, собралась своего рода толпа.

По-видимому, наблюдать за тем, как купец избивает свою измученную рабыню, было для окружающих обычным делом. Но посмотреть на эту новую красивую девушку с разрезанной одеждой, эту девушку с золотыми, как шелк волосами под вуалью, золотого с белым цвета, и глазами, цвет которых возможно напомнил некоторым из них о практически забытом цвете неба — это было совсем другое.

К тому же, девушка, очевидно, была новой варварской рабыней, которая явно унизила хозяина, оборвав веревки, и теперь словно в насмешку стояла с нетронутой вуалью.

Потрясающий уличный театр. И даже учитывая все это, рабовладелец готовился к новому удару, занося руку и готовясь опустить ее.

Несколько людей в толпе открыли рот от изумления, другие негодуя бормотали.

Еленин новый усилившийся слух мог уловить их шепот. Такая девушка совсем не подходит для того, чтобы быть рабыней, она призвана быть сердцем города.

Только ее аура уже доказывала это. В действительности, с ее золотыми волосами и ясными голубыми глазами, она могла бы быть Стражницей с Другой Стороны.

Кто знает?..

Уже занесенный удар плетью так и не опустился. Его прервала вспышка черной молнии, чистой Силы, она отбросила половину толпы. Вампир, внешне молодой, в одежде из верхнего мира, Земли, подойдя, встал между златовласой девушкой и рабовладельцем, или скорее угрожал теперь съезжившемуся рабовладельцу.

Те немногие в толпе, не волновавшиеся за девушку, тут же почувствовали учатившееся сердцебиение при виде него. Конечно, он был хозяином девушки, и теперь он будет разбираться с этой ситуацией.

В тот момент Бонни и Мередит достигли места действия. Они сидели, откинувшись в своем паланкине, благопристойно завернутые в вуали, Мередит в цвета звездной ночи, а Бонни в вуаль мягкого бледно-зеленого оттенка. Они, могли бы быть иллюстрацией Арабских Ночей. Но когда они увидели Деймона и Елену, они спрыгнули с полонкина самым неблагопристойным образом. Сейчас толпа стояла настолько плотно, что пробираясь сквозь нее им пришлось использовать локти и колени, но уже через секунду они были рядом с Еленой, с вызывающе развязанными руками или дерзко болтавшейся веревкой, и вуалями развивающимися на ветру.

Когда они в действительности оказались возле Елены, у Мередит перехватило дыхание.

А Глаза Бонни расширились и замерли в таком положении.

Елена поняла, что они увидели. Кровь свободно стекала с пореза по ее скуле, и ее блузка распахивалась на ветру, демонстрируя рваный и кровавый лифчик. На одной ноге джинсы быстро краснели. Но в тени Елены находилась еще более жалкая фигура. И когда Мередит накинула на Елену ее прозрачную вуаль, чтобы прикрыть распахнувшуюся блузку и еще раз закутала ее для приличия, женщина сама подняла голову, посмотрела на трех девушек взглядом бессловесного, затравленного животного.

Позади них Деймон тихо сказал:

— Я буду весьма наслаждаться этим, он поднял одной рукой тяжелого мужчину в воздух, а затем впился в его горло как кобра.

Последовал чудовищный крик, который все не прекращался. Никто не пытался вмешаться, и никто не призывал рабовладельца отбиваться. Елена, пробежав взглядом по лицам в толпе, поняла почему. Она и ее друзья, уже привыкли к Деймону — как, к примеру, если стать для него наполовину укрощенной атмосферой жестокости. Но эти люди в первую очередь видели молодого человека, одетого во все черное, среднего роста, с изящной фигурой, который компенсировал недостаток мускулов гибкостью и убийственной грацией.

Все это лишь усугублялось окружавшей его аурой силы, поэтому Деймон без труда становился везде заметной фигурой — так же как и черная пантера, лениво прогуливающаяся по многолюдному городу.

Даже здесь, где на каждом углу подстерегала опасность, а жестокость была обычным явлением, этот молодой человек представлял большую угрозу, и это заставляло людей не попадаться ему на глаза и вообще держаться от него подальше.

В это время Елена, Мередит и Бонни оглядывались вокруг, ища что-нибудь, чтобы оказать медицинскую помощь или хотя бы что-то чистое, чтобы перевязать раны. Спустя минуту они поняли, что ничего не найдут, и Елена обратилась к толпе.

— Кто-нибудь знает врача? Лекаря? — прокричала она.

Публика только смотрела на нее. Они, казалось, не желали связываться с девушкой, очевидно бросившей вызов демону в черном, который сейчас сворачивал шею рабовладельцу.

— Значит, вы все думаете, что это просто развлечение, — кричала Елена, слыша потерю контроля, отвращение и ярость в своем голосе, — для таких ублюдков, как этот — пороть голодающую беременную женщину?

Несколько глаз опустились, последовало несколько рассеянных фраз на подобие: «Разве он не был ее хозяином?»

Но один довольно молодой мужчина, опираясь на стоявшую телегу, выпрямился:

— Беременна? — повторил он.

— Она не выглядит беременной!

— Да она ждет ребенка!

— Ну, — медленно сказал молодой мужчина, — если это правда, то он только портил свой собственный товар.

Он нервно взглянул туда, где стоял Деймон над покойным рабовладельцем, чье лицо выражало жуткую гримасу боли. Елена все еще оставалась без помощи для женщины, которая, как она боялась, умирала.

— Кто-нибудь знает, где я могу найти доктора?

Теперь из толпы доносился шепот разной громкости.

— Мы сможем продвинуться дальше, если предложим им деньги, — говорила Мередит.

Елена тут же потянулась к кулону, но Мередит была быстрее, расстегивая изящное аметистовое ожерелье на своей шее и протягивая его.

— Это достанется тому, кто первый покажет нам хорошего доктора.

Наступила пауза, в которую все, казалось, оценивали вознаграждение и риск.

— А у вас нет звездных шаров? — спросил хриплый голос, но высокий чистый голос прокричал:

— Мне подойдет это!

Ребенок — да, настоящий уличный сорванец — бросился вперед толпы, схватил Елену за руку и указал направление, сказал:

— Доктор Меггар, прямо по улице. Отсюда всего пара кварталов; мы можем дойти пешком.

Ребенок был закутан в рваное старое платье, но его могли носить лишь для теплоты, так как на нем или на ней были еще штаны. Елена не могла понять мальчик перед ней или девочка, пока малышка не одарила ее неожиданной улыбкой и не прошептала:

— Я — Лакшми.

— А я Елена, — сказала Елена.

— Лучше поторопиться, Елена, — сказала Лакшми. — Сюда скоро придут Стражницы.

Мерedit и Бонни подняли потрясенную рабыню на ноги, но, казалось, ей было слишком больно, чтобы понять, собирались ли они помочь ей или убить. Елена вспомнила, как женщина сжималась в тени елениного тела. Она положила свою руку на окровавленную руку женщины и спокойно сказала:

— Теперь вы в безопасности. С вами все будет хорошо. Тот мужчина — ваш хозяин, он мертв, и я обещаю, что больше никто не причинит вам боль. Я клянусь.

Женщина уставилась на нее не верящим взглядом, как будто Елена говорила что-то невероятное. Как будто жизнь без постоянных побоев (даже несмотря на кровь, Елена могла увидеть старые шрамы, некоторые из них выглядели как рубцы на коже женщины) было чем-то настолько далеким, что сложно было представить.

— Я клянусь, — снова сказала Елена, без улыбки, но жестко. Она поняла, что это станет ношей, которую она протащит всю жизнь.

«Все хорошо», — подумала она, и поняла, что уже какое-то время посылает свои мысли Деймону. — «Я знаю, что делаю. Я готова нести за это ответственность».

— Ты уверена? — до нее донесся голос Деймона, он никогда не был таким неуверенным. — Потому что я чертовски уверен, что не стану заботиться о какой-то старой ведьме, когда она надоест тебе. Я даже не уверен, что готов разбираться с тем, что мне придется заплатить за убийство этого ублюдка с кнутом.

Елена повернулась к нему. Он был серьезный.

— Ну, тогда зачем ты убил его? — потребовала она.

— Ты шутишь? — Деймон поверг ее в шок яростью и злобой в его мыслях. — Он тебя ударил.

Мне следовало убивать его медленнее, — добавил он, игнорируя одного из носильщиков паланкина, который склонился перед ним и спрашивал, что делать дальше.

При этом глаза Деймона смотрели на лицо Елены, на кровь все еще текущую из раны.

«Il figlio de safone¹²», подумал Деймон, его губы отступили от зубов, когда он посмотрел свысока на труп так, что даже носильщик паланкина унесся отсюда на руках и коленях.

— Деймон. не отпускай их! Верни их сюда прямо сейчас... — начала Елена, а затем, это было что-то вроде всеобщего вздоха вокруг нее, она продолжила мысленно: «Не отпускай носильщиков. Нам нужен паланкин, чтобы довезти эту бедную женщину до доктора. И почему все уставились на меня?»

«Потому что ты — рабыня, и ты только что сделала то, что не должен делать ни какой раб, и сейчас ты отдаешь мне, своему господину, приказы», — телепатический голос Деймона был мрачен.

¹² Сын крестьянина (итал.)

«Это не было указанием. Это... послушай, любой джентльмен помог бы даме в беде, правильно? Ну, здесь нас четверо и одна из нас в большей беде, чем тебе хотелось бы.

«Нет, трое».

«Думаю меня нужно немного зашить, и Бонни сейчас упадет в обморок», — Елена методично давила на слабые места, и знала, что Деймон знает об этом. Но он приказал одному из носильщиков подойти и поднять рабыню, а другим взять его девушек.

Елена не отходила от женщины и оказалась в паланкине с полностью задернутыми занавесками. Запах крови был медный на вкус у нее во рту, заставляя ее хотеть плакать.

Хоть она и не хотела внимательно смотреть на раны рабыни, но кровь стекала на паланкин.

Она обнаружила, что снимает свою блузку и топик и одевает обратно только блузку, чтобы использовать топик для того, чтобы перевязать большую идущую наискось через грудь женщины рану. Каждый раз, когда женщина поднимала темно-коричневые испуганные глаза на нее, Елена пыталась ободряюще улыбнуться. Они находились где-то на том глубоком уровне общения, где взгляд и прикосновение гораздо больше значат, чем слово.

«Не умирай», — думала Елена, — «не умирай, именно тогда, когда у тебя появилось ради чего жить. Живи ради своей свободы, и ради своего ребенка».

И возможно некоторые из ее мыслей дошли до женщины, потому что она расслабилась на подушках паланкина, держась за руку Елены.

Глава 16

— Ее зовут Ульма, — сказал голос, и Елена, посмотрев вниз, увидела Лакшми, которая задерживала занавески паланкина, подняв руки над головой. — Все знают Старого Дрозне и его рабов. Он бьет их до обморочного состояния, а потом еще ожидает, что они поднимут его рикшу и понесут, выдерживая нагрузку. Он убивает их по пять или шесть в год.

— Он не убил ее, — прошептала Елена. — Он получил то, что заслуживал.

Она сжала руку Ульмы. Она почувствовала облегчение, когда паланкин остановился и появился сам Деймон, как раз в тот момент, когда Елена уже собиралась просить одного из носильщиков отнести Ульму к доктору на руках.

Не обращая внимания на собственную одежду, Деймону каким-то образом удавалось показывать совершенную незаинтересованность, даже когда он поднял женщину, Ульму, и кивком указал Елене следовать за ними.

Лакшми забежала вперед и повела их сначала по затейливо вымощенному камнем внутреннему дворику, а затем — вниз по извилистому коридору, из которого в неведомые помещения вело несколько солидных, респектабельно выглядящих дверей. Наконец, она постучала в одну из них, дверь осторожно открыл худой мужчина с огромной головой и едва различимыми остатками редкой бороды.

— У меня нет «кеттерис»! И «гексена» и «земера» тоже нет! И я не занимаюсь заклинаниями! — затем, подслеповато приглядевшись, похоже, ему удалось сфокусироваться на компании посетителей.

— Лакшми? — сказал он.

— Мы принесли женщину, которая нуждается в помощи, — коротко сказала Елена, — а еще — она беременна. Вы ведь доктор, да? Целитель?

— Знахарь с ограниченными способностями. Входите, входите.

Доктор торопливо направился в заднюю комнату. Остальные последовали за ним. Деймон все еще держал Ульму на руках. Оказавшись в помещении, Елена обнаружила, что знахарь стоит в углу, напоминающем логово колдуна, забитое разными магическими штучками, в том числе элементами культа Вуду.

Елена, Мередит и Бонни нервно переглянулись, но затем, Елена услышала плеск и

поняла, что доктор забрался в этот угол лишь потому, что там находился таз с водой. Он тщательно мыл руки, закатав рукава выше локтя и создавая множество мыльных пузырей.

Он может называть себя «знахарь», но, по крайней мере, имеет представление о том, что такое гигиена — подумала девушка.

Деймон положил Ульму на то, что напоминало чистый накрытый белой простыней стол для обследований. Врач кивнул ему. Затем вытащил поднос с инструментами и велел Лакшми принести лоскуты ткани, чтобы промыть порезы и остановить обильное кровотечение. Он также открыл множество шкафчиков, доставая оттуда пакеты с чем-то сильно пахнущим, и забрался на лестницу, чтобы стянуть связки трав, подвешенных к потолку. Завершилось это действие тем, что доктор открыл маленькую коробочку и взял оттуда щепотку табака, уже для себя.

— Пожалуйста, поторопитесь! — попросила Елена. — Она потеряла много крови.

— И вы потеряли не мало, — сказал мужчина. — Меня зовут Кефар Меггар, а это, должно быть, рабыня Мастера Дрозне? — он оглядел своих посетителей так, словно на нем были очки, которых на самом деле не было.

— Похоже, что вы тоже рабыни? — он уставился на обрывок веревки, который все еще был у Елены на запястье, а затем перевел взгляд на такие же, свисающие с рук Мередит и Бонни.

— Да, но... — Елена остановилась. Она была в некотором роде секретным агентом, поэтому ответила уклончиво: — но не совсем. Это лишь для того, чтобы не нарушать обычаи. Наш хозяин сильно отличается от ее.

«Очень сильно отличается», — думала Елена. — «И самое главное отличие, это то, что у Деймона не сломана шея. А, кроме того, не важно, каким жестоким и смертоносным он может быть, он никогда бы не ударил женщину, и уж тем более, не сделал бы ничего подобного. Похоже, у него есть некий внутренний блок против этого, не считая того случая, когда он был одержим Шиничи, и не мог контролировать собственное тело».

— И все же Дрозне разрешил вам привести эту женщину к целителю? — с сомнением спросил мужчина.

— Нет, уверена, он бы нам не позволил, — решительно ответила Елена. — Но, пожалуйста... кровь не останавливается, а ведь она носит ребенка!

Доктор Меггар поднял и опустил брови. Однако, даже не попросив их выйти, начал осматривать пациентку, он достал старомодный стетоскоп и аккуратно прослушал сердце и легкие Ульмы. Понюхал ее дыхание, а затем, бережно пропальпировал живот женщины ниже окровавленной майки Елены. Все это было сделано с видом профессионала. В качестве завершения, он поднес к губам пациентки коричневую бутылочку, из которой та выпила пару мелких глотков и откинулась назад, прикрыв глаза.

— Теперь, — произнес мужчина, — она спокойно отдыхает. Разумеется, ей потребуется наложить довольно много швов. Вам тоже можно наложить швы, но это, я полагаю, зависит от решения вашего хозяина.

Доктор Меггар произнес слово «хозяин» с явной неприязнью.

— Я практически могу пообещать вам, что она не умрет. На счет ребенка я не уверен. Из-за произошедшего он может родиться с отметинами, возможно, исполосованный родимыми пятнами, а может все обойдется. Но только при двух условиях: еда и отдых, — Брови доктора Меггара повторили свое путешествие вверх и вниз, словно он хотел бы сказать это в лицо самому Старому Дрозне. — Она должна поправиться.

— Тогда позаботьтесь сперва о Елене, — произнес Деймон

— Нет, нет! — она оттолкнула доктора прочь.

Он походил на хорошего человека, но очевидно в этих местах, «хозяева» были «хозяевами» — и Деймон был более властным и пугающим, чем обычно. Но не в этот момент, не для Елены. В этот момент она не заботилась о себе. Она дала обещание (дала слово) — и слова доктора означали, что она могла бы сдержать его. Именно это сейчас ее волновало.

Вверх и вниз, вверх и вниз.

Брови доктора Меггара выглядели словно две гусеницы, вытянутые в упругую струну. Одна немного отставала позади другой. Понятное дело, поведение, которое он наблюдал, было неправильным, и даже подлежало серьезному наказанию. Но Елена едва отметила это где-то на периферии сознания, так же, как она не обращала внимания на Деймона.

— Помогите ей, — настойчиво сказала она, и увидела, как брови доктора подскочили, словно были нацелены на потолок.

Она позволила вырваться своей ауре. Слава Богу, не полностью, но вырвавшаяся волна была подобна вспышке молнии в комнате. И доктор, который не был вампиром, а лишь обычным гражданином, заметил это. И Лакшми заметила это; даже Ульма беспокойно зашевелилась на столе для осмотра.

«Мне нужно быть более осторожной», подумала Елена.

Она бросила быстрый взгляд на Деймона, по которому она могла бы сказать, что он вот-вот взорвется. Слишком много эмоций, слишком много крови в комнате, и адреналин после убийства все еще пульсировал в его крови. Откуда она все это знает? Также она поняла, что Деймон полностью не контролировал ситуацию. Она ощущала вещи непосредственно из его ума. Лучшее, что можно сделать — это быстро вывести его.

— Мы подождем снаружи, — сказала она, хватая его руку, что повергло доктора Меггара в шок.

Даже красивые рабы, не позволяли себе таких действий.

— Тогда идите и ждите во внутреннем дворе, — сказал доктор, тщательно следя за выражением своего лица и говоря куда-то в пространство между Деймоном и Еленой.

— Лакшми, дай им бинты, что они смогли остановить кровотечение у молодой девушки.

Затем возвращайся; ты мне можешь помочь. Только один вопрос, — добавил он, когда Елена и остальные выходили из комнаты. — Как ты узнала, что эта женщина беременна? Какого рода заклинания смогли тебе сказать это?

— Нет никакого заклинания, — просто сказала Елена. — Любая женщина, посмотрев на нее должна понять это.

Она увидела, как Бонни бросила на нее обвинительный взгляд, но Мередит сохранила непроницаемое выражение лица.

— Тот ужасный рабовладелец — Дрогси, или как там его, наносил удары спереди, — сказала Елена. — И посмотрите на эти глубокие раны.

Она поморщилась, глядя на две полосы, пересекающие грудь Ульмы.

— В этом случае, любая женщина попыталась бы защитить свою грудь, но эта пробовала прикрыть свой живот. Это означало, что она беременна, и, несомненно, в недалеком будущем вы в этом убедитесь.

Брови доктора Меггара опустились одновременно — а потом он взглянул на Елену, словно глядя через очки.

Затем он медленно кивнул:

— Возьмите бинты и остановите кровотечение у себя, — сказал он Елене, а не Деймону.

Несомненно, рабыня она или нет, она заслужила определенное уважение с его стороны.

С другой стороны, Елена, казалось, потеряла связь с Деймоном — или, по крайней мере, он отключил свой ум от ее весьма преднамеренно...

В приемной доктора он повелительным жестом указал Бонни и Мередит.

— Ждите в этой комнате, — сказал он — нет, он приказал. — Не выходите, пока не вернется доктор. Держите дверь запертой, не позволяйте никому проникнуть внутрь.

— Хорошо.

— Елена, идем со мной в кухню, там черный выход. Я не хочу, чтобы меня беспокоили, если только разгневанная толпа не будет угрожать поджогом дома, понятно? Вам обеим?

Елена видела, как Бонни была готова выпалить: «Но у Елены все еще течет кровь!», а

Мерedit глазами и бровями спрашивала совет, должно ли или нет сестринство Велоцераптора немедленно организовать бунт.

Они все знали План «А» для исполнения задуманного: Бонни должна броситься на руки Деймону, неистово рыдая или страстно целуя его, что лучше подойдет по ситуации, в то время как Елена и Мерedit подойдут к нему сзади и... ну, сделают что-нибудь, что должны сделать. Елена одним молниеносным взглядом категорически отклонила это. Однозначно Деймон был зол, но она чувствовала, что он больше злился на Дрозне, чем на нее. Кровь действительно взволновала его, но он уже привык контролировать себя в кровавых ситуациях.

А ей нужна была помощь в лечении ран, которые теперь начинали сильно болеть, с пор как она узнала, что женщина выживет и даже сможет выносить своего ребенка. Но если у Деймона было кое-что на уме, она хотела знать это сейчас же. Последний раз утешительно взглянув на Бонни, Елена последовала за Деймоном через кухонную дверь. На ней был замок. Деймон посмотрел на него и открыл рот; Елена закрыла дверь на замок.

Потом, она взглянула на своего «господина».

Он стоял у кухонной раковины, методично закачивая воду, прижав одну руку ко лбу.

Волосы, нависшие и над его глазами, промокли. Но казалось, что это его совсем не заботило.

— Деймон? — Елена сказала неопределенно, — с тобой все хорошо?

Он не ответил.

«Деймон?» — мысленно обратилась Елена.

«Я допустил, чтобы тебя ударили. Я достаточно быстр. Я мог убить этого ублюдка Дрозне одним потоком Силы. Но я и представить не мог, что ты пострадаешь».

Его телепатический голос был полон самой безнадежной опасности, какую только можно вообразить, и незнакомого, почти нежного, спокойствия. Как если бы он пытался скрыть всю жестокость и гнев от нее, запереть на замок.

«Я даже не мог сказать ему — я даже не мог послать ему слова, сказать ему кем он был. Я не мог думать. Он был телепатом; он услышал бы меня. Но у меня не было слов. Я мог только кричать в мыслях».

Елена чувствовала легкое головокружение, немного сильнее, чем у нее уже было.

Деймон страдал... из-за нее? Он не злился за то, что она вопиюще нарушила правила перед всей толпой, что, возможно, рассекретило их прикрытие? Его не волновало, что он выглядел грязным?

— Деймон, — сказала она.

Он удивился, что она заговорила вслух.

— Это, это... не важно. Это не твоя вина. Ты бы никогда не позволил мне сделать так...

— Но, мне следовало знать, что ты не станешь спрашивать! Я думал ты нападешь него, прыгнешь ему на плечи и задушишь, и я был готов помочь тебе сбить с него спесь, как два волка валят крупного оленя. Но ты не меч, Елена. Как бы ты там не думала, ты... щит. Я должен был знать, что ты примешь следующий удар на себя. И из-за меня, ты... — его глаза скользнули по ее щеке, и он содрогнулся. Он, похоже, хорошо владел собой.

— Вода холодная, но чистая. Нам нужно промыть эти раны и остановить кровь.

— Я не думаю, что здесь есть «Черная Магия», — полушутя сказала Елена.

Раны начинали сильнее болеть. Деймон, однако, немедленно начал открывать шкаф:

— Вот, сказал он после того, как проверил только три ящичка, триумфально подходя с наполовину полной бутылочкой «Черной Магии».

— Многие доктора хранят это как лекарство и обезболивающее. Не волнуйся, я ему хорошо заплачу.

— Тогда, я думаю, ты тоже должен принять это, — смело сказала Елена. — Давай, это поможет нам обоим. И, это будет уже не первый раз.

Она знала, что последний аргумент уговорит его окончательно.

«Это будет способ возвращения того, что Шиничи у него забрал. Так или иначе, но я

заберу все его воспоминания у Шиничи», — решила Елена, воздвигая самую прочную защиту своих мыслей от Деймона при помощи белого шума. — «Я не знаю, как это сделать, и не знаю, когда мне выпадет шанс, но я клянусь — я сделаю это. Клянусь».

Деймон наполнил два кубка насыщенным пьянящим вином и передал один Елене:

— Сначала сделай глоток, — сказал он, не в силах удержаться от роли руководителя. — Хороший год.

Елена сделала маленький глоток, а потом просто выпила залпом. Она хотела пить, а в Чистом вине «Черной Магии Лесса» не было алкоголя, как такового. Конечно же, это вино не было похоже на обычное. По вкусу оно напоминало замечательно бодрящую шипучую ключевую воду, с глубоким, сладким не терпким ароматом винограда. Деймон, как она заметила, тоже забыл, что нужно «потягивать», и когда он предложил ей второй бокал, наполненный вслед за своим, она охотно приняла его.

«Его аура значительно успокоилась», — подумала она, в то время как он взял влажную тряпку и начал бережно промывать порез, проходивший практически по линии скулы. Именно он уже перестал кровоточить, но теперь снова требовалось вызвать кровотечение, чтобы очистить рану.

После двух стаканчиков «Черной Магии», с утра без пищи, Елене захотелось расслабиться, она облокотилась на спинку стула, закрыв глаза и слегка опрокинув голову назад. Она потеряла счет времени, когда он плавно поглаживал порез. А также она потеряла жесткий контроль над своей аурой. Из-за отсутствия звуков и визуальных раздражителей она открыла глаза. Последовала вспышка в ауре Деймона — вспышка внезапной решительности.

— Деймон?

Он наблюдал за ней. Тьма колебалась позади вампира, словно высокая и широкая тень. Определенно почти пугающая.

— Деймон? — неуверенно снова сказала она.

— Мы это делаем не правильно, — сказал он, и у нее мелькнула мысль о ее рабском неповиновении, и о менее серьезном нарушении Бонни и Мередит. Но его голос походил на темный бархат, и ее тело отзывалось на это достовернее, чем разум. Оно дрожало.

— А как... будет правильно? — спросила она, и допустила ошибку отрыв глаза.

Она обнаружила, что он склонился над ней, сидящей на стуле, поглаживая, нет, просто касаясь, ее волос так мягко, что она едва чувствовала это.

— Вампиры знают, как заботиться о ранах, — уверенно сказал он, и его великолепные глаза, которые, кажется, содержали в себе свою собственную вселенную звезд, завладели ей и удерживали ее. — Мы можем их очистить. Мы можем вызвать кровотечение или остановить его.

«Я уже чувствовала что-то подобное раньше», — подумала Елена. — «Раньше он уже говорил мне это, даже если он не помнит. И я... я была слишком напугана. Но это было раньше... До мотеля».

Той ночью, когда он сказал ей бежать, но она этого не сделала. Ту ночь, которую Шиничи забрал, также как он забрал момент, когда они в первый раз вместе пили «Черную магию».

— Покажи мне, — прошептала Елена.

И она знала, что что-то в ее разуме также шепчет, но шепчет совсем другое. Слова, которые она бы никогда не сказала, если бы хоть на секунду подумала о себе, как о рабыне.

Шепот: «я твоя...», возникший тогда, когда она почувствовала, что он слегка прикоснулся к ее устам своими губами. И затем она только думала:

«О! О, Деймон ...» пока он перемещался, нежно касаясь ее щеки своим языком, управляя химическими веществами, чтобы сначала очистить кровоток, и затем, когда загрязнения были все так мягко удалены, остановить кровь и залечить рану.

Она могла чувствовать его Силу. Та темная Сила, которую он использовал в тысячах сражений, нанося сотни смертельных ран, сейчас была взята под жесткий контроль и использовалась для решения такой обыденной задачи, как излечение следа от плетки на

девичьей щеке. Елена думала, что это похоже на прикосновение лепестков черной розы: прохладные гладкие лепестки нежно смахивали боль до тех пор, пока она не задрожала от наслаждения.

Потом все прекратилось.

Елена знала, что снова выпила слишком много вина. Но на этот раз она не чувствовала тошноту. Этот обманчиво легкий напиток ударил ей в голову, сделав ее подвыпившей. Все приобрело ненастоящие, сказочные черты.

— Теперь раны быстро заживут, — сказал Деймон, снова, так мягко касаясь ее волос, что она едва почувствовала это.

Но на этот раз она действительно почувствовала, потому что потянулась своей Силой навстречу ощущениям, чтобы насладиться каждым мгновением. И он поцеловал ее еще раз — так необдуманно — его губы, лишь слегка прикоснулись к ее. Когда Елена откинула голову, он не наклонился вслед за ней, даже, несмотря на то, что разочарованная девушка пыталась заставить его сделать это, надавив на шею вампира сзади. Он просто ждал, пока Елена размышляла над этим... медленно.

«Мы не должны целоваться. Мерedit и Бонни прямо за соседней дверью. Каким образом я влипаю в такие ситуации как эта? Но Деймон даже не пытается поцеловать... и мы, как предполагается... ох!»

Ее остальные раны. Теперь они по-настоящему болели.

«Какой жестокий человек придумал такой кнут, как этот», — думала Елена, — «плеть с тонкими бритвами, которые врезалась так глубоко, вначале было даже не больно — или не так сильно..., но со временем, становилось все хуже и хуже? И кровотечение продолжалось... нам наверно, нужно остановить кровотечение до того, как доктор, сможет осмотреть меня».

Но ее следующая рана, та, которая теперь горела огнем, пересекала по диагонали ее ключицу. А третья рана была около колена... Деймон начал подниматься, чтобы взять кусок материи из раковины и промыть порезы водой. Но Елена удержала его.

— Нет.

— Нет? Ты уверена?

— Да. Все что я хочу, это очистить...

— Я знаю.

Она знала. Его разум был открыт ей, вся эта бурная энергия, струящаяся понятно и спокойно. Она не знала, почему это было открыто ей вот так, но так было.

— Но, позволь мне посоветовать тебе, не жертвуй свою кровь какому-то умирающему вампиру; не позволяй никому пробовать ее. Это хуже чем Черная Магия...

— Хуже? — она знала, он льстил ей, но она не понимала.

— Чем больше ты пьешь, тем больше ты хочешь пить, — ответил Деймон, и на мгновение Елена увидела бурю, которую она вызвала в тех спокойных водах. — И чем больше ты пьешь, тем больше Силы, ты можешь поглотить, — добавил он серьезно.

Елена поняла, что даже не думала об этом, как о проблеме, но так и было. Она вспомнила, какие мучения вызывали попытки спрятать собственную ауру прежде, чем она научилась заставлять ее циркулировать вместе с системой кровообращения.

— Не волнуйся, — добавил он, все еще серьезно, — я знаю, о ком ты думаешь.

Он снова направился за куском ткани. Но, не зная этого, он сказал слишком много, позволил себе слишком много.

— Ты знаешь, о ком я думаю? — мягко сказала Елена, и она была удивлена тем, как опасно мог звучать ее собственный голос, как мягкие лапы тигрицы. — Не спросив меня?

Деймон попытался ловко обхитрить:

— Ну, я предположил...

— Никто не знает, о чем я думаю, — сказала Елена, — пока я сама не расскажу ему.

Она пошевелилась, заставив Деймона опуститься на колени и посмотреть на нее. С жадностью. Затем, так же, как она заставила его опуститься на колени, она же привлекла его

к своей ране.

Глава 17

Елена возвращалась в реальный мир медленно, нехотя. Оказалось, она впилась ногтями в кожаную куртку Деймона и на мгновение задумалась, не останется ли после них следа — ее размышления разбились о резкий, настойчивый стук. Деймон поднял голову и зарычал.

«Мы — пара волков, разве нет?» — подумала Елена, — «сражаемся до последней капли крови».

Другая часть ее сознания добавила: «от этого стук не прекратится. Но он же предупреждал этих девушек... Этих девушек! Бонни и Мередит! Он ясно выразился, чтобы их не беспокоили. Если только дом не загорится! Но, врач — о, Боже, что-то случилось с той слабой, несчастной женщиной! Она умирает!»

Деймон все еще рычал, на его губах блестели следы крови. Но только следы, потому что ее вторая рана была полностью исцелена, так же, как и первая, пересекающая скулу. Елена не ведала, сколько времени прошло с тех пор, как она притянула Деймона к себе, чтобы он излечил порез поцелуем.

Сейчас, когда ее кровь текла по его венам, и ему помешали насладиться этим, он напоминал дикую черную пантеру в ее объятиях. Она не представляла, удастся ли ей остановить или хотя бы придержать его, не воспользовавшись своей безграничной Властью над ним.

— Деймон! — сказала она громко. — Там, за дверью — наши друзья. Помнишь? Бонни, Мередит и целитель.

— Мередит, — изрек Деймон, и снова его верхняя губа приподнялась, обнажая пугающе длинные клыки.

Он до сих пор был не в себе.

«Если бы сейчас перед ним стояла Мередит, его бы это не испугало», — думала Елена... да, она знала, что ее рациональная, заботливая подруга заставляла Деймона нервничать. Они настолько по-разному смотрели на мир. Она раздражала его, как камешек в ботинке. Но сейчас он был в таком состоянии, что мог избавить себя от этой занозы, оставив за собой растерзанное тело Мередит.

— Отпусти меня посмотреть, — сказала она, как только стук повторился... Как их остановить? Ей и так непросто. Объятия Деймона лишь окрепли.

Она ощутила прилив нежности, потому что знала — сжимая ее в объятиях, он больше усилий тратил, чтобы сдерживаться, не желая навредить ей, как мог бы, если применил десятую часть силы, заключенной в стальных мускулах. От волны чувств, захлестнувшей ее с головой, на краткий миг она беспомощно закрыла глаза, но Елена понимала, что из них двоих она должна быть голосом разума.

— Деймон! Может, они хотят предупредить нас о чем-то... может, Ульма умерла...

Упоминание смерти отрезвило его. Глаза сузились, кроваво красный свет, просачивающийся сквозь кухонные жалюзи, отбрасывал на его лицо столбики алого и черного цвета, придавая ему еще больше красоты — и больше демонизма — чем всегда.

— Ты останешься здесь.

Решительно произнес Деймон, и не думая изображать из себя «хозяина» или «джентльмена». Сейчас он был диким зверем, защищающим свою самку — единственное создание на земле, которое не было для него ни конкурентом, ни пищей. Смысла спорить с ним не было, не в таком состоянии. Елена останется здесь. Деймон уйдет и сделает все, что от него потребуется. А Елена пробудет здесь столько, сколько он посчитает нужным. Елена искренне не понимала, кому принадлежат последние мысли. Она и Деймон по-прежнему

пытались распутать клубок своих эмоций. Елена решила присматривать за ним, и только если он действительно станет неуправляемым...

«Ты не захочешь видеть меня неуправляемым».

Резкий переход от необузданного животного инстинкта к превосходству хладнокровного и полностью овладевшего собой сознания оказался страшнее, чем когда он был не прирученным зверем. Она не знала, был ли Деймон самой здравомыслящей личностью из всех, с кем она была знакома или просто по части сокрытия собственной дикости ему не было равных. Она соединила кончики разорванной блузки и наблюдала, с какой естественной грацией он достиг двери и затем, внезапно и яростно, чуть не сорвал ее с петель. Никто не ввалился внутрь; никто не подслушивал их личный разговор.

Но Мередит стояла, одной рукой удерживая Бонни, и подняв другую, намереваясь постучать снова.

— Да? — спросил Деймон ледяным тоном. — Кажется, я говорил вам...

— Говорил. И вот... — вставила Мередит, хотя в данный момент перебить Деймона было равносильно попытке самоубийства.

— И вот, что? — прорычал Деймон.

— Снаружи собралась толпа, угрожающая спалить дотла все здание. Не знаю, горюют ли они по Дрозне или недовольны тем, что мы увели Ульму, но они явно в бешенстве, и у них есть факелы. Я НЕ хотела прерывать лечение Елены, но доктор Меггар сказал, что его они не послушают. Он человек.

— Он был рабом, — добавила Бонни, освобождаясь из крепкой хватки Мередит. Подняв на Деймона свои лучистые карие глаза, она протянула к нему руки: — только ты можешь спасти нас, — проговорила она, озвучивая послание, что несли ее глаза. Это значило, что обстоятельства сложились крайне серьезно.

— Ладно, ладно. Я позабочусь о них. Вы позаботитесь об Елене.

— Конечно, но...

— Нет.

Деймон не был похож на себя, может, тому виной была ее кровь и свежи в памяти события, от которых Елена до сих пор была не в состоянии внятно сформулировать предложение, или же он как-то преодолел свой страх перед Мередит. Он положил руки на ее плечи. Он был выше ее только на полтора или два дюйма, так что без проблем мог посмотреть ей в глаза.

— Ты лично позаботишься о Елене. Трагедии происходят здесь ежеминутно: непредсказуемые, ужасающие, смертельные трагедии. Я не хочу, чтобы с Еленой что-то случилось.

Мередит долго смотрела на него. Прежде, отвечая на вопрос, касающийся непосредственно Елены, она бы посоветовалась с ней хотя бы взглядом, но не в этот раз.

— Я буду оберегать ее, — просто сказала она. Голос ее был тихий, но, тем не менее, говорил о многом. От ее позы, от тона веяло невысказанное «ценой своей жизни», — и это не выглядело театрально.

Деймон отпустил ее, шагнул к двери, и, не оглянувшись, исчез из поля зрения Елены.

Но его голос ясно прозвучал в ее голове: «Если существует хоть один способ защитить тебя, ты будешь в безопасности. Клянусь».

Если существует хоть один способ защитить ее.

Чудесно.

Елена тщетно пыталась расшевелить свой мозг. Мередит и Бонни смотрели на нее. Елена глубоко вздохнула, на мгновение перенеслась в старые добрые времена, когда девушку, недавно побывавшую на свидании, осаждали долгими расспросами и тщательным разбором полетов.

Но Бонни произнесла только:

— Твое лицо — оно выглядит намного лучше!

— Да, — проговорила Елена, оборачивая вокруг себя кусочки материи блузки в

попытке соорудить подобие топа, — проблема в ноге. Мы не... не успели закончить.

Бонни открыла и тут же закрыла рот, что с ее стороны было проявлением такого же героизма, как со стороны Мередит — обещание, данное Деймону.

В следующий раз она открыла рот, чтобы сказать:

— Бери мой шарф, и давай сделаем повязку на ногу. Мы его сложим, выведем концы вбок и через петлю затащим повыше раны. Это для поддержания уровня давления.

Тут вмешалась Мередит:

— Думаю, доктор Меггар уже закончил с Ульмой. Может, он осмотрит тебя.

В другой комнате доктор снова мыл руки. Вода, льющаяся в таз, добывалась с помощью огромной помпы. Неподалеку лежала куча одежды в темно-красных пятнах, и от нее разило так, что Елена была благодарна доктору, постаравшемуся замаскировать этот запах душистыми травами. Кроме того, в большом, уютном на вид кресле сидела незнакомая Елене женщина. Страдания и страх могут изменить человека, Елена знала это, но не представляла, насколько... впрочем, не догадывалась она и о том, как облегчение и избавление от боли могут преобразить.

Она помнила, что привезла с собой женщину, съезжившуюся почти до размеров ребенка. Изможденное, опустошенное лицо, искаженное агонией и неослабевающим ужасом, казалось абстрактным наброском уродливой старухи. Ее кожа имела болезненно серый оттенок, а пучков тонких волос, свисающих, будто морские водоросли, едва хватало, чтобы прикрыть голову. Весь ее облик кричал: она была рабыней — от оков, сжимающих ей запястья, и чуть прикрытой наготы, до испещренного шрамами, окровавленного тела и босых ног в коростах. Елена даже не могла сообразить, какие у женщины глаза — они казались такими же бесцветными, как и вся она.

Сейчас Елена видела перед собой женщину, которой было, возможно, чуть за тридцать. Ее худощавое, привлекательное лицо, наделенное аристократичными чертами, отличалось волевым, прямым носом и темными, пронизательными глазами, дивные брови изогнулись подобно крыльям летящей птицы. Она отдыхала в кресле, положив ноги на специальную скамеечку, и медленно расчесывала волосы — темные, с редкими вкраплениями седины, придававшей выражение достоинства даже ее простому домашнему халату глубокого синего цвета. На ее лице, дополняя образ, виднелись морщинки, но главным было охватывающее тебя острое чувство нежности к ней, вероятно, из-за немного округлившегося живота, на котором сейчас покоилась ее рука. Когда она бережно положила туда руку, лицо ее расцвело, вся она буквально засияла изнутри. На мгновение Елена подумала, что, должно быть, это жена доктора или его домработница. Ей не терпелось спросить, жива ли еще несчастная, умирающая рабыня Ульма? Тут она заметила то, что складки темно-синего халата совершенно не могли утаить: отблеск железного браслета. Эта худощавая таинственная аристократичная женщина и была Ульмой.

Доктор сотворил чудо.

Целитель, как он сам себя называл. Очевидно, что, как и Деймон, он мог исцелять раны. Ни один человек, замученный и исполосованный хлыстом, как Ульма, не мог так быстро приблизиться к выздоровлению без вмешательства мощной магии. Попытка просто соединить в правильных местах и зашить окровавленное месиво, что привела Елена, определенно была бы безуспешной, вот почему доктор Меггар исцелил ее. Елена никогда не бывала в ситуациях, подобных этой, но вспомнила о хороших манерах, воспитанных в ней, как во всякой уроженке Виржинии.

— Очень рада нашей встрече, мэм. Я Елена, — сказала она и протянула руку.

Расческа упала на стул. Женщина устремилась вперед и завладела обеими руками Елены. Эти пронзительные темные глаза, казалось, пожирали лицо Елены.

— Ты... это ты, — сказала она, и затем, скинув со скамеечки обутые в тапочки ноги, опустилась перед Еленой на колени.

— О, нет, мэм! Пожалуйста! Уверена, доктор велел Вам отдыхать. Лучше присядьте.

— Но это именно ты!

По неведомым причинам женщине было необходимо подтверждение. И Елена готова была сделать что угодно, чтобы успокоить ее.

— Это я, — сказала Елена. — А теперь, мне кажется, вы должны снова сесть.

Повиновение было незамедлительным, и все же был своего рода радостный свет во всем, что делала Ульма. Елена поняла это, всего после нескольких часов проведенных в роли рабыни. Повиновение, когда есть возможность выбора, совершенно отличается от того повиновения, когда непослушание означает смерть. Но сев, Ульма протянула руки.

— Посмотри на меня! Дорогой серафим, богиня, Стражница, кем бы ты ни была, посмотри на меня! После трех лет жизни подобно животному, я снова стала человеком благодаря тебе! Ты пришла, словно сияющий ангел и встала между мной и плетью.

Ульма начала всхлипывать, но это были слезы радости. Ее глаза осмотрели Еленино лицо, задержавшись на шраме на скуле.

— Ты не Стражница; у них магические способности, защищающие их, и они никогда не вмешиваются. За три года они никогда не вмешивались. Я видела все моих друзей, таких же рабов, как и я, которым доставалось от его кнута и гнева.

Она потрясла головой, будто была неспособна физически выговорить имя Дрозне.

— Мне так жаль, так жаль... — бормотала Елена. Она оглянулась и увидела, что Бонни и Мередит были точно также поражены.

— Это не важно. Я слышала, что ваш друг убил его на улице.

— Это я ей рассказала об этом, — гордо сказала Лакшми. Никто не заметил, как она вошла в комнату.

— Мой друг? — нерешительно спросила Елена. — Ну, он не мой... То есть, он и я... Мы...

— Он наш хозяин, — резко сказала Мередит из-за спины Елены.

Ульма все еще смотрела на Елену с любовью в ее глазах.

— Каждый день я буду молиться за то, чтобы твоя душа вознеслась отсюда.

Елена была удивлена.

— Души могут возноситься отсюда?

— Конечно. Раскаяние и благие деяния помогут достичь этого, и те, кто молится за других, я думаю, тоже всегда учитываются.

— Ты определенно говоришь не как рабыня, — рассуждала Елена.

Она старалась придумать способ преподнести это деликатно, но смутилась, ее нога болела, и ее эмоции были в смятении.

— Ты не кажешься — ну, в общем, не схожа с моими представлениями о рабах, — сказала она. — Или я просто глупа?

Она могла видеть слезы на глазах Ульмы.

— О, Боже! Пожалуйста, забудьте о том, что я спросила. Пожалуйста...

— Нет! Нет никого, кому бы я охотнее рассказала. Если ты захочешь послушать о том, как я так низко пала, — Ульма ждала, смотря на Елену. Было ясно, что меньше всего Елена хотела приказывать Ульме.

Елена посмотрела на Мередит и Бонни. Она больше не слышала криков с улицы, и совершенно точно здание не было в огне. К счастью, в тот момент доктор Меггар снова заинтересовался:

— Все друг с другом познакомились? — спросил он, и брови его разошлись на разные уровни — одна вверх, другая вниз. В его руках была бутылка с остатками «Черной Магии».

— Да, — сказала Елена, — но мне интересно: мы не должны попытаться покинуть дом или что-то вроде этого.

— Очевидно, там была толпа...

— Еленин друг собирается дать им «повод для размышлений», — со вкусом сказала Лакшми. — Они все пошли на Площадь Собраний принимать решение на счет имущества Дрозне. Спорим, что он снесет несколько голов и в скором времени вернется, — весело добавила она, не оставляя никаких сомнений о его возвращении. — Хотела бы я быть

мальчиком, тогда бы я могла на это посмотреть.

— Ты вела себя храбрее, чем мальчики; ты единственная привела нас сюда, — сказала ей Елена.

Затем она посовещалась глазами с Мередит и Бонни. Казалось, что волнения переместились в другое место, Деймон был мастером по устранению беспорядков, касающихся его. К тому же, возможно... ему нужно подражаться, чтобы избавиться от избытка энергии, полученного с кровью Елены.

«Беспорядки в действительности могли бы быть хорошей разрядкой для него», — подумала Елена. Она взглянула на да Меггара.

— С моим... с нашим хозяином все будет в порядке?

Брови доктора Меггара поползли вверх, а потом вниз.

— Вероятно, ему придется расплачиваться с родственниками Старого Дрозне ценой крови, но она не должна быть слишком высока. Потом он может делать все, что хочет с имуществом старого ублюдка, — сказал он. — Я бы сказал, что, прямо сейчас, самое безопасное место для вас — здесь, подальше от Площади Собраний.

Он продолжал настаивать на своем мнении, и для его подкрепления налил для всех них в бокалы, как Елена заметила ликерные бокалы, Вина «Черная Магия».

— Успокаивает нервы, — сказал он и сделал глоток.

Ульма улыбнулась ему своей красивой, дружеской улыбкой, когда он около нее забрал поднос.

— Спасибо тебе, спасибо, и еще раз спасибо, — говорила она. — Я не хочу надоедать вам своей историей...

— Нет, расскажи нам, расскажи, пожалуйста! Теперь, когда для ее друзей и Деймона не было непосредственной опасности, Елена жаждала услышать ее рассказ.

Все остальные кивнули.

Ульма слегка покрылась румянцем, но спокойно начала:

— Я родилась в царствование Келемена Второго, — сказала она. — Я уверена, что это ничего не значит для наших гостей, но это много значит для тех, кто знал его и его... снисходительность. Я училась под руководством моей матери, которая стала очень популярным дизайнером модной одежды. Мой отец был дизайнером драгоценностей, почти таким же известным, как и она. У них было поместье на окраине города, и они могли позволить себе дом столь же прекрасный, как и многие из их самых богатых клиентов — хотя они боялись показывать реальную степень своего богатства. Тогда я была молодой Леди Ульмой, не ведьмой Ульмой. Мои родители приложили все усилия, чтобы держать меня подальше от чужих глаз, для моей же собственной безопасности. Но...

«Ульма — леди Ульма», — подумала Елена, отвлеклась и сделала большой глоток вина.

Глаза женщины изменились; она видела прошлое, и пыталась не расстраивать своих слушателей. Но только Елена собиралась предложить ей остановиться, пока она не почувствует себя лучше, она уже продолжала.

— Но, несмотря на всю их заботу... кто-то... все равно увидел меня и потребовал моей руки. Не Дрозне, он был только скорняком с Дальних Земель, и я никогда раньше его не видела, не считая последних трех лет. Это был лорд, Генерал, демон с ужасной репутацией — и мой отец отказал его требованию. Они пришли к нам ночью. Мне было четырнадцать лет, когда это случилось. И именно так я стала рабыней.

Елена поняла, что чувствует эмоциональное страдание, исходящее из разума Леди Ульмы.

«Ох, Боже мой, я опять это сделала», — подумала она, спешно стараясь притупить свою чувствительность.

— Пожалуйста, тебе не нужно рассказывать нам это. Возможно в другой раз...

— Я хотела бы рассказать вам... вы... ну, вы будете знать то, что сделали. И я предпочла бы рассказать это только однажды. Но если вам не хочется слушать это...

вежливый человек и здесь беспокоится о вежливости.

— Нет, нет, если хочешь, продолжай. Я... я только хочу, чтобы вы знали, насколько я сожалею, — Елена поглядела на доктора, который терпеливо ждал ее около стола, с коричневой бутылкой в руках: — И если вы не возражаете, я хотела бы чтобы мою ногу... излечили?

Она осознавала, что сказала последнее слово полная сомнений, задаваясь вопросом, как у какого-либо существа могла быть такая Сила, чтобы вот так излечить Ульму. Она не удивилась, когда он покачал головой.

— Или зашейте скорее, пока вы разговариваете, если не возражаете, — сказала она. Потребовалось несколько минут, чтобы Леди Ульма смогла преодолеть потрясение и страдание из-за того, что оставила свою спасительницу ждать, но, наконец, Елена была на столе, и доктор заставлял ее выпить из бутылки, которая пахла как вишневая микстура от кашля.

Ох, ладно, заодно она попробует вариант обезболивающего средства Темного Измерения — тем более что накладывание швов было болезненным, думала Елена. Она отхлебнула глоток из бутылки и почувствовала, что комната пошла кругом. Она отмахнулась от предложения глотнуть еще. Доктор Меггар развязал испорченный шарф Бонни, а затем начал отрезать окровавленные джинсы на ноге выше колена.

— Хорошо, вы такие замечательные слушатели, — сказала Леди Ульма. — Но довольно. Я избавлю нас обоих от тяжелых подробностей моего рабства. Наверное, достаточно будет сказать, что меня передавали от одного хозяина к другому на протяжении многих лет, всегда раба, всегда унижена. В итоге, кто-то в шутку сказал: «Отдайте ее Старому Дрозне».

Он высосет из нее последние соки, так не всякий сможет».

— Боже! — вскрикнула Елена и понадеялась, что все подумают — это реакция на историю, а не на жжение от очищающего раствора, которым доктор обрабатывал ее распухшую плоть.

«Метод Деймона намного лучше», — думала она. — «Я даже не представляла, как мне тогда повезло».

С тех пор, как доктор начал работать иглой, Елена старалась не морщиться, но, ухватившись за руку Мередит, все сильнее и сильнее сжимала ее, пока не испугалась, что может сломать что-нибудь. Она попыталась ослабить хватку, в ответ подруга только крепче стиснула пальцы. У нее были длинные руки с гладкой кожей, почти мальчишечьи, только мягче. Елена поразилась, что может сжимать так сильно, как ей того хотелось.

— В последнее время я стала замечать, что быстро устаю, силы покидают меня, — тихо продолжала Леди Ульма. — Я подумала, этот... — тут она употребила особенно резкое выражение, характеризующее ее мучителя — все-таки сведет меня в могилу. Позже я узнала правду.

В этот момент ее лицо осветилось. Перемена была столь разительна, что Елена будто наяву увидела, как, должно быть, выглядела Леди Ульма подростком — настоящей красавицей, немудрено, что демон жаждал взять ее в жены.

— Я узнала, что внутри меня зародилась новая жизнь... и я понимала, что Дрозне убьет ее, когда представится такая возможность...

Казалось, она не замечала изумление и ужас, отразившиеся на лицах девушек. У Елены появилось ощущение, словно она застряла в кошмарном сне и бредет по краю бездонной расщелины. В Темном Измерении ей придется нащупывать тропку вслепую, ступая по предательски тонкому льду, пока она не доберется до Стефана и не вытащит его отсюда.

Это случайно возникшее чувство резкого неприятия происходящего не впервые посетило ее здесь, но было первым, которое она осознала и приняла.

— Вы еще совсем молоденькие и здесь так недавно, — сказала Леди Ульма, нарушив затянувшееся молчание. — Я не хотела говорить что-то неподходящее.

— Здесь мы рабыни, — ответила Мередит, показывая веревку, — думаю, чем больше

мы узнаем, тем лучше.

— Ваш хозяин... Прежде я никогда не видела, чтобы кто-то так решительно набросился на Старого Дрозне. Многие люди только болтают, но это максимум, на что они способны. Однако ваш хозяин...

— Мы называем его Деймон, — подчеркнула Бонни.

Леди Ульма не совсем правильно ее поняла:

— Хозяин Деймон... Как вы думаете, он сможет оставить меня? После того, как он заплатит кровную плату родственникам Дрозне, он получит право распоряжаться имуществом Дрозне. Я одна из немногих рабов, которых он не убил.

Видеть надежду, написанную на лице женщины, причиняло Елене боль. Только теперь она осознала, как давно не видела Деймона. Сколько времени могло уйти у него на улаживание проблемы? Она тревожно посмотрела на Мередит. Мередит правильно истолковала этот взгляд и беспомощно покачала головой. Даже если Лакшми отведет их на Соборную Площадь, что они смогут сделать?

Елена сдержала гримасу боли и улыбнулась Леди Ульме:

— Почему бы вам не рассказать нам о временах, когда вы были девочкой? — сказала она.

Глава 18

Деймон не думал, что у старого дурака-садиста, который разорвал на куски женщину за то, что она не смогла везти тележку, предназначенную для лошади, могут быть друзья. И у старого Дрозне, естественно, их не было. Но проблема была не в этом. Так же, как ни странно, проблема была и не в убийстве. Убийство было повседневным делом в окрестностях трущоб и тот факт, что Деймон инициировал, и выиграл драку, не был сюрпризом для жителей этих опасных переулков. Проблема была в побеге с рабом. А может быть проблема лежит глубже. Проблема была в том, как Деймон обращался со своими собственными рабами. Толпа людей — все мужчины, ни одной женщины, заметил Деймон — абсолютно точно собрались у подножья больницы и абсолютно точно у них были факелы.

— Бешеный вампир! Бешеный вампир на свободе!

— Тащите его сюда для свершения правосудия!

— Сжигайте это место, если его не вытащат оттуда!

— Старейшины говорят привести его к ним!

Казалось, что это дало тот эффект, которого желала толпа, убирая с улиц все больше приличных людей и оставляя только жаждущих крови, которые шлялись без дела и были бы только рады драке. Большинство из них, конечно, сами были вампирами. Большинство из которых — сильными вампирами. Но никто из них, думал Деймон, ослепительно улыбаясь окружившей его толпе, не знал, что жизни трех девушек зависели от него, и одна из них была алмазом в короне человечества — Еленой Гилберт. Если бы его, Деймона, разорвали на части в этой драке, эти три девушки прожили бы свои жизни как в аду.

Однако, даже эти рассуждения, казалось, не помогли ему, в то время как Деймона пинали, кусали, били по голове, избивали, и протыкали деревянными кинжалами — тем видом, что рассекает плоть вампира на части. Сначала он думал, что у него есть шанс. Несколько самых молодых и здоровых вампиров стали жертвами его быстрых, как кобра ударов и его внезапных обстрелов Силой.

Но, по правде говоря, их слишком много, подумал Деймон, в то время как он хватал демона за шею, два длинных клыка которого уже почти проткнули его руку. И тут появился огромный вампир, явно обученный, с аурой, от которой у Деймона душа ушла в пятки. Этого Деймон ударил ногой по лицу, но вампир не остался лежать; он поднялся, вцепившись в ногу Деймона, позволяя нескольким более мелким вампирам метнуть в него деревянные кинжалы

и покалечить его. Деймон испытал дикий ужас, в то время как его ноги отнялись.

— Чтоб вы сгорели на солнце! — проскрежетал он ртом полным крови, в то время как другой вампир вонзил в него клыки, а краснокожий демон ударил его кулаком в рот. — Чтоб вы все провалились в самый глубокий ад...

Это не помогло.

Вяло, все еще борясь и используя большие заряды Силы, чтобы искалечить и убить столько, сколько он мог, Деймон, понял это. А потом все стало ошеломительным и как во сне, но не как в его сне о Елене, которая, казалось, постоянно стояла у него перед глазами плача — в лихорадочном сне, в смысле, в кошмаре. Он больше не мог эффективно работать мускулами. Его тело было разбито и, несмотря на то, что он вылечил свои ноги, другой вампир сильно порезал ему спину. Он все больше и больше чувствовал себя как в кошмаре, где он не мог двигаться кроме как в замедленном темпе. В то же время, что-то в его сознании просило его отдохнуть. Просто отдохнуть... и все это закончится. В конечном итоге, большинство победило, и появился кто-то с колом.

— Скатертью дорожка для нового мусора, — сказал владелец кола, его дыхание сильно пахло несвежей кровью, его гротескное лицо смотрело искоса, в то время как он прокаженно-выглядящими пальцами расстегивал рубашку Деймона, чтобы не проткнуть великолепный черный шелк. Деймон плюнул в него и в ответ получил удар головой обо что-то каменное. У него на какой-то момент потемнело перед глазами, и потом сознание вернулось с болью.

И с шумом.

Ликующая толпа вампиров и демонов, опьяненных жестокостью, с ревушим хохотом топали и делали ритмичный, импровизированный танец вокруг Деймона, втыкая воображаемые колы, доводили себя до безумства. И тогда Деймон понял, что он действительно умрет. Это было шокирующее осознание, несмотря на то, что он знал, насколько опаснее этот мир, чем тот, который он недавно покинул и даже в человеческом мире он не раз находился на волоске от смерти. Но сейчас у него не было ни могущественных друзей, ни слабости толпы, которыми он мог бы воспользоваться. Он чувствовал, как будто секунды внезапно растягивались в минуты, каждая из которых была несметной ценностью.

Что было важно? Рассказать Елене...

— Сначала ослепить его! Дайте ту острую палку!

— Я возьму его уши! Кто-нибудь, помогите мне держать его голову!

Рассказать Елене... что-то.

Что-то... прости...

Он сдался.

Еще одна мысль пыталась прорваться в его сознание.

— Не забудьте выбить его зубы! Я обещал своей девушке новое ожерелье!

«Я думал, что уже готов к этому», — с трудом подумал Деймон, каждое слово выходило из него по отдельности. — «Но... не так скоро. Я думал, что я уже создал свой мир... но не с тем, кто дорог мне... да, кто дорог мне больше всего». Он не дал себе и дальше думать об этом. «Стефан!» — послал он наиболее сильный, но тайный сигнал Силы, насколько он мог, учитывая его состояние. — «Стефан, услышь меня! Елена придет за тобой — она спасет тебя! У нее есть Силы, которые вырвутся на свободу, благодаря моей смерти. А я... я... извини...»

В этот момент танец вокруг него прекратился. Пьяные гуляки замолчали. Некоторые быстро склонили головы, другие отвели взгляд. Деймон замедлил шаг, задаваясь вопросом, что же могло заставить возбужденную толпу прерваться в самый разгар веселья

Кто-то к нему приближался.

У вновь прибывшего были длинные волосы бронзового цвета, которые свисали непослушными прядями до самой талии. Он был по пояс обнажен, демонстрируя свое мускулистое тело, которому мог бы позавидовать даже самый сильный демон. Грудь

выглядела так, как будто она была вырезана из мерцающего бронзового камня. Превосходно вылепленные бицепсы. На прессе шесть идеальных кубиков. На его высокой львиной фигуре не было ни грамма лишнего жира. На нем были простые черные брюки, которые облегали его мускулистые ноги при каждом шаге. На одной руке по все длине была татуировка в виде черного дракона, поедающего сердце.

И он был не один.

У него не было в руках поводка, но рядом с ним была крупная, с поразительно умным взглядом, черная собака, которая принимала боевую стойку, каждый раз когда он останавливался. Должно быть, она весила около двухсот фунтов, но при этом на ней так же не было ни грамма лишнего жира. На одном плече незнакомца сидел большой сокол. Он не был накрыт, как большинство охотничьих птиц вне охоты на часек. Кроме того, сокол не сидел ни на какой подставке. Он сидел на голом плече молодого человека, впивая три передних когтя в его плоть так, что по груди стекали маленькие ручейки крови. Хотя парень не обращал на это никакого внимания. Рядом со свежими, были высохшие кровавые потеки, очевидно, от предыдущих поездок. На спине один коготь так же сделал красный след.

Абсолютная тишина окутала толпу, и несколько демонов, оставшихся еще между высокой окровавленной, лежащей навзничь на земле фигурой, убрались с его пути.

Какое-то время львиный мужчина был неподвижен. Но ничего не говорил, ничего не делал, не пользовался Силой. Затем он кивнул собаке, которая тяжело двинулась вперед, вдыхая запах крови, исходящий от рук и лица Деймона. Затем собака вдохнула запах, исходящий из его рта, и Деймон увидел, как на ее загривке вздыбилась шерсть.

— Хорошая собака, — сонно сказал Деймон, когда мокрый холодный нос слегка коснулся его щеки.

Деймон знал, что это особенное животное, которое не соответствует сложившемуся стереотипу о хорошей собачке. Скорее всего, это был цербер, который обычно хватал вампиров за горло и тряс, пока кровь из их артерий не начинала фонтанировать на шесть футов в высоту. Это существо могло так тебя отделать, что удар колом в сердце показался бы манной небесной, задумался Деймон, оставаясь неподвижным.

— Arrêtez-le!¹³ — сказал бронзововолосой юноша.

Собака послушно отступила назад, не сводя своих блестящих черных глаз с глаз Деймона, который не отвел взгляда, пока их не разделило расстояние в пару футов. Бронзововолосый юноша мельком взглянул на толпу. Затем он резко сказал:

— Laissez-le seul.¹⁴

Вампирам не нужен был перевод, для того, что бы тут же ретироваться. Те несчастные, кто не успел ретироваться достаточно быстро, были до сих пор рядом, когда бронзововолосый юноша еще раз окинул их неторопливым взглядом. Все те, на которых он посмотрел, понуро встретились с ним взглядом и съежились от страха, замерев в попытке не привлекать внимание. Деймон понял, что он расслабляется. Сила возвращалась к нему, позволяя восстановиться. Он увидел, как собака подходит то к одному, то к другому, с интересом обнюхивая их. Когда Деймон был в состоянии поднять голову, он улыбнулся незнакомцу:

— Сейдж. Подумаешь о дьяволе...

Бронзововолосый юноша ухмыльнулся:

— Ты сделал мне комплимент, mon cher.¹⁵ Видишь? Я краснею.

— Я предполагал, что ты можешь быть здесь.

— Есть много мест для странствий, mon petit tyran.¹⁶ Даже если мне приходится

¹³ Прекрати! (фр.)

¹⁴ Оставьте меня одного (фр.)

¹⁵ мой дорогой (фр.)

путешествовать одному.

— О, сожалею. Крошечные скрипки играют... — внезапно Деймон больше не мог этого делать. Просто не мог и все. Может быть, потому что раньше он был с Еленой. Может быть, потому что этот чудовищный мир невыразимо его утомил. Но когда он снова заговорил, голос его полностью изменился:

— Никогда не думал, что я могу быть так благодарен. Сам того не подозревая, ты спас пять жизней. Хотя, как ты наткнулся на нас...

Сейдж сел на корточки и посмотрел на него с тревогой:

— Что произошло? — спросил он серьезным голосом. — Ты ударился головой? Знаешь... слухи тут быстро распространяются. Слышал, ты приехал с гаремом.

— Это правда! — слух Деймона уловил еле слышный шепот на углу улицы, где его поймали:

«Если мы возьмем девушек в заложницы — помучаем их».

Сейдж мельком окинул Деймона взглядом. Было ясно, что он тоже слышал шепот.

— Сайбер, — сказал он собаке. — Только говорящего.

Он кивнул в сторону, откуда доносился шепот. Черная собака моментально помчалась вперед и быстрее, чем Деймон мог описать, вонзил свои зубы в горло шепчущего, тряхнул его, от чего раздался хруст и побежал назад, таща тело между ногами.

Слова: «Je vous ai informé au sujet de ceci!¹⁷» взорвались на волне Силы, и это заставило Деймона содрогнуться.

И Деймон подумал: «да, он говорил им раньше, но не предупредил, какие будут последствия».

— Laissez lui et ses amis dans la paix!¹⁸

Тем временем Деймон медленно поднимался и был очень рад, что он и его друзья находятся под защитой Сейджа.

— Это точно должно сработать, — сказал он. — Почему бы не вернуться, и не выпить со мной по-дружески?

Сейдж посмотрел на него так, как если бы он сошел с ума:

— Ты знаешь, что ответ — нет.

— Почему?

— Я же сказал тебе — нет.

— Это не причина.

— Причина, по которой я не пойду с тобой пить по-дружески, mon ange,¹⁹ в том, что мы с тобой... не друзья.

— Мы провернули с тобой несколько неплохих афер.

— Il y a longtemps.²⁰

Внезапно Сейдж взял Деймона за руку. На ней был глубокий и кровавый порез, который Деймон еще не успел залечить. Под пристальным взглядом Сейджа он затянулся, шрам стал розовым, и рука зажила. Деймон дал Сейджу еще немного подержать руку и резко ее выдернул.

— Не так уж и давно, — сказал он.

¹⁶ мой маленький хулиган (фр.)

¹⁷ Я вас предупреждал (фр.)

¹⁸ Оставьте его и его друзей в покое (фр.)

¹⁹ мой ангел (фр.)

²⁰ Это было давно (фр.)

— Вдали от тебя? — саркастическая улыбка появилась на губах Сейджа. — Мы считаем время по-разному, mon petit tуган.

Деймон испытывал опьяняющий восторг:

— Что пьешь один?

— А ты с гаремом?

Деймон попытался представить Мередит и Сейджа вместе. Его воображение воспротивилось.

— Но в любом случае ты взял на себя ответственность за них, — сказал он категорично.

— И правда в том, ни одна из них не принадлежит мне. Я даю слово, по этому вопросу.

Он задрожал при мысли о Елене, но он говорил правду.

— Взял на себя ответственность за них? — Сейдж как будто все взвешивал. — Ты обязался спасти их. Я возьму твое обязательство на себя, только если ты умрешь. Но если ты умрешь... — высокий юноша беспомощно развел руками, — ты должен жить, что бы спасти Стефана, Елену и остальных.

— Я бы сказал «нет», но это тебя огорчит. Поэтому я скажу «да». Если ты поступишь по иному, клянусь, я вернусь и тебя уничтожу.

Сейдж оценивающе посмотрел на него:

— Не думаю, что меня когда-либо обвиняли в том, что я не выполняю то, что обещал, — сказал он, — но конечно это было до того, как я стал «не вампиром».

«Да», — подумал Деймон, — «встреча Сейджа с «гаремом» обещала стать интересной». По крайней мере, будет, если девушки поймут, кто такой Сейдж на самом деле. Но может никто им не скажет.

Глава 19

Елена редко испытывала такое облегчение, как то, которое она почувствовала, услышав стук Деймона в дверь доктора Меггара.

— Что произошло на Соборной Площади? — спросила она.

— Меня там никогда и не было, — Деймон рассказал о засаде, пока остальные украдкой изучали Сейджа с различной степенью одобрения, благодарности или явного вожделения.

Елена поняла, что она выпила слишком много «Черной Магии» и, когда почувствовала себя готовой упасть в обморок, хотя она была уверена, что вино помогло Деймону пережить нападение толпы, которая в противном случае убила бы его.

Они, в свою очередь, рассказали историю Леди Ульмы настолько кратко, насколько это было возможно. К концу рассказа женщина выглядела бледной и потрясенной.

— Я надеюсь, — сказала она робко Деймону, — что, когда Вы унаследуете собственность Старого Дрозне, — она сделала паузу, чтобы сглотнуть — вы решите оставить меня. Я знаю, рабыни, которых вы привели с собой, красивы и молоды... но, я могу быть очень полезной в качестве швеи и много другого. Лишь моя спина потеряла свою силу, но не мой ум.

Мгновение Деймон был совершенно неподвижен. Затем он подошел к Елене, которая оказалась ближе всего к нему. Он потянул за веревку, стягивающую запястье Елены, развязывая последнюю петлю, и бросил путы через всю комнату. Она извивалась и шевелилась как змея.

— Полагаю, все, на ком есть такая веревка, могут сделать то же самое, — сказал он.

— Разве что бросать не обязательно, — быстро произнесла Мередит, видя как брови доктора

сдвинулись при взгляде на многочисленные хрупкие стеклянные мензурки, сложенные

вдоль стен.

Но она и Бонни не теряли времени, избавляясь от остатков веревок, все еще свисающих с их рук.

— Я боюсь, что мои более... прочные, — сказала Леди Ульма, оттягивая ткань с запястий, чтобы выставить приваренные железные браслеты.

Она выглядела смущенной за неспособность повиноваться первому приказу ее нового владельца.

— Вы не возражаете против холода? У меня достаточно Силы, чтобы заморозить и затем разрушить их, — сказал Деймон.

Леди Ульма издала тихий звук. Елена никогда не слышала такого отчаяния ни от одного человека.

— Я могла бы простоять по шею в снегу в течение года, чтобы избавиться от этих ужасных вещей, — сказала Леди.

Деймон положил свои руки с обеих сторон одного браслета, и Елена могла почувствовать прилив Силы, которая исходила от него. Раздался резкий треск. В руках Деймона осталось два куска металла. Затем он проделал тоже самое с другой рукой. Взгляд в глазах Леди Ульмы заставил Елену почувствовать себя скорее смущенной, нежели гордой. Она спасла одну женщину от ужасной деградации. Но как много еще осталось? Она этого никогда не узнает, да и если узнает, то не сможет всех спасти. Не тогда, когда ее Сила находится в таком состоянии.

— Я думаю, что Леди Ульма действительно должна отдохнуть, — сказала Бонни, протирая лоб под спавшими земляничными завитками волос. — И Елена тоже. Деймон, ты должен был видеть, сколько стежков нанесли на ее ногу. Но что мы собираемся делать, отправимся искать гостиницу?

— Оставайтесь в моем доме, — сказал доктор Меггар, одновременно поднимая одну бровь и опуская другую. Очевидно, что он запутался в этой истории, заинтересованный ее абсолютной силой, красотой и жестокостью.

— Все, о чем я прошу, — не разрушьте ничего, и если вы увидите лягушку, не целуйте ее и не убивайте ее. У меня есть много одеял, стульев и кушеток.

Он не взял бы ни одного звена от тяжелой золотой цепи, которую Деймон принес, чтобы использовать как обменную валюту.

— Я... по праву, я должна помочь вам всем подготовиться ко сну, — слабо бормотала Леди Ульма Мередит.

— Вы больше всех пострадали; вам должна достаться лучшая кровать, — невозмутимо ответила Мередит. — И *мы* поможем вам лечь.

— Самая удобная кровать, которая есть находится в бывшей комнате моей дочери, — доктор Меггар возился со связкой ключей. — Она вышла замуж за носильщика — тяжело было с ней расставаться. А эта молодая особа, мисс Елена, может расположиться в старом свадебном чертоге.

На мгновение сердце Елены терзалось противоречивыми эмоциями. Она боялось — да, она была уверена, что это был именно страх — что Деймон мог взять ее на руки и отправиться в номер для новобрачных вместе с ней. А с другой стороны... тут Лакшми посмотрела на нее неуверенно.

— Вы хотите, чтобы я осталась? — спросила она.

— А тебе есть куда идти? — в свою очередь спросила Елена.

— Улица, я полагаю. Я обычно сплю в бочке.

— Оставайся здесь. Ляжешь со мной; свадебная кровать кажется достаточно большой для двух людей. Ты теперь одна из нас.

Взгляд, которым Лакшми одарила ее, был полон ошеломленной благодарности. Елена поняла, что он был таковым не из-за предложения места для ночлега. А из-за утверждения: «Ты теперь одна из нас». Елена чувствовала, что Лакшми никогда не была «одной из» какой-либо группы, прежде. Никогда «одна из» любой группы прежде.

Все было тихо до тех пор, пока не наступил «рассвет» следующего «дня», как это называли местные жители, хотя свет за всю ночь так и не изменился. В это время снаружи жилища доктора собралась разношерстная толпа. Она главным образом состояла из пожилых мужчин, носящих поношенную, но чистую одежду. Однако было также и несколько старух. Их возглавлял седовласый человек, со странным видом собственного достоинства. Деймон с Сейджем, вышли наружу и поговорили с ними.

Елена была одета, но все еще находилась наверху, в тихом номере для новобрачных.

«Дорогой Дневник, О боже, мне нужна помощь! О, Стефан — ты нужен мне. Мне нужно, чтобы ты простил меня. Ты нужен мне, чтобы я оставалась здравомыслящей. Я провела слишком много времени с Деймоном, и я полностью эмоционально готова убить его или... или... я не знаю. Знать. Я не знаю! Мы вместе, словно кремь и трут — Боже! Мы как бензин и огнемёт! Пожалуйста, услышь меня, помоги мне и спаси меня... от самой себя.

Каждый раз, когда он даже произносит мое имя...»

— Елена, — голос позади Елены заставил ее подскочить.

Она захлопнула дневник и обернулась:

— Да, Деймон?

— Как ты себя чувствуешь?

— О, замечательно. Прекрасно. Даже моя нога лу... То есть, я полностью в порядке. А как ты?

— Я... достаточно хорошо, — сказал он с улыбкой, и это была настоящая улыбка, а не попытка управлять ею, и не оскал, который превратится во что-то еще в следующую секунду.

Это была просто улыбка, взволнованная и грустная. Так или иначе, Елена не замечала печали, пока она не вспомнила об этом позже. Она просто внезапно почувствовала, что ничего не весит, что, если она потеряет связь с собой, она будет в высоте на несколько миль, прежде чем кто-нибудь сможет остановить ее — также далеко, как до лун этого безумного места.

Своей нетвердой улыбкой она управляла им:

— Хорошо.

— Я пришел, чтобы поговорить с тобой, — сказал он, — но... сначала...

В следующий момент, так или иначе, Елена оказалась в его руках.

— Деймон — мы не можем продолжать... — она мягко попыталась отстраниться. — Мы действительно не можем продолжать делать это, ты знаешь.

Но Деймон не отпускал ее. Было что-то в том, как он держал ее, это одновременно и пугало ее, а с другой стороны заставляло плакать от радости. Она сдержала слезы.

— Все в порядке, — сказал мягко Деймон. — Не стесняйся, плачь. Ситуация в наших руках.

Кое-что в его голосе напугало Елену. Это было не то полу радостное состояние, напугавшее ее минуту назад, а было совершенно страшно. Это потому что он напуган, — внезапно подумала она в удивлении. Она видел Деймона, злым, задумчивым, холодным, дразнящим, обольстительным, даже подавленным, стыдящимся — но она никогда не видела его чем-то напуганным. Ее разум с трудом мог поверить в это. Деймон... напуган... за нее.

— Это из-за того, что я вчера сделала, не так ли? — спросила она. — Они собираются убить меня?

Она была удивлена тем, как спокойно она сказала это. Она не чувствовала ничего кроме неопределенного беспокойства и желания успокоить Деймона.

— Нет! — он держал ее на расстоянии вытянутой руки, вглядываясь. — По крайней мере, не до того, как они убьют меня Сейджа — и всех людей в этом доме тоже, если я знаю их.

Он остановился, словно задыхаясь, — что не было возможным, — напомнила себе Елена. «Он тянет время», — подумала она.

— Но это то, что они хотят сделать, — сказала она.

Она не знала, почему она была настолько уверена. Возможно, она понимала кое-что телепатически.

— У них есть... они угрожали, — медленно говорил Деймон, — это не имеет отношения к Старому Дрозне на самом деле, я полагаю, что убийства происходят здесь постоянно и победитель получает все. Но, видимо, за ночь твои слова облетели весь город. Рабы из соседних поместий отказываются повиноваться своим хозяевам. Суматоха по всему кварталу трущоб, и они боятся того, что будет, если в других кварталах узнают об этом... Что-то нужно сделать как можно скорее, или целое Темное Измерение может взорваться, как бомба.

Как раз когда Деймон говорил, Елена могла услышать отголоски того, что ему сказали люди из толпы у дома доктора Меггара. Они были также напуганы. Возможно, это могло быть началом чего-то важного, Елена думала, что ее ум, парит далеко от ее собственных маленьких проблем. Даже смерть не была бы слишком высокой ценой, чтобы заплатить и освободить этих несчастных людей от их демонических владельцев.

— Но это не то, что произойдет! — сказал Деймон, и Елена поняла, что все мысли отразились на ее лице.

В голосе Деймона было подлинное мучение:

— Если бы у нас был план, если бы были лидеры, которые могли бы остаться здесь и наблюдать за революцией — если мы могли даже считать этих лидеров достаточно сильными, чтобы сделать это тогда, был бы шанс. Вместо этого, всех рабов наказывают всюду, где распространилось слово. Их мучают и убивают лишь из подозрений о том, что они симпатизируют тебе. Их владельцы демонстрируют это по всему городу. И все становится только хуже.

Сердце Елены, которое парило от мечты что-то изменить, ухнуло вниз на землю и она, испуганная, смотрела в черные глаза Деймона.

— Но мы должны остановить это. Даже если я должна умереть.

Деймон придерживал ее рядом с собой.

— Ты и Бонни и Мередит.

Его голос казался хриплым.

— Много людей видело вас троих вместе. Многие люди теперь видят Вас троих нарушителями спокойствия.

Сердце Елены похолодело. Возможно, худшей вещью было то, что она могла видеть с точки зрения раба, что, если бы один инцидент такой дерзости пошел безнаказанно, и слово о нем распространялось... сказка переросла бы в реальность.

— Всего за ночь мы стали известными. Мы будем легендами завтра, — пробормотала она, наблюдая, в уме, как костяшки от домино сваливаются друг на друга, образуя слово «Героиня».

Но она не хотела быть героиней.

Она приехала сюда только для того, чтобы спасти Стефана. И в то время как она, возможно, положила бы свою жизнь, чтобы помешать мучить и убивать рабов, она убьет любого, кто попытается присвоить Бонни или Мередит.

— Они чувствуют тоже самое, — произнес Деймон. — Они слышали то, что говорилось на собрании.

Он держал ее руки так, словно пытался поддержать ее.

— Молодую девушку по имени Хелена избили и повесили сегодня, потому что у нее имя схоже с твоим. Ей было пятнадцать.

Ноги Елены подкосились, как это случалось часто в объятиях Деймона, но никогда по этой причине. Он опустился вместе с ней. Разговор происходил на голых половицах.

— Это не твоя вина, Елена! Ты — это ты! Люди любят тебя за это!

Пульс Елены отчаянно стучал. Все и так было плохо... но из-за нее все стало еще хуже. Не думая. Предполагая, что под угрозой находится лишь ее жизнь. Действуя прежде, чем оценить последствия. Но в той же самой ситуации она сделала бы это снова.

«Или... с позором», — думала она, — «я сделаю нечто подобное. Если бы я знала, что подвергну всех кого люблю опасности, я бы попросила Деймона торговаться с этим червем-рабовладельцем. Купить ее за непомерную цену... если бы у нас были деньги. Если бы он послушал... если бы следующий удар кнута не был убийственным для Леди Ульмы...»

Внезапно ее мозг продолжил жестко и холодно.

«Это — прошлое. А сейчас настоящее. Смирись с этим».

— Что мы можем сделать? — она попыталась освободиться и потрясти Деймона; она была в бешенстве. — Должно быть что-то, что мы можем сделать! Они не могут убить Бонни и Мередит; и Стефан умрет, если мы его не найдем!

Деймон только крепче сжал ее. Елена поняла, что он продолжает отгораживать от нее свои мысли. Это могло быть или хорошо или плохо. Могло быть так, что у него было решение, которым он не хотел делиться с ней. Или это могло означать, что смерть всех трех из «мятежных рабынь» была единственной вещью, которую примут городские лидеры.

— Деймон.

Он удерживал ее слишком сильно, чтобы она сумела высвободиться, так что Елена не могла смотреть ему в лицо. Но она могла визуализировать его, и также могла попытаться обратиться к нему прямо — через сознание.

«Деймон, если есть что-нибудь — любой способ, которым мы можем спасти Бонни и Мередит — ты должен сказать мне. Ты должен. Я приказываю тебе!»

Ни один из них не был в настроении найти это забавным или даже заметить, что «рабыня» отдает приказания своему «господину». Но, наконец, Елена услышала телепатический голос Деймона.

«Они говорят, что если я отдам тебя Юному Дрозне, и ты извинишься, то ты будешь отпущена после шести ударов этим», — откуда-то Деймон достал гибкую трость светлого дерева.

«Ясень, видимо», — подумала Елена, удивленная собственным спокойствием. Эта вещь одинаково эффективна для наказания любого: даже для вампира, и даже для Старого вампира, которые, несомненно, где-то здесь есть.

«Но это должно быть публично, чтобы слухи о тебе приняли другой оборот. Они думают, что эта суматоха прекратится, если ты — та, кто начал неповиновение, признает свой рабский статус», — мысли Деймона были тяжелы, и сердце Елены — тоже.

Сколько ее принципов она предала бы, если бы сделала это? Сколько рабов она осудила бы на невольную жизнь? Внезапно голос Деймона в ее голове стал сердитым:

«Мы приехали сюда не для того чтобы преобразовывать Темное Измерение», — напомнил он ей тоном, заставившим ее содрогнуться. Деймон потряс ее немного:

«Мы приехали, чтобы спасти Стефана, помнишь? Само собой разумеется, у нас никогда не будет шанса сделать это, если мы будем пытаться играть в Спартака. Если мы начинаем войну, то мы знаем, что мы не можем победить. Даже Стражи не могут одержать победу».

Свет погас в душе Елены.

— Конечно, — произнесла она. — Почему я не подумала об этом раньше?

— Не подумала о чем? — сказал Деймон отчаянно.

— Мы не сражаемся на войне. Я еще даже не освоила свою основную Силу, не говоря уже о Крыльях Силы. Поэтому они даже не задумаются о них.

— Елена?

— Мы вернемся, — взволнованно объяснила ему Елена. — Когда я смогу

контролировать свои Силы. И мы приведем с собой союзников — сильных союзников, которых мы найдем в человеческом мире. Могут потребоваться годы и годы, но когда-нибудь мы возвратимся и закончим то, что мы начали.

Деймон уставился на нее, как будто она сошла с ума, но это не имело значения. Елена могла чувствовать Силу циркулирующую в ней. Это было обещанием, думала Елена, которое она сдержала бы, даже если оно убило бы ее. Деймон сглотнул.

— Мы можем теперь поговорить о... о настоящем? — спросил он. Это было, как будто он попал в яблочко.

Настоящее.

Сейчас.

— Да. Да, конечно.

Елена презрительно посмотрела на ясеневую плеть.

— Конечно, я сделаю это, Деймон. Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь пострадал из-за меня прежде, чем я буду готова сражаться. Доктор Меггар хороший целитель. Если они позволят мне вернуться к нему.

— Я, честно, не знаю, — сказал Деймон, перехватив ее пристальный взгляд. — Но одно я точно знаю. Ты не будешь чувствовать ни одного удара, я обещаю тебе, — сказал он быстро и искренне, его темные глаза были очень большими. — Я позабочусь об этом; они все будут перенаправлены. И ты не увидишь и следа от отметин на утро. Но, — он закончил гораздо медленнее, — тебе придется на коленях просить прощения у меня, твоего хозяина, и у того грязного, гнусного, омерзительного старого... — Проклятия Деймона на мгновение унесли его мысли, что он перешел на итальянский.

— Кому?

— Главе трущоб и, возможно, также брату Старого Дрозне — Юному Дрозне.

— Хорошо. Скажи им, что я извинюсь всем Дрозне, каким они захотят. Быстрее скажи им, пока мы не потеряли свой шанс.

Елена могла видеть взгляд, каким он посмотрел на нее, но она мысленно ушла в себя.

Позволила бы она Мередит или Бонни сделать это? — Нет. Позволила бы она этому произойти с Кэролайн, если бы могла каким-нибудь образом остановить это? — Снова, нет.

Нет, нет, нет.

Елена всегда очень остро реагировала на жестокость по отношению к девушкам и женщинам. Ее чувства по поводу распространенного по всему миру приниженного положения женщин в обществе стали ей абсолютно очевидны с момента ее возвращения из загробной жизни. Если она вернулась обратно в этот мир с какой-то целью, то она решила, что помочь освободить девушек и женщин от рабства, которое многие из них даже не могут заметить, часть ее.

Но это было не только о жестоких рабовладельцах и безликих женщинах и мужчинах.

Это было об Ульме, о сохранении ее ребенка в безопасности... это было о Стефане.

Если бы она сдалась, она бы была только дерзким рабом, спровоцировавшим маленькую перепалку на дороге, но накрепко возвращенным на свое место органами власти.

С другой стороны, если их компанию тщательно изучать... если кто-нибудь поймет, что они здесь для освобождения Стефана... если Елена — та причина, по которой выйдет приказ: «Переведите его на более строгое наблюдение; избавьтесь от этих глупых ключей китцунов...»

Ее разум пылал от картин того, как Стефана будет наказан, уведен, потерян, если это происшествие в трущобах примет чрезмерные размеры. Нет. Она не покинет Стефана сейчас, чтобы бороться в войне, которую не сможет выиграть. Но она и не забудет.

«Я вернусь за всеми вами», — пообещала она.

А затем история приобрела другое окончание. Она поняла, что Деймон все еще не ушел. Он пронзительно, как сокол, смотрит на нее.

— Они послали меня за тобой, — тихо сказал он. — Они никогда не рассматривали «нет», как ответ.

Елена могла едва чувствовать силу его ярости по отношению к ним, она взяла и его руку и сжала ее.

— В будущем я вернусь с тобой за рабами, — сказал он. — Ты же знаешь это?

— Конечно, — сказала Елена, и ее быстрый поцелуй превратился в долгий.

Она даже не совсем поняла, что Деймон сказал на счет перенаправления боли. Но она чувствовала, что одного поцелуя было достаточно, чтобы она вынесла все, Деймон впился рукой ее волосы, и время потеряло свое значение, пока Мередит не постучала в дверь.

Кроваво-красный рассвет принял причудливые, почти сказочные очертания к тому моменту, как Елену привели к сооружению на улице, где домовладельцы, отвечающие за эту область, были усажены на грудах когда-то прекрасных, но уже изношенных подушек.

Они передавали назад и вперед бутылки и украшенные драгоценными камнями кожаные фляги, заполненные «Черной Магией», единственным вином, которым вампиры могли действительно наслаждаться, куря кальяны и периодически фыркая в сторону темных теней. При этом, не обращая внимание на улицу, полную зрителей, привлеченных слухом о публичном наказании красивой молодой девушки. Елена отрепетировала свои слова.

Она предстала, с кляпом во рту и закованными руками перед отхаркивающимися и фыркающими властями. Младший Дрозне сидел с торжествующим видом на золотом ложе, заставляя чувствовать какую-то неловкость. Деймон стоял между ним и властями, он выглядел напряженным. Елена никогда не испытывала такого желания импровизировать, с тех пор как играла в детстве в пьесе и бросила цветочный горшок в Петруччо в последней сцене «Укрощения строптивой», что принесло ей оглушительный успех.

Но здесь все было по-настоящему серьезно. Свобода Стефана, жизнь Бонни и Мередит могли зависеть от этого. Елена перемещала свой язык в пересохшем рту. И, каким-то образом она поймала взгляд Деймона, человека с плетью, вселяющего в нее уверенность.

Казалось, он говорил ей: «мужество и безразличие», даже не используя телепатию.

Елене стало интересно, был ли он сам когда-либо в подобной ситуации.

Один из эскортов пнул ее, заставляя опомниться, напоминая, где она находилась.

Ей заранее дали «соответствующий» костюм из забракованного гардероба замужней дочери доктора Меггара. Он казался цвета жемчуга в закрытом помещении, что означало, что он приобретал сиреневатый оттенок в постоянном кровавом солнечном освещении. Самым важным было то, что, будучи надетым без его шелковистой нижней рубашки, с задней частью кончающейся у нижней части талии, он полностью обнажал спину Елены.

Теперь, в соответствии с обычаем, она встала на колени перед старейшинами, и наклонилась, пока ее лоб не уперся в декоративный и очень грязный ковер у ног старейшин, но на несколько шагов ниже.

Один из них плюнул в нее. Вокруг слышался взволнованный, оценивающий шепот, и грубости, и брошенные снаряды, в основном в форме мусора. Фрукты здесь были слишком ценны, чтобы тратить их на это. Хотя сушеные экскременты таковыми не считались. Первые слезы появились в глазах Елены, когда она осознала, чем в нее бросались. Мужество и безразличие, сказала она себе, даже не смея поднять взгляд на Деймона. Теперь, когда толпа ощутимо среагировала, один из курящих кальян городских старейшин встал.

Он зачитал слова, которые Елена не смогла разобрать, со смятого свитка. Казалось, это будет длиться вечно. Елена, на коленях, со лбом, прижатым к пыльному коврику, чувствовала, будто задыхалась.

Наконец свиток убрали, и Младший Дрозне подскочил и описал высоким, почти истеричным голосом, и яркими эпитетами, историю раба, который напал на его собственного владельца — «Деймон», отметила мысленно Елена, — чтобы высвободиться из-под его наблюдения, и затем напал на главу его семьи — «Старый Дрозне», подумала Елена, — и его скромные денежные средства, его телегу, и его безнадёжного, нахального, пассивного раба, и в результате все это привело к смерти его брата.

Елене, сначала, показалось, что он обвинял Леди Ульму во всем произошедшем, потому что она упала под ее тяжестью.

— Вы все знаете этот тип рабов, о котором я говорю — она из тех рабов, которым лишний раз и муху лень отмахнуть, летающую перед глазами, — он вопил, обращаясь к толпе, которая ответила новыми оскорблениями и возобновила забрасывание Елены всем подряд, так как Леди Ульмы не было рядом, чтобы наказать и ее. Наконец, Младший Дрозне закончил перечислять, как эта наглая девица (Елена), носящая брюки как мужчина, схватила практически хорошо работающего раба его брата (Ульма) и унесла эту ценную собственность далеко («что, прямо-таки сама?» — с иронией подумала Елена), и привела ее к дому очень подозрительного целителя (доктора Меггара), который теперь отказывается вернуть рабу назад.

— Я понял, когда услышал это, что больше никогда не увижу своего брата или его рабу снова, — кричал он, с пронзительным воплем, который, так или иначе, сопутствовал всему его рассказу.

— Так если рабыня была настолько ленива, вы бы радовались, — пошутил кто-то в толпе.

— Однако, — сказал довольно полный человек, голос которого безумно напомнил Елене Альфреда Хичкока: траурная манера произношения и те же паузы перед важными словами, нарочито создавали мрачную атмосферу и придавали еще большую серьезность происходящему.

Этот человек обладал властью, поняла Елена. Грубости, забрасывания, даже отхаркивания и фырканье затихли. Этот крупный человек был, несомненно, местным эквивалентом «крестного отца среди бедных жителей трущоб. Его слово было определяющим в судьбе Елены.

— И с тех пор, — говорил он медленно, на каждой фразе похрустывая какими-то конфетами золотого цвета, которые лежали в чаше, приготовленной специально для него, — молодой вампир Дамиан привнес компенсацию — и стоит заметить, довольно щедрую — материального ущерба.

Здесь он сделал длинную паузу и пристально посмотрел на Младшего Дрозне.

— Поэтому, его раб, Алиана, которая начала все это неподчинение, не будет схвачена и вынесена на общественный аукцион, но выразит свое скромное почтение и сдастся сейчас здесь, и по собственному желанию понесет наказание, которое она знает, она заслуживает.

Елена была ошеломлена. Она не знала, было ли это от все из-за дыма, который распространялся перед ее носом, прежде чем развеяться, но слова, «вынесена на общественный аукцион», повергли ее в шок, практически достаточный, чтобы потерять сознание. Она понятия не имела, что это могло произойти — и картины, возникшие в ее голове при этом напоминании, были весьма неприятны.

Она также заметила свое и Деймона новые имена. Это было в действительности весьма удачно, подумала она, так как будет хорошо, если слухи об этом небольшом приключении не дойдут никогда до Шиничи и Мисао.

— Приведите к нам рабу, — заключил полный человек и вновь сел на большую грудку подушек.

Елену подняли и грубо потащили вверх пока перед ее опущенными как у послушного раба глазами не оказались позолоченные сандалии и безупречно чистые ноги.

— Ты все слышала? — мужчина «а ля крестный отец» все еще жевал свои деликатесы, и дуновение ветра принесло этот небесный запах к носу Елены, и внезапно вся так необходимая ей раньше слюна нахлынула к ее сухим губам.

— Да, сэр, — сказала она, не зная, как к нему обратиться.

— Обращайся ко мне: «Ваше Превосходительство». У тебя есть, что добавить в свою защиту? — спросил он к удивлению Елены.

Ее непроизвольная реакция: «Зачем меня это спрашивают, если все и так спланировано заранее?» застыла на ее губах. По какой-то причине этот человек показался ей значительнее, чем кто-либо иной, кого она встречала в Темном Измерении, да и в принципе за всю ее жизнь.

Он прислушивался к людям.

«Он бы послушал меня, если бы я рассказала ему все о Стефане», внезапно подумала Елена. Но затем, вновь придя в чувство, она подумала, что он мог поделаться с этим? Ничего, если только он не мог сделать доброе дело, так чтобы из этого всего можно было извлечь какую-то выгоду — либо набрать немного силы, либо сломить врага.

Но все же, он мог бы стать хорошим союзником, когда она вернется, чтобы навести порядок в этом месте и освободить рабов.

— Нет, Ваше Превосходительство. Нечего добавить, — сказала она.

— И Ты желаешь преодолеть себя и попросить моего прощения и прощения господина Дрозне?

Это было первой подготовленной заранее фразой Елены.

— Да, — сказала она, сумев произнести подготовленное извинение достаточно ясно, лишь раз запнувшись в конце.

Вблизи ей были видны пятна золота на лице большого человека, его коленях и бороде.

— Очень хорошо. Этот раб приговорен к десяти ударам ясеновой плетью в качестве примера для других мятежников. Наказание будет осуществлено моим племянником — Ключом.

Глава 20

Поднялась суматоха.

Елена, приподняла голову, не зная, стоит ли ей продолжать изображать раскаивающуюся рабыню и дальше. Старейшины переговаривались друг с другом, показывая в их сторону пальцами и вскидывая вверх руки. Деймон удерживал «крестного отца», который казалось, считал, что его роль в церемонии окончена.

Толпа свистела и аплодировала.

Все выглядело так, будто вот-вот начнется еще одна драка, на этот раз между Деймоном и людьми «крестного отца», в частности с тем, кого звали Ключ.

У Елены кружилась голова.

До нее долетали лишь обрывки фраз.

— ... только шесть ударов и обещали мне, что исполнителем буду я... — кричал Деймон.

— ... действительно думаешь, что эти мелкие сошки говорят правду? — кричал в ответ кто-то другой, вероятно, Ключ.

«А разве не является сошкой сам «крестный отец»? Более значительной, более пугающей и, несомненно, более способной шестеркой, докладывающей кому-то наверх и не затуманивающей свои мозги курением травки?» — подумала Елена, а затем поспешно опустила голову, так как толстяк посмотрел в ее сторону.

Она вновь услышала Деймона, на этот раз более явно среди этого гула. Он стоял около «Крестного отца».

— Я полагал, что даже здесь существует некоторое уважение к достигнутым договоренностям, — по его голосу было ясно, что он больше не думает о продолжении переговоров и собирается напасть.

Елена замерла в ужасе. Она никогда не слышала такой открытой угрозы в его голосе.

— Подожди, — произнес вялым тоном «крестный отец», но, несмотря на это, мгновенно наступила тишина.

Убирая ладонь Деймона со своей руки, толстяк обернулся к Елене:

— Что касается меня, я откажусь от участия моего племянника Ключа. Дайрмунд, или как тебя там, ты волен наказать свою рабыню сам.

Старик вычесывал золотистые крошки из бороды и вдруг неожиданно обратился

непосредственно к Елене. Его глаза были древними, усталыми и удивительно пронизательными.

— Знаешь, Ключ — мастер порки. У него есть собственное маленькое изобретение. Он называет его «кошачьими усами», одним ударом можно содрать кожу от шеи до бедра.

Большинство людей умирают от десяти ударов. Но, боюсь, сегодня его ждет разочарование.

Затем «крестный отец» улыбнулся, обнажив удивительно белые и ровные зубы. Он протянул ей чашу с золотыми леденцами, которые ел:

— Ты можешь попробовать один перед наказанием. Ну же.

Боясь попробовать, и боясь отказаться, Елена взяла один из неровных кусочков и положила его в рот. Последовал приятный хруст. Половинка грецкого ореха! Так вот что это за таинственные сладости. Восхитительная половинка грецкого ореха в каком-то сладком лимонном сиропе, с крошечными кусочками острого перца или чего-то в этом роде, покрытая съедобной глазурью золотого цвета. Пища богов!

В это время «крестный отец» обратился к Деймону:

— Приступай к наказанию, парень. И не забудь научить девчонку скрывать мысли. Она слишком умна, чтобы позволить ей пропасть в одном из борделей трущоб. Но почему же я думаю, что она совсем не собирается стать известной куртизанкой? — прежде, чем Деймон смог ответить, и прежде, чем Елена успела поднять взгляд, его унесли на паланкине к единственному виденному Еленой в трущобах конному экипажу.

К этому времени спорящие и жестикулирующие старейшины, подстрекаемые Младшим Дрозне, пришли к зловещему соглашению:

— Десять ударов. Ей не нужно раздеваться, и ты можешь сам исполнить наказание, — сказали они. — Однако, наше последнее слово — десять. У человека, с которым ты договаривался, не осталось аргументов.

Один из них как будто случайно поднял руку, держа за волосы отрубленную голову.

Украшенная блеклыми листьями в честь пиршества, которое должно было состояться после церемонии, она выглядела нелепо. Глаза Деймона вспыхнули настоящим бешенством, которое заставило завибрировать предметы вокруг него. Елена ощущала его Силу, словно это была пантера, рвущаяся с цепи.

У нее было такое чувство, будто она говорит против ветра, который каждое произнесенное ею слово заталкивал обратно в горло:

— Я согласна.

— Что?

— Все кончено, Дей... Господин Дамиан. Больше никаких споров. Я согласна.

И теперь, поскольку она сама пала на ковер перед Дрозне, внезапно послышались причитания женщин и детей, и началась стрельба дробинками направленными, иногда неудачно, в ухмылявшихся рабовладельцев. Шлейф платья развеялся за ней, словно у невесты, и его жемчужный цвет окрашивался мерцающе-бордовым под вечно красным небом. Ее волосы, не затянутые в узел, свободно спадали на плечи словно облако, так что Деймону пришлось убрать их.

Он дрожал. От ярости.

Елена не смела взглянуть на него, зная, что их разумы устремились бы друг к другу. Она была единственной, кто не забыл сказать свою официальную речь перед ним и Младшим Дрозне, так что вся эта комедия не должна была опять воспроизводиться. Говорить нужно с чувством, ее учитель драмы мисс Кортленд, всегда резко критиковала их. Если в вас нет чувств, никто и слушать не будет.

— Господин! — Елена повысила голос до крика, чтобы он перекрыл причитания женщин. — Господин, я всего лишь рабыня, не достойная, чтобы обращаться к вам. Но я перешла границу и я с нетерпением приму свое наказание — да с нетерпением, если это вернет вам былое уважение, которое оказывалось вам до моего непозволительного злодейства. Я прошу вас наказать опозоренную рабыню, которая лежит словно грязные

отбросы на вашем благородном пути.

Речь, которую она кричала ровным тоном человека точно знающего каждое слово, фактически должно было быть лишь четыре слова: «Господин, я прошу прощения».

Но никто казалось не заметил иронии, которую вложила Мередит, и не нашел это забавным. Крестный отец принял это; Молодой Дрозне уже слышал это однажды, и теперь настала очередь Деймона.

Но, Юный Дрозне еще не закончил. Ухмыляясь на Елену, он произнес:

— Сейчас ты узнаешь свое, малышка. Но я хочу взглянуть на ясеновый прут прежде, чем ты воспользуешься им! — обратился он к Деймону.

Несколько раз ударив со свистом плетью по окружающим его подушкам (из-за чего воздух наполнился рубиновой пылью) он был удовлетворен — это было именно то, чего он и хотел. Его рот наполнился слюной, и он развалился на ярко-желтом диване, окинув взглядом Елену с головы до пят.

И, наконец, время настало. Деймон больше не мог оттягивать. Медленно, как будто каждый шаг был частью игры, которую он не отрепетировал должным образом, он обходил вокруг Елены, чтобы занять удобную позицию. Наконец, когда толпа начала проявлять нетерпение, а женщины чуть не падали в обморок, он нашел нужное ему место.

— Я прошу прощение, мой господин, — сказала Елена голосом без эмоций.

«Если бы он забылся», — подумала она, — «он бы даже и не вспомнил о потребностях».

Теперь, и в самом деле, пора. Елена знала то, что Деймон пообещал ей. Он так же знала, что сегодня было нарушено много обещаний. Во-первых, десять, это почти в два раза больше шести. Она не рассчитывала на это. Но когда первый удар обрушился на ее спину, она знала, что Деймон своего обещания не нарушил.

Она почувствовала слабый порыв ветра, онемение, и, затем, как ни странно, влагу, которая заставила ее взглянуть вверх, сквозь решетчатые своды подмосток, в поисках облаков. Ее привело в замешательство осознание того, что влажность — это ее собственная кровь, пролитая без боли и стекающая по ней.

— Заставь ее считать, — невнятно прорычал Младший Дрозне, и Елена автоматически произнесла «один», прежде, чем Деймон устроил бы драку. Елена продолжила считать тем же ясным безучастным голосом. Разумом, она была не здесь, не в этой, ужасной, отвратительно пахнущей, сточной канаве. Она лежала, опираясь на локти, и поддерживала лицо руками и смотрела вниз — в глаза Стефану — те древесно-зеленые глаза, которые никогда не состарятся, в независимости от прошедших столетий.

Она мечтательно считала для него, и десять будет их сигналом, для того чтобы подпрыгнуть и начать гонку.

Шел дождь, но Стефан давал ей фору, и скоро, скоро она бросится от него и побежит через густую зеленую траву.

Она хотела бы сделать эту гонку честной и действительно вложила бы в нее все свои силы, но Стефан, конечно, поймал бы ее.

А затем они вместе опустятся на траву и будут смеяться, смеяться, будто у них истерика.

Что касается расплывчатых, далеких звуках, подобных волчьему, злобному и пьяному рыку, то даже они постепенно изменялись.

Все это было связано с глупым сном о Деймоне и ясеновой трости. Во сне Деймон бил достаточно сильно, чтобы удовлетворить самых придирчивых зрителей, и звуки, которые Елена расслышала в нарастающей тишине, заставили ее почувствовать тошноту, когда она поняла, что это были звуки ее собственной лопающейся кожи, хотя она при этом не чувствовала ничего, кроме легких хлопков по спине.

И Стефан притянул ее руку к себе, чтобы поцеловать:

— Я всегда буду твоим, — сказал он. — Мы будем вместе каждый раз, когда ты в мечтах.

«Я всегда буду твоей», — сказала про себя Елена, зная, что он услышит ее. «Я не в

состоянии мечтать о тебе все время, но я всегда с тобой. Всегда, мой ангел. Я жду тебя, сказал Стефан».

Елена слышала собственный голос произносящий «Десять», после чего Стефан поцеловал ее руку и ушел. Моргающая с недоумением и смутившаяся внезапно наплывшим на нее шумом, она осторожно, озираясь по сторонам, села. Молодой Дрозне весь сгорбился и съежился, ослепленный яростью, разочарованием и большим количеством ликера. Стенающие женщины уже давно благоговейно молчали. Дети были единственными, кто издавал хоть какие-то звуки, они забирались, а потом спускались с подмосток, перешептывались друг с другом и убегали, стоило Елене взглянуть в их сторону.

И затем без каких либо формальностей все закончилось.

Когда Елена сделала первый шаг, ее ноги подкосились, и мир закружился вокруг нее. Деймон подхватил ее и обратился к нескольким молодым людям, все еще находящимся около, и заставил на него посмотреть:

— Дайте мне плащ.

Это была не просьба, и один из мужчин с трущоб, который был лучше всего одет, бросил ему тяжелый черный плащ, облицованный зеленовато-голубым, и произнес:

— Возьми его. Изумительный спектакль. Это действие гипноза?

— Это не спектакль, — зарычал Деймон, и его голос остановил другого жителя трущоб от вручения ему визитки.

— Возьми ее, — прошептала Елена.

Деймон непристально взял визитки. Но Елена заставила себя отбросить волосы с лица и медленно улыбнуться этим людям. Они робко улыбнулись ей в ответ.

— Когда вы... а-а-а... выступаете снова...

— Вы услышите, — ответила им Елена.

Деймон уже нес ее обратно к доктору Меггару, их окружили неугомонные дети, дергающие их за плащи. Только тогда Елена задалась вопросом, — почему Деймон попросил плащ у незнакомцев, когда у него был собственный.

— Они будут проводить церемонии где-нибудь, теперь, когда их много, — горестно сказала миссис Флауэрс, пока они с Мэттом сидели и потягивали травяной чай в комнате пансиона.

Это было время ужина, но все еще было светло.

— Церемонии, для чего? — спросил Мэтт.

Он так ни разу и не добрался до дома родителей с тех пор как покинул Деймона и Елену больше недели назад, чтобы вернуться в Феллс Чёрч. Он остановился у дома Мередит, который находился на окраине города, и она убедила его сперва пойти к миссис Флауэрс. После беседы, которую он имел с Бонни, Мэтт решил, что лучше быть «невидимкой». Его семья будет в безопасности, если никто не узнает, что он все еще в Феллс Чёрч. Он будет жить в пансионе, и никто из ребят, которые создали все эти проблемы, не догадается об этом. Также без Бонни и Мередит, благополучно отправившихся навстречу Деймону и Елене, Мэтт может быть своего рода тайным агентом здесь.

Теперь ему было почти жаль, что он не пошел с девочками. Попытка быть секретным агентом в месте, где все враги, были в состоянии слышать и видеть лучше, чем ты, могли передвигаться намного быстрее тебя, оказалась, не была столь полезной, как это казалось вначале.

Большую часть времени он проводил за чтением интернет-блогов, отмеченных Мередит, ища подсказки, которые могли бы принести им некоторую пользу. Но в них не было ничего о необходимости каких-либо церемоний. Он повернулся к миссис Флауэрс, когда она задумчиво потягивала чай.

— Церемонии, для чего? — повторил он.

С ее мягкими белыми волосами и ее нежным лицом и рассеянными, дружелюбными синими глазами, миссис Флауэрс была похожа на самую безобидную маленькую старую леди в мире.

Которой она не была.

Ведьма от рождения, и садовник по призванию, она столько же знала о травяных токсинах черной магии, как о целебных припарках белой магии.

— О, как правило, чтобы делать неприятные вещи, — печально ответила она, уставившись на заварку в чашке. — Это чем-то похоже на агитационное собрание, понимаешь, чтобы всех обработать. Также вероятно они там занимаются черной магией. Некоторые из них осуществляется с помощью шантажа и «промывания мозгов» — они могут сказать любым новообращенным, что они виновны из-за участия в заседаниях. Они заставляют их уступить полностью... или что-то в этом роде. Очень неприятно.

— В какой мере неприятно? — упорствовал Мэтт.

— Я действительно не представляю, дорогой. Я никогда не была ни на одной.

Мэтт задумался. Было почти семь, время начала комендантского часа для всех младше восемнадцати лет. Похоже, что 18 лет — это верхняя граница возраста, когда ребенок может стать одержимым. Конечно, это был неофициальный комендантский час. Отдел шерифа, казалось, понятия не имел, как иметь дело с любопытной болезнью, которая проявлялась у молодых девушек Феллс Чёрча. Запугать их? Но это полиция была в ужасе. Один молодой шериф еле успел выскочить из дома Райанов перед тем, как его вырвало, когда он увидел, как Карен Райан откусила головы своим домашним мышам и что она сделала с оставшимися частями мышек.

Запереть? Родители и слышать об этом не хотели, не важно, как ужасно вели себя их дети, и насколько очевидно было то, что они нуждаются в помощи. Ребята, которых отвозили в соседний город на прием к психиатру, держались скромно и говорили спокойно и логично... все пятьдесят минут, пока были на приеме у врача.

Зато на обратном пути в Феллс Чёрч, они отыгрывались по полной программе: повторяли каждое слово своих родителей, прекрасно им подражая, издавали изумительно реалистичные звуки животных, говорили сами с собой на каком-то азиатском языке, или поддерживали шаблонный, но, тем не менее, пугающий, разговор. Ни обычная дисциплина, ни обычная медицинская наука казалось, не могут найти решения проблем с детьми.

Но больше всего родители были напуганы тем, что их сыновья и дочери стали исчезать.

Сначала, предполагалось, что дети уходят на кладбище, но когда взрослые попытались следовать за ними на одну из их секретных встреч, они нашли пустое кладбище — даже внизу возле тайного склепа Хонории Фелл.

Дети, казалось, просто... исчезли.

Мэтт понял, что знает ответ на этот вопрос. Эта чаща в Старом Лесу еще стояла рядом с кладбищем. Одно из двух или Силы Елены во время духовного очищения не дошли до этого места, или это место настолько злобное, что смогло устоять во время очищения.

И Мэтт очень хорошо знал, что Старый Лес был уже полностью во власти китцунов.

Ты мог сделать всего два шага в чащу и потратить всю оставшуюся жизнь, чтобы выбраться из нее.

— Но возможно, я достаточно молод, чтобы проследить за ними, — сообщил он миссис Флауэрс в итоге.

— Я знаю, Том Пьерлер ходит с ними, а мы с ним одного возраста. Так же, как и с теми, кто начал все это: Кэролайн передала заразу Джиму Брайсу, а он — Изабелл Сайтоу.

Миссис Флауэрс казалась рассеянной:

— Нужно попросить у бабушки Изабелл побольше тех синтоистских оберегов, защищающих от зла, которые она благословила. Как думаешь, Мэтт, ты сможешь это сделать? Боюсь, скоро нам придется воздвигать баррикады, — сказала она.

— Об этом вам сообщили чаинки?

— Да, дорогой, и они согласны с тем, что говорит моя бедная старая голова. Возможно, ты хочешь передать мои слова доктору Алперт, и таким образом она сможет забрать свою дочь и внуков из города, до того как будет поздно.

— Я передам ей это, но думаю, что будет сложно оторвать Тайрона от Деборы Колл. Он действительно помешался на ней — хотя доктор Алперт могла бы убедить Коллов уехать с ними.

— Вполне может быть. Это бы означало, что нужно волноваться за меньшее число детей, — сказала миссис Флауэрс, беря чашку Мэтта, для того, чтобы заглянуть в нее.

— Я так и поступлю.

«Это было странно», — подумал Мэтт. Сейчас у него было лишь три союзника в Феллс Чёрч, и все они были женщинами за шестьдесят. Одной из них была миссис Флауэрс, по прежнему энергичная, любящая копаться в своем саду и гулять по утрам; другая — Обаасан — прикованная к кровати, маленькая, как куколка, с черными волосами, забранными в пучок, и у которой всегда имелся совет из тех лет, когда она была жрицей; и последней была доктор Алперт, местный врач, у которой были стальные седые волосы, кожа темно-коричневого цвета, и абсолютно прагматичное отношение ко всему, включая магию.

В отличие от полиции, она не отрицает, того, что происходило, и сделала все, чтобы помочь облегчить страхи детей, а также для оказания консультативной помощи напуганным родителям.

Ведьма, жрица, и врач.

Мэтт полагал, что прикрыт со всех сторон, особенно, учитывая то, что он также знал Кэролайн, которая действительно была одержима в данном случае, и не важно, кем: китцуном, оборотнями или обоими вместе взятыми, плюс что-то еще.

— Я пойду на заседание сегодня вечером, — сказал он твердо. — Дети шептались и общались с друг другом весь день. Я спрячусь где-нибудь, где я смогу увидеть, как они входят в чашу. Тогда я последую за ними до тех пор, пока Кэролайн или — не дай бог — Шиничи или Мисао придут к ним.

Миссис Флауэрс налила ему еще одну чашку чая.

— Я очень беспокоюсь о тебе, Мэтт. Я чувствую, что сегодня будет день с нехорошим предзнаменованием. Не лучший день, для риска.

— Ваша мама вам что-то сказала об этом? — спросил Мэтт с искренним интересом.

Мать миссис Флауэрс умерла примерно в начале 1900-х годов, но это не остановило ее от общения с дочерью.

— Что ж, в том то и дело. Я не слышала ни слова от нее весь день. Я просто попробую еще раз.

Миссис Флауэрс закрыла глаза, и Мэтт увидел, как ее морщинистые веки задвигались — она, по-видимому, искала свою мать или попыталась войти в транс или что-то в этом роде.

Мэтт пил чай и, наконец, начал играть в игру на своем мобильнике.

Наконец, миссис Флауэрс снова открыла глаза и вздохнула:

— Дорогая Мама (она произнесла это слово с ударением на втором слоге), капризна сегодня. Я просто не могу заставить ее дать мне четкий ответ. Она говорит, что встреча будет очень шумной, и затем очень тихой. И ясно — она чувствует, что это будет очень опасно. Я думаю, что мне лучше пойти с тобой, мой милый.

— Нет, нет! Если ваша мама думает, что это опасно я не буду даже пытаться, — сказал Мэтт.

Девушки сдерут с него кожу заживо, если что-нибудь случится с миссис Флауэрс, подумал он.

Лучше не рисковать.

Миссис Флауэрс откинулась на спинку стула с облегчением.

— Хорошо, — наконец сказала она, — полагаю, что мне лучше заняться прополкой. И еще мне нужно срезать и засушить полынь. А черника уже должна быть спелой. Как летит

время.

— Что ж, вы для меня готовите и все такое прочее, — сказал Мэтт. — Я хочу, чтобы вы позволили мне оплатить еду и ночлег.

— Я никогда не прощу себе, если возьму с тебя деньги! Ты мой гость, Мэтт. И к тому же мой друг, я надеюсь.

— Совершенно верно. Без вас я бы пропал. А я пойду, прогуляюсь по окраине города. Мне нужно куда-то девать свою энергию. Мне бы очень хотелось... — он внезапно прервался.

Он собирался сказать, что ему хотелось покидать мяч вместе с Джимом Врайсом. Но Джим уже никогда не будет бросать мяч. Не с его изуродованными руками.

— Я просто выйду прогуляться, — сказал он.

— Конечно, — ответила миссис Флауэрс. — Пожалуйста, Мэтт, дорогой, будь осторожен.

Не забудь взять куртку или ветровку.

— Да, мэм.

Было начало августа, жаркого и настолько влажного, что можно было гулять в купальных шортах. Но Мэтта именно так учили обходиться с маленькими пожилыми дамами, даже если они были ведьмами и во многом остры как скальпель, который он положил в карман перед выходом из дома. Он вышел на улицу, пройдясь немного, он свернул вниз — к кладбищу.

Теперь, если за кладбищем он засядет в месте, где склон спускался ниже чащи, ему было видно любого, кто переходил границу Старого Леса, а его, в свою очередь, не было видно с любого места. Он спешил туда, бесшумно перебираясь и прячась за надгробиями, стараясь отслеживать любое изменение в пении птиц, которое указало бы ему о приходе детей. Но единственным пением птиц было карканье ворон в чаще, и он никого не видел вовсе — пока не проскользнул в свое укрытие.

Там он увидел, смотрящее ему в лицо, дуло пистолета, а за ним лицо шерифа Рича Моссберга. Первые слова шерифа, казались на записанную речь, которую произносит говорящая кукла, которую дергают за колечко на спине:

— Мэтью Джеффри Ханикатт, я арестовываю вас за оскорбительные действия в отношении Кэролайн Бьюл Форбс. Вы имеете право хранить молчание.

— И вы тоже, — зашипел Мэтт. — Но не надолго! Слышите, как одновременно взлетели эти вороны? Дети идут к Старому Лесу! И они близко!

Шериф Моссберг был одним из тех людей, которые никогда не прекращают говорить пока не закончат, так что к этому времени он говорил:

— Вы понимаете свои права?

— Нет, сэр! *Mi ne komprenas, Dumbtalk!*²¹

Между бровями шерифа появилась морщинка:

— Ты сейчас говорил со мной на итальянском?

— Это эсперанто, у нас нет времени! Там они, о боже, Шиничи с ними! — последнее предложение было сказано почти неслышным шепотом, поскольку Мэтт наклонил голову и заглядывал через бурьян на краю кладбища, стараясь не задеть его.

Да, это был Шиничи, он шел за руку с девочкой лет двенадцати. Мэтт смутно знал ее: она жила возле Риджмонта. Так как же ее звали? Бетси, Бекка?

Шериф Моссберг издал слабый мучительный звук:

— Моя племянница, — вздохнул он, Мэтт удивился, что он может говорить так тихо. — Это, на самом деле, моя племянница, Ребекка!

— Хорошо, просто оставайтесь на месте и держитесь, — прошептал Мэтт.

За Шиничи линейкой шли дети, он походил на Сатанинского крысолова из сказки, с его

²¹ Я не понимаю, идиот (эспер.)

черными блестящими волосами которые отдавали на концах красным, и его золотыми глазами, смеющимися в послеполуденном солнце. Дети хихикали и пели, среди них были голоса и совсем маленьких, фальшиво пели «Семь маленьких кроликов».

Мэтт почувствовал, что во рту у него пересохло. Было мучительно наблюдать, как они идут в лесную чащу, словно ягнята идущие на бойню. Он должен был сдерживать шерифа, чтобы тот не застрелил Шиничи. Из-за этого на них мог обрушиться весь ад. Как только последний ребенок скрылся в зарослях, Мэтт облегченно опустил голову, но ему тут же пришлось поднять ее вновь.

Шериф Моссберг приготовился встать.

— Нет! — Мэтт схватил его за запястье.

Шериф вырвался из его хватки:

— Я должен войти туда! У него моя племянница!

— Он не станет убивать ее. Они не убивают детей. Я не знаю почему, но они не убивают. — Вы слышали, какой грязи он учил их. Он споет другую песенку, когда увидит полуавтоматический пистолет Глок, нацеленный ему в голову.

— Слушайте, — сказал Мэтт, — вы должны арестовать меня, правильно? Я требую, чтобы Вы арестовали меня. Только не ходите в этот лес!

— Я не вижу тут ничего, достойного назваться «лесом», — шериф произнес эту фразу с пренебрежением. — Между теми дубами с трудом найдется место, чтобы рассадить всех детей. Если ты хочешь принести пользу в этом деле, можешь поймать одного-двух детей, когда они будут выбегать оттуда.

— Выбегать оттуда?

— Когда они увидят меня, то начнут разбегаться. Вероятно, они побегут врассыпную, но некоторые из них направятся по той же дороге, по которой они сюда пришли. Так ты собираешься помогать или нет?

— Нет, сэр, — сказал Мэтт медленно и твердо. — И... и, послушайте, послушайте, я прошу вас не ходить туда! Поверьте мне, я знаю, что говорю!

— Я не знаю, чем ты одурманен, парень, но прямо сейчас у меня, фактически, нет больше времени на болтовню. И если ты снова попытаешься остановить меня, — он размахивал Глоком, чтобы закрыть Мэтта, — я привлеку тебя на другом основании, попытке воспрепятствовать осуществлению правосудия. Понял?

— Да, я понял, — сказал Мэтт, чувствуя себя усталым.

Он тяжело опустился в укрытие, в то время как офицер, на удивление производя мало шума, выскользнул и пошел вниз в чащу. Затем шериф Рич Моссберг зашагал между деревьями и оказался вне поля зрения Мэтта.

Мэтт целый час сидел в укрытии и волновался.

Он почти заснул, когда Шиничи вышел из чащи, ведя за собой поющих и смеющихся детей.

Шериф Моссберг за ними не вышел.

Глава 21

Через день после «наказания» Елены, Деймон снял комнату в том же самом комплексе, где жил доктор Меггар. Леди Ульма оставалась в кабинете доктора пока, Сейдж, Деймон, и доктор Меггар не вылечили ее полностью.

Теперь она никогда не говорила о печальном. Она рассказала так много историй о доме своего детства, что им казалось, будто они видят каждую комнату собственными глазами.

— Я предполагаю, что теперь это дом мышей и крыс, — задумчиво сказала она в конце одной истории. — И пауков и моли.

— Но почему? — сказала Бонни, не замечая сигналы, которые Мередит и Елена

подавали ей, чтобы он не спрашивала.

Леди Ульма запрокинула голову назад, чтобы посмотреть на потолок:

— Из-за... генерала Веренца. Демона средних лет, который увидел меня, когда мне было всего лишь четырнадцать. Когда он со своей армией напал на мой дом, они убили каждое живое существо, которое нашли внутри — кроме меня и моей канарейки. Моих родителей, моих бабушку и дедушку, моих тетю и дядю... моих младших братьев и сестер. Даже моего спящего на подоконнике кота. Меня поставили перед генералом Варенце, как я была — босиком, в ночной рубашке, с нечесаными выбивающимися из косы волосами и рядом с ним стояла клетка с моей канарейкой, накрытая тканью. Она была еще жива, и была такой же веселой, как и всегда. И это сделало все случившееся еще ужаснее, но и одновременно это было словно сон. Это трудно объяснить. Меня держали двое людей генерала, которые привели меня к нему. Они больше не давали мне упасть, чем удерживали меня от побега. Я была так молода, но все исчезает и проходит. Но я помню, что именно, генерал сказал мне. Он сказал:

«Я приказал этой птице петь, и она пела. Сказал я твоим родителям, что я хотел оказать тебе честь, чтобы ты стала моей женой, а они отказали. Теперь, вот, взгляни. Мне интересно, ты поведешь себя как твоя канарейка или как твои родители?»

И он указал на тусклый угол — конечно, он был освещен факелами тогда, и факелы горели всю ночь. Но мне было достаточно света, чтобы видеть некие предметы с соломой или травой по одну сторону от них. По крайней мере, это то, что было моей первой мыслью. Я была невинна, и мне кажется, что шок сделал что-то с моим разумом.

— Пожалуйста, — сказала Елена, мягко поглаживая руку Леди Ульмы. — Вам не нужно продолжать рассказывать. Мы понимаем...

Но Леди Ульма, похоже, не слышала этих слов. Она сказала:

— И затем один из мужчин генерала показал нечто вроде кокосового ореха, сверху с очень длинной соломой, заплетенной в косу. Он небрежно размахивал этим — и внезапно, я увидела, чем в действительности это было. Это была голова моей матери.

Елена непроизвольно задохнулась.

Леди Ульма огляделась вокруг на трех девушек, спокойными, сухими глазами.

— Полагаю, вы думаете, что я очень черствая, раз способна говорить о таких вещах без потери самообладания.

— Нет, нет, — начала торопливо Елена.

Она же сама дрожала, даже после того, как настроила свои телепатические чувства на наименьшую степень восприятия. Она надеялась, что Бонни не упадет в обморок. Леди Ульма снова заговорила:

— Война, повседневная жестокость, и тирания — это все, что я знала, так как моя детская наивность была разрушена в тот момент. Теперь доброта поражает меня, и вызывает слезы на моих глазах.

— О, не плачь, — взмолилась Бонни, импульсивно бросившись на шею женщины. — Пожалуйста, не надо. Мы здесь ради тебя.

Тем временем Елена и Мередит что-то молча обсуждали, хмурия брови и быстро пожимая плечами.

— Да, пожалуйста, не плачь, — положила Елена, чувствуя себя слегка виноватой, но решила попробовать Плана «А». — Но скажи, почему твое родовое имение осталось в таком плохом состоянии?

— Это произошло по вине генерала. Его послали в далекие земли, чтобы вести глупые, бессмысленные войны. Когда он уходил, он забрал большую часть свиты с собой, включая рабов, к которым он был благосклонен на то время. Когда он ушел, это было три года спустя после нападения на мой дом, я осталась, так как не была у него в почете. Мне повезло. Его батальон был уничтожен, а все его родные были взяты с ним в плен или убиты. У него не было наследников, а его имущество здесь перешло к Короне, которой оно ни к чему. Он был не занят все эти годы, и без сомненья был разграблен множество раз, но его истинная тайна,

тайна сокровища — нераскрыта... насколько я знаю.

— Спрятанные сокровища, — прошептала Бонни, словно обозначая эти слова заглавными буквами, как в мистическом романе. Она все еще обнимала Леди Ульму.

— Что за тайна сокровищ? — спросила Мередит более спокойно.

Елена не могла говорить из-за приятной дрожи, пробегающей по ней. Это походило на часть некой волшебной игры.

— В дни моих родителей было распространено устраивать тайники для своих богатств и сохранять их тайну в кругу семьи. Конечно у моего отца, как у дизайнера и торговца драгоценностями, было много чего, о чем большинство людей и не подозревало.

У него была прекрасная комната, которая мне казалась пещерой Алладина. Это было его мастерской, где он хранил сырье, а также готовые изделия, на заказ, или то, что было предназначено для моей матери или просто прекрасные вещи, навеянные его фантазией.

— И никто не нашел ее? — спросила Мередит. В ее голосе прозвучал лишь малейший оттенок скептицизма.

— Если кто-то и нашел, я никогда не слышала об этом. Конечно, они могли узнать это от моего отца или матери, со временем, но генерал не был дотошным и терпеливым вампиром или китцуном, он был грубым и нетерпеливым демоном. Он убил моих родителей, когда он штурмовал дом. Ему никогда не приходила в голову идея, что я, ребенок четырнадцати лет, могу поделиться с ним своими знаниями.

— Но ты же... — Бонни прошептала заворуженно, прерывая историю.

— Да, я рассказала. Я сделала это сейчас.

Елена сглотнула. Она все еще пыталась сохранять спокойствие, больше чем Мередит сохранить холодную голову.

Но едва она открыла рот, чтобы быть хладнокровной, Мередит сказала:

— Чего мы ждем?

И вскочила на ноги. Леди Ульма, казалась самой спокойной из них. Она также казалась немного изумленной и робкой.

— Вы имеете в виду, что мы должны спросить у нашего хозяина аудиенции?

— Я хочу сказать, что мы должны пойти туда и получить эти драгоценности! — воскликнула Елена. — Хотя, да, Деймон был бы полезен, если есть что-нибудь, для чего там потребуется сила. И Сейдж также нужен нам.

Она не могла понять, почему Леди Ульма не была так взволнована.

— Разве вы не понимаете? — сказала Елена, ее ум судорожно соображал. — Вы можете получить свой дом обратно! Мы можем привести его в должный вид, каким он был во времена вашего детства. То есть, если это то, что вы хотите сделать с деньгами. По крайней мере, я бы с удовольствием посмотрела на пещеру Алладина!

— Но... хорошо! — Леди Ульма вдруг расстроилась. — Я хотела просить у Господина Деймона о другой просьбе — хотя деньги от драгоценностей могли бы помочь с этим.

— Что же вы хотите? — спросила Елена так тихо, как могла. — И не нужно называть его Господин Деймон. Он освободил тебя на прошлой неделе, помнишь?

— Но ведь это была просто празднование момента? — удивилась Леди Ульма. — Он не сделал же этого в официальных Офисах по Делах Рабов или где-нибудь еще, не так ли?

— Если он не сделал этого — то потому что он не знал! — выкрикнула Бонни, в то же самое время как Мередит сказала:

— Мы действительно не понимаем порядка соглашений. Это то, что вам нужно сделать?

Леди Ульма, казалось, была в состоянии только кивнуть головой.

Елена чувствовала себя стесненной. Она догадывалась, что этой женщине, бывшей рабыней более двадцати двух лет, трудно поверить, что она получает свободу.

— Деймон обозначил это, когда сказал, что мы все свободны, — сказала она, стоя на коленях у кресла Леди Ульмы. — Он просто не знал, всего, что он должен был сделать. Если ты скажешь нам, мы можем сказать ему, а потом мы все можем идти к твоему поместью.

Она хотела встать, когда Бонни сказала:

— Что-то не так. Она не так счастлива, как она была раньше. Мы должны выяснить, что не так.

Раскрывая немного свое психическое восприятие, Елена поняла, что Бонни была права.

Она осталась, где была — стоя на коленях у кресла Леди Ульмы.

— Что произошло? — спросила она, потому что женщина, казалось, обнажала свою душу больше всего, когда именно Елена, задавала вопросы.

— Я надеялась, — сказал Леди Ульма медленно, — что мастер Деймон может купить... — она покраснела, но боролась с собой, — может купить еще одного раба. Отца... моего ребенка.

Какое-то время стояла полная тишина, а потом все три девушки заговорили, одновременно, Елена сама лихорадочно думала, ведь втайне она думала, что Старый Дрозне был отцом этого ребенка.

«Ну конечно этого не могло быть», — ругала себя Елена.

Она счастлива от этой беременности, кто может быть счастлив, нося ребенка от этого отвратительного чудовища, как Старый Дрозне? Кроме того, он не имеет ни малейшего понятия о том, что она может быть беременной, и не заботился о ней.

— Было бы проще сказать, чем сделать, — сказала Леди Ульма, когда заверения и вопросы вокруг нее немного утихли. — Люсьен — ювелир, известный человек, он создает изделия, которые... которые напоминают мне моего отца. Он стоит дорого.

— Но у нас есть пещера Алладина! — сказала радостно Бонни. — Я хочу сказать, у тебя будет достаточно, если ты продашь ювелирные изделия, не так ли? Или тебе нужно еще?

— Но это ювелирные изделия мастера Деймона, — сказала Леди Ульма в ужасе. — Даже если он не знал об этом, когда унаследовал все имущество Старого Дрозне, он стал моим владельцем, и владельцем всего моего имущества...

— Давайте сначала освободим вас, а потом уже будем делать все по порядку, — сказала Мередит твердым и самым рассудительным голосом.

«Дорогой Дневник,

Я пишу это, все еще будучи рабыней.

Сегодня мы освободили Леди Ульму, но мы решили, что я, Бонни и Мередит должны остаться «личными помощниками». Это потому, что Леди Ульма сказала, что могло показаться непрестижным и странным, если у Деймона нет нескольких красивых девушек-куртизанок.

В это есть и что-то хорошее — в качестве куртизанок мы должны носить красивую одежду и ювелирные изделия все время. Так как я носила одну и ту же пару джинсов с тех пор, как этот ублюдок, Старый Дрозне, испортил те, в которых я сюда приехала, то ты можешь себе представить, как я взволнована.

Но, по-настоящему, я волнуюсь не только из-за красивой одежды.

Все что произошло с тех пор, как мы освободили Леди Ульму и вернули ей родовое поместье, было словно чудесный сон.

Дом обветшал и, очевидно, дикие животные использовали его и в качестве ночлега, и — туалета.

Мы даже нашли следы волков и других животных наверху, что привело нас к вопросу — живут ли оборотни в этом мире.

Видимо это так, а некоторые еще и занимают очень высокие посты.

Может быть, Кэролайн хотела бы побывать здесь на каникулах, чтобы узнать о реальных оборотнях, хотя, как они говорят, они ненавидят людей настолько, что никогда не стали бы иметь рабов-людей или даже вампиров (ведь когда-то они тоже были людьми).

Но вернемся к поместью Леди Ульмы.

Он выполнен из камня и изнутри обшит деревянными панелями, так что основная структура прекрасна.

Шторы и гобелены, конечно, висят в клочьях, и когда ты ходишь там с факелами, они нависают над тобой словно призраки.

И это еще не говоря о гигантской паутине.

Я ненавижу пауков больше всего на свете.

Но мы все-таки зашли внутрь с факелами, которые казались уменьшенной версией гигантского бордового солнца, вечно висящего на горизонте, и окрашивающего все в цвет крови, мы закрыли двери и разожгли огонь в огромном камине в комнате, которую Леди Ульма назвала Большим Залом.

(Я думаю, что это место, где обедают или устраивают приемы — там есть огромный стол на возвышении в одной стороне, и комната с возвышающейся над танцполом сценой для артистов.

Леди Ульма сказала, что там также, ночью спали все слуги (в Большом зале, а не на сцене).)

Затем мы поднялись наверх, где увидели, ей-богу, несколько десятков спален с очень большими кроватями с балдахином, которые понадобятся новые матрасы, простыни, покрывала и портьеры, но мы не стали останавливаться, чтобы оглядеться.

Там были и летучие мыши, висящие на потолке.

Мы направились в мастерскую матери Леди Ульмы.

Это была очень большая комната, где, по меньшей мере, сорок человек могут сидеть и шить одежду, которую придумывала мать Леди Ульмы.

Затем все стало еще интереснее! Леди Ульма подошла к одному из платяных шкафов в комнате и отодвинула всю изодранную и изъеденную молью одежду, которая была там.

Она надавила в нескольких местах на заднюю стенку шкафа, и она отъехала в сторону! Внутри была очень узкая лестница, уходящая вниз!

Я подумал о склепе Гонории Фелл — интересно, вдруг несколько бездомных вампиров поселились в комнате внизу, но я понимала, что это глупо, так как все двери были в паутине.

Деймон настаивал на том, чтобы он первым пошел вниз, так как он лучше видит в темноте, но я думаю, на самом деле ему было просто любопытно посмотреть, что там.

Мы все последовали за ним, стараясь быть осторожными с факелами, и... ну, я не могу найти нужных слов тому, что мы увидели.

Несколько мгновений я была разочарована, потому что на большом столе все было покрыто пылью и ничего там не сверкало, но затем Леди Ульма начала стряхивать пыль с драгоценностей специальной кисточкой, а Бонни начала выкладывать все из найденных ею пакетов и мешочков, и вдруг — словно радуга засверкала, Деймон нашел кабинет, где были выдвижные ящики с ожерельями, браслетами, кольцами, ножными браслетами, серьгами, кольцами в нос, шпильками и другими украшениями!

Я не могла поверить своим глазам!

Высыпала содержимое одного из мешочков себе в руку и увидела огромную горсть прекрасных белых бриллиантов, которые просачивались между пальцев, некоторые из них, казалось, были размером с ноготь моего большого пальца.

Я видела белый и черный жемчуг, и маленький и идеально подобранный, и огромный, и изумительных форм: почти столь же большой как абрикосы с розовым, золотым или серым блеском.

Я видела сапфиры огромных размеров, сияние которых можно было увидеть из всех концов комнаты.

Я держала горстки изумрудов, оливинов, опалов, рубинов, турмалинов, аметистов и много ляпис — лазури, для разборчивых вампиров, конечно.

А уже готовые драгоценности были столь прекрасны, что у меня горло сводило.

Я знаю, что Леди Ульма тихо плакала, но думаю, отчасти это было от счастья, поскольку все мы продолжали восхищаться ее драгоценностями.

За несколько дней она прошла путь от рабыни, которая ничего не имела к невероятно богатой женщине, которая владеет домом и любимыми средствами, которые ей понадобятся, для его содержания.

Мы решили, что даже если она собирается выйти замуж за своего возлюбленного, для Деймона будет лучше сначала тихо купить и освободить его и играть в «Главу семьи» до тех пор, пока мы здесь.

В течение этого времени мы будем общаться с Леди Ульмой, как с частью нашей семьи, а ювелир Люсьен вернется к своей работе до тех пор, пока мы не уедем, и они с Леди Ульмой смогут спокойно занять место Деймона.

Местные феодалов здесь больше не демоны, а вампиры, и у них меньше возражений по поводу человека владеющего собственностью.

Я рассказывала тебе о Люсьене? Он прекрасный художник по работе драгоценными камнями!

У него была острая необходимость создавать — даже в первые годы его пребывания в рабстве он мог делать украшения лишь из грязи и водорослей, представляя себе, что он создает драгоценность.

Потом ему повезло, и он был отдан в ученики к ювелиру.

Он чувствовал жалость к Леди Ульме так долго, и любил ее так долго, что это походит на маленькое чудо, что они действительно в состоянии быть вместе — и главное, в качестве свободных граждан.

Мы боялись, что Люсьену, возможно, не понравится идея покупки его в рабство, а не его освобождения пока мы не уйдем, но из-за своего таланта он никогда не думал, что будет свободным.

Он — неторопливый, благовоспитанный, добрый человек, с аккуратной бородкой и серыми глазами, которые напоминают мне о Мередит.

Он был так поражен, что с ним мило обходятся и не нужно круглосуточно работать, что принял бы все условия, только бы ему позволили находиться рядом с Леди Ульмой.

Я думаю, он был учеником ее отца-ювелира, и влюбился в нее много лет назад, тогда он думал, что он никогда, никогда не сможет быть с ней, потому что она была свободной леди, а он был рабом.

Они так счастливы вместе!

С каждым днем Леди Ульма выглядит все красивее и моложе.

Она спросила разрешения у Деймона покрасить все волосы в черный, на это он ответил, что она может покрасить их хоть в розовый, если ей это нравится, и теперь она выглядит невероятно прекрасно.

Я не могу поверить, что когда-то приняла ее за старуху, но это было то, что с ней сделали страдания, страх и безнадежность.

Каждый седой волос достался ей из-за рабства, отсутствия дома, безнадежного будущего, постоянного страха, и без возможности сохранить своего ребенка рядом с собой.

Я забыл рассказать тебе еще об одном положительном результате, касающегося меня, Бонни и Мередит в качестве «Личных помощников».

Он заключается в том, что мы можем использовать много бедных женщин, которые зарабатывают себе на жизнь шитьем, и Леди Ульма действительно хочет разработать одежду и показать им, как ее сшить.

Мы сказали ей, что она может просто расслабиться, но она всю свою жизнь мечтала о том, что быть дизайнером, как ее мать, а теперь она с нетерпением хочет сделать платья для трех различных типов девушек.

Я умираю от нетерпения — так хочется увидеть результат ее работы: она уже создала эскизы, а завтра к нам придет продавец тканей и она выбирает нужные ей материи.

Между тем Деймон нанял около двухсот человек (честно!), чтобы очистить имение Леди Ульмы, поклеить новые обои, повесить новые шторы, отремонтировать водопровод и канализацию, отполировать хорошо

сохранившуюся мебель или заменить сломанную на новую.

Ох, и высадить цветы и деревья в садах, установить фонтаны и многого другого.

С таким количеством рабочих, мы скоро сможем переехать в поместье — это дело нескольких дней.

У всего этого есть только одна цель, помимо того, что это делает Леди Ульму счастливой.

Это делается для того, чтобы Деймон и его «личные помощники» были приняты высшим обществом на начинающемся сезоне балов.

Потому что я приготовил самое лучшее напоследок.

Леди Ульма и Сейдж сразу поняли о каких людях идет речь в подсказках, которые дала мне Мисао.

Это еще раз подтверждает мои мысли — Мисао не предполагала, что мы попадем сюда или доберемся до мест, где хранятся половинки ключа.

Но есть очень простой способ получить приглашения в дома, которые нам нужно попасть.

Так как мы самые богатейшие новички в округе, и если мы распространим историю о том, как Леди Ульма заняла свое законное место, то нас будут приглашать на званые вечера! И так мы попадем в два поместья, которые нам нужно посетить, чтобы найти половинки ключа, которые нам нужны для освобождения Стефана! И мы невероятные везунчики, потому что сейчас как раз то время года, когда все начинают давать званые вечера, и в обоих имениях, в которые мы хотим попасть, ранние торжества: одно — праздничный вечер, а второе — весенний вечер в честь празднования первых цветов.

Я знаю, что моя запись написана дрожащим почерком.

Я дрожу от мысли, что мы действительно будем искать две половинки лисьего ключа, который поможет нам выкрасть Стефана из тюрьмы.

О, уже поздно, и я не могу... не могу писать о Стефане.

Быть здесь, в одном городе с ним, знать, где находится его тюрьма... и вовсе не иметь возможности увидеть его.

Мои глаза застилают слезы, и я не вижу что пишу.

Я хочу выспаться, чтобы на следующий день носиться по делам, контролировать все и наблюдать за тем как поместье Леди Ульмы расцветает словно роза, но сейчас я боюсь ночных кошмаров, в которых я вижу как рука Стефана, выскальзывает из моей».

Глава 22

Этой «ночью» они переехали, выбрав час, когда в других поместьях, мимо которых они проезжали, было темно и тихо. Елена, Мередит и Бонни выбрали себе по комнате на верхнем этаже, которые находились близко друг от друга. Поблизости была роскошная комната для купания, с бело-голубым мраморным полом, с уникальной формы бассейном в виде розы, достаточно большим, чтобы плавать в нем, и теплой водой, подогреваемой древесным углем улыбчивым слугой.

Елена была в восторге от того, что происходило потом.

Деймон по-тихому купил много рабов у уважаемых дилеров, а затем освободил их всех, предложил работу с оплатой и выходными. Почти все бывшие рабы с радостью согласились остаться, и только несколько человек предпочли уйти, это были в основном женщины, которые искали свои семьи. Они перейдут к Леди Ульме, когда Деймон, Елена, Бонни и Мередит выполнят свою миссию.

Леди Ульма получила «главную» комнату внизу, хотя Деймону пришлось чуть ли не применить грубую силу, чтобы она осталась там. Сам же он выбрал комнату, которая днем

служила кабинетом, так как он в любом случае проводил большую часть ночи вне дома.

Было небольшое замешательство по этому поводу.

Большинство персонала знало, как обычно питаются хозяева-вампиры, и молодые девушки и женщины — приходящие швеи или живущие в имении поварихи и горничные, словно ожидали, что он предъявит им расписание с тем, когда именно они станут донорами. Деймон объяснил это Елене, которая отвергла эту идею прежде, чем она могла быть осуществлена.

Она могла сказать, что Деймон надеялся на непрерывный поток девушек от хрупких до краснощеких и жизнерадостных, которые будут рады быть «вскрыты» словно бочки с пивом за симпатичные браслеты или другие безделушки, которые обычно давали в таких случаях.

Аналогичным образом Елена расправилась с идеей охоты на прокат.

Сейдж упомянул о слухах, что якобы существует связь с внешним миром, продвинутый курс тренировок для спецназа ВМС.²²

— И из тьмы во свет войдут они лишь только как вампиры-котики, — с сарказмом выдала Елена, на этот раз перед группой рабов мужчин. — Они могут выходить и кусать акул. Конечно, вы парни можете выйти и охотиться на людей как пара сов, охотящихся на мышей только, не трудитесь потом возвращаться домой, потому что двери будут закрыты... навсегда.

Она пристально посмотрела на Сейджа, а когда в ее глазах появились стальные блики, он поспешил найти себе какое-нибудь занятие в другой части поместья. Елена не возражала, что Сейдж без всяких формальностей также переехал вместе с ними. А, узнав как Сейдж спас Деймона от толпы, устроившей ему засаду на пути к месту встречи, она решила для себя, что если Сейдж когда-нибудь захочет ее крови, она даст ее ему без колебаний.

Через несколько дней, когда он остановился в доме рядом с доктором Меггаром, а потом переехал с ними в особняк леди Ульмы, ей стало интересно, не помешали ли ему ее спрятанная аура и немногословность Деймона узнать то, что ему необходимо было знать.

С каждым разом она все более явно намекала ему об этом, пока однажды он не загнулся от смеха и со слезами на глазах (но было ли это лишь от смеха?) и процитировал ей поговорку, которую обычно говорят американцы. Ты можешь отвести лошадь к воде, но заставить ее пить не сможешь.

— А в нашем случае, — сказал он, — ты можешь отвести черную рычащую пантеру (именно так она мысленно изображала для себя Деймона) к воде, если у тебя есть электрошокер и железная палка, но ты будешь полным дураком, если повернешься к ней спиной.

Елена смеялась до тех пор, пока из ее глаз тоже не брызнули слезы, но она все еще считала, что если он хочет ее крови, она даст ее ему в разумном количестве. А сейчас она просто была счастлива оттого, что он рядом.

Ее сердце было слишком наполнено чувствами к Стефану, Деймону — и даже Мэтту, несмотря на его очевидный побег, — чтобы ей грозила опасность влюбиться в еще одного вампира, абсолютно не важно насколько он был бы привлекателен. Она высоко ценила Сейджа и как друга, и как покровителя.

Елена была удивлена, насколько она стала полагаться на Лакшми. Лакшми была как неутомимый суслик: делала все вещи по дому, от которых другие отказывались, но чаще и чаще она выполняла роль девочки на побегушках для леди Ульмы, и была источником информации об этом мире для Елены.

Леди Ульма все еще официально соблюдала постельный режим, поэтому Лакшми, которая в любое время дня или ночи могла отправлять ее сообщения, была для нее настоящим спасением. Также она была практически единственной, кто не смотрел на Елену как на сумасшедшую, когда та задавала ей вопросы о происходящем в этом мире. Нужно ли

²² Военно-Морские Силы США, так называемые «морские котики»

им купить тарелки или пища подавалась на большом лаваше, который использовался еще и как салфетка, для жирных пальцев? (Тарелки были введены здесь недавно, наряду с вилками, которые были сейчас в моде.) Какую сумму мужчины и женщины из obsługi должны получать в качестве зарплаты (которая должна была быть вычислена на пустом месте, так как ни один другой домовладелец не платил своим рабам, просто обеспечивая их униформой, и позволяя им один или два «праздника» в год)? В своем возрасте Лакшми была честной и смелой и Елена готовила ее стать правой рукой Леди Ульмы, когда та станет полноценной хозяйкой поместья.

Глава 23

«Дорогой дневник!
Завтра вечером будет наш первый прием — или даже торжественный ужин.
Но большого праздника я не ощущаю.
Я слишком сильно скучаю по Стефану.
Также, я беспокоюсь о Мэтте.
Как он уехал прочь, такой разгневанный на меня, что даже не оглянулся.
Он не понял, как я могла заботиться о... Деймоне, и в то же время очень
сильно любить Стефана, было такое чувство, словно мне разбили сердце».

Елена положила ручку, и тупо уставилась на дневник.

Горе от разбитого сердца проявлялось реальной болью в груди, и если бы она не знала, что было причиной этой боли, то она была бы очень напугана. Она так отчаянно скучала по Стефану, что с трудом могла есть, едва ли могла спать. Он был словно частью ее сознания, постоянно горящей, точно несуществующая конечность, которая никогда не исчезнет. Даже запись в дневнике не помогла бы ей сегодня вечером. Все о чем она могла написать, были крайне болезненные воспоминания, о тех добрых временах, которые она поделила вместе со Стефаном.

Как же было прекрасно лишь повернуть голову, и заранее знать, что она увидит его — какое это было счастье! И вот теперь оно ушло, а на его место пришла путаница, чувство вины и тревоги. Что с ним происходит, именно сейчас, когда она уже не может просто повернуть голову и, увидеть его? Было ли ему... очень больно?

«Боже, если бы...

Если бы я заставила его запереть все окна в его комнате в пансионе...

Если бы я с большим подозрением отнеслась к Деймону...

Если бы только я догадалась, что у него было что-то плохое на уме тем вечером...

Если бы только... Если только...»

Эти мысли ударялись о ее мозг в такт с ударами сердца. Из ее груди вырывались рыдания, веки все плотнее сжимались, ее кулаки были сжаты.

«Если я позволю себе поддаться этим чувствам — если они смогут разрушить меня изнутри — я стану мизерной точкой в пространстве. Уж лучше уйти в небытие, чем так нуждаться в нем».

Елена подняла глаза... и уставилась на свою голову, лежащую на дневнике. Она задыхалась. Ее первой реакцией, как и раньше, было вообразить, что она умерла. А потом, медленно, приходя в себя после стольких пролитых слез, она осознала, что сделала это снова.

Она была вне своего тела.

На этот раз она даже не знала о сознательном решении, куда пойти.

Она летела, настолько быстро, что не могла сказать, в каком направлении она движется. Это было, как если бы ее тянули, как если бы она была хвостом кометы, которая быстро падала вниз. Однажды она поняла в знакомом ужасе, что проходила через предметы,

и затем поворачивала, как если бы она была концом кнута в игре Треск Кнута, и затем она катапультировалась в тюремную камеру Стефана. Она все еще хлюпала носом, когда приземлилась в клетке, не уверенная в своей гравитации и на секунду забыв обо всем. Единственное, что у нее было это время повидаться со Стефаном, очень худым, но улыбающимся во сне, и затем она была сброшена на него, в него, и все еще рыдая, она подпрыгнула, так легко как перо, и Стефан проснулся.

— О, разве ты не можешь дать мне спокойно поспать хотя бы несколько минут? — отрезал Стефан и прошептал еще несколько слов на итальянском, которые Елене до этого слышать еще не приходилось.

У Елены немедленно случился «приступ всех красавиц» — она стала рыдать так сильно, что была не в состоянии слушать — не говоря о том, чтобы услышать — любое ласковое успокаивающее слово, которое последовало дальше. Они проделывали ужасные вещи с ним, а для этого использовали ее образ. Это было слишком ужасно. Они довели Стефана до ненависти к ней. Она возненавидела себя. Все в мире ненавидели ее...

— Елена! Елена, не плачь, любовь моя!

Елена невыносимо печальная прекратила рыдания, ее взгляд сразу остановился на груди Стефана, а потом она снова захныкала, пытаясь утереть свой нос его тюремной одеждой, которая определенно требовала починки. Конечно, она не могла этого сделать; так же, как не могла почувствовать руку, которая пыталась нежно обнять ее. Ее тела не было с нею. Но, так или иначе, она могла плакать, и чувствовать холод, и тут жесткий голос в ее голове произнес: «Не трать их просто так, идиотка! Используй свои слезы. Если ты собираешься рыдать, хотя бы рыдай над его лицом и руками. Да, кое-что еще, все ненавидят тебя. Даже Мэтт ненавидит тебя, а Мэтт обычно любит всех», — продолжил тоненький жестокий отрезвляющий голос, и Елена снова заревела, рассеянно отмечая эффект каждой слезинки.

Каждая капелька, падая на его белую кожу, превращала ее цвет в розовый, который волнами растекался вокруг падающих слезинок, как будто Стефан был бассейном, а она лежала на его поверхности, вода, покоящаяся на воде. Кроме того, ее слезы текли с такой скоростью, что это было подобно грозе на Ивовом озере.

Это вдруг заставило ее вспомнить тот случай, когда Мэтт прыгнул в озеро, пытаясь спасти маленькую девочку, которая провалилась под лед, а также то, что Мэтт сейчас ненавидел Елену.

— Не надо, о, не надо, не надо, моя прекрасная любовь, — просил Стефан настолько искренне, что любой поверил бы в чистоту его намерений.

Но как он мог? Елена знала, как она должна выглядеть: лицо опухло, залито слезами, — о какой «прекрасной любви» может идти речь?! И он, наверное, с ума сошел, если хочет, чтобы она прекратила плакать: ее слезы, соприкасаясь с его кожей, давали ему новую жизнь. И, наверное, бурные старания Елены выплакаться принесли свои плоды, потому что его телепатический голос стал сильнее и увереннее.

— Елена, прости меня — о, Господи, прошу, дай только мгновение побыть с ней! Только одно единственное мгновение! И я смогу вынести все, даже настоящую смерть.

Только мгновение, чтобы почувствовать ее!

И, возможно, Бог действительно обратил вниз свой сочувствующий взор. Губы Елены задрожали, затрепетали над губами Стефана, как будто она таким образом могла украсть у него поцелуй, что она раньше уже проделывала с ним, спящим.

Но на секунду Елене показалось, что она почувствовала теплую плоть на своих губах и взмах ресниц Стефана на своих веках, когда его глаза распахнулись от удивления. Тут же они замерли вдвоем, с широко раскрытыми глазами, ни один из них не был настолько глуп, чтобы хоть чуть-чуть пошевелиться.

Елена ничего не могла с собой поделать. Как только поток тепла от губ Стефана пронзил все ее тело потоком тепла, она растаяла в этом поцелуе и, осторожно пытаясь удержать свое тело в том же положении, почувствовала, как ее взгляд становится размытым,

и ее глаза закрываются.

Как только ее ресницы задели нечто материальное, мгновение счастья подошло к концу. У Елены было два пути: она могла закричать и снова телепатически перенестись к Господу, чтобы тот дал им то, о чем просил Стефан, или она могла собрать свою волю в кулак, улыбнуться и, возможно, успокоить Стефана.

Лучшие стороны ее натуры возобладали, и когда Стефан открыл глаза, она наклонилась к нему, сделала вид, будто отдыхает на его груди, согнув руки в локтях. Она улыбалась ему и пыталась пригладить свои волосы. Успокоенный Стефан улыбнулся ей в ответ. Как будто он мог вынести все, что угодно, лишь бы ей не причиняли вреда.

— Деймон сейчас был бы более практичным, — поддразнила она его. — Он не успокаивал бы меня, а дал бы мне выплакаться, потому что в итоге его здоровье сейчас было бы главнее.

И он молил бы о... — она сделала паузу и, в конце концов, рассмеялась, что заставило и Стефана улыбнуться.

— Не могу представить, — завершила она свою мысль, — не думаю, что Деймон молится.

— Наверное, нет, — сказал Стефан. — Когда мы были юными и еще живыми, городской священник ходил с тростью, которую с бо льшим наслаждением пускал в ход, чтобы преподать уроки провинившимся юнцам, чем использовал ее по прямому назначению.

Елена подумала о хрупком мальчике, прикованном к большому и тяжелому валуну с секретами. Была ли религия одной из тех вещей, запертых там за многими секретными дверями, как в подводной лодке со множеством отсеков? Получается, что все, чему он придавал значение, было внутри этой лодки?

Она не спросила об этом у Стефана. Вместо этого она сказала, понижая свой голос до тихого телепатического шепота, малейшего колебания нейронов в сознании Стефана:

«Подумай еще тех практических вещей, о которых бы вспомнил Деймон, будь он на твоём месте? О том, что касается побега из тюрьмы».

«Ну... для побега из тюрьмы? Первое что приходит на ум — вы должны хорошо ориентироваться в городе. Меня привели сюда с завязанными глазами, но, поскольку у них нет силы снимать заклинания с вампиров и превращать их в людей, я все еще мог воспользоваться своими другими органами чувств. Я бы сказал, что этот город по размерам равен Нью-Йорку и Лос-Анджелесу вместе взятым».

«Большой город», — заметила Елена, мысленно делая пометки в своей голове.

«Но к счастью, все, что нас интересует в этом городе — это юго-западный район.

Городом скорее всего управляют стражи — но они пришли с Другой Стороны, а демоны и вампиры здесь давно поняли, что люди больше боятся их, нежели стражей.

Сейчас в городе власть поделена между двенадцатью или пятнадцатью феодальными замками или поместьями и каждое из этих поместий контролирует большое количество земельных владений вне города. Они производят собственные уникальные продукты и продают их. Например, эти вампиры культивируют вино «Черная магия» Клариона Лоэсса».

«Понятно», — сказала Елена, которая понятия не имела, о чем он говорит, не считая вина «Черная магия», — но все, что нам надо знать, это как добраться до Ши-но-Ши — твоей тюрьмы».

«И, правда. Ну, самый простой путь — это найти сектор китцунов. Ши-но-Ши — это группа зданий, с одним самым большим — без крыши, закругленной формы, правда, если смотреть на него снизу, то этого не увидишь...»

«Зданием, что выглядит как Колизей? — охотно перебила его Елена, — «когда я прихожу сюда я могу видеть город с высоты птичьего полета».

«То здание, которое выглядит как Колизей, и есть Колизей, — улыбнулся Стефан.

Он и, правда, улыбнулся. Он чувствует себя достаточно хорошо, чтобы улыбаться, Елена молча порадовалась этому.

«Итак, чтобы вытащить тебя отсюда мы должны пройти за Колизей ближе к воротам в

наш мир», — сказала Елена, — «но чтобы освободить тебя, нам надо собрать кое-что, а это, возможно, находится в разных частях города».

Она попыталась вспомнить, описывала ли она Стефану когда-нибудь лисий ключ близнецов китцуна или нет. Лучше было этого не делать, если она уже не сделала этого.

«Тогда бы я нанял местного проводника», — тут же сказал Стефан. — «Я не так хорошо знаю город, только то, что говорят мне охранники, но я не уверен, можно ли им доверять. Но низшее сословие — обычные люди — должны скорей всего знать интересующие тебя вещи».

«Хорошая идея», — сказала Елена.

Она прозрачным пальцем рисовала невидимые узоры у него на груди.

— Думаю, Деймон и правда старается сделать все возможное, чтобы помочь нам.

— Я ценю уже то, что он пришел сюда, — сказал Стефан, словно обдумывал все происходящее. — Он держит свое слово, так ведь?

Елена кивнула. Глубоко-глубоко в ее сознании всплыла мысль: «его слово, данное мне, что он позаботится о тебе. Его слово тебе, что он позаботится обо мне. Деймон всегда держит слово».

«Стефан» — сказала она, снова в самой глубине его сознания, там, где она могла поделиться информацией, как она надеялась, в тайне он всех, — «тебе стоило его увидеть, правда. Когда я накрыла его Крыльями Искупления и все плохое, что держало его или делало его жестоким, ушло. А когда я окутала его Крыльями Очищения и вся каменная оболочка, закрывающая его душу, раскрошилась на мелкие кусочки... не думаю, что ты можешь представить, какой он был. Он был таким совершенным — и таким обновленным. И потом, когда он заплакал...»

Елена почувствовала три слоя эмоций внутри Стефана, которые практически беспрестанно преобладали друг над другом. Неверие в то, что Деймон может плакать, не смотря на то, что Елена рассказывает об этом. Потом вера и удивление, как только он увидел образы из ее воспоминаний. И, в конце концов, необходимость утешить ее, когда поймал в ее сознании ее образ, смотрящий на Деймона, навсегда угодившего в путы раскаяния. Такого Деймона больше никто никогда не увидит.

— Он спас тебя, — прошептала Елена, — но он не стал спасать себя. Он даже не торговался с Шиничи и Мисао. Он просто позволил забрать им все его воспоминания о том времени.

— Возможно, они причиняли ему слишком много боли.

— Да, — сказала Елена, специально устраняя заслоны, чтобы Стефан мог почувствовать боль, нового и совершенного существа, которое она создала, боль, когда оно осознало, что совершало жестокие действия, предавало — это заставило бы передернуться от страха даже человека с очень сильным самообладанием.

— Стефан, я думаю, он чувствует себя очень одиноким.

— Да, ангел. Думаю, ты права.

На этот раз Елена думала намного дольше, прежде чем сказать:

— Стефан? Я не уверена, что он понимает как это — быть любимым.

И пока он думал, как ответить, она сидела как на иголках. Потом очень мягко и очень медленно он ответил:

— Да, ангел. Думаю, ты права.

О, как она любила его. Он всегда понимал ее. Он всегда был самым храбрым и галантным, и доверяющим, когда ей этого требовалось.

— Стефан? Можно мне снова остаться на ночь?

— А сейчас ночь, моя прекрасная любовь? Ты можешь остаться — если только они не придут, чтобы забрать меня.

Стефан сразу стал серьезным, удерживая ее взгляд.

— Но если они придут — ты обещаешь, что уйдешь тогда, правда?

Елена прямо посмотрела в его зеленые глаза и произнесла:

— Если это то, чего ты хочешь, я обещаю.

— Елена? Ты... точно собираешься сдержать обещание или нет? — внезапно его голос стал сонным, но не уставшим, а просто сонным, голосом того, кому дали силы, а потом убаюкали, и он погрузился в крепкий здоровый сон.

— Я буду очень стараться сдержать его, — прошептала Елена.

«Но тебя я точно буду держать очень крепко» — подумала она.

Если кто-то придет, чтобы причинить ему боль, она покажет им, на что способен бестелесный противник. Например, что если она внедрится в их тела, и на минутку войдет в контакт с ними? Интересно, достаточно ли будет времени, чтобы она успела раздавить сердце своими прекрасными белыми пальцами? Это было бы весело.

— Я люблю тебя, Елена. Я так рад, что... мы поцеловались...

— Это не в последний раз! Посмотришь! Я клянусь! — новые исцеляющие слезы упали на него.

Стефан просто нежно улыbnулся. А потом заснул.

Утром Елена проснулась в своей спальне в доме леди Ульмы, одна. Но у нее было воспоминание, которому она подыщет особое место на полочках своего сознания.

И где-то в глубине ее сердца, она знала, что однажды это воспоминание о Стефане может стать у нее единственным. Она могла вообразить, что эти наполненные сладким ароматом хрупкие воспоминания будут давать ей силы жить дальше — если Стефан никогда не вернется назад.

Глава 24

— О, я хочу взглянуть только одним глазком, — простонала Бонни, смотря на забытый альбом, в котором Леди Ульма нарисовала их роскошные наряды для первого приема, который должен состояться сегодня вечером.

Кроме того, на расстоянии вытянутой руки, лежали квадратные образцы кусков ткани из блестящего атласа, струящегося шелка, прозрачной кисеи и мягкого, роскошного бархата.

— У тебя будет возможность посмотреть на это на последней примерке через час, и в этот раз двумя глазами! — засмеялась Елена. — Но не забывайте, что сегодня вечером не время для игр. Мы должны будем станцевать несколько танцев, конечно...

— Конечно! — с упоением повторила Бонни. — Но наша цель — найти ключ. Первая половинка двойного лисьего ключа. Мне бы только хотелось иметь звездный шар, который показал бы нам интерьер дома, в который мы сегодня поедем.

— Что ж, мы достаточно много о нем знаем; мы можем обсуждать его и пытаться представить, — сказала Мередит.

Елена, крутившая в руках звездный шар с воспоминанием другого дома, положила слегка туманную сферу и сказала:

— Хорошо. Давайте пораскинем мозгами.

— Можно мне присоединиться? — спросил со стороны двери тихий, колеблющийся голос.

Девушки, вставая, повернулись, чтобы поздороваться с улыбающейся Леди Ульмой.

Перед тем как сесть на стул, она очень искренне обняла Елену и поцеловала в щеку, и Елена не смогла удержаться от сравнения женщины, которую они видели у доктора Меггара, с изящной дамой, которой она стала теперь. В то время она была практически кожа да кости, с глазами робкого дикого существа, выражающими огромное переутомление, одетая в женский халат и мужские домашние тапочки. Теперь же она напомнила Елене Римскую матрону — с ее спокойным лицом, которое начинало округляться под венцом блестящих темных кос, удерживаемых гребешками с драгоценными камнями.

Ее тело тоже округлилось, особенно ее живот, хотя она сохраняла свою природную

грацию, садясь на бархатный стул. На ней было надето платье из шелка-сырца шафранового цвета, и нижняя юбка мерцающего абрикосового цвета, отделанная бахромой.

— Мы так взволнованны предстоящей вечерней примеркой, — сказала Елена, кивнув в сторону альбома.

— Я сама взволнована, как ребенок, — призналась Леди Ульма. — Я только желаю, что смогу сделать хоть десятую часть того, что сделали вы для меня.

— Вы уже сделали, — сказала Елена. — И если мы сможем найти лисьи ключи, то это будет только благодаря тому, что вы так сильно нам помогли. И это... Я не могу выразить словами, как много значит для меня, — она закончила практически шепотом.

— Но вы никогда не предполагали, что я смогу вам помочь, когда нарушали закон ради испорченной рабыни. Вы просто хотели спасти меня, и сама сильно пострадали из-за этого, — тихо отозвалась Ульма.

Елена шевельнулась, чувствуя себя неловко. От пореза пересекавшего ее лицо остался только тонкий белый шрам вдоль скулы. Раньше, когда она впервые возвратилась на Землю из загробной жизни — она была бы в состоянии избавиться от шрама простым использованием Силы. Но теперь, хоть она и мог направить свою Силу через все тело и использовать это, чтобы усилить чувства, она не могла подчинить ее своим желаниям в любых других формах.

Вдруг она задумалась, представив ту Елену, которая стояла на автомобильной парковке Старшей школы Роберта И. Ли и «пускала слюни» на «Порше», она бы считала царапину на лице — величайшей катастрофой в ее жизни. Но помимо всех почестей она приобрела — прозвище от Деймона «белая рана чести» и уверенность в том, что это так незначительно для Стефана, поскольку шрам на его скуле для нее не имел бы значения, и она полагала, что она просто не смогла бы относиться к этому очень серьезно.

«Я уже не тот человек, которым я была раньше», — думала она. — «И я рада».

— Ничего, сказала она, игнорируя боль в ноге, которая все еще беспокоила ее время от времени. — Давайте поговорим о Серебряном Соловье и ее торжестве.

— Верно, — сказала Мередит — Что мы знаем о ней? Елена, повторишь снова подсказку?

— Слова Мисао: «Если бы я сказал, что одна из половинок в серебряном инструменте соловья, навело бы тебя это на какую-нибудь идею?» — или что-то в этом роде, — Елена послушно повторила.

Они все знали слова наизусть, но это была часть ритуала каждый раз, когда они обсуждали это.

— И «Серебряный Соловей» это прозвище Леди Фазины Дарлей и все в Темном Измерении знают это! — кричала Бонни, хлопая в свои маленькие ладоши в явном восхищении.

— Действительно, это ее прозвище долгое время, данное ей, когда она только прибыла сюда и начала петь и играть на ее арфах с серебряными струнами, — встала серьезно Леди Ульма.

— И струны арфы нужно настраивать, а настраивают их ключами, — взволнованно продолжила Бонни.

— Да, — Мередит, напротив, говорила медленно и рассудительно, — но ключ, который мы ищем — не настраивает арфу.

— Он похож на него, — Елена положила на стол рядом с собой объект, сделанный из гладкого бледного клена, который выглядел как короткая «Т» или, если держать его под углом, как изящно развивающееся дерево с одной короткой горизонтальной ветвью. Я получила это от одного из нанятых Деймоном менестрелей.

Бонни надменно взглянула на ключ.

— Ключ, который мы ищем, может быть ключом для настройки арфы, — настаивала она. — Он может быть использован для множества вещей.

— Не понимаю, каким образом, — упрямилась Мередит.

— Только если они изменяют форму, когда соединяются в одно целое.

— О боже, да, — воскликнула Леди Ульма, будто Мередит выдала очевидную вещь. — Если это магические половинки одного ключа, они почти наверняка изменят свою форму, когда объединятся в одно целое.

— Вы думаете? — спросила Бонни.

— Но если они другой формы, то как, черт возьми, мы поймем что нашли их? — в нетерпении спросила Елена. Все что ее волновало, так это найти то, что поможет спасти им Стефана.

Леди Ульма молчала, и Елена почувствовала себя просто ужасно. Она не хотела выражаться или казаться обеспокоенной перед женщиной, которая с подросткового возраста жила в подчинении и страхе. Елена желала, чтобы Леди Ульма чувствовала себя защищенной и счастливой.

— В любом случае, — быстро продолжила она, — мы знаем одну вещь. Ключ находится в инструменте Серебряного Соловья. Таким образом, он должен быть в арфе Леди Фазины.

— Да, но, — начала Леди Ульма, а потом резко замолчала, прежде чем продолжить.

— Что не так? — ласково спросила Елена.

— О, ничего такого, — поспешно отмахнулась Леди Ульма. — Я просто хотела спросить — хотите ли вы взглянуть на свои платья? На последней примерке я должна удостовериться, что они полностью совершенны, вплоть до малейших стежков.

— О, мы бы с удовольствием! — закричала Бонни, одновременно погружаясь в альбом, в то время как Мередит позвонила в колокольчик, который принесли слуги, поспешно вошедшие и также поспешно вышедшие снова в швейную комнату.

— Я лишь желаю, чтобы Господин Деймон и Лорд Сейдж позволили мне сшить одежду и для них, — печально сказала Леди Ульма Елене.

— О, но Сейдж не собирается идти вместе с нами. И, я уверена, что Деймон будет не против, если ты сошьешь ему черную кожаную куртку, черную рубашку, черные джинсы и черные ботинки, такие же, в каких он ходит каждый день. Тогда он был бы счастлив, надеть твою одежду.

Леди Ульма рассмеялась.

— Понимаю. Ну, сегодня ночью он увидит достаточно изумительных нарядов, что может изменить его мнение на этот счет. А сейчас давайте зашторим все окна. Примерка должна состояться в помещении при газовом освещении, только тогда мы увидим истинные цвета платьев.

— А я все удивлялась, почему в приглашении было сказано «платья для помещения», — сказала Бонни. — Я подумала, что это из-за дождя.

— то из-за солнца, — ответила Леди Ульма. — Этот ненавистный малиновый свет меняет все цвета: голубой становится фиолетовым, а желтый — коричневым. Понимаете, никто не будет носить аквамариновый или зеленый на улице — даже ты, с твоими земляничными волосами, к которым эти цвета очень идут.

— Я понимаю. Я могу понять, как это вечновисящее на небе солнце может достать тебя.

— Я сомневаюсь, что ты можешь, — прошептала Леди Ульма, и поспешно продолжила: — пока мы ждем, могу я показать вам то, что я разработала для вашей высокой подруги, которая сомневается во мне?

— О да, пожалуйста! — Бонни протягивала ей альбом.

Леди Ульма взяла его, пролистала и остановилась на странице, которая, казалось, удовлетворила ее. Она взяла ручки и цветные карандаши с видом ребенка добравшегося до любимой игрушки.

— Вот оно, — сказала она, дорисовывая карандашом линии то тут то там, но, держа книгу так, чтобы девочки могли все видеть.

— О, Боже! — прокричала Бонни в шоке, и даже Елена почувствовала, что ее глаза расширяются от удивления.

Девушкой на эскизе определенно была Мередит, с волосами, наполовину забранными наверх, но какое платье было на ней, какое платье! Черное, как эбеновое дерево, без бретелек, оно плотно прилегало к длинной стройной фигуре прекрасно изображенной на эскизе, оно подчеркивало все изгибы и а вырез, который, по мнению Елены, назывался «милое сердечко», увеличивал грудь, которая походила на сердечко-валентинку.

Оно облегалo фигуру до колен, где начинало сильно расширяться.

— Платье «Русалки», — объяснила Леди Ульма, удовлетворенная своим эскизом. — А вот и оно, — добавила она, и несколько швей вошли в комнату, неся чудесное платье.

Теперь, девушка смогли увидеть материал, которым оказался шикарный черный бархат, усеянный маленькими, металлическими золотистыми блестками. Елена подумала, что это выглядело как ночное небо с тысячами звезд.

— И с этим ты будешь носить этот большой черный оникс и золотые серьги. Этот оникс и золотые гребешки, для поддержания прически, и еще браслеты и кольца, которые Люсьен сделал специально для этого, — продолжила Леди Ульма.

Елена осознала, что, должно быть несколько минут назад, в комнату вошел Люсьен.

Она улыбнулась ему, и затем ее взгляд упал на трехъярусный поднос, который он держал.

На верхнем ярусе, в оправе из слоновой кости лежало два оникса, еще там был бриллиантовый браслет и кольцо с алмазом, от вида всего этого она чуть не упала в обморок.

Мередит осматривала комнату, как будто она присутствовала на чьем-то личном разговоре, и не знала куда деться. Тогда она перевела взгляд от платья на драгоценности и снова на Леди Ульму. Мередит была не из тех, кто легко терял самообладание. Но она просто подошла к Леди Ульме и крепко обняла ее, затем пошла к Люсьену и осторожно положила свою руку на его плечо. Было ясно, что она не могла говорить.

Бонни глазами знатока изучала эскиз:

— Эти парные браслеты были изготовлены специально для этого платья, не так ли? — спросила она с заговорщицким видом.

К удивлению Елены Леди Ульма была смущена. Она медленно произнесла:

— Правда в том... в том, что мисс Мередит... раб. Все рабы обязаны носить своего рода символические наручники, когда находятся вне своего поместья.

Она отвела глаза и уставилась в полированные деревянные половицы. Ее щеки порозовели.

— Леди Ульма, пожалуйста, не думайте что это важно для нас.

Глаза Леди Ульмы сверкнули, когда она подняла голову:

— Не важно?

— Ну, — сказала Елена, — это действительно неважно... потому что, с этим ничего нельзя поделать, не сейчас.

Конечно, для слуг не были секретом необычные отношения между Деймоном, Еленой, Мередит и Бонни. Даже Леди Ульма не понимала, почему Деймон не освобождает девушек, только на случай что что-то может случиться или Небесные Стражи воспрепятствуют этому. Но девушки заняли твердую позицию на этот счет; по их мнению, это принесло бы неудачу всему их делу.

— Ну, в любом случае, — трещала Бонни, — я думаю, что наручники красивые. Я имею в виду, что едва ли она могла найти что-то более совершенное для этого платья, не так ли? Это был удар по профессиональным чувствам дизайнера. Люсьен скромно улыбнулся, и Леди Ульма одарила его любящим взглядом. Лицо Мередит еще пылало.

— Не знаю, как и благодарить вас, Леди Ульма. Я надену это платье, и сегодня ночью я буду кем-то другим, кем никогда раньше не была. Еще ты изобразила мои волосы забранными наверх. Я никогда не носила такую прическу, — поспешно добавила Мередит.

— Сегодня мы поднимем твои волосы и откроем твой прекрасный лоб с широкими бровями. Это платье подчеркнет твои красивые плечи и руки. Преступление — прикрывать их днем или ночью. А прическа подчеркнет твое экзотическое лицо, а не скроет его! —

твердо сказала Леди Ульма.

«Хорошо», — подумала Елена. Они отвлекли ее от предмета, символизирующего ее рабство.

— Мы нанесем тебе легкий макияж — бледно-золотые тени на веки и тушь, чтобы удлинить ресницы. Немного золотистого блеска на губы, но никаких румян; я не думаю, что они нужны молодой девушке. А твоя оливковая кожа прекрасно дополнит картину.

Мередит беспомощно посмотрела на Елену.

— Я обычно не ношу макияж, — сказала она, но они обе понимали, что она побеждена. Задумка Леди Ульмы воплотится в жизнь.

— Не называйте это платье «Русалка», ему больше подходит «Сирена», — проговорила Бонни с энтузиазмом.

— Но нам лучше навести на нее заклятье, чтобы держать подальше морячков-вампиров, — к удивлению Елены, Леди Ульма кивнула. — Моя подруга швея послала за жрецом, чтобы тот благословил всю одежду, и она оберегала вас от того, чтобы вы не стали жертвами вампиров. Если конечно вы разрешите? — она взглянула на Елену и та кивнула.

— Конечно, если не отпугнут от нас Деймона, — добавила она в шутку, и почувствовала, что время остановилось, когда Бонни и Мередит одновременно уставились на нее, надеясь уловить что-нибудь в выражении лица Елены.

Но Елена оставалась беспристрастной, а Леди Ульма продолжила:

— Естественно, что ограничения не будут распространяться на Господина Деймона.

— Естественно, — спокойно сказала Елена.

— А теперь перейдем к наряду самой маленькой красавицы, — сказала Леди Ульма Бонни, и та, краснея, закусила губу. — У меня есть кое-что особенное для тебя. Я очень давно скучала по работе с этим материалом. Я проходила мимо витрины магазина много лет подряд и жаждала купить эту материю и создать из нее что-нибудь изумительное. Вы видите?

Несколько швей подошли к ним, держа платье более легкое и меньших размеров, нежели у Мередит, а между тем Леди Ульма показывала им эскиз. Елена смотрела с изумлением. Материя была великолепна — невероятно — но особенно невообразимо было то, как она скреплена между собой. Текстура платья представляла собой яркого зелено-синего павлина, с удивительно красиво вышитыми горящими глазами над талией.

Карие глаза Бонни расширились еще сильнее.

— Это для меня? — выдохнула она, практически боясь прикоснуться к ткани.

— Да, и мы уберем твои волосы со спины, так чтобы ты выглядела также утонченно, как и твоя подруга. Давай, примерь его. Я думаю, тебе понравится, как ты будешь выглядеть в этом платье.

Люсьен вышел и Мередит надела на себя платье-русалку. Бонни радостно принялась раздеваться. Леди Ульма, как оказалось, была права. Бонни понравилось, как она выглядела в этот вечер. Сейчас на нее наносились последние штрихи, такие как несколько капель духов с ароматом розы и цитрусовых, изготовленных специально для нее.

Она стояла перед огромным зеркалом, всего за несколько минут до того, как они отправятся на празднество, которое устраивала Фазина — Серебряный Соловей.

Бонни слегка повернулась, с трепетом глядя на свое платье. Ее лиф был сделан, или казалось, что был сделан, целиком из павлиньих перьев, которые собирались на талии, демонстрируя ее миниатюрность. Еще один каскад более крупных перьев струился от талии вниз спереди и сзади. Со спины был небольшой шлейф из павлиньих перьев на изумрудном шелке. Спереди, под крупным каскадом направленных вниз перьев, красовалась выполненная золотом и серебром вышивка из стилизованных перевернутых контурных перьев, струящихся до самого подола, окаймленного тончайшей золотой парчой.

И как будто этого было недостаточно, у Леди Ульмы был веер из настоящих павлиньих перьев, вставленных в ярко-зеленую нефритовую ручку, с кисточкой на конце, на которой

тихо звенели нефритовая, топазовая и изумрудная подвески. На шее Бонни красовалось нефритовое ожерелье, инкрустированное изумрудами, сапфирами и ляпис-лазурью. На запястьях у нее были наручники из нефрита и изумруда — символ ее рабства, и они щелкали каждый раз, как она двигалась. Но Бонни не могла долго задерживать на них взгляд, и не могла призвать надлежащую ненависть к ним.

Она думала о том, что пришел специальный парикмахер для того, чтобы выпрямить земляничные кудри Бонни до состояния пока они, потемневшие до истинно красного, не были гладко прилизаны к ее голове, и закреплены нефритовым и изумрудным зажимами. Ее лицо формы сердца никогда не выглядело настолько зрелым, настолько сложным. К изумрудным векам с накрашенными ресницами Леди Ульма добавила яркую красную помаду и, нарушив свое правило, все-таки добавила ей румян на щеки. Это выглядело так, словно на полупрозрачной коже Бонни проступил румянец от комплимента.

Изящно вырезанные нефритовые сережки с золотыми колокольчиками внутри завершали ансамбль, и Бонни чувствовала, будто она была Принцессой Древнего Востока.

— Это действительно какое-то чудо. Обычно я похожу на эльфа, пытающегося нарядится черлидером или цветочницей, — говорила она, целуя Леди Ульму снова и снова, восхищенная тем, что помада осталась на ее губах, а не на щеках женщины. — Но сегодня я выгляжу как молодая женщина.

Она бы продолжала лепетать, не в состоянии остановить себя, даже видя как Леди Ульма уже пыталась осторожно стряхивать слезы со своих глаз, но в этот момент в комнату зашла Елена и она ахнула.

Платье Елены было завершено только во второй половине дня, поэтому Бонни видела его лишь на эскизе. Но он не в состоянии был передать, как платье будет смотреться непосредственно на Елене. Бонни в тайне задавалась вопросом, понадеялась ли Леди Ульма на естественную красоту Елены и надеялась ли, что Елена будет в таком же восторге от своего платья, как Бонни и Мередит от своих. Теперь Бонни поняла.

— Оно называется «Платьем Богини», — объяснила Леди Ульма всем, ошеломленно притихшим, когда Елена вошла в комнату, и Бонни подумала, что если богини когда-либо жили на горе Олимп, они бы хотели одеваться именно так.

Фокус платья был в его простоте. Оно было сделано из молочно-белого шелка с изящно плиссированной талией (Леди Ульмы назвала такую плиссировку «рачингом»), которая держала две простые части лифа, образующие V-образный вырез, демонстрируя персикового цвета кожу Елены между ними.

Лиф, в свою очередь, держался на плечах двумя застегками, золотыми, инкрустированными перламутровыми жемчужинами и бриллиантами. От талии юбка ниспадала изящными складками вплоть до сандалий Елены, также изготовленных из золота, жемчуга и бриллиантов. На спине ткань, скрепленная пряжками, становилась тонкими бретелями, скрещиваясь на спине, чтобы вновь встретиться на плиссированной талии. Такое простое платье, но такое великолепное на правильной девушке.

На шее Елены было изящной работы ожерелье из золота и жемчуга в форме бабочки и с таким количеством бриллиантов, что с каждым ее движением они загорались разноцветными огнями. Там же висел и алмазный кулон с ляписом, который подарил ей Стефан, так как она наотрез отказалась снять его. Это было не важно. Бабочка полностью скрывала подвеску. На каждом запястье Елены также были наручники из золота и жемчуга с бриллиантами, сочетающиеся с ожерельем.

И это было все.

Волосы Елены расчесали наверно сотню раз, в результате чего они ниспадали на ее плечи золотистыми мягкими волнами, на ее губы нанесли нежно-розовую помаду. Но ее лицо, с темными густыми ресницами и светлыми изогнутыми бровями, на котором ее розовые губы приоткрылись от волнения, окрасив щеки в яркий цвет, осталось абсолютно нетронуто. Ниспадающие каскадом алмазные серьги виднелись сквозь ее золотые локоны. Она сведет их с ума, подумала Бонни, глядя на платье с завистью, но не с ревностью, а

скорее наслаждаюсь мыслью о том, какой фурор произведет Елена.

— Ее платье намного проще чем наши с Мередит, но мы опять будем в ее тени, — все же Бонни считала, что Мередит никогда не выглядела лучше или более экзотично.

Она также никогда не подозревала, о потрясающей фигуре Мередит, несмотря на широкий ассортимент у той дизайнерской одежды. Мередит пожала плечами, когда Бонни сказала ей это.

У нее тоже был веер — черный, лаковый, складывающийся. Она раскрыла и захлопнула его вновь, умышленно задев ее подбородок.

— Мы в руках гения, — сказала она просто. — Но мы не должны забывать для чего мы здесь на самом деле.

Глава 25

— Мы должны сосредоточить наши мысли на спасении Стефана, — сказала Елена в комнате, которую занял Деймон, в старой библиотеке особняка леди Ульмы.

— О чем же еще я могу думать? — сказал Деймон, не отводя глаз с ее шеи, украшенной перламутровыми жемчужинами и бриллиантами.

Елена знала, что молочно-белое платье подчеркивало изящный изгиб ее шеи. Она вздохнула:

— Если бы мы думали, что ты действительно это имеешь в виду, тогда бы мы все могли просто расслабиться.

— То есть, быть такими же расслабленными, как и ты?

Елена мысленно вздрогнула. Могло показаться, что Деймон поглощен одной и только одной вещью, но его чувство самосохранения убеждало, что он был постоянно начеку, и видел не только то, что он хотел видеть, но и все, что происходило вокруг него. И это была правда, которая Елену почти невыносимо взволновала. Пусть остальные думают, что это из-за ее изумительного платья, а это и было из-за ее изумительного платья, и Елена была до глубины души благодарна Леди Ульме и ее помощникам за то, что все сделали вовремя.

Что действительно волновало Елену, хотя, была вероятность, «Нет, уверенность», — твердо сказала она себе, — что сегодня вечером, она найдет половинку ключа, которая поможет им освободить Стефана. Мысль о его лице, о том, чтобы увидеть его во плоти, была...

Была пугающей.

Думая о том, что сказала Бонни во сне, Елена тянулась за поддержкой и пониманием, и так или иначе поняла, что вместо того, чтобы держать Деймона за руки, она оказалась в его объятиях.

Истинный вопрос в то, что Стефан скажет на счет той ночи в мотеле с Деймоном? Чтобы сказал Стефан? Что тут было говорить?

— Я напугана, — услышала она, и минутой позже узнала свой собственный голос.

— Ну, не думай об этом, — сказал Деймон. — Это только делает все хуже.

«Но я солгала», — подумала Елена. — «Ты даже не помнишь этого, иначе ты бы тоже солгал».

— Что бы ни случилось, я обещаю, что я все еще буду рядом с тобой, — сказал мягко Деймон, — во всяком случае, у тебя есть мое слово.

Елена почувствовала его дыхание на волосах.

— И о концентрации твоих мыслей на ключе?

— Да, да, но я сегодня не питался как следует.

Елена вздрогнула, затем прижала Деймона ближе. Всего на один момент она почувствовала, не просто разоряющий голод, но острую боль, которая озадачила ее. Однако прежде чем она смогла четко определить ее местонахождение в пространстве, боль ушла, и

ее связь с Деймоном была резко разорвана.

— Деймон.

— Что?

— Не закрывайся от меня.

— А я и не закрываюсь. Я только что сказал все, что мог, это — все. Ты знаешь, что я буду искать ключ.

— Спасибо тебе.

Елена попробовала еще раз:

— Но ты не можешь просто голодать...

— Кто сказал, что я глодаю? — теперь телепатическая связь с Деймоном вернулась, но чего-то не хватало.

Он намеренно что-то скрывал, яростно сосредоточившись, чтобы отвлечь ее внимание — на голод. Елена могла чувствовать, как он бушевал в нем, будто он был тигром или волком, который днями, неделями не убивал. Комната медленно закружилась вокруг нее.

— Все... хорошо, — прошептала она, поразившись тому, что Деймон был в состоянии выдержать и вообще держать ее, с его внутренней сущностью, рвущейся наружу. — Что угодно... что тебе нужно... бери...

Затем она почувствовала самое нежное прикосновение острых как бритва клыков к своему горлу. Она уступила этому, капитулируя перед ощущениями.

Готовясь к праздничному вечеру у Серебряного Соловья, где они будут искать первую половинку от лисьего двойного ключа для освобождения Стефана, Мередит читала некоторые распечатки текстов, которыми она набила свой рюкзак, с огромным количеством информации, скаченной из Интернета. Она попыталась как можно лучше описать все, что узнала Елене и остальным. Но как теперь она могла быть уверена, что не пропустила какие-нибудь очень важные подсказки, какую-нибудь чрезвычайно важную информацию, которая будет той ниточкой, которая определит, добьются ли они сегодня вечером успеха или потерпят неудачу? Найдут ли они способ спасти Стефана или придут домой побежденные, пока он будет томиться в тюрьме.

«Нет», — подумала она, стоя перед серебряным зеркалом, почти что боясь взглянуть на экзотическую красавицу, которой она стала.

«Нет, — мы даже не можем думать о слове «неудача». Ради спасения жизни Стефана, мы должны добиться успеха. И мы должны сделать это не попавшись.

Елена чувствовала уверенность и небольшое головокружение, когда они отправились на праздничный прием Серебряного Соловья. Однако когда они вчетвером прибыли на паланкинах: Деймон с Еленой, а Мередит с Бонни (Леди Ульме доктор запретил посещать какие-либо торжества, пока она была беременна), к роскошному дому Благородной Леди Фазины, на нее напало что-то похожее на ужас.

«Дом был настоящим дворцом, в лучших сказочных традициях», — подумала она.

Минареты и башни возвышались на нем, вероятно выкрашенные в голубой и обильно позолоченные, но превращенные в бледно-лиловые солнечным светом, и выглядели чуть ли не светлее, чем небо. В дополнение, в солнечному свету обе обочины дорожки, по которой паланкины поднимались на холм, были освещены фонарями, в них было добавлено какое-то химическое вещество, или использована магия, чтобы их свет горел ярче, сменяя цвета от золотого, к красному, фиолетовому, голубому, зеленому и серебряному; и эти цвета горели

так натурально.

От этого у Елены перехватило дыхание, так как только им во всем мире, который был только доступен ее взору, не передавался оттенок красного.

Деймон взял с собой бутылку «Черной Магии», и был едва ли не в слишком хорошем настроении. «Не преднамеренно двусмысленно», — подумала Елена.

Когда их паланкин остановился на вершине холма, Деймон и Елена высадились и спустились в проход, который был значительно отрезан от солнечного света. Теперь над ними возвышался деликатный, освещенный бумажными фонариками — несколько больший паланкин, чем мгновение до этого — яркий свет и причудливая форма, придавали праздничную и игривую атмосферу дворцу, столь великолепному, что это пугало. Они прошли меж подсвеченных фонтанов, некоторые из которых были с сюрпризами — типа полосы магических лягушек, которые постоянно прыгали от лилии к лилии: шлеп, шлеп, шлеп, как звук дождя по крыше, или огромная золоченая змея, извивавшаяся среди деревьев и над головами гостей, она сползала оттуда до земли, а затем возвращалась обратно к деревьям.

Опять же, это была земля, которая могла просвечивать всевозможными видами магических стай рыб, акул, угрей, и резвящихся дельфинов, а в тусклой синеве глубин гораздо ниже, маячила фигура гигантского кита.

Елена и Бонни поторопились как можно скорее пройти эту часть пути. Было ясно, что владелица этой недвижимости может позволить себе любую феерию, какую угодно ее душе, и, прежде всего, музыку, из каждой стороны, прекрасно, — иногда странно — играл разнаряженный оркестр, или может это был всего лишь один знаменитый солист, пение доносилось из позолоченной клетки, висевшей, примерно, в двадцати пяти метрах над землей.

Музыка... музыка и свет были везде...

Сама Елена, хотя и была в восторге от достопримечательностей, звуков, и великолепных ароматов исходящих из огромных банок с цветами, так же как и от гостей, как мужчин, так и женщин, ощущала легкий страх, павший камешком в животе.

Она думала, что ее платье и бриллианты были выполнены так искусно, а затем она покинула дом Леди Ульмы. Теперь она была здесь, у Леди Фазины... что ж, здесь было так много комнат, так много людей, настолько причудливо и утонченно одетых, так же как она сама и ее сестра «личный ассистент».

Она побоялась, что — ну, что в сравнении с вон той женщиной, со своей элегантной тиарой украшенной тремя рядами бриллиантов и изумрудов, свисающих до ее элегантных окруженных бриллиантами пальцев, заставляя, в сравнении, ее не украшенные волосы выглядеть безвкусно или смешно, на таком то грандиозном фоне.

«Знаешь ли ты, сколько ей лет?» — Елена чуть не подпрыгнула, когда услышала в своей голове голос Деймона.

«Кому?» — ответила Елена, стараясь сдержать, по крайней мере, свою зависть — свою обеспокоенность — от своего телепатического голоса.

«Я так громко думаю?» — добавила она в испуге.

«Не то чтобы громко, но никогда не повредит думать потише. И ты прекрасно знаешь «кому»: той жирафе, которую ты так разглядываешь», — ответил Деймон. — «К твоему сведению, она примерно на двести лет старше меня, и она старается выглядеть где-то на тридцать, при том, что это на десять лет меньше того, когда она стала вампиром».

Елена заморгала.

«Что ты хочешь сказать этим?»

«Отправь немного Силы к своим ушам», — добавил Деймон. — «И перестань беспокоиться!»

Елена послушно добавила немного Силы, до того момента, как почувствовала мощный всплеск в своих ушах, и вдруг разговоры стали слышны со всех сторон.

— ...о, богиня в белом.

— Она всего лишь ребенок, но что за фигура...
— ... да, та, что с золотыми волосами.
— Великолепна, не правда ли?
— ...ох, ради Аида, посмотрите на эту девочку...
— ... Вы видите принца и принцессу вон там? Дорогая, мне интересно, они предпочитают меняться местами или... или... образовывать квартет?

Это гораздо больше походило на то, что Елена привыкла слышать на вечеринках.

Это придало ей больше уверенности. А так же, поскольку она позволила своим глазам блуждать более смело сквозь богато выраженных коршунов, заставило внезапно проникнуться любовью и уважением к Леди Ульме, которая придумала и руководила пошивом трех великолепных платьев всего за одну неделю.

«Она гений», — торжественно сообщила Елена Деймону, зная, что он слышит ее мысли, и он мог понять кого, она имела в виду.

«Посмотри на Мередит. вокруг нее уже толпа. И... и...»

«И она совсем не ведет себя как Мередит», закончил Деймон, прозвучав немного обеспокоено.

Мередит же не выглядела обеспокоенной ни в коем случае. Она нарочно повернулась лицом, чтобы показать классический профиль своим поклонникам, но он совершенно не был профилем уравновешенной и спокойной Мередит Сайлс. Это была знойная, экзотическая девушка, казалось, что она вполне могла бы петь Хабанера из «Кармен».

У нее был открыт веер, и она грациозно и томно обмахивалась им. Мягкое и в тоже время теплое внутренне освещение заставляло ее обнаженные плечи и руки мерцать словно жемчуг, а черное бархатное платье, выглядело еще более загадочным и ярким, чем до этого в доме. В самом деле, казалось, что уже есть один пострадавший раненый в самое сердце; он опустился перед ней на колени, сжимая в руке красную розу, которую с такой поспешностью вытащил из одного из букетов, что укололся о шип, и теперь кровь сочилась из его большого пальца. Мередит, казалось, совсем этого не заметила.

Оба, и Елена и Деймон почувствовали молодого человека, который был белокур и очень красив.

Елена почувствовала сожаление... а Деймон почувствовал голод.

«Она определенно вышла из своей скорлупы», — высказался Деймон.

«Ох, Мередит действительно никогда из нее не выходила», — ответила Елена. — «Это все наиграно. Но в эту ночь, я думаю, это делают платья. Мередит одета как сирена, и она ведет себя знойно. Бонни одета как павлин и... смотри».

Она повернула голову вниз к длинному коридору, который вел к огромной комнате перед ним.

Бонни, одетая во что-то наподобие реальных павлиньих перьев, имела свою толпу поклонников — и это было именно то, что они делали: поклонялись. Каждое движение Бонни, казалось, было легким и птичьим, ее нефритовые браслеты синхронно перезванивались на ее маленьких кругловатых ручках, ее серьги подрагивали с каждым наклоном головы, ноги, казалось, мерцали в золотых сандалиях, позади нее был павлиний хвост.

«Ты знаешь, это странно», — пробормотала Елена, когда они добрались до большой комнаты, наконец, договорив совсем тихо, чтобы услышать телепатический голос Деймона: — «Я не осознавала этого, но Леди Ульма создала нам платья различных уровней животного мира».

«Хмм?» — Деймон снова посмотрел на ее шею.

Но, к счастью, в этот момент человек одетый в земной костюм — смокинг, кушак, и так далее — подошел с большими серебряными бокалами «Черной Магии». Деймон выпил вино залпом и взял другой бокал, грациозно кланяясь официанту. Потом он и Елена заняли места — за пределами заднего ряда, даже если это было грубо по отношению хозяйке. У них должна быть возможность, чтобы улизнуть.

— Что ж, Мередит — русалка высшего уровня, она ведет себя как сирена. Бонни — птица, и это еще один высокий уровень, она ведет себя как птица: ждет, пока все мальчики проявят себя, продолжая дразниться. А я бабочка — что ж, я полагаю, я буду светской бабочкой сегодня. Надеюсь, рядом с тобой.

— Как... мило, — выдавил Деймон, — но почему ты думаешь, что ты именно бабочка?

— Ну, это дизайн, глупенький, — сказала Елена, и она подняла свой переливающийся золотом и перламутром веер и легонько стукнула его по лбу. Затем она открыла его, показав Деймону мастерски выполненный рисунок с таким же узором, как и ожерелье, украшенное с лицевой стороны мелкими крупными алмазами, золота и перламутра, где им не мешали складки.

— Ты видишь? Бабочка, сказала она, рисуясь неподдельным удовольствием.

Деймон проследил контур тонким длинным пальцем, очень напоминая Стефана, и ком встал у нее в горле, он остановился на шести стилизованных линиях над головой.

— С каких пор у бабочек есть волосы? — его пальцы двигались к двум горизонтальным линиям между крыльев, — или руки?

— Там ноги, — изумленно сказала ему Елена.

— Какая разница между руками и ногами или шесть волосков у тебя на голове или крыльев?

— Пьяный вампир, — предложил голос над ними и Елена, подняв глаза, удивилась, увидев Сейджа.

— Можно я сяду с вами? — спросил он. — Я не смог бы справиться с рубашкой, но моя крестная фея заставила появиться как по волшебству жилетку.

Елена, смеясь, передвинулась на соседнее сиденье, чтобы он мог сесть у прохода рядом с Деймоном.

Он выглядел намного аккуратнее, чем когда она видела его в последний раз, работающим около дома, хотя его длинные волосы все еще висели беспорядочными кудрями. Однако она заметила, что его волшебная фея надушила его одеколоном с запахом кедра и сандалового масла и одела на него жилетку и джинсы Dolce & Gabbana. Он выглядел... великолепно. Это означало, что он не животное.

— Я думала ты не придешь, сказала ему Елена.

— Как ты можешь такое говорить? Облачиться как ты — в небесно белый с золотым? Ты упомянула про праздничный прием; твое слово для меня закон.

Елена прыгнула.

Конечно, сегодня вечером каждый воспринимал ее иначе. Это было из-за платья.

Сейдж, шептал что-то о своей скрытой гетеросексуальности, клялся, что рисунок на ее ожерелье и веер были образцами совершенства. Очень вежливый демон справа от нее, имевший сиреневую кожу и маленькие вьющиеся белые рожки, почтительно утверждал, что она смотрит на него как богиня Иштар, которая будто бы послала его в Темное Измерение несколько тысячелетий назад для того, чтобы пристрастить людей к лени.

Елена сделала мысленную пометку, чтобы не забыть уточнить у Мередит, означает ли это, что он уговаривал людей есть ленивцев, которые, как она знала, были дикими животными, ведущими не слишком активный образ жизни, или тут речь о чем-то другом.

Тогда Елена подумала, что Леди Ульма назвала платье «Платьем богини», так ведь? Это платье можно носить только в том случае, если твое тело очень молодо и очень близко к совершенству, потому что нет никакой возможности одеть под него нижнее белье или хоть как-то минимально его драпировать, что являлось его опасной особенностью.

Единственная вещь под платьем Елены ее собственное молодое тело и пара скудных, мягких телесного цвета клочков нижнего кружевного белья. О, и брызги жасминового парфюма.

«Так что это богиня — я чувствую себя подобно ей», — подумала она, поблагодарив демона (который стоял и кланялся). Люди занимали места перед первым выступлением

Серебряного Соловья. Елена должна была признать, что ей хотелось увидеть Леди Фазину, и к тому же, было слишком рано предпринять попытку отправиться в уборную — Елена уже заметила, что охранники стоят во всех дверях. Две арфы стояли на помосте в центре большого круга из стульев. Внезапно все вскочили на ноги и захлопали, и Елена ничего бы не увидела, если бы Леди Фазина не выбрала тот же проход, у которого расположились Елена и Деймон. Как это было, она остановилась рядом с Сейджем, чтобы поприветствовать ликующую толпу и Елена прекрасно видела ее.

Она была привлекательной молодой женщиной, которая к удивлению Елены выглядела чуть старше двадцати, и в то же время была практически такой же маленькой как Бонни.

Это крошечное существо, очевидно, относилось к ее прозвищу очень серьезно: она была одета в платье сделанное полностью из серебряной сетки. Ее волосы так же были серебристо-металлическими, охваченные высоко впереди и очень короткие со спины. Ее шлейф был едва привязан на две простые застёжки у плеч. Он горизонтально плыл позади нее, постоянно двигаясь, больше походя на луч луны или облако, будто настоящее, до тех пор, пока она не добралась до центрального помоста и не поднялась на него, затем раз прошлась вокруг высокой открытой арфы, и тут накидка мягко и грациозно соскользнула на пол и полукругом собралась возле нее. А затем зазвучал волшебный голос Серебряного Соловья. Она заиграла на высокой арфе, которая выглядела еще более высокой по сравнению с ее миниатюрной фигуркой. Своими пальцами она могла заставить арфу петь, уговорить ее реветь, как ветер или извлечь музыку которая, казалось, спускалась с небес в глассандо.

Елена плакала на протяжении ее первой песни, даже притом, что она была спета на каком-то иностранном языке. Это было так пронизывающе мелодично, что напомнило Елене Стефана, времена, когда они были вместе, общаясь только самыми мягкими словами и прикосновениями...

Но самым впечатляющим инструментом Леди Фазины был ее голос. Ее маленькое тело могло произвести экстраординарную силу, когда она того хотела. И в то время как она пела одну горькую песню с минорной мелодией за другой, Елена могла чувствовать, что ее кожа покрывалась мурашками, а ноги дрожали. Она чувствовала, что в любой момент могла бы пасть перед ней на колени, поскольку эти мелодии заполнили ее сердце.

Тут кто-то дотронулся до нее сзади, Елена вздрогнула, возвращенная так быстро из мира фантазий, который уже окутал ее. Но это была всего лишь Мередит, у которой, невзирая на любовь к музыке, имелось весьма дельное предложение для их компании.

— Я собиралась сказать, почему бы не начать сейчас, в то время как все остальные слушают? — шептала она. — Даже охранники отвлеклись. Как мы договорились, два на два, да?

— Мы просто всюду осмотрим дом. Мы даже можем найти что-нибудь, в то время как все здесь будут слушать, еще около часа. Сейдж, может, будешь поддерживать связь между двумя группами, телепатически?

— Сочту за честь, мадам.

Пятеро отправились в особняк Серебряного Соловья.

Глава 26

Они прошли мимо всхлипывающих привратников.

Но очень скоро обнаружили, что пока почти все слушали Леди Фазину, в каждой комнате дворца, куда был открыт доступ публике, дежурил дворецкий в черном костюме и белых перчатках, готовый предоставить гостям необходимую информацию и внимательно проследить за сохранностью собственности своей госпожи.

Первой комнатой, внушившей некоторую надежду, оказался Зал Арф Леди Фазины — комната, полностью отведенная под выставку арф. Здесь были представлены инструменты от

самых древних, похожих на лук, арф с одной струной, на которых явно играли знакомцы пещерного человека, до высоких позолоченных оркестровых красавиц, на одной из которых играла сейчас Леди Фазина. Музыка была слышна во всем дворце.

«Магия», — подумала Елена. Судя по всему, ею тут пользуются вместо техники.

— Каждый вид арфы имеет свой уникальный ключ для настройки струн, — прошептала Мередит, окинув взглядом длинный зал. По обе стороны стены залы стояли ряды арф, расставленных на определенном расстоянии друг от друга.

— Один из этих ключей, может быть «нашим» ключом.

— Но как мы его узнаем? — спросила Бонни, слегка обмахиваясь веером из павлиньих перьев. — В чем разница между ключом для арфы и ключом лисы?

— Я не знаю. А также я никогда не слышала о ключе, хранящемся в арфе. Он бы всегда дребезжал в резонансном корпусе при малейшем передвижении арфы, — заметила Мередит.

Елена закусил губу. Это был такой простой, разумный вопрос. Она должна была почувствовать тревогу, должна была задаться вопросом, как они когда-нибудь смогут найти здесь маленькую половинку ключа. Особенно учитывая имеющуюся у них подсказку, что половинка в инструменте Серебряного Соловья, внезапно показалась абсурдом.

— Я не имею в виду, — сказала Бонни слегка легкомысленно, — что тем инструментом является ее голос, и что если мы коснемся ее горла...

Елена повернулась, чтобы взглянуть на Мередит, которая возвела глаза к небу, или тому, что было над этим отвратительным измерением.

— Я знаю, — сказала Мередит. — Больше никаких напитков для куриных мозгов. Также я полагаю, что, возможно, они раздают наши маленькие серебряные свистки либо инструменты в качестве подарков — все большие вечеринки так делают, ты знаешь.

— Каким образом, — сказал Деймон осторожным тоном, — они могли бы получить ключ в свое пользование на вечеринку, устроенную, по меньшей мере, несколько недель назад, и как они могли когда-либо надеяться заполучить его? Мисао с тем же успехом могла сказать Елене: «Мы выбросили ключ».

— Ну, — начала Мередит, — я не совсем уверена, что они имели в виду восстановимость ключей, даже ими самими. И Мисао могла подразумевать: «Вам стоило бы покопаться в мусоре, оставшемся после ночного празднества», или любого другого, где выступала Фазина. Представляю, как ее просят выступить на вечеринках сотен других людей.

Елена ненавидела споры, несмотря на то, что была чемпионом в спорах с самой собой. Но сегодня она была богиней. Не было ничего невозможного. Если бы только она могла вспомнить... Что-то, подобное белому ударяющему свету в ее мозге. На одно мгновение — всего лишь мгновение — она вернулась назад, борясь с Мисао.

Мисао, в лисьем обличи, кусала, царапала и рычала в ответ на вопрос Елены, где находятся две половинки ключа.

— Если бы я ответила, будто бы ты поняла. Если бы я сказала тебе, что один находится внутри инструмента серебряного соловья, подало бы тебе это какую-нибудь идею?

Да. Слова, сказанные Мисао, были теми самыми, точными словами. Елена слышала собственный голос, отчетливо повторяющих их. Затем она почувствовала что-то вроде молнии, покинувшей сознание, чтобы затем войти в другое, не так далеко.

Следующей вещью, которую она увидела, были хлопающие от удивления глаза Бонни, говорящей пустым глухим голосом, как если бы она предсказывала что-то:

— Части лисьего ключа имеют вид лис, с двумя парами ушей, глаз и мордами. Они сделаны из золота и покрыты драгоценными камнями. Их глаза зеленые. Ключ, что ты ищешь, все еще находится в инструменте Серебряного Соловья.

— Бонни! — сказала Елена.

Она могла видеть, как дрожать коленки Бонни, а глаза не сфокусированы. Затем они распахнулись, и Елена заметила появившееся в них замешательство.

— Что происходит? — спросила Бонни, оглядывая смотрящих на нее. — Что

случилось?

— Ты рассказала, на что похожи ключи! — ответила, почти крича от радости, Елена.

Теперь, когда они знали, что ищут, они могли освободить Стефана; они освободят Стефана.

Теперь ничто не остановит Елену.

Бонни помогла перейти в их поиске на новый уровень. Пока Елена радовалась пророчеству, Мередит, с присущим ей спокойствием, ухаживала за самой прорицательницей. Мередит тихо сказала:

— Она, вероятно, упадет в обморок. Не могли бы вы...

У Мередит не было необходимости заканчивать свою просьбу, обращенную к вампирам, Деймону и Сейджу, каждый из которых был достаточно быстрым, чтобы подхватить и поддержать Бонни. Деймон с удивлением смотрел на миниатюрную девушку.

— Спасибо, Мередит, — сказала Бонни, переводя дух, заморгав. — Не думаю, что упаду в обморок, — добавила она, взглянув на Деймона из-под опущенных ресниц.

— Но все-таки, стоит убедиться, — Деймон серьезно кивнул и крепче обхватил ее.

Сейдж полуобернулся, как если бы что-то застряло в его горле.

— Что я сказала? Ничего не помню!

После того как Елена торжественно повторила ее слова, было вполне закономерным со стороны Мередит спросить:

— Ты уверена, Бонни? Так и было?

— Я уверена.

— Абсолютно уверена, перебила Елена.

И так оно и было. Богиня Иштар²³ и Бонни открыли для нее прошлое и показали ей ключ.

— Хорошо. Что если я, Бонни и Сейдж возьмем на себя эту комнату — двое отвлекут управляющего, а третий в это время обыщет арфы на предмет ключа? — предложила Мередит.

— Правильно. Давайте сделаем это! — воскликнула Елена.

План Мередит на практике оказался более трудноосуществимым, нежели на словах.

Даже с двумя блистательными молодыми девушками и одним парнем в прекрасной форме в комнате управляющий умудрялся успевать перехватывать каждого из них, во время попытки дотронуться до арфы и заглянуть в нее. Естественно, трогать арфы руками было строго запрещено.

Это могло повредить или расстроить арфы, особенно в свете того, что единственным способом убедиться, что в них нет маленького золотого ключа, нужно было хорошенько их потрясти, и послушать не гремит ли в них что-то.

Более того, каждая из арф была размещена в своем собственном маленьком отделении, с эффектным освещением, с ярко нарисованным экраном (большинство из них предстояло портрет Фазины, играющей на представленной арфе), и плюшевыми красными веревками, заграждающими путь в отсек, и которые, также явно, как и знак, гласили:

«Не входить».

В конце концов, Бонни, Мередит и Сейдж прибегли к Воздействию, которым обладал Сейдж, чтобы сделать управляющего полностью пассивным, но лишь на несколько минут, иначе управляющий мог заметить пробелы в программе Леди Фазины. Затем каждый из них должен был отчаянно обыскивать арфы, пока управляющий стоял, словно восковая фигура.

Тем временем Деймон и Елена блуждали по дворцу, осматривая остальную часть

²³ В аккадской мифологии — богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венера.

особняка, которая была закрыта для посетителей. В случае если ничего не найдут, они намеревались обыскать более доступные комнаты, пока торжество продолжалось. Это было опасно — красться внутрь и обратно темных, загороженных, а часто и запертых, пустых комнат — опасно и одновременно захватывающе для Елены.

Так или иначе, казалось, что страх и страсть были более тесно связаны, чем она осознавала. Или, по крайней мере, казалось, тоже самое было с ней и Деймоном. Елена не могла не замечать и не восхищаться некоторыми маленькими вещами в нем. Он казалось, мог вскрыть любой замок с помощью единственной маленькой отмычки, которую он достал из своего черного пиджака, словно обычную авторучку, и закрывал он их также изящно и быстро, как и вскрывал. Эта изящность движений, знала она, была наработана им за пять столетий жизни.

Помимо этого, никто не мог поспорить с тем, что казалось, будто Деймон сохранял спокойствие в любой ситуации, что прямо сейчас делало их хорошей парой, когда она прогуливалась вокруг подобно богине, которую не касались правила смертных. Это подтвердилось, когда она сильно испугалась, увидев, что-то напоминающее по форме охранника или надвигающегося на них часового. Оказалось, это было чучело медведя, маленький буфет, и нечто, на чем Деймон не позволил ей задержать взгляд, но напоминающее мумифицированного человека,

Деймона не беспокоил ни один из них.

«Если бы я могла направить немного больше Силы к моим глазам», — подумала Елена, и вещи немедленно бы стали ярче.

Ее Сила подчинилась ей!

«Боже! Я буду носить это платье до конца жизни: оно заставляет меня чувствовать себя такой... могущественной. Такой... бесстыдной. Я буду носить его в колледж, если я когда-нибудь пойду в колледж, чтобы впечатлить моего профессора; и на мою свадьбу со Стефаном — только так люди понимают, что я не шлюха; и на пляж — только чтобы дать парням на что поглазеть...» — она подавила смешок и с удивлением увидела, что Деймон смотрит на нее с шутливым упреком. Конечно — он был также сильно сосредоточен на ней, как она на нем.

Но это было несколько иное дело, конечно, потому, что в его глазах, на ней был большой ярлык с надписью «Клубничный джем», завязанным на ее шее.

И он снова был голоден. Очень сильно голоден.

«В следующий раз я прослежу, чтобы ты поел должным образом, прежде чем выйти из дома», — послала она свою мысль Деймону.

«Давай побеспокоимся об этом разе, прежде чем планировать новый», — мысленно ответил он, со слабым намеком на его улыбку в 250 киловатт. Но, конечно, она смешалась с немного насмешливым торжеством, которое всегда присутствовало в Деймоне.

Елена поклялась себе, что пусть он смеется над ней, сколько может, умоляет — сколько сможет, угрожает ей или умасливает ее, сколько сможет, она не даст Деймону ни одного глоточка этой ночью.

«Он может лишь «сорвать крышку с другой банки джема»», — подумала она.

В конце концов, сладкая музыка концерта стихла, и Елена с Деймоном бросились назад, чтобы встретиться с Бонни, Мередит, и Сейджем в Зале Арф. Елена могла догадаться об их результатах по позе Бонни, даже если бы не узнала о них по молчанию Сейджа. Но новости были хуже, чем Елена могла себе представить: мало того, что эти трое ничего не нашли в Зале Арф, но они еще решили опросить управляющего, который мог говорить, если не передвигался, под Влиянием Сейджа.

— И знаешь, что он нам сказал, — говорила Бонни, и добавила, прежде чем кто мог осмелиться произнести: — каждая из этих арф чистится и настраивается каждый день. У Фазины есть целая армия слуг для этого. И абсолютно о любой вещи, которая не является частью арфы, сообщается сразу. И ничего не было! Там просто ничего не было!

Елена почувствовала себя уменьшающейся от всезнающей богини до растерянного

человека.

— Я боялась, что так и будет, — вздохнула она. — Это было бы слишком просто по-другому. Хорошо, План «Б». Вы пообщаетесь со всеми гостями на торжестве, пытаетесь попасть в любую комнату, открытую для публики. Постарайтесь ослепить супруга Фазины и вытянуть из него информацию. Узнайте, были ли здесь Шиничи и Мисао в последнее время. Деймон и я будем продолжать поиски в помещениях, которые должны быть закрыты.

— Это так опасно, — нахмурилась Мередит. — Я боюсь, что вас казнят, если поймают.

— А я боюсь, что казнить могут Стефана, если мы не найдем этот ключ сегодня, — коротко ответила Елена и повернулась на каблуках, удаляясь. Деймон последовал за ней.

Они обыскивали бесконечные темные комнаты, даже не зная, что именно они ищут — арфу или что-то другое.

Сначала Демон должен был проверить, дышит ли кто-нибудь в комнате (там мог быть и охранник-вампир, конечно, но никто об этом не позаботился), затем он взламывал замок. Таким образом, они дошли до комнаты в конце длинного коридора, смотрящей на запад — Елена давно заблудилась, но она точно могла определить, что это запад по виду раздутого висящего солнца. Деймон взломал замок, и Елена нетерпеливо подалась вперед.

Она обыскивала комнату, в которой висела в серебряной раме картина изображающая арфу, но там не было ничего такого, где могла бы находиться половинка лисьего ключа, она даже попыталась с помощью отмычки Деймона открутить картину. Но когда она повесила картину обратно на стену, они оба услышали щелчок. Елена вздрогнула, молясь, что это не один из «слуг безопасности в черном костюме», который бродил по дворцу и слышал шум.

Деймон быстро зажал ей рот рукой и выключил освещение. Но они оба могли это слышать сейчас... приближающиеся шаги в коридоре. Кто-то услышал щелчок. Шаги остановились у двери, и послышался четкий звук сдержанного кашля служащего.

Елена была в смятении, чувствуя в тот момент, будто Крылья Искупления были в пределах ее досягаемости. Это потребовало бы только малейшее повышение адреналина, и работник безопасности был бы на его или ее коленях, рыдая, и каясь в том, что он всю жизнь проработал на зло. Елена и Деймон ушли бы, прежде — но у Деймона была другая идея, и Елена была поражена, что согласилась с ней.

Когда минуту спустя дверь тихо отворилась, служащий увидел пару, сомкнувшуюся в таких страстных объятьях, что они, казалось, не заметили вторжения. Елена могла практически почувствовать его возмущение. Желание пары гостей осторожно пообниматься в уединенных комнатах Леди Фазины было понятно, но эта была частью частного домашнего хозяйства.

Поскольку он включил свет, Елена посмотрела на него уголком глаза. Ее психические чувства были открыты достаточно, чтобы поймать его мысли. Он проходил мимо ценностей в комнате с опытным, но скучающим взглядом. Изящная миниатюрная ваза с тянущимися по ней розами из рубинов и инкрустируемых изумрудом виноградными лозами; прекрасно сохраненная пятитысячелетняя деревянная шумерская лира; волшебной сохраненная пятитысячелетняя деревянная шумерская лира; пара одинаковых золотых подсвечников в форме вставших на дыбы драконов; египетская погребальная маска с ее темными, удлиненными блестяще нарисованными глазками, словно наблюдающими за всем... все, было здесь.

Он вел себя так, словно ее милость, не придавала ничему здесь большого значения.

— Эта комната не для публичного показа, — сказал он Деймону, который просто прижал Елену ближе.

Да, Деймон, казалось, был решительно настроен поставить хороший спектакль для служащего... или что-то в этом роде. Но разве они уже... не сделали это? Мысли Елены теряли последовательность.

Последней вещью... действительно последней вещью, которую они могут себе позволить... было... потерять шанс... найти лисий ключ. Елена начала вырваться, а потом поняла, что не должна этого делать.

Не должна.

Не могла.

Она была собственностью, дорогой собственностью, если точно, украшенной на эту ночь, но Деймон распоряжался ей как ему заблагорассудится. Когда кто-нибудь наблюдает за ней, она не должна казаться не повинующейся пожеланиям своего хозяина. Однако Деймон зашел слишком далеко... Дальше, чем он когда-либо позволял себе вольности с ней.

«Хотя», — сухо подумала она, — «он этого не знал».

Он ласкал ее кожу, оставленную незащищенной платьем слоновой кости, ее руки, ее спину, даже ее волосы. Он знал, как ей нравилось это, как она могла так или иначе чувствовать это, когда ее волосы были собраны, и концы мягко ласкали или нежно мяли в кулаке.

«Деймон! — она опустила до последнего средства: мольбы. — «Деймон, если они арестуют нас, или сделают что-нибудь, что воспрепятствует поискам ключа сегодня вечером, когда у нас будет другой шанс?..

Она позволила ему почувствовать свое отчаяние, свою вину, даже свое предательское желание забыть все и позволить каждой минуте унести ее дальше на волне страсти, которую он вызвал.

«Деймон я... скажу это, если ты хочешь. Я... умоляю тебя».

Елена могла чувствовать, как покалывало в ее глазах, поскольку их затопляли слезы.

«Никаких слез», — с благодарностью услышала Елена телепатический голос Деймон. Было в этом что-то странное, хотя, это не могло быть голодом — он пил ее кровь не многим больше двух часов назад.

И это была не страсть, потому что она может услышать и почувствовать это со всей очевидностью.

Все же, телепатический голос Деймона был настолько хорошо контролируем, что это почти напугало ее. Более того, она знала, что он чувствовал, что она испугалась, и что решил не делать ничего по этому поводу.

Никаких объяснений.

И также она не могла исследовать его разум, поскольку она нашла, что он был полностью перекрыт от нее контролем. Единственной вещью, которую она могла уподобить с чувством, что она получила от его стального контроля, была боль. Боль, которая была просто на краю терпимости. «Но от чего?» — беспомощно спрашивала Елена. Что могло стать причиной его боли, подобной этой? Елена не может тратить свое время на изучение того, что случилось с Деймоном. Она подняла Силу к своим ушам и начала слушать, что происходит за дверями, прежде чем они войдут.

Это произошло во время того, как она вслушивалась, когда новая идея застыла в елениной голове, и она остановила Деймона в очень темном коридоре и попыталась объяснить, какого рода комнату она ищет.

Которая, в наши дни, будет называться «домашним офисом».

Деймон, знакомый с архитектурой больших особняков, привел ее, только после нескольких неудачных попыток, в то, что явно было кабинетом леди. Глаза Елены к настоящему времени были столь же остры, как его в полумраке, поскольку они искали в свете единственной свечи. В то время как Елена расстраивалась из-за того, что не нашла стола с ячейками для секретных ящиков, Деймон проверял прихожую.

— Я слышал, кого-то снаружи, — сказал он. — Я думаю, что пора уходить сейчас.

Но Елена все еще искала. И, в то время когда ее глаза бегали по комнате, она увидела небольшой письменный стол со старомодными креслами и большим количеством ручек, от древних, до современных, выставленных напоказ аккуратным владельцем.

— Пойдем, пока еще чисто, — пробормотал нетерпеливо Деймон.

— Да, — рассеянно сказала Елена. — Да, хорошо...

И потом она увидела. Без колебания она шагнула через комнату к столу и подняла ручку с блестящим серебряным пером. Это не было подлинным пером, конечно; эта

авторучка была сделана так, чтобы выглядеть элегантно и старомодно — с пером. Сама ручка была изогнута, чтобы соответствовать ее руке, и дерево было теплым.

— Елена, я не чувствую...

— Деймон, тссс, — сказала Елена, игнорируя его, слишком поглощена тем, что она делала, чтобы действительно услышать его.

Во-первых: попробуй написать.

Не получается.

Что-то блокирует картридж.

Во-вторых: отвинтить авторучку тщательно, будто хочешь снова наполнить ее патрон, все это время ее сердце кричало в ее ушах, а руки дрожали.

Не торопись... не пропусти ничего... и ради Бога, не урони ничего и не шуми в темноте.

Две части пера остались в руке... и на темно-зеленый настольный блокнот упал небольшой, тяжелый, изогнутый кусок металла. Он мог поместиться лишь в самой широкой части ручки.

Он был у нее в руке, и она стала собирать ручку прежде, чем могла получше разглядеть его. Но потом... Она должна была открыть свою руку и посмотреть. Маленький объект в форме полумесяца ослеплял ее глаза на свету, но он полностью попадал под описание, которое Бонни дала Елене и Мередит. Крошечное изображение лисы, с нормальным тельцем и инкрустированной драгоценностями головой с двумя плоскими ушами. Глаза были двумя сверкающими зелеными камнями. Изумруды?

— Александрит, — сказал шепотом Деймон, — фольклор гласит, что они меняют цвет в свете свечей или камина. Они отражают пламя.

Елена, которая стояла к нему спиной, вспомнила с холодом, как глаза Деймона отражали пламя, когда он был одержим, кроваво-красное пламя малаха — жестокости Шиничи.

— Итак, — потребовал Деймон, — как ты сделала это?

— Это действительно один из двух кусков лисьего ключа?

— Ну, это вряд ли часть авторучки. Возможно это — приз от Ручек Кракерджек. Но ты пошла прямо к ней, как только мы вошли в комнату. Даже вампирам необходимо время, чтобы подумать, моя бесценная принцесса.

Елена пожала плечами.

— Это слишком просто. Когда стало ясно, что все эти ключи для настройки арфы не подходят, я спросила саму себя, что еще может быть инструментом, который можно найти в чьем-либо доме. Ручка — инструмент для письма. Затем мне только нужно было выяснить, есть ли у Леди Фазины кабинет или комната для письма.

Деймон перевел дух.

— Адские демоны, ты — сама невинность. Знаешь, что я искал? Потайные двери. Секретные входы в подземелья. Единственный другой инструмент, о котором я мог подумать — это «инструмент для пыток», и ты бы удивилась, как их много можно найти в этом порядочном городе.

— Но не в ее доме!.. — голос Елены опасно повысился, и они оба замолчали на мгновение, чтобы исправить ситуацию, вслушиваясь, в напряжении, в звуки из коридора.

Их не было.

Елена выдохнула.

— Быстрее! Где, где он будет в безопасности?

Она понимала, что единственный недостаток платья был в том, что в нем совершенно не было мест куда-нибудь что-нибудь спрятать. Ей придется поговорить с Леди Ульмой об этом для следующего раза.

— На дно, на дно кармана в моих джинсах, — сказал Деймон, казавшийся таким же спешащим и дрожащим так же сильно, как она.

Когда он впихнул его на дно потайного кармана в его черных джинсах от Армани, он

схватил ее обеими руками.

— Елена! Ты понимаешь? Мы сделали это. Мы на самом деле сделали это!

— Я знаю! — слезы текли из елениных глаз и вся музыка Леди Фазины, казалась, усилилась в одном сильном, безупречном аккорде. — Мы это сделали!

И теперь почему-то — как и все остальные «почему-то» входят в привычку, Деймон обнимал Елену, ее руки скользили под его курткой, чувствуя его тепло, его силу. Также она не была удивлена, почувствовав двойное прокалывание на шее, когда она откинула назад голову; ее красивая пантера была на самом деле немного скучна, и нуждалась в изучении нескольких основных правил поведения на свидании: «поцелуй, перед тем как укусить».

Она вспомнила, что чуть раньше он говорил, что голоден, но она пропустила это мимо ушей, слишком восторгалась серебряной ручкой, чтобы вникать в разговор. Но теперь она вникла и поняла, кроме как, почему он казался таким исключительно голодным сегодня вечером. Может даже... через меру голодным.

«Деймон», — подумала она нежно, — «ты берешь слишком много».

Она не почувствовала никакого ответа, лишь необузданный голод пантеры.

«Деймон, это может быть опасно... для меня», — в этот раз Елена вложила в свои слова столько Силы, сколько смогла.

По-прежнему никакого ответа от Деймона, но теперь она уже плыла вниз, в темноту. И это дало ей расплывчатую нить идеи.

«Где ты? Ты здесь?» — звала она, представляя маленького мальчика.

А потом она увидела его, прикованного к валуну, свернувшегося в клубок, с кулаками, закрывающими глаза.

— Что случилось? — немедленно спросила Елена обеспокоено.

— Он причиняет боль! Он делает больно!

— Тебе больно? — покажи мне, быстро проговорила Елена.

— Нет! Он причиняет тебе боль. Он может убить тебя!

— Ш-ш-ш-ш, — она попыталась укачивать его, словно он был в колыбели.

— Мы должны заставить его услышать нас!

— Хорошо, сказала Елена.

Она действительно почувствовала себя лишней и слабой.

Но она повернулась, вместе с ребенком, и беззвучно закричала:

«Деймон! Пожалуйста! Елена говорит, хватит!»

И случилось чудо. И она, и ребенок смогли это почувствовать. Маленькие острия клыков отпустили ее. Поток энергии прекратил перетекать из Елены в Деймона. А затем, по иронии судьбы, чудо начало уносить ее от ребенка, с которым она действительно хотела поговорить.

«Нет! Подожди!» — пыталась она сказать Деймону, цепляясь за руки ребенка так крепко, как только могла, но она возвращалась в сознание, будто была подхвачена воронкой урагана.

Темнота исчезла.

Ее место заняла комната, слишком яркая, единственная свеча в которой, сверкала как полицейский прожектор, нацеленный непосредственно на нее. Она закрыла глаза и почувствовала тепло и тяжесть тела Деймона в своих объятиях.

— Мне так жаль! Елена, ты можешь говорить? Я не понимал, как много... — с голосом Деймона было что — то не так.

Затем она поняла. Деймон не втянул клыки.

— Что? Все было не так.

Они были так счастливы, но — но сейчас она почувствовала, что ее правая рука стала влажной. Елена полностью отстранилась от Деймона, глядя на свои руки, которые были в чем-то красном, и это явно была не краска. Все еще слишком занятая, обработкой вариантов, того, как правильнее задать свои вопросы. Она скользнула за спиной Деймона, стягивая с него черную кожаную куртку. В ярком свете она смогла рассмотреть его черную шелковую

рубашку, которая была испачкана уже высохшей, почти высохшая и еще влажной кровью.

— Деймон! — сначала она почувствовала только ужас, без примеси вины или понимания. — Что случилось? Ты дрался? Деймон, скажи!

А потом что-то в ее уме представил ей число. С детства она умела считать. Более того, она научилась считать до десяти еще до ее первого дня рождения. Следовательно, у нее были полных семнадцать лет учебы, чтобы посчитать количество неровных, глубоких, кровоточащих порезов на спине Деймона.

Десять.

Елена опустила глаза на свои собственные окровавленные руки и платье богини, которое теперь было платьем ужаса, потому что его чистая молочная белизна была испорчена ярко-красным. Красным, которым должна была быть ее кровь. Красным, который должно быть походил на удары меча по спине Деймона, когда он перенаправлял боль и отметили от Ночи ее Наказания от нее к себе.

«И он нес меня всю дорогу домой», — мысли всплывали их ниоткуда. — «Не единого слова об этом. Я бы никогда не узнала... И он до сих пор не вылечился. Он когда-нибудь вылечится?»

И тогда она начала кричать на всех частотах.

Глава 27

Кто-то пытался заставить ее попить из стакана. Обоняние Елены было настолько острым, что она практически смогла распробовать вкус, того, что было в стакане — вкус вина «Черная Магия». И она не хотела его пить! Нет! Она выплюнула его. Они не смогут заставить ее его выпить.

— Дитя мое, это для твоего же блага. Теперь выпей это.

Елена отвернулась. Она почувствовала тьму, которая как буря накрыла ее. Да. Это было к лучшему. Почему бы им оставить ее в покое? Где-то глубоко в ее сознании маленький мальчик был с ней в темноте. Она помнила его, но не помнила его имени. Она протянула свои руки, и он принял их, и казалось, что его цепи стали легче, чем они были... когда? Раньше. Это было все, что она смогла вспомнить.

— Ты в порядке? прошептала она ребенку.

Здесь, в глубине, в самом сердце их связи, шепот казался криком.

— Не плачь. Не нужно слез, — умолял он ее, но слова напомнили ей то, о чем было невыносимо думать, и она положила свои пальцы на его губы, нежно заставляя его замолчать.

И тут внутри прогрехотал громкий голос Из Вне.

— Итак, дитя мое, вы снова решили стать вампиром.

— Это то, что происходит? — прошептала она мальчику. — Я снова умираю? Чтобы стать вампиром?

— Я не знаю! — заплакал ребенок. — Я ничего не знаю. Он разозлился. Я боюсь.

— Сейдж не навредит тебе, — пообещала она. — Он уже — вампир, и твой друг.

— Не Сейджа...

— Тогда кого ты боишься?

— Если ты снова умрешь, я буду полностью прикован к цепи, — ребенок показал ей жалкую картину — себя обвитого кольцами тяжелых цепей.

Она была у него и во рту, словно кляп. Прочно связывала руки по швам, и крепя его ноги к валуну. Кроме того, цепи плотно впивались в нежную плоть ребенка, пронзая ее повсюду, текла кровь.

— Кто сотворил бы такое? — плакала Елена. — Я заставлю его пожалеть, что он родился на этот свет. Скажи мне, кто собирается это сделать!

Лицо ребенка было грустным и потерянным.

— Я, — сказал он печально. — Он. Он/я. Деймон. Потому, что мы должны убить тебя. Но если это не его вина... Мы должны. Мы должны.

— Но, может, я умру, доктор сказал, что...

В последнем предложении была определенная доля надежды. Это придало Елене решимости. Если Деймон не мыслил ясно, то возможно и она тоже, медленно продумывала она. Может... может она должна сделать то, что хотел Сейдж. И доктор Меггар. Она уловила его голос, как будто сквозь густой туман:

— ...ради, ты работала всю ночь. Дай шанс кому-нибудь еще. Да... всю ночь.

Елена не хотела просыпаться снова, и у нее было сильное желание.

— Может быть, сменить сторону? — предложил кто-то, возможно, девушка. Голос юный, но одновременно и решительный. Бонни.

— Елена... это Мередит. Ты чувствуешь, что я держу твою руку? — была пауза, а потом последовал громкий взволнованный вскрик: — эй, она сжала мою руку! Вы видели? Сейдж, скажи Деймону, зайти сюда побыстрей.

Все плыло...

— ...выпей немного больше, Елена? Я знаю, знаю, ты сыта этим по горло. Но ты можешь выпить немного ради меня?

Все плыло...

— Очень хорошо, дитя мое! А теперь, ты не откажешься выпить немного молока? Деймон считает, что ты можешь остаться человеком, если выпьешь немного молока.

У Елены было две мысли по этому поводу. Первая — если она выпьет еще немного, то может взорваться. А вторая — она не собиралась исполнять никаких глупых обещаний. Она попыталась заговорить, но с ее губ слетел лишь шепот.

— Скажите Деймону, — я не собираюсь поправляться до тех пор, пока он не освободит маленького мальчика.

— Кого? Какого маленького мальчика?

— Елена, милая, все мальчики в этом имении являются свободными.

Мередит:

— Почему бы не позволить ей сказать это Деймону?

Доктор Меггар:

— Елена, Деймон находится прямо здесь, на кушетке. Вы оба были очень больны, но ты будешь в порядке. Сюда, Елена, мы можем передвинуть кушетку, так что ты сможешь поговорить с ним. Все, готово.

Елена попыталась открыть глаза, но все было жестоко ярко. Она перевела дыхание, и попытался снова. Все еще слишком ярко. И она не знала, как еще притупить этот свет. Она говорила с закрытыми глазами, не видя, но чувствуя его присутствие:

— Я не могу оставить его одного снова. Особенно, если ты собираешься заковывать его в оковы и затыкать ему рот.

— Елена, — проговорил Деймон дрожащим голосом, — я провел нехорошую жизнь. Но я не держал рабов прежде, я клянусь. Спроси любого. И я бы не поступил так с ребенком.

— Нет, ты сделал это, и я знаю его имя. И я знаю, что в нем есть мягкость, доброта, хорошая натура... и страх.

Низкий голос Сейджа:

— ...волнующий ее...

Немного более громкий голос Деймона:

— Я знаю, что она не в своем уме, но я все еще хотел бы знать имя этого маленького мальчика, с которым я, как предполагается, это сделал. Как это волнует ее?

И добавил немного громче:

— Но разве я не могу просто спросить ее? По крайней мере, я могу очистить свое имя от этих обвинений.

А затем произнес вслух:

— Елена? Ты можешь сказать мне, какого ребенка я, как предполагается, так замучил? Она так устала. Но она ответила громким шепотом:
— Его зовут Деймон, конечно.
Послышался опустошенный шепот Мередит:
— Боже мой. Она готова была умереть за метафору.

Мэтт наблюдал, как миссис Флауэрс осматривала значок шерифа Моссберга, который она держала в одной руке и водила по нему пальцами другой. Значок забрали у Ребекки, племянницы шерифа Моссберга. Это произошло совершенно случайно, когда Мэтт почти столкнулся с нею ранее в этот день. Потом он заметил, что на ней, словно платье, была одета мужская рубашка. Рубашка была знакомой — это была рубашка шерифа из Риджмонта. Потом он увидел значок, все еще пристегнутый к ней. Можно сказать много вещей о шерифе Моссберге, но невозможно вообразить его, теряющим собственный значок. Мэтт забыл о вежливости и ухватился за небольшой металлический щит прежде, чем Ребекка могла остановить его. У него было болезненное чувство в животе тогда, и оно только ухудшился с тех пор. И выражение миссис Флауэрс также не успокаивало его.

— У него не было прямого контакта с кожей, — тихо сказала она, — поэтому я вижу изображения туманно. Но, мой милый Мэтт, — она подняла на него потемневшие глаза, — я боюсь.

Она дрожала, сидя в стуле у кухонного стола, на котором стояли нетронутыми две кружки горячего пряного молока.

Мэтт откашлялся и поднес обжигающее молоко к губам.

— Вы думаете, что мы должны отправиться и все разузнать.

— Мы обязаны, — сказала миссис Флауэрс. Она покачала головой, с мягкими, тонкими белыми кудрями, с сожалением: — дорогая мама очень настойчива, и я также чувствую это; большое волнение в этом экспонате.

Мэтт чувствовал толику гордости, оттеняющую его страх перед защитой «артефакта»; затем он подумал: «Да, своровать значки с майки двенадцатилетней девчонки и есть то, чем стоит гордиться».

Голос миссис Флауэрс раздался из кухни:

— Тебе лучше одеть несколько рубашек и свитеров, а так же парочку этих вещей.

Она боком вышла из кухни, держа несколько длинных пальто, по-видимому, из шкафа перед дверью в кухню, и несколько пар садовых перчаток. Мэтт вскочил, чтобы помочь ей с охапками пальто и зашелся в кашле от запаха нафталина, или чего-то другого, пряного, окружившего его.

— Почему я чувствую себя как на Рождество? — спросил он, кашляя почти после каждого слова.

— О, это должно быть из-за гвоздичного средства для сохранения одежды по рецепту двоюродной бабушки Морвен, — ответила миссис Флауэрс.

А затем добавила:

— Некоторые из этих пальто сохранились со времен моей матери.

Мэтт поверил ей.

— Но снаружи все еще тепло. Почему мы все таки должны надеть их?

— Чтобы защититься, дорогой Мэтт, чтобы защититься! В этих пальто вплетены заклинания против зла.

— Даже в перчатки? — спросил Мэтт с сомнением.

— Даже в перчатки, — твердо сказала Миссис Флауэрс. Она замаялась, затем сказала тихим голосом: — и нам стоит приобрести несколько фонариков, Мэтт, дорогой, потому что есть кое-что, что нам придется сделать во мраке.

— Вы шутите!

— К сожалению, нет. И нам стоит достать веревку, чтобы обвязать друг вокруг друга. Сегодня мы ни при каких обстоятельствах не должны оказаться в старом лесу.

Час спустя Мэтт все еще обдумывал это. У него не было никакого аппетита есть обильные тушеные баклажаны ля Формаж, приготовленные миссис Флауэрс, а винтики в его мозгу не прекращали работать.

«Мне бы хотелось знать, так ли чувствовала себя Елена, когда совмещала планы «А», «В» и «С». Мне бы хотелось знать, понимала ли она, что это глупая затея».

Он чувствовал, как что-то все сильнее сжимало его сердце, и с тех пор, как он оставил Дэймона и Елену, в трехсоттысячный раз задавался вопросом, поступил ли он правильно.

«Это должно быть правильным решением», — твердил он себе. И это причиняло боль, что и было доказательством. «Вещи, причиняющие реальную боль, и есть правильные вещи. Но я просто хотел попроситься с ней... Но если бы ты это сделал, то никогда не смог бы покинуть их. Признай, придурок: чем дальше Елена, тем большим неудачником ты являешься. С тех пор она нашла того, кто ей нравится больше, чем ты, ты поступал как Мередит и Бонни — помогал ей удерживать его и держался подальше от плохого парня. Может тебе стоит приобрести майку с надписью: «Я — собачонка. На службе у принцессы Еле...»»

ШМЯК!

Мэтт подскочил и приземлился на корточки, что оказалось более болезненно, чем представлялось по кинофильмам. С грохотом распахнулись ставни в противоположной стороне комнаты. Хотя, скорее, с хлопком. Снаружи пансионат был в очень плохом состоянии, и деревянные ставни иногда освобождались от своих зимних оков. После того, как его сердце перестало судорожно биться, Мэтт подумал о том, было ли это простым совпадением. В пансионате, где Стефан проводил столько времени? Может, каким-то образом след его духа остался и настроен на то, что люди думают в этих стенах. Если это так, то Мэтт только что получил ощутимый удар в солнечное сплетение, по тому, как он себя чувствовал.

«Прости, друг», — подумал он, чуть не сказав это в слух. — «Я не хотел бросать твою девушку. Она под большим давлением».

Бросать его девушку? Бросать Елену? Черт возьми, он был бы первым человеком, который побьет любого, кто бросит Елену. Если Стефан не использовал вампирские способности, чтобы выйти за пределы своего тела!

А о чем всегда говорила Елена? Нельзя быть готовым ко всему. Планов и подпланов не бывает слишком много, потому что, как Бог сотворил досадную оболочку вокруг арахиса, также и твой главный план будет иметь несколько недостатков. Вот почему Елена обычно работала с таким большим количеством людей, с каким было возможно. Так что если планы «С» и «Д» работают, то никогда не нужно их усложнять. Они будут там, если понадобятся.

Думая об этом, и чувствуя, что его голова прояснилась с того времени, как он продал «Приус» и дал деньги Стефана Бонни и Мередит для оплаты перелета, он пошел работать.

— А потом мы гуляли вокруг поместья и видели яблоневый, апельсиновый и вишневый сады, — рассказывала Бонни Елене, которая лежала такая маленькая и беззащитная в своей кровати с балдахин, на котором висели прозрачные пыльно-золотые ширмы, в данный момент собранные и обвязанные тяжелыми шнурами кисточками разных оттенков золотого.

Бонни удобно устроилась в мягком золотом кресле, приставленном к кровати. Она положила свои маленькие босые ноги на простыни. Елена не была хорошим пациентом. Она хотела встать, она упрячилась. Она хотела иметь возможность гулять. Это принесло бы ей больше пользы, нежели всякая овсянка, стейк, молоко и визиты доктора Меггара, который

поселился в поместье, по пять раз на дню.

Она знала, чего все они действительно боятся. Бонни выболтала все это в одном длинном рыдании, и причитая однажды ночью, когда дежурила рядом с ней:

— Т-ты кричала и все в-вампиры слышали это, и Сейдж просто взял Мередит и меня словно двух котят, по одной в каждую руку, и побежал к месту, откуда доносились крики. Но т-так много людей подоспели к вам первыми! Ты была без сознания, как и Деймон, и кто-то сказал: «оно-они подверглись нападению и я ду-думаю они мертвы!» И все гов-говорили: «Позовите Стражей!». И я упала в обморок, слегка.

— Ш-ш, — сказала Елена ласково и спокойно. — Выпей «Черной Магии», чтобы почувствовать себя лучше.

Бонни выпила немного. И еще немного. А затем продолжила историю:

— Но Сейдж видимо знал что-то, поскольку сказал: «Я врач и осмотрю их. И ты бы действительно поверила ему, услышав как он это сказал! А потом он посмотрел на вас обоих, и я думаю, он сразу понял, что произошло, потому что он сказал: «Доставьте карету! Мне нужно доставить их к доктору Меггару, моему коллеге. И пришла сама Леди Фазина и сказала, что они могут взять один из ее экипажей, и просто отправить его обратно в любое вре-время. Она та-а-а-а-а богата! А потом мы вынесли вас двоих через задний ход, потому что были, были сволочи, которые сказали — дайте им умереть. Они были реальными демонами, белыми как снег, называемые Снежными Женщинами. А потом, потом, мы просто ехали в экипаже и, О Боже! Елена! Елена, ты умерла! Ты переставала дышать дважды! А Сейдж и Мередит только и успевали оказывать тебе доврачебную помощь. А я, я молилась так сильно.

К этому времени Елена, полностью погружившаяся в рассказ, обняла ее, но слезы Бонни продолжали возвращаться.

— И мы звонили в дверь к доктору Меггару так, словно пытались взломать ее, и кто-то казал ему, и он сказал, осмотрев тебя: «Она нуждается в переливании крови».

И я сказала:

— Возьмите мою кровь.

Потому что помню, как в школе мы обе сдавали кровь для Джоди Райт и мы были практически единственными, кто мог это сделать, так как у нас одна группа крови. А затем доктор Меггар разместил два стола, готовых так быстро, как это, — Бонни щелкнула пальцами, — и я так боялась, что едва могла держаться неподвижно для иглы, но я это сделала. Я, так или иначе, это сделала! Они сделали тебе переливание. А между тем, ты знаешь, что Мередит сделала? Она позволила Деймону ее укусить. Она действительно позволила ему. Доктор Меггар послал экипажи обратно в особняк, чтобы попросить слуг для помощи Деймону, которые «хотели премию», так это здесь называется, и экипаж возвратился назад полным. И я не знаю, сколько их было у Деймона, но много. Доктор Меггар сказал, что это лучшее лекарство. И Мередит, и Деймон и все мы просили и смогли убедить доктора Меггара приехать сюда, я имею ввиду жить, и Леди Ульма собирается превратить это целое здание в больницу для бедных. А после этого мы просто пытались делать все, чтобы ты пошла на поправку. Деймону стало лучше на следующее утро. И Леди Ульма и Люсьен, он — я имею ввиду, что это была их идея, но он сделал это, послал жемчуг Леди Фазине — это был тот жемчуг, который отец Ульмы считал никогда не найдет достаточно богатого покупателя, потому что он настолько большой, что его можно сравнить с хорошей горстью в размере, но нестандартный, с избытком сплетений и изгибов, и блеском серебра. Они подвесили ее на толстую цепочку и послали ей.

Глаза Бонни снова наполнились слезами.

— Потому что она спасла тебя и Деймона. Ее экипаж сохранил ваши жизни.

Бонни наклонилась, чтобы прошептать:

— А Мередит сказала мне — это секрет, но не для тебя — что быть укушенной не так уж плохо. Надо же! — Бонни, словно котенок, зевнула и потянулась.

— Потом, меня бы тоже укусили, — сказала она почти печально, и быстро добавила, —

но ты нуждалась в моей крови. В человеческой крови, и моей в частности. Я предполагаю, что они здесь знают все о группах крови, потому что они могут чувствовать различия по вкусу и запаху.

Потом она подпрыгнула и сказала:

— Ты хочешь взглянуть на половинку лисьего ключа? Мы были так уверены, что все кончено, и что нам его никогда не найти, но когда Мередит пошла в спальню, чтобы ее укусили — и я клянусь, это все, что они делали — Деймон дал ей его и попросил сохранить. Ну и она сделала это, она хорошо заботилась о нем, и он хранится в маленьком ларце, который сделал Люсьен, он выглядит как пластиковый, но это не так.

Елена восхищалась маленьким полумесяцем, но ей больше нечем было занять себя лежа в кровати, кроме как болтать и читать классику или энциклопедии с Земли. Они даже не позволили ей и Деймону лежать в одной комнате. Елена знала почему. Они боялись, что они с Деймоном будут не только говорить. Они боялись, что она подойдет к нему и вдохнет его экзотический знакомый аромат, состоящий из итальянского бергамота, мандарина и кардамона, и взглянет в его черные глаза, в чьих зрачках могла бы поместиться целая вселенная, и ее колени задрожат, и она проснется вампиром.

Они ничего не знали! Она и Деймон благополучно обменивались кровью в течение многих недель до кризиса. Если не случится ничего выводящего его из равновесия, то он, как и было раньше, будет вести себя как примерный джентльмен.

— Гм, — сказала Бонни, услышав этот протест, барабанила по подушке ногтями с серебристым маникюром. — Возможно, я не скажу им, что вы изначально обменивались кровью так много раз. Тогда они смогут сказать «Ага!», ну или что-то в этом роде. Ты знаешь, они могут увидеть в этом что-нибудь не то.

— Нечего здесь видеть. Я здесь, чтобы забрать моего возлюбленного Деймона, а Стефан лишь помогает мне в этом.

Бонни смотрела на нее со сдвинутыми бровями, поджав губы, но не решилась сказать ни слова.

— Бонни?

— Ага?

— Я только что сказала, именно то, что я думаю, я сказала?

— Ага.

Елена, одним движением, собрала в охапку подушки и уткнула в них лицо.

— Не могла бы ты сказать повару, что я хочу другой стейк и большой стакан молока? — просила она приглушенным голосом из-под подушек. — Мне не хорошо.

У Мэтта был новый разваливающийся автомобиль. Он всегда мог раздобыть себе машину, если это действительно было нужно. И вот теперь он ехал, урывками, к дому Обаасан. К миссис Сайтоу, поспешно поправил он самого себя. Он не хотел притеснять незнакомые ему культурные традиции, не тогда, когда он просил об одолжении.

Дверь в доме Сайтоу открыла женщина, которую Мэтт никогда до этого не видел. Она была привлекательной женщиной, одетой в широкую алую юбку — или возможно в очень широкие алые штаны — она стояла, расставив ноги так далеко друг от друга, что трудно было сказать. Она была одета в белую блузку. Ее лицо было поразительным: два ряда прямых темных волос и меньшая, более опрятная челка, которая доходила до бровей. Но самое поразительное, из всего, было то, что она держала длинный изогнутый меч, направленный прямо на Мэтта.

— П-привет, — сказал Мэтт, когда дверь распахнулась, разоблачая виденье.

— Это хороший дом, — ответила женщина. — Это дом не для злых духов.

— Я так никогда и не думал, — сказал Мэтт, отступая по мере ее продвижения. —

Честно.

Женщина закрыла глаза, словно искала что-то в своих мыслях. Затем, внезапно, она опустила меч.

— Ты говоришь правду. Вы не несешь ничего плохого. Пожалуйста, входи.

— Спасибо, — сказал Мэтт.

Он никогда не был так счастлив оттого, что взрослая женщина пригласила его.

— Орим, — донесся со второго этажа тонкий, слабый голос. — Это один из детей?

— Да, Хахаве, — ответила женщина, о которой Мэтт мог думать исключительно как о «женщине с мечом».

— Почему ты не посылаешь его наверх?

— Конечно, Хахаве.

— Ха-ха — я имею ввиду: «Хахаве»? — сказал Мэтт, обращая нервный смех в отчаянное предложение, как только меч снова качнулся к его животу. — Не Обаасан?

Женщина с мечом улыбнулась в первый раз.

— Обаасан — значит бабушка. Хахаве — один из вариантов обращения к маме. Но мама не будет возражать, если вы назовете ее Обаасан, это дружеское приветствие для женщин ее возраста.

— Хорошо, — сказал Мэтт, стараясь изо всех сил походить на всестороннего дружелюбного парня.

Миссис Сайтоу жестом указала ему подниматься по лестнице, наверху он заглянул в несколько комнат, прежде чем нашел одну с большим хлопчатобумажным матрасом, находящимся точно посередине полностью голого пола, а на нем была женщина, которая казалась настолько крошечной и подобной кукле, словно была нереальной. Волосы у нее были такими же гладкими и черными, как у женщины с мечом. Они были подняты или расположены как-то так, что они образовывали вокруг нее ореол, когда она лежала на кровати. Но темные ресницы на бледных щеках были закрыты и Мэтт, задавался вопросом, не впала ли она в один из внезапных снов пожилых людей. Но потом довольно резко, кукольная леди открыла глаза и улыбнулась.

— Да ведь это Масато-сан! — сказала она, глядя на Мэтта.

Плохое начало. Если она даже не признавала, что белокурый парень не был ее японским другом приблизительно шестьдесят лет назад...

Но затем она засмеялась, прикрывая рот ее маленькими руками.

— Я знаю, знаю, — сказала она. — Ты — не Масато. Он стал банкиром, очень богат. Очень толстым. Особенно в районе головы и живота.

Она снова ему улыбнулась.

— Садись, пожалуйста. Ты можешь звать меня Обаасан, если захочешь, или Орим. Моя дочь была названа в честь меня. Но ее жизнь была трудна, как и моя. Быть жрицей, — и самураем... это требует дисциплины и большой работы. И моя Орим хорошо с этим справлялась... пока мы не приехали сюда. Мы искали мирный, тихий городок. Вместо этого Изабелл нашла... Джима. И Джим был... неподходящим.

Горло Мэтта раздулось от желания защитить друга, но какая защита там могла быть? Джим провел ночь с Кэролайн — под ее настойчивым приглашением. И он стал одержим, и принес эту одержимость его подруге Изабелл, которая проникла в ее тело в гротескной манере, между прочим.

— Мы должны достать их, — серьезно сказал Мэтт. — Китцунов, которые начали это все... которые начали это с Кэролайн. Шиничи и его сестру — Мисао.

— Китцунов, — кивнула Обаасан. — Да, я сказала, что бы участвовал один человек с самого начала. Давай посмотрим; я благословила несколько талисманов и амулетов для твоих друзей...

— Я набил карманы пулями, смущенно сказал Мэтт, высыпая смесь различных пуль на ее покрывало. — Я даже нашел в Сети несколько молитв избавляющих от них.

— Да, ты хорошо подготовился. Хорошо.

Обаасан посмотрела на копии распечатанных им молитв. Мэтт скорчился, зная, что он всего лишь пробежался по списку Мередит, и что это ее заслуга.

— Сначала я благословлю пули, а затем я выпишу побольше амулетов, — сказала она. — Разместите амулеты там, где вы нуждаетесь в защите больше всего. А также, я полагаю, вы знаете, что делать с пулями.

— Да, мэм! — Мэтт пошарил в карманах, в поисках нескольких последних, и положил их в протянутую ладонь Обаасан.

Затем она прочла нараспев длинную, тщательную молитву, вытягивая свои крошечные руки над пулями. Мэтт не нашел заклинание пугающим, но он знал, что медиум из него был ничемный, и что Бонни возможно видела и слышала вещи, которые он не мог.

— Должен ли я целиться в какую-то определенную их часть? — спросил Мэтт, смотря на старую женщину и пытаясь следить по своему собственному экземпляру молитвы.

— Нет, любая часть тела или головы подойдет. Если ты отрежешь хвост, ты сделаешь их слабее, но ты также и разозлишь их.

Обаасан остановилась и прокашлялась, коротким сухим кашлем старой леди. Еще до того как он смог предложить сбегать вниз и принести ей попить, миссис Сайтоу вошла в комнату с подносом, на котором стояло три маленькие чаши с чаем.

— Спасибо, что подождали, — вежливо сказал она, плавно опускаясь на колени, чтобы обслужить их. С первым глотком Мэтт понял, что дымящийся зеленый чай был намного лучше, чем он ожидал после того, как он несколько раз пробовал его в ресторанах.

И затем наступила тишина.

Миссис Сайтоу сидела, смотря на чашку, Обаасан прилегла на матрасе, выглядя побледневшей и съездившейся, а Мэтт чувствовал ураган слов выстраивающихся в его горле.

Наконец, даже несмотря на то, что здравомыслие советовало ему молчать, его прорвало:

— Боже, мне так жаль Изабелл, миссис Сайтоу! Она это не заслужила! Я только хочу, чтобы вы знали, что мне... Мне так жаль, и я собираюсь добраться до этого китцуна, который стоит за всем этим. Я обещаю вам, я доберусь до него!

— Китцуна? — резко сказала миссис Сайтоу, уставившись на него, будто он сделал что-то безумное. Обаасан посмотрела со своей подушки с жалостью.

Затем, не дожидаясь того, чтобы собрать чайные принадлежности, миссис Сайтоу подпрыгнула и выбежала из комнаты. Мэтт сохранял молчание.

— Я... я..., — Обаасан говорила с подушки. — Сильно не мучайся, молодой человек. Моя дочь, хотя и жрица, имеет очень современные взгляды. Она возможно даже сказала бы тебе, что китцунов не существует.

— Даже после... то есть, что она думает на счет Изабелл?..

— Она думает, что в этом городе плохое влияние, но в «обычном человеческом» смысле. Она думает, что Изабелл сделала то, что она сделала из-за стресса оттого, что пыталась быть прилежной ученицей, хорошей жрицей и достойным самураем.

— Вы хотите сказать, что миссис Сайтоу чувствует за собой вину?

— Она во многом винит отца Изабелл. Он вернулся в Японию, он — «клерк», — Обаасан сделала паузу, — не знаю, почему я все это тебе рассказала.

— Я сожалею, — поспешно сказал Мэтт. — Я не пытался совать нос не в свои дела.

— Но ты заботишься о других людях. Мне бы хотелось, чтобы у Изабелл был такой мальчик как ты, вместо того.

Мэтт подумал о несчастной фигуре, которую он видел в больнице. Большинство шрамов Изабелл будут невидимы под одеждой... надеюсь, что она снова научится говорить.

Он отважно сказал:

— Я все еще свободен.

Обаасан слабо ему улыбнулась, затем снова положила голову обратно на подушку — нет, это был деревянный подголовник, понял Мэтт. Он не выглядел очень удобным.

— Очень жалко, когда между человеческой семьей и китцуном идет борьба, — сказала

она. — Потому что идет молва, будто один из наших предков взял в жены китцуна.

— Что вы говорите?

Обаасан рассмеялась в кулак.

— Мукаши-мукаши, или как ты говоришь, в стародавние времена преданий, великий Сегун разозлился на всех китцунов в своем владении за их проказы. Много лет им приписывали всякие разные шалости, но когда их он заподозрил в разорении зерновых полей, терпение кончилось. Он поднял всех мужчин и женщин в своем хозяйстве и сказал им взять колья, и стрелы, и камни, и мотыги, и метлы и истребить всех лис, у которых есть норы в его владении, даже тех, кто живет между чердаком и крышей. Он собирался без помилования убить всех до единой лис. Но в ночь, перед тем как она сделал это, ему приснился сон, в котором к нему пришла красивая женщина, она была в ответе за всех лис в его владении. «И», — сказала она, — «кроме того, это правда, что мы проказничаем, мы платим тебе, съедая всех крыс, мышей и насекомых, которые действительно виноваты, портят зерно. Не согласишься ли ты обратить всю свою злость только на меня и казнить меня одну, пощадив остальных лисиц? Я приду на рассвете, чтобы услышать ответ». И она сдержала свое слово, самая красивая из китцунов прибыла на рассвете с двенадцатью красивыми девами сопровождающих ее, но она затмевала каждую из них так же, как Луна затмевает звезды. Сегун не мог заставить себя убить ее и попросил ее руки, а ее двенадцать служанок он также женил на своих самых верных слугах. И сказано, что она всегда была ему преданной женой, и родила ему много детей, столь же жестоких как Амаэрасу богиня солнца, и столь же красивый как луна, и что это продолжалось до тех пор, пока в один день в пути Сегун случайно не убил лису. Он поспешил домой, чтобы объяснить жене, что это было непреднамеренное убийство, но когда он прибыл домой, то нашел всех в печали — его жена ушла от него, со всеми своими сыновьями и дочерьми.

— О, как плохо, — пробормотал Мэтт, пытаюсь быть вежливым, когда его подсознание толкнуло его в ребра: — подождите. Но если они ушли...

— Я вижу, что ты внимательный молодой человек, — тонко засмеялась пожилая женщина. — Все его сыновья и дочери ушли... кроме самой младшей, девушки несравненной красоты, хотя она и была совсем ребенком. Она сказала: «Я люблю вас слишком сильно, чтобы оставить, дорогой отец, даже если мне придется провести всю свою жизнь в человеческом обличье». И именно так мы, как говорят, происходим от китцунов.

— Ну, эти китцуны не просто причиняют ущерб или разрушают зерновые культуры, — сказал Мэтт. — Они хотят убивать. И мы должны дать отпор.

— Конечно, конечно. Я не хотела расстраивать тебя своей небольшой историей, — сказала Обаасан. — Сейчас я выпишу амулеты для тебя.

Когда он уже уходил, миссис Сайтоу появилась в дверях. Она положила что-то ему в руку. Он мельком взглянул на это и увидел те же самые письмена, что дала ему Обаасан. За исключением того, что они были гораздо меньше, и написана на...

— Стикеры? — в изумлении спросил Мэтт.

Миссис Сайтоу кивнула:

— Очень пригодные для приклеивания на лица демонов или на ветви деревьев или чего-нибудь подобного.

И, поскольку он уставился на нее в полном изумлении, она продолжила:

— Моя мать не знает всего, что нужно знать обо всем.

Она также вручила ему крепкий кинжал, меньший, чем меч, который она все еще носила, но очень острый — Мэтт сразу же порезался им.

— Вложи свою веру в друзей и свои инстинкты, — сказала она.

Немного ошеломленный, но чувствующий себя ободренным, Мэтт ехал к дому доктора Алперт.

— Мне намного лучше, — сказала Елена доктору Меггару. — Я бы хотела прогуляться по имению.

Она старалась не подпрыгивать на кровати.

— Я поела мяса и выпила молоко, я даже приняла то мерзкое масло печени трески, которое вы мне прислали. Также у меня очень устойчивое восприятие действительности: я здесь, чтобы спасти Стефана, а маленький мальчик в Деймоне — это метафора для его подсознания, которую я «увидела» из-за того, что мы обменялись кровью.

Она вскочила, делая вид, что тянется за стаканом с водой.

— Я чувствую себя, как счастливый щенок с натянутым поводком, — она продемонстрировала ему недавно изготовленные браслеты для рабов: серебряные с лазуритами, — и если я вдруг умру — я подготовилась.

Брови доктора Меггара двигались вверх и вниз.

— Ну, твой пульс и дыхание в порядке. И я не вижу, как хорошая послеобеденная прогулка может тебе навредить. Деймон, безусловно, может к тебе присоединиться. Но не подкидывай подобную идею Леди Ульме. Ей нужно соблюдать постельный режим еще несколько месяцев.

— Ей сделали миленький столик из подноса для завтрака, — объяснила Бонни, изображая руками размеры столика. — Она проектирует одежду на нем.

Бонни наклонилась вперед, широко раскрыв глаза.

— И знаешь что? Ее платья очаровательны.

— Я бы ничего другого от нее и не ожидал, проворчал доктор Меггар.

Но в следующий момент Елена вспомнила кое-что неприятное.

— После того, как мы получим ключи, — сказала она, — мы должны будем подготовить настоящий побег из тюрьмы.

— Что еще за побег из тюрьмы? — взволнованно спросила Лакшми

— Получается — у нас есть ключи от тюремной камеры Стефана, но нам все еще необходимо придумать, как мы собираемся войти в тюрьму, и как мы собираемся тайно его вывести.

Лакшми нахмурилась:

— Почему бы просто не войти и не вытащить его?

— Потому что, — сказала Елена, пытаясь быть терпеливой, — они не дадут нам просто войти и забрать его.

Она сузила свои глаза, поскольку Лакшми обхватила голову руками.

— О чем ты думаешь, Лакшми?

— Ну, хорошо, сначала, вы говорите, что ключ будет у вас в руках, когда вы пойдете в тюрьму, а потом вы устроите ему побег, будто его и так не выпустят оттуда.

Мерedit покачала головой, изумленная. Бонни положила руку на свой лоб, словно он болел. Но Елена медленно наклонилась вперед.

— Лакшми, — очень спокойно сказала она, — ты говоришь, что если у нас есть ключи от камеры Стефана, то это по существу и есть выход из тюрьмы?

Лакшми оживилась.

— Конечно, — сказала она. — Иначе, зачем тогда ключ? Они могли просто запереть его в другую камеру.

Елена едва могла верить этим чудесным словам, которые она только что услышала, поэтому сразу же начала искать в них подвох.

— Это означало бы, что мы могли бы сразу с вечеринки у Блоддьювед просто пойти в тюрьму и забрать оттуда Стефана, — сказала она с таким сарказмом, какой только смогла вложить в свой голос. — Мы могли бы просто показать наш ключ, и они бы позволили нам забрать его с собой.

Лакшми закивала головой:

— Да! — воскликнула она, пропустив сарказм мимо ушей. — И, не сердись, ладно? Но я удивлялась, почему вы никогда не ходили его навещать.

— Мы можем навестить его?

— Конечно, если вы договоритесь о встрече.

К настоящему времени Мередит и Бонни пришли в себя и поддерживали Елену с обеих сторон.

— Как скоро мы можем послать кого-нибудь, чтобы договориться о встрече? — проговорила сквозь зубы Елена, все ее силы ушли на это, и она всем своим весом опиралась на подруг. — Кого мы можем отправить, чтобы назначить встречу? — прошептала она.

— Я пойду, — сказал Деймон из темно-красной темноты позади них. — Я пойду сегодня ночью, дайте мне пять минут.

Мэтт мог чувствовать, что его лицо имело самое сердитое и непоколебимое выражение.

— Пошли, — сказал Тайрон, выглядя развеселенным.

Они оба готовились к походу в чашу. Это означало, что им нужно надеть два пальто сохранных по гвоздичному рецепту, а затем, с помощью клейкой ленты, прикрепить к ним перчатки. Мэтт уже вспотел. Но Тайрон хороший парень, думал он.

В этот момент Мэтт вышел из трудного положения и сказал:

— Эй, ты знаешь, что за безумная штука, которая, как ты видел, приключилась с бедным Джимом Брайсом? Ну, это все связано с еще более странными вещами... это все из-за лисьих духов и Старого Леса, и миссис Флауэрс говорит, что если мы не выясним, что происходит, но у нас будут огромные неприятности. И миссис Флауэрс не сумасшедшая старушка из пансиона, хотя все так говорят.

— Конечно нет, — с порога раздался бесцеремонный голос доктора Алперт.

Она поставила свою черную сумку — по прежнему местный врач, даже когда город был в кризисе — и обратилась к сыну:

— Теофилия Флауэрс и я знаем друг друга уже очень давно, и миссис Сайтоу, тоже. Они обе всегда помогали людям. Это их натура.

— Хорошо, — Мэтт видел возможность и схватился за нее. — Миссис Флауэрс одна из тех, кто сейчас нуждается в помощи. Очень, очень нуждается в помощи.

— Тогда ты что сидишь, Тайрон? Поторопитесь и отправляйтесь на помощь миссис Флауэрс, — доктор Алперт потрепала пальцами свои волосы с проседью, а затем нежно взъерошила и черные волосы ее сына.

— Я уже, мам. Мы только собирались уходить, когда ты зашла.

Тайрон, увидев, в каком ужасном состоянии находилась машина Мэтта, предложил добраться до дома миссис Флауэрс на его «Камри». Мэтт, боявшийся окончательной поломки машины в какой-нибудь решающий момент, был только рад принять это предложение. Он был рад, что Тайрон будет центральным игроком в команде школы Роберта И. Ли в наступающем году. Тай был из того типа парней, на которых можно положиться — чему свидетельствует его предложение о помощи сегодня. Он был отличным спортсменом и абсолютно правильным и не употреблявшим. Мэтт не мог не видеть, как наркотики и выпивка погубили не только реальные игры, но и спортивное мастерство других команд в кампусе. Тайрон был парнем, который может держать язык за зубами. Он даже не засыпал Мэтта вопросами, пока они ехали к пансионату, но присвистнул, не на миссис Флауэрс, а на ее ярко-желтый «Форд» «Т», стоявший в старой конюшне.

— Стоп! — сказал он и выскочил из машины, чтобы помочь ей с сумкой с продуктам, в это время его глаза пожирала Форд от крыла до крыла: — это седан, «Форд», модель «Т»! Это могла бы быть прекрасная машина, если... — он вдруг остановился и его коричневая кожа начала краснеть.

— О Боже, не смущайся Желтой Повозки! — сказала миссис Флауэрс, позволяя Мэтту взять другую сумку и отнести ее через огород в кухню дома. — Она служила моей семье почти 100 лет, и накопила немного ржавчины и повреждений. Но она идет со скоростью почти тридцать миль в час по асфальтированной дороге! — добавила миссис Флауэрс не только гордо, но и с неким благоговейным уважением к быстро-скоростной езде.

Глаза Мэтта и Тайрона встретились, и Мэтт знал, что была только одна общая мысль, висящая в воздухе между ними — восстановить до совершенства ветхий, изношенный, но все еще красивый автомобиль, который провел большую часть своего времени в перестроенной конюшне.

— Мы можем это сделать, — сказал Мэтт, чувствуя, что, как представитель миссис Флауэрс, он должен сделать предложение первым.

— Мы точно можем, — сказал Тайрон мечтательно. — Она уже находится в гараже, вдвое больше необходимого — нет проблем с помещением.

— Нам не нужно будет разбирать ее до рамы... она действительно едет как мечта.

— Ты шутишь! Мы могли бы очистить двигатель, хотя: посмотри на пробки, ремни, шланги и прочее. И, — темные глаза внезапно блеснули, — у моего отца есть мощный шлифовальный аппарат. Мы могли бы снять старую краску и покрасить ее в такой же желтый цвет!

Миссис Флауэрс внезапно просияла:

— Это именно то, что моя дорогая мама ждала от вас услышать, молодой человек, — сказала она, и Мэтт только сейчас вспомнил о своих манерах — он забыл представить Тайрона. — Теперь, если вы скажете: «давайте выкрасим ее в бордовый, голубой или любой другой цвет», я уверена, что у нее будут возражения, — сказала миссис Флауэрс, в то время как начала делать сэндвичи с ветчиной, картофельный салат и большую кастрюлю печеных бобов.

Мэтт наблюдал за реакцией Тайрона на упоминание о маме, и был рад: был момент удивления, за которым последовало выражение лица, подобное спокойной воде. Раз его мать сказала, что госпожа Флауэрс не была сумасшедшей старой леди, значит, так оно и было. Казалось, что с плеч Мэтта свалился огромный груз. Он был не один с хрупкой пожилой женщиной, которую нужно защитить. У него был друг, на которого можно было положиться, и который на самом деле, был немного больше самого Мэтта.

— А сейчас, вы оба съедите по бутерброду с ветчиной, а я в это время буду делать картофельный салат. Я знаю, что нужно молодым людям, — миссис Флауэрс всегда говорила о мужчинах так, словно они были особыми сортами цветов, — нужно много хорошего добротного мяса перед сражением, но нет никаких причин соблюдать формальности.

Они радостно повиновались. Теперь они готовились к сражению, чувствуя себя готовыми бороться с тиграми, так как идея миссис Флауэрс о десерте заключалась в том, чтобы разделить ореховый пирог между мальчиками, наряду с огромными чашками кофе, которые прочистили мозги, словно шлифовальная машинка.

На кладбище Тайрон и Мэтт ехали в рухляди Мэтта, следуя за седаном миссис Флауэрс. Мэтт видел, что деревья могут сделать с машиной, и он не хотел такой перспективы для чистой как стеклышко «Камри» Тайрона. Они спускались с холма в укрытие Мэтта и шерифа Моссберга, каждый мальчиков подал руку для помощи хрупкой миссис Флауэрс. Один раз она споткнулась и упала бы, но Тайрон вонзил носок своего кеда фирмы DC в холм и стоял как скала, пока она не скатилась к нему.

— О, мой Бог, спасибо, Тайрон, дорогой, — пробормотала она, и Мэтт знал, что «дорогой Тайрон» был принят в сообщество.

Небо было темным за исключением одной алой полосы, когда они достигли укрытия. Миссис Флауэрс вынула значок шерифа, немного неуклюже, из-за садовых перчаток, которые были на ней. Сначала она приложила его ко лбу, потом медленно начала отводить его, все еще держа перед собой на уровне глаз.

— Он стоял здесь, и затем он наклонился и сел на корточки здесь, — сказала она, опускаясь именно в том месте укрытия — фактически — где сидел шериф.

Мэтт кивнул, не зная, что он делает, и миссис Флауэрс сказала, не открывая глаз:

— Никакого наставничества, Мэтт дорогой. Он услышал кого-то позади себя — и обернулся, выхватив пистолет. Но это было только Мэтт, и они говорили шепотом некоторое время. Потом он вдруг встал.

Миссис Флауэрс внезапно остановилась, и Мэтт услышал всевозможное предупреждающее мелкое пощелкивание и потрескивание в ее хрупком старом теле:

— Он шел, а точнее шагал, прямо в чашу. Ту злую чашу. Она отправилась в чашу, как и шериф Рик Моссберг, когда Мэтт наблюдал за ним.

Мэтт и Тайрон спешили за ней, готовые остановиться, если она покажет какой-нибудь знак о том, что они пересекли границу Старого Леса, который был все еще жив. Вместо этого, она ходила вблизи него, держа значок на уровне глаз. Тайрон и Мэтт кивнули друг другу и, ничего не говоря, каждый взял ее под руки. Таким образом, они ходили вдоль кромки чаши, все время поблизости, и Мэтт шел первым, за ним следовала миссис Флауэрс, а Тайрон был последним. В какой-то момент Мэтт осознал, что на щеки миссис Флауэрс скатывались слезы. Наконец хрупкая пожилая женщина остановилась, достала кружевной платок (после одной или двух попыток) и со вздохом вытерла глаза.

— Вы нашли его? — спросил Мэтт, неспособный больше сдерживать свое любопытство.

— Что же, нужно посмотреть. Китцуны кажутся очень и очень способными в иллюзиях.

Все что я видела, может быть иллюзией. Но, — она вздохнула, — одному из вас придется ступить в Лес.

Мэтт сглотнул слюну:

— Это буду я, тогда... — его перебили.

— Эй, так не пойдет, парень. Ты знаешь их слабые места, чем бы они не были. Тебе придется выводить отсюда миссис Флауэрс...

— Нет, я не могу рисковать, прося тебя пройти через это и пораниться...

— Ладно, а что же я тогда здесь делаю? — требовательно спросил Тайрон

— Подождите, мои дорогие, — сказала миссис Флауэрс, голос, будто она сейчас расплатится.

Она оба тут же замолчали, и Мэтту стало стыдно за себя.

— Я знаю, как вы оба можете помочь мне, но это очень опасно. Опасно для вас обоих. Но возможно, если нам придется сделать это только один раз, мы сможем снизить риск и повысить шансы найти что-нибудь.

— Что это? — Тайрон и Мэтт сказали почти одновременно.

Несколькими минутами позже, они были готовы для этого.

Они лежали бок о бок, лицом к стене, которую образовывали деревья, опутанные зарослями молодого леса. Они были не только привязаны друг к другу, но еще у них все руки были заклеены стикерами миссис Сайтоу.

— Теперь на счет «три», я хочу, чтобы вы вытянули вперед руки и раскопали ими землю. Если почувствуете что-нибудь, вытаскивайте руки, не отпуская этого. Если ничего не почувствуете, немного пошевелите руками, а затем доставайте их так быстро, как сможете. И кстати, — спокойно добавила она, — если почувствуете, что что-то тащит вас или сковывает ваши руки, орите, и боритесь, и пихайтесь, и орите, и мы поможем вам выбраться.

Затем наступила долгая-долгая минута тишины.

— Итак, по существу, вы думаете, что везде в чаще зарыты какие-то предметы, и что мы можем достать их, просто ища вслепую, — сказал Мэтт.

— Да, — ответила миссис Флауэрс.

— Хорошо, — сказал Тайрон, и Мэтт снова посмотрел на него одобрительно.

Он даже не спросил: «Что или кто может затащить нас в Лес?»

Теперь они были на позиции, и миссис Флауэрс считала:

— Раз, два, три.

После чего Мэтт засунул свою правую руку в землю настолько глубоко, насколько смог и начал шевелить ею, пытаясь что-нибудь нащупать. Он услышал крик позади него:

— Нашел! — и затем тут же: — что-то тянет меня!

Мэтт вытащил свою собственную руку из зарослей, перед тем как помочь Тайрону. Что-то обрушилось на нее, но наткнулось на стикер, и он почувствовал, будто его ударили куском пенопласта. Тайрона дико хлестали, и уже затащили по плечи. Мэтт схватил его за талию и со всей силой потянул назад. Один момент он не поддавался, а затем Тайрона внезапно отбросило назад, словно внезапно вырвавшуюся пробку. На его шее и лице были царапины, не было ни одной там, где были пальто и стикеры.

Мэтт чувствовал желание сказать «спасибо», но обе женщины, которые сделали амулеты, были далеко, и он чувствовал, что будет глупо говорить это пальто Тайрону. В любом случае, миссис Флауэрс дрожала от волнения и благодарила людей за троих.

— О, мой, Мэтт, когда та большая ветка опустилась, я думала, что она сломает твою руку... как минимум. Благодарю Бога, что женщины Сайтоу сделали такие замечательные амулеты. И, Тайрон дорогой, пожалуйста, возьми выпей из этой фляги...

— О, я на самом деле много не пью...

— Это всего лишь горячий лимонад, приготовленный по моему собственному рецепту, дорогой. Если бы вы не были вдвоем, мы не добились бы успеха. Тайрон, ты что-то нашел, да? А затем тебя схватили, и ты бы ни за что не высвободился, если бы Мэтта здесь не было, чтобы спасти тебя.

— О, я уверен, что он бы выбрался, — поспешно сказал Мэтт, потому признание в то в том, что им нужна помощь, привело бы всех, таких как Тайрон, в замешательство.

И все-таки Тайрон трезво сказал:

— Я знаю. Спасибо, Мэтт.

Мэтт почувствовал, что покраснел.

— Но все же я что-то не достал, — сказал Тайрон с отвращением. — Это выглядит как старая труба или что-то в этом роде...

— Что же, давай посмотрим, — сказала миссис Флауэрс очень серьезно.

Она повернула самый яркий фонарик на предмет, добытый из чащи Тайроном с таким риском. Вначале Мэтту показалось, что это была огромная сыромятная собачья кость. Но затем очень знакомая форма заставила его взглянуть поближе. Это была бедренная кость, человеческая бедренная кость. Самая большая кость в теле, находящаяся в ноге. Она была все еще белая. Свежая.

— Она не выглядит пластмассовой, — сказала миссис Флауэрс отстраненным голосом.

Она и не была пластмассовой. А еще она не была сыромятной. Она была... ну, настоящей. Настоящей костью человеческой ноги. Но это было не самое страшное; то, что заставило Мэтта скрутиться подальше в темноте. Кость была чисто отполирована и с отметинами от десятка маленьких крошечных зубов.

Глава 29

Елена светила от счастья. Она заснула счастливой, только чтобы снова проснуться счастливой и спокойной, зная, что скоро она навестит Стефана, а после этого, несомненно, также скоро, она сможет забрать его оттуда. Бонни и Мерedit не были удивлены, когда она захотела посоветоваться с Деймоном по двум вопросам: во-первых, кто должен пойти, и, во-вторых, по поводу ее выбора наряда.

Но их удивил ее выбор.

— Если все в порядке, — медленно начала она, водя пальцем по большому столу в

одной комнат, где все собрались следующим утром, — я бы хотела, чтобы лишь несколько людей поехали со мной. Со Стефаном плохо обращаются, — продолжала она, — а он ненавидит плохо выглядеть в глазах других людей. Я не хочу унижать его.

На лицах присутствующих появился румянец. Или, может, они покраснели от негодования, а затем от вины. С западными немного открытыми окнами, так что утренний красный свет падал на все, трудно было понять. Только одно было ясно: каждый хотел идти.

— Поэтому я надеюсь, — сказала Елена, поворачиваясь, чтобы смотреть Мередит и Бонни в глаза, — что ни один из вас не обидится, если я не выберу вас, чтобы идти со мной.

«Это говорило им обеим, что они не пойдут», — подумала Елена, поскольку видела расцвет понимания в лицах обеих. Большинство из ее планов зависели от того, как две ее лучших подруги реагировали на них. Мередит первая благородно ответила ей.

— Елена, ты прошла через ад, в буквальном смысле, чтобы спасти Стефана и чуть не умерла, делая это. Ты возьмешь с собой людей, которые принесут больше пользы.

— Мы понимаем, что это не конкурс на популярность, — добавила Бонни, сглатывая, потому что она старалась не заплакать.

«Она действительно хочет пойти», — подумала Елена, — «но она понимает».

— Стефан может чувствовать себя более неловко перед девушкой, чем перед парнем, — сказала Бонни.

«И она даже не добавила: «хотя мы никогда не сделаем ничего, чтобы смутить его»», — подумала Елена, обнимая Бонни и чувствуя ее мягкое маленькое, словно у птички, тело в своих руках. Потом она повернулась и почувствовала теплые, худые сильные руки Мередит, и как всегда чувствуя, что часть ее напряжения уходит.

— Спасибо, — сказала она, вытирая лившиеся из ее глаз слезы. — И Вы правы, я думаю, что было бы более трудно держаться перед девушками, чем перед парнями в ситуации, в которой он находится.

Также будет более трудно держаться перед друзьями, которых он знает и любит. Поэтому я хотела бы просить, следующих людей пойти со мной: Сейджа, Деймона, и доктора Меггара.

Лакшми вскочила заинтересованно, как если бы она была выбрана.

— В какой он тюрьме? — спросила она, довольно бодро.

Деймон заговорил:

— В Ши-но-Ши.

Глаза Лакшми округлились. Мгновение она смотрела на Деймона, а затем выскочила за дверь, оттуда раздавался ее голос:

— Мне нужно сделать несколько дел по хозяйству, господин!

Елена повернулась, чтобы посмотреть прямо на Деймона.

— И что это была за реакция? — она спросила тоном, способным заморозить лаву на тридцать метров.

— Я не знаю. Правда, не знаю. Шиничи показал мне иероглифы, и сказал, что они произносятся как «Ши-но-Ши», и означают «Смерть Смерти», то есть снятие проклятие смерти с вампира.

Сейдж закашлялся:

— О, мой доверчивый друг. Мой дорогой идиот. Не спросил другого мнения...

— Вообще-то, я спросил. Я спросил у японки средних лет из библиотеки, про ромадзи, это японское слово, выписанное в наших письмах, переводится ли это слово как «Смерть Смерти». И она сказала, что это так.

— И ты повернулся на каблуках и вышел, — сказал Сейдж.

— Откуда ты знаешь? — Деймон начинал сердиться.

— Потому что, мой милый, эти слова означают многое. Все зависит от первоначальных японских символов — которые ты ей не показал.

— У меня их не было! Шинити написал их для меня в воздухе, в красном дыму, —

потом добавил с каком-то сердитой тоской: что еще они означают?

— Ну, они могут означать, и то, что ты сказал. Они также могут означать «Новая Смерть». Или «Истинная Смерть». Или даже — «Боги Смерти». И учитывая то, как со Стефаном обращались...

Если бы взгляды были кольями, Деймон был бы уже мертвым. Все смотрели на него твердыми, обвиняющими глазами. Он повернулся, словно затравленный волк, и обнажил свои зубы в улыбке в 250-киловатт.

— В любом случае, я не предполагал, что это было что-нибудь замечательно приятное, — сказал он. — Я просто подумал, что это поможет ему избавиться от проклятия быть вампиром.

— В любом случае, — повторила Елена. Затем она сказала:

— Сейдж, если ты пойдешь и убедишься, что они пустят нас, когда мы прибудем, я была бы чрезвычайно признательна.

— Считайте, что практически сделано, мадам.

— И... дайте подумать... я хочу, чтобы все надели что-нибудь немного другое для посещения. Если все в порядке, я пойду, поговорю с Леди Ульмой.

Она чувствовала, как Бонни и Мередит растерянно смотрят на ее спину, когда она уходила.

Леди Ульма была бледна, но ее глаза сияли, когда Елену проводили в ее комнату. Ее альбом был открыт, это хороший знак. Потребовалось только несколько слов и сердечный взгляд прежде, чем Леди Ульма сказала твердо:

— Мы можем все сделать за час или два. Это лишь дело вызова правильных людей. Я обещаю.

Елена сжала ее запястье очень, очень осторожно.

— Спасибо тебе. Спасибо тебе, ты просто чудесница!

— И таким образом я иду, как кающийся грешник, — сказал Деймон.

Он был прямо за дверью комнаты Леди Ульмы, когда Елена выходила оттуда, и она подозревала, что он подслушивал.

— Нет, это никогда даже не приходило мне в голову, — сказала она. — Я просто думала, что рабская одежда на тебе и других мужчинах сделает Стефана менее застенчивым. Но почему ты думаешь, что я хотела наказать тебя?

— А это не так?

— Ты здесь, чтобы помочь мне спасти Стефана. Ты прошел через... — Елена остановилась и начала искать в своих руках чистой носовой платок, пока Деймон не предложил ей один, черного шелка.

— Ладно, — сказал он, — мы не будем вдаваться в это. Извини. Я думаю о том, что сказать, а затем я просто говорю, не важно, насколько неправильно я думаю о человеке, я принимаю во внимание личность, с которой разговариваю.

— И ты никогда не слышал еще один маленький голос? Голос, который говорит, что люди могут быть хорошими, и они могут не пытаться тебя обидеть? — спросила Елена задумчиво, задаваясь вопросом, насколько маленький мальчик сейчас был загружен цепями.

— Я не знаю. Может быть. Иногда. Но, поскольку этот голос чаще всего ошибается в этом злом мире, почему я должен обращать на него внимание?

— Мне хочется, чтобы ты иногда хотя бы пытался, — прошептала Елена.

— Я мог бы быть в более подходящей позиции, чтобы согласиться с тобой.

«Мне очень нравится эта позиция», — телепатически сказал ей Деймон, и Елена осознала — как это может происходить снова и снова? — что они таяли в объятьях.

Хуже того, на ней был утренний наряд: длинное шелковое платье и пеньюар из того же

материала, и обе вещи были очень бледного жемчужно-голубого цвета, который превратился в фиолетовый в лучах никогда не садящегося солнца.

«Мне... это тоже нравится», — заметила Елена, и почувствовала волну, проходящую через Деймона с его поверхности, через тело, и все глубже и глубже в бездну, которую можно увидеть, взглянув в его глаза.

«Я только пытаюсь быть честной», — добавила она, почти испугавшись его реакции. «Я не могу ожидать от других честности, если сама не буду такой».

«Не будь честной, не будь честной. Испытывай ко мне ненависть. Презирай меня», — умолял ее Деймон, и в тоже время гладил ее руки и два слоя шелка, преграждавшие путь для его рук к ее коже.

«Но почему?»

«Потому что мне нельзя верить. Я — свирепый волк, а ты — чистая душа, белоснежная новорожденная овечка. Ты не должна позволять мне делать тебе больно».

«Почему ты должен делать мне больно?»

«Потому что я могу... нет, я не хочу кусать тебя... я только хочу поцеловать тебя, совсем немного, как сейчас», — в мысленном голосе Деймона было откровение.

И он так сладко поцеловал; он всегда знал, когда колени Елены подкашивались, и подхватывал ее до того, как она упадет на пол.

«Деймон, Деймон», — думала она, чувствуя себя очень приятно, потому что она знала, она доставляла ему удовольствие, когда вдруг осознала: «о! Деймон, пожалуйста, отпусти меня... Я должна идти на примерку прямо сейчас!»

Густо покраснев, он медленно неохотно опустил ее, подхватив прежде, чем она упадет, и снова опустил ее.

— Кстати, я думаю, мне тоже стоит прямо сейчас пойти на подгонку, — сказал он ей, выходя из комнаты спотыкаясь, с первого раза не попав в дверь.

— Не подгонку, а примерку! — сказала Елену ему вслед, но, так и не узнав, слышал ли он ее.

Она была довольна, хотя, он отпустил ее, в действительности не понимая ничего, кроме того, что она сказала «нет». Это было совсем небольшое уточнение. Потом она прибежала в комнату Леди Ульмы, которая была наполнена самыми разными людьми, включая двух моделей-мужчин, которых только что одели в брюки и длинные рубахи.

— Одежда для Сейджа, — Леди Ульма кивнула в сторону крупного мужчины, — а это, для Деймона. — Она кивнула на меньшего мужчину.

— О, они прекрасны!

Леди Ульма посмотрела на нее с толикой сомнения в глазах.

— Они сделаны из натуральной мешковины, — сказала она. — Убогой, низшей ткани в рабской иерархии. Ты уверена, что они будут носить их?

— Они их оденут или вообще никуда не пойдут, — твердо сказала Елена и подмигнула.

Леди Ульма рассмеялась.

— Хороший план.

— Да, но что Вы думаете о другом моем плане? — спросила Елена, искренне заинтересованная во мнении Леди Ульмы, даже когда она покраснела.

— Моя дорогая благодетельница, — сказала Леди Ульма. — Я раньше видела, как моя мама составляла такие костюмы, после того как мне исполнилось тринадцать, и она говорила мне, что они всегда делали ее счастливой, так как она приносила удовольствие сразу двум людям, и что этом не было никакой другой цели, как доставить удовольствие. Я обещаю, что мы с Люсьеном успеем вовремя. Теперь, ты не должна готовиться?

— О, да... о, я так люблю тебя, Леди Ульма! Это так забавно, чем больше людей ты любишь, тем больше ты хочешь любить! — И с этой мыслью Елена побежала обратно в свою комнату. Все ее служанки были там и полностью готовы.

Елена приняла самую быструю и освежающую ванну в своей жизни (она была очень взволнованна), и очутилась на кровати посреди улыбающихся, с проницательным взглядом

девушек, каждая из которых аккуратно выполняла свою работу, не мешая остальным. Ей делали депиляцию, конечно, более того на каждой ноге и каждой подмышке делали разные девушки, и еще одна выщипывала брови. Пока эти женщины и женщины со смягчающими кремами и мазями были за работой, создавая необыкновенный аромат для Елены, другая женщина внимательно осматривала ее лицо и тело. Эта женщина подретушировала брови Елены, чтобы сделать их темнее, и покрыла веки Елены тенями металлического цвета перед тем, как нанесла что-то, что удлинит ресницы Елены, по крайней мере, на четверть дюйма. Затем она удлинила глаза Елены карандашом для век экзотичными горизонтальными линиями. Наконец, она аккуратно нарисовала губы Елены насыщенным блеском красного цвета, который почему-то придавал им вид, будто они все время сложены бантиком для поцелуя. После этого женщина обрызгала все тело Елены чем-то, отчего оно стало слабо переливаться. И в довершении всего, на ее пупок прочно прикрепили большой ярко-желтый алмаз, который прислали из ювелирной лавки Люсьена. Когда парикмахеры осматривали последние маленькие кудряшки на ее лбу, от женщин Леди Ульмы принесли две коробки и алый плащ. Елена искренне поблагодарила все своих служанок и косметологов, заплатив им всем бонус, от которого они захихикали, и затем попросила их оставить ее одну. Когда они начали возмущаться, она попросила их снова, также вежливо, но уже немного громче. Они ушли.

Руки Елены дрожали, когда она взяла костюм, созданный Леди Ульмой. Он был также приличен, как купальник, но выглядело это так — ювелирные украшения стратегически расположенные на клочках золотой тюли. Все это гармонировало с бриллиантами канареечного цвета: от ожерелья до браслетов на предплечьях и до наручников, которые означали, что как бы дорого не была одета Елена, она все еще рабыня.

И это все.

Она шла, одетая в тюль и драгоценности, надушенная и накрашенная, чтобы увидеть ее Стефана.

Елена накинула алый плащ очень, очень аккуратно, чтобы не помять и не испортить наряд под ним, и сунула ноги в изысканные золотые сандалии с очень высокими каблуками. Она побежала вниз по лестнице и успела как раз вовремя. Сейдж и Деймон были одеты в плотно закрытые плащи, которое означало, что под ними на них была одета одежда из мешковины.

Сейдж уже приготовил карету Леди Ульмы. Елена прикрыла свои сочетающиеся золотые браслеты на запястьях, ненавидя их, потому что она должна носить их, довольная тем, что они рядом с белой меховой отделкой на ее алом плаще.

Деймон протянул руку, чтобы помочь ей сесть в экипаж.

— Я поеду внутри? Означает ли это, что я не должна носить...

Но, взглянув на Сейджа, ее надежды были разбиты.

— Если мы не хотим занавесить все окна, — сказал он, — фактически, внешне, ты путешествуешь без рабских браслетов.

Елена вздохнула и подала свою руку Деймону. Стоя против солнца, он казался темным силуэтом. Но затем, когда Елена моргнула из-за яркого света, он выглядел удивленным. Елена знала, что он увидел ее позолоченные веки. Его взгляд опустился до ее губ, сложенных, как в поцелуе. Елена покраснела.

— Я запрещаю тебе приказывать мне показать то, что находится под плащом, — сказала она торопливо.

Деймон взглянул упрямо.

— Волосы в крошечных завитках, прикрывающие лоб, плащ, который покрывает все от шеи до пальцев ног, помада как... — он посмотрел снова. Его губы дернулся, как если бы он прикоснулся к ее губам.

— И пришло время идти! — пропела Елена, торопливо входя в экипаж.

Она чувствовала себя очень счастливой, хотя она понимала, почему освобожденные рабы никогда не будут носить ничего похожего на наручники снова.

Она все еще была счастлива, когда они подошли к Ши-но-Ши, большому зданию, которое, казалось, объединяло тюрьму с тренировочными корпусами для гладиаторов. И она все еще была счастлива, когда охранники в большом контрольно-пропускном пункте Ши-но-Ши пропустили их, не проявляя никаких признаков неприязни.

Но тогда, было трудно сказать, произвел ли плащ какой-нибудь эффект на них. Они были демонами: угрюмыми, с сиреневой кожей, мощными, точно быки. Она заметила кое-что, что было сначала шоком и затем потоком надежды в ней. В вестибюле здания в одной стороне была дверь, напоминающая дверь в сарай/магазин рабов: всегда находящаяся запертой; со странными символами на ней; люди в различных одеждах подходили, чтобы открыть ее и сообщали место назначения до того как повернуть ключ и открыть дверь.

Другими словами: дверь в другие измерения. Прямо здесь, в тюрьме Стефана. Один только бог знал, сколько охранников последовали бы за ними, если бы они попытались использовать ее, но это было то, что отметила для себя.

У охранников на нижних этажах здания Ши-но-Ши, на которых, несомненно, находилась подземная тюрьма, была ясная и неприятная реакция на Елену и ее свиту. Они были меньшей разновидностью демонов — чертят, возможно. Елена подумала — судя по всему, они воспользовались возможностью выжать из визитеров все. Демон должен был подкупить их, что бы те, позволили им подойти к месту, где находилась темница Стефана, что бы они могли войти одни, без охраны приставленной к посетителям, позволить Елене, рабыне, зайти и увидеть свободного вампира. И даже тогда, когда Демон дал им маленькое состояние, чтобы обойти эти препятствия, они захихикали, издали резкое гортанное бульканье.

Елена не доверяла им. И оказалась права. В коридоре, который Елена знала из-за ее внетелесных путешествий, нужно было повернуть направо, они же пошли прямо насквозь. Их ожидала другая партия охранников, которых практически разрывало от хихиканья.

«О, Боже... они ведут нас, чтобы показать мертвое тело Стефана?» — неожиданно задалась вопросом Елена.

Тогда Сейдж действительно помог ей. Он подал ей свою большую руку и поддерживал ее до тех пор, пока она не начала опять чувствовать свои ноги. Они шли все дальше, там, в темнице был грязный и источающий мерзкий запах каменный пол. Затем они резко повернули направо. Сердце Елены рванулось вперед. Оно твердило: не так, не правда, неправильно, еще до того как они достигли последней ячейки в коридоре.

Камера совершенно отличалась от старой клетушки Стефана.

Она была окружена, не стеллажами, а какой-то разновидностью закрученной проволочной сетки, которая была поставлена в одну линию с острыми шипами. Никакой возможности дать бутылку «Черной Магии». Никакой возможности снять крышку с бутылки и поставить в положение, из которого она будет литься в рот с другой стороны. Не было места даже, для того чтобы просунуть палец или прикоснуться к заключенному. И клетка сама по себе не была грязной, в ней ничего не помещалось, кроме спины Стефана. Не было ни еды, ни воды, ни кровати или хоть чего-нибудь, даже соломы.

Только Стефан. Елена закричала, и она не имела ни малейшего понятия, кричала ли она слова или только бессвязные звуки мучения. Она бросилась к клетке — или попыталась это сделать. Ее руки схватили завитки колючей проволоки, столь же острой как бритва, которая вызвала кровь, она мгновенно оказалась на том, чего касалась Елена, и затем Демон, у которого была наиболее быстрая реакция, оттащил ее обратно.

А потом он просто оттолкнул ее, и смотрел. Он смотрел раскрыв рот на своего младшего брата — с серым лицом, исхудавшего, еле дышащего молодого человека, который выглядел как потерявшийся ребенок в своей помятой, испачканной, изношенной тюремной униформе.

Демон поднял руку, как будто бы забыв о барьере — и Стефан вздрогнул. Стефан казалось, не узнал и не вспомнил никого из них. Он посмотрел более внимательно на капли крови, оставленные на острых шипах ограждения, где Елена хваталась за них, понюхал, и

затем, как если бы что-то пронизало туман его недоумения, тупо огляделся вокруг. Стефан поднял глаза на Деймона, чей плащ упал, и затем, как у младенца, взгляд Стефана блуждал по нему.

Деймон издал задыхающийся звук и повернулся, и сбил бы любого на своем пути, отбежав в угол другой стороны. Если он рассчитывал, что охранники погонятся вслед за ним, а в это время его друзья могли бы вызволить Стефана, то он ошибался. Несколько преследователей как обезьянки, выкрикивали оскорбления. Остальные остались на месте, позади Сейджа. Тем временем, мозг Елены прокручивал один за другим всевозможные варианты.

Наконец она повернулась к Сейджу:

— Используй все деньги, что мы имеем плюс это, — сказала она, указав на украшение под ее плащом из канареечного алмаза — размером с большой палец — и скажи мне, если необходимо больше.

Дайте мне полчаса с ним.

— Двадцать минут, и... — Сейдж закачал головой.

— Останови их, так или иначе: дайте мне хотя бы двадцать минут. Я подумаю, если это начнет убивать меня.

После этого Сейдж посмотрел ей в глаза и кивнул головой.

— Я сделаю.

Затем Елена умоляюще посмотрела на доктора Меггара. Мог ли он что-нибудь сделать — что-нибудь предпринять — чтобы помочь? Брови доктора Меггара сдвинулись вниз, внутренние же их стороны взлетели. Это был взгляд героя в отчаянии.

Но тогда он нахмурился и прошептал:

— Есть нечто новое — инъекция, которая, как говорят, помогает в тяжелых случаях. Я могу попробовать ее.

Елена приложила все усилия, чтобы не упасть к его ногам.

— Пожалуйста! Пожалуйста, сделайте это! Пожалуйста!

— Оно поможет лишь на пару дней...

— Это и не нужно! Мы вытащим его к тому времени!

— Хорошо.

Сейдж увел всю толпу охранников подальше, приговаривая:

— Я — продавец драгоценных камней, и у меня есть кое-что, на что вы просто обязаны взглянуть.

Доктор Меггар открыл свою сумку и достал из нее шприц.

— Деревянная игла, — слабо улыбнулся он, наполняя шприц чистой красной жидкостью из флакона.

Елена взяла еще один шприц и смотрела с нетерпением, как доктор Меггар положил руку на решетку Стефана, пытаясь успокоить его.

Наконец, Стефан сделал так, как хотел доктор Меггар — тут же отпрыгнув прочь с криком боли, так как шприц был погружен в его руку, и жгучая жидкость была введена.

Елена в отчаянии смотрела на доктора:

— Сколько он получил?

— Всего около половины. Все в порядке — Я наполнил его двойной дозой и вводил так быстро, как мог, чтобы попасть, — некоторые медицинские термины Елена не поняла — в него. Я знаю, это больше могло навредить ему, такое быстрое введение, но я сделал то, что хотел.

— Хорошо, — сказала Елена восторженно, — теперь я хочу, чтобы Вы заполнили шприц моей кровью.

— Кровью? — доктор Меггар посмотрел в ужасе.

— Да! Шприц достаточно длинный, чтобы пройти сквозь решетку. Кровь будет капать на другую сторону. Он сможет ее пить, как только она закапает. Это может спасти его! — Елена произносила каждое слово очень медленно, будто говоря с ребенком. Ей отчаянно

хотелось, чтобы ее мнение услышали.

— О, Елена, — доктор со стоном сел и достал спрятанную бутылку «Черной Магии» из своего плаща. — Мне так жаль. Но для меня это так же тяжело как взять кровь из пробирки. Мои глаза, дитя — они слепы.

— Но очки, как же очки?..

— Мне не помогут ни одни. Это тяжелая болезнь. Нужно находиться в очень хорошем состоянии, чтобы пережать вену. Для многих врачей — это довольно сложно, для меня — невозможно. Прошу прощения, детка. Но двадцать лет назад я был успешным.

— Тогда я найду Демона и позволю ему вскрыть мою аорту. И мне все равно, если это убьет меня. Но я сделаю это.

Новый голос, донесшийся из ярко освещенной клетки перед ними, заставив и доктора, и Елену повернуть головы.

— Стефан! Стефан! Стефан! — не заботясь о том, что острое как бритва ограждение может сделать с ее плотью, Елена наклонилась, пытаясь дотянуться до его рук.

— Нет, — прошептал Стефан, словно делясь секретом. — Положи свои пальцы здесь и здесь — поверх моих. Этот забор обработан специальной сталью — он блокирует мою Силу, но он не может повредить мою кожу.

Елена положила свои пальцы. И затем она прикоснулась к Стефану. По-настоящему прикоснулась. Спустила столько времени. Ни один из них говорил. Елена слышала, как доктор Меггар встал и тихо отошел. «К Сейджу», подумала она. Но все ее мысли были о Стефане. Они просто смотрели друг на друга, с дрожащими на ресницах слезами, чувствуя себя очень юными. И очень близкими к смерти.

— Ты говорила, что я всегда заставляю произносить это первой, что ж я ошарашу тебя. Я люблю тебя, Елена.

Слезы упали из глаз Елены.

— Только этим утром я думала о том, как много людей люблю. Но на самом деле это только потому, что есть один, кто находится на первом месте, — она придвинулась к нему. — Единственный, навсегда.

Я люблю тебя, Стефан! Я люблю тебя!

Елена отступила на мгновение, и вытерла глаза, не испортив макияж, так как это умеют умные девочки: положив свои пальцы под нижние ресницы и надавливая назад, превращая слезы и тени в мельчайшие капельки в воздухе. Впервые она могла думать.

— Стефан, — прошептала она: — мне так жаль. Я потратила все утро чтобы одеться — красиво, чтобы показать, что ждет тебя, когда мы вытащим тебя отсюда. Но сейчас... Я чувствую... как...

В глазах Стефана слезы тоже высохли.

— Покажи мне, — с интересом прошептал он.

Елена встала и просто стянула плащ. Закрыв свои глаза, она показала свои волосы, завитые в сотни мелких кудряшек, лежащие вокруг ее лица. Ее золотые тени были водостойкими и остались на века. Ее единственная одежда — сетка из золотого тюля с драгоценностями, добавленными чтобы сделать наряд приличным. Все ее тело переливалось совершенством только расцветшей молодости, которой никогда могла повториться или обновиться. Звук, как протяжный вздох... и затем полностью стихший, Елена открыла свои глаза, испугавшись, что Стефан возможно умер. Но он стоял, вцепившись в железное ограждение, как если бы он мог открыть его и достать до нее.

— Это все ради меня? — прошептал он.

— Это ради тебя. Все только ради тебя, — ответила Елена.

В этот момент мягкий звук послышался за ее спиной, и она повернулась и увидела два глаза сверкающих в темноте из камеры напротив Стефана.

К своему удивлению, Елена не почувствовала гнева, только решимость защитить Стефана, если потребуется. И затем она увидела, что в камере, которая, как она предположила, была пуста, находился китцун. Китцун не был похож на Шиничи или Мисао. У него были длинные-длинные волосы, белые как снег, но его лицо выглядело молодым. Он тоже был одет во все белое, туника и брюки из какого-то текущего, шелковистого материала, а его хвост практически заполнял маленькую камеру — таким он был пушистым. Также у него были лисьи уши, которые двигались туда — сюда. Его глаза искрились золотом как фейерверк. Он был прекрасен. Китцун прокашлялся снова. Потом достал — «Из своих длинных волос», — думала Елена, — очень, очень маленький и тонкий кожаный мешочек.

Как Елена и думала, идеальный мешочек был для совершенного камня. Теперь китцун взял бутылку, по виду напоминавшей бутылку с «Черной магией», (она была тяжелой, и на вид напиток выглядел вкусно), и наполнил мешочек. Затем мешочек принял вид шприца (китцун держал его как доктор Меггар и постучал по нему, чтобы избавиться от пузырьков) и наполнил его. Наконец он протиснул шприц сквозь решетку и надавил большим пальцем, опустошая его.

— Я могу напоить тебя вином «Черной Магии», — перевела Елена. — Я могу держать мешочек и наполнять шприц. Доктор Меггар тоже может наполнить шприц. Но нет времени, поэтому я собираюсь сделать это.

— Я... — начал Стефан.

— Начинай пить так быстро, как только можешь.

Елена любила Стефана, хотела слышать его голос, хотела смотреть друг другу в глаза, но речь шла о спасении человеческой жизни и это была его жизнь.

Она с поклоном благодарности взяла мешочек китцуна, а свой плащ бросила на пол. Все ее мысли были о Стефане, чтобы помнить о том, как она была одета. Ее руки пробивала дрожь, но она не позволяла себе расслабиться. У нее было три бутылки «Черной магии»: в ее плаще, у доктора Меггар и у Деймона. Так, с точностью автомата она повторяла движения, которые ей показал китцун снова и снова. Опустить, наполнить, протянуть сквозь решетку, впрыснуть. Снова и снова, и снова.

Примерно после десяти повторений, Елена разработала новую тактику. Заполнив маленькую сумку вином и держа ее за верх, Стефан приоткрыл рот и, одним движением разбив ее, направил в него изрядную долю жидкости.

Решетка стала липкой, Стефан стал липким; это никогда не сработало бы, если бы сталь была для него опасна как бритва, но это, в действительности, вынуждало попадать к нему в горло удивительное количество.

Другую бутылку «Черной магии» она отдала в камеру к китцуну, в которой была обычная решетка.

Она не знала, как отблагодарить его, но при первой же свободной минутке она повернулась к нему и улыбнулась. Он глотнул «Черной магии» прямо от бутылки, и его лицо застыло в выражении прохладного, благодарного удовольствия. Конец пришел слишком быстро. Елена услышала быстро повышающийся голос Сейджа:

— Это не честно! Елена не готова! У Елены не было достаточно времени с ним!

Елена не нуждалась в наковальне, опущенной на ее голову. Она сунула последнюю бутылку «Черной Магии» в камеру китцуна, она наклонилась, а затем вернула ему его маленький мешочек, но уже с канареечным бриллиантом из ее пупка внутри. Это была самая крупная из драгоценностей, которая была у нее с собой, она видела, как он повертел в своих пальцах с длинными ногтями, а затем поднялся на ноги и слегка ей поклонился. В какой-то момент они улыбнулись друг другу, а затем Елена прибрала сумку доктора Меггара, и накинула на себя красный плащ.

Затем, с дрожью она снова обратилась к Стефану:

— Мне так жаль. Я не была намерена превращать это в медицинский визит.

— Но ты увидела шанс спасти мою жизнь и никак не могла упустить его.

Иногда, братья были очень сильно похожи друг на друга.

— Стефан, не нужно! Ох, я люблю тебя.

— Елена, — он поцеловал ее пальцы, прижавшись к решетке. Затем он обратился к охранникам: — нет, пожалуйста, пожалуйста, не забирайте ее! Помилуйте, дайте нам еще одну минуту! Только одну!

Но Елене пришлось отпустить его пальцы, чтобы застегнуть свой плащ. Последнее, что она увидела — Стефана, он стучал о решетку кулаками и кричал:

— Елена, я люблю тебя! Елена!

Она обмякла. Кто-то обнял ее, помогая идти. Елена разозлилась! Если Стефана уводили в его старую, кишасшую вшами камеру — и она была уверена, что его уводили прямо сейчас — он еле заставлял себя идти. А эти демоны ничего не делали со снисходительностью, она знала это. Его, вероятно, гонят, словно животное, погоняя острыми деревянными палками. Елена смогла идти. Когда они дошли до передней части лобби Ши-но-Ши, Елена огляделась вокруг.

— Где Деймон?

— В карете, — ответил Сейдж с нежностью в голосе. — Ему нужно немного времени.

Сначала Елена сорвалась:

— Я дам ему время! Время для того, чтобы он успел закричать, перед тем как я вырву ему глотку! — но затем, грустно продолжила: — я сказала совсем не то, что хотела. Я хотела сказать ему, как Деймон сожалеет; и как Деймон изменился. Он даже не помнил, что Деймон был там...

— Он сказал тебе? — Сейдж казался удивленным.

Вдвоем, Сейдж и Елена, вышли из последних мраморных дверей здания Богов Смерти. Это было название, которое для него подобрала Елена в своей голове. Карета стояла на краю тротуара прямо перед ними, но никто не вошел внутрь. Вместо этого Сейдж мягко отвел Елену на небольшое расстояние от других. Там он положил свои большие руки ей на плечи и сказал, все тем же мягким голосом:

— Бог мой, дитя мое, я не хочу говорить тебе этого. Но я должен это сделать. Я боюсь, что даже если мы вытащим твоего Стефана из тюрьмы в день вечеринки у Леди Блоддьювед, что — что это будет уже слишком поздно. Через три дня он уже будет...

— Это твоё медицинское мнение? — резко сказала Елена, глядя на него.

Она знала, что ее лицо было измученным и белым, и что он очень жалел ее, но ответом было именно то, что она хотела.

— Я не медик, — медленно проговорил он. — Я просто еще один вампир.

— Просто еще один древний вампир?

Брови Сейджа приподнялись:

— Так, что дало тебе повод так думать?

— Ничто. Прости, если я неправа. Но не мог бы ты позвать доктора Меггара?

Сейдж смотрел на нее в течение одной долгой минуты, после чего ушел, чтобы позвать доктора.

Оба мужчины возвратились. Елена была готова к их приходу.

— Доктор Меггар, Сейдж видел Стефана только вначале, прежде чем вы сделали ему ту инъекцию.

И мнение Сейджа заключается, что Стефан умрет в течение трех дней. Учитывая последствия введения инъекции, вы согласны?

Доктор Меггар посмотрел на нее, и она могла видеть блеск слез в его близоруких глазах.

— Это... возможно... только возможно, что, если у него достаточно силы воли, он будет все еще жив по прошествии трех дней. Но, скорее всего...

— Изменится ли ваше мнение, если я скажу, что он выпил, наверное, треть бутылки «Черной Магии» сегодня?

Оба мужчины уставились на нее.

— Ты говоришь, что...

— И это весь план, который есть у тебя сейчас?

— Пожалуйста! — забыв о плаще, и вообще обо всем, Елена схватила руки доктора Меггара. — Я нашла способ, чтобы заставить его выпить так много. Изменит ли это что-нибудь? — она сжимала пожилые руки, пока не почувствовала кости.

— Это, конечно, поможет, — доктор Меггар растерялся и боялся надеяться. — Если ты действительно дала ему так много вина, то он вполне возможно доживет до ночи вечеринки у Блоддьвед. Это то, что ты хотела услышать, не так ли?

Елена опустила голову, не в силах удержаться от того, чтобы поцеловать его руки, которые она выпустила.

— А теперь давайте скажем Деймону хорошие новости, — сказала она.

В карете, Деймон сидел прямо, его профиль, оЧёрчивался на фоне кроваво-красного неба. Елена вошла внутрь и закрыла за собой дверь. Без всякого выражения, он спросил:

— Это закончилось?

— Что? — Елена не была настолько глупа, но полагала, что это было важно, чтобы Деймон ясно осознавал, что именно он спрашивает.

— Он... умер? — Деймон пощипывал пальцами свою переносицу.

Елена позволила тишине продолжиться на несколько мгновений дольше. Деймон должен знать — Стефан, вряд ли на самом деле умрет в ближайшие полчаса. Теперь, когда он не получил этому мгновенного подтверждения, он резко повернул голову:

— Елена, скажи мне! Что случилось? — потребовал он с настойчивостью в голосе. — Мой брат умер?

— Нет, — тихо сказала Елена. — Но он может погибнуть в течение нескольких дней. Он был последовательным на сей раз, Деймон. Почему ты не поговорил с ним?

Была почти ощутимая заминка в ответе Деймона.

— Что я мог сказать ему, что имело бы значение? — резко спросил он. — «Да, мне жаль, что я чуть не убил тебя?», «Ах, я надеюсь, вы продлите ему жизнь на несколько дней»?

— Возможно и так, если ты уберешь свой сарказм.

— Когда я умру, — Деймон сказал, как отрезал, — я буду стоять на своих двоих и в боевой готовности.

Елена шлепнула его по губам. В карете было не так много места для маневра, но она вложила столько Силы в свое движение, сколько могла, не рискуя повредить карету. Последовало долгое молчание. Деймон прикоснулся к своей истекающей кровью губе, ускоряя исцеление, глотая собственную кровь.

Наконец он сказал:

— Это даже не пришло тебе в голову, что ты — мой раб, не так ли? Что я — твой господин?

— Если ты собираешься погрузиться в фантазии, это твое дело, — сказала Елена. — Лично мне приходится иметь дело с реальным миром. И, между прочим, вскоре после того, как ты убежал, Стефан не только стоял, он смеялся.

— Елена, — на быстрой возрастающей ноте. — Ты нашла способ дать ему кровь?

Он схватил ее за руку так сильно, что было больно.

— Не кровь. Немного «Черной Магии». Если бы нас было двое, он выпил бы больше.

— Вас там было трое.

— Сейдж и доктор Меггар отвлекали охранников.

Деймон отдернул свою руку.

— Понятно, — сказал он без всякого выражения. — Итак, я изменил ему еще раз.

Елена взглянула на него с сочувствием.

— Ты теперь полностью внутри каменного шара, не так ли?

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— В каменный шар ты помещаешь все, что может причинить тебе боль изнутри. Ты

даже себя заточил внутри него, хотя там, должно быть, очень тесно. И Кэтрин, должно быть тоже там, огражденная в своей собственной камере.

Она вспомнила ночь в мотеле:

— И, конечно, твоя мать тоже. Я должна была сказать — мать Стефана. Она была матерью, ты знаешь.

— Не... моей матерью... — Деймон даже не мог связать слова в предложение.

Елена знала, что он хочет сказать. Он хотел сдержаться и успокоиться и показать этим, что все в порядке, только им двоим было известно, что за теплое оружие под плащом удерживало его. Но он не собирался этого делать.

На этот раз она бы сказала «нет».

Она обещала Стефану, что это было для него, только для него. И, она думала, она будет придерживаться духа этого обещания, если она не придерживалась письма, навсегда.

В течение недели, Елена смогла оправиться от боли, вызванной свиданием со Стефаном. В любом случае, ни один из них не мог говорить об этом, за исключением слезных, кратких восклицаний, выслушиваемых ими от Елены, говорившей о их миссии, и о том, что если они выполнят ее то, наконец, смогут отправиться домой — в тоже время, если они не выполнят ее, Елене было все равно, уедет ли она домой, или останется здесь, в Темном Измерении.

Дом! Это звучало для них как «Рай», хотя Бонни и Мередит знали не понаслышке, какой ад поджидал их в Феллс Чёрч. Но, так или иначе, все что угодно было бы предпочтительнее этой земли кровавого света.

С надеждой разжигающей интерес в их кругу, они снова получили возможность почувствовать удовольствие от платьев Леди Ульмы, сделанных для них. Дизайн был одним из занятий женщины, которое все еще приносило ей наслаждение во время постельного режима, и Леди Ульма с усердием рисовала эскизы в своем альбоме. Поскольку вечеринка у Блоддьювед могла быть и в помещении и снаружи, все три платья должны были быть тщательно разработаны, чтобы быть привлекательными и под искусственным освещением и под темно-красными лучами гигантского красного солнца.

Платье Мередит было глубокого синего цвета с оттенком металлика, и фиолетовым в солнечном свете, и оно показывало совсем другую сторону девушки, бывшей сиреной в облегающем платье русалки, посетившей торжество у Фазины. Это напомнило Елене, так или иначе, наряд Египетской принцессы. Снова, левая рука и плечи Мередит были открыты, но сдержанная узкая юбка, спадающая прямыми линиями прямо к сандалиям и изысканные сапфировые бусины, украшавшие бретельки платья, придавали Мередит скромный вид. Этот образ был подчеркнут волосами Мередит, которые по идее Леди Ульма должны быть распущены, и ее лицом, которое было не накрашено, за исключением теней для глаз. На шее — ожерелье, сделанное из самых больших овальных сапфиров, образующих сложный воротник. Украшения из этих же синих камней были на ее запястьях и тонких пальцах.

Платье Бонни было маленькой гениальной задумкой: оно было сделано из серебряной материи, приобретающей пастельный оттенок цвета окружающей обстановки. Лунного цвета в помещении, оно светилось нежно-розовым сиянием, почти точно такого же цвета, как и волосы Бонни, когда она была на улице. С платьем одевались пояс, ожерелье, браслеты, сережки и кольца, все украшенные ограненным белыми опалами. Кудри Бонни были тщательно заколоты и убраны с лица в «беспорядочную массу», оставляя ее прозрачную кожу сиять мягким розовым светом под солнцем и бесплотно-бледной в помещении.

И снова, платье Елены было самым простым и самым поразительным. Ее платье было алым, того же цвета и под кроваво-красным солнцем, и в свете внутренней газовой лампы. Оно было с довольно глубоким вырезом, позволяя ее кремовой коже сиять золотом в

солнечном свете. Платье облегло фигуру, с боку был разрез, чтобы ходить и танцевать.

Во второй половине дня вечеринки Леди Ульма начесала волосы Елены щеткой в запутанное облако, которое переливалось золотисто-каштановым на улице, и золотым в закрытом помещении.

Ее украшения тянулись от алмазных вставок у основания выреза, до бриллиантов на ее пальцах — на запястьях, предплечьях, и алмазное кольцо, подходящее под подвеску Стефана. В солнечном свете они будут пылать красным, как рубины, но при вспышках фейерверка будут переливаться другими удивительными красками.

— Зрители, — пообещала Леди Ульма, — ослепнут от их сияния.

— Но я не могу их надеть, — протестовала Елена.

— Возможно, вы не увидите нас снова, до того, как мы освободим Стефана и сбежим.

— То же я могу сказать и о нас, — тихо сказала Мередит, глядя на тайные цвета опалов: серебристо-синий и алый, надетые на девочки. — На всех нас надеты самые лучшие драгоценности, которые мы когда-либо носили, но вы можете потерять все это!

— Это все для вас, — Люсьен был еле слышен. — Все больше причин, чтобы каждая из вас имела украшения, которые вы сможете отдать за перевозку, безопасность, продукты, да, что угодно. Это разработано специально: застежку из камня можно использовать в качестве оплаты, а драгоценные камни могут заинтересовать какого-нибудь коллекционера.

— В дополнение ко всему, все они высокого качества, — добавила леди Ульма. — Это самые безупречные комплекты, которые мы могли изготовить за такой короткий срок.

В это время все три девушки не выдержали и бросились, леди Ульме на огромную кровать, Люсьен стоял рядом и плакал.

— Вы знаете, что вы будто ангелы? — всхлипывала Елена. — Просто сказочные крестные или ангелы! Я не знаю, как смогу попрощаться с вами!

— Словно ангел, — повторила леди Ульма, вытирая слезы со щеки Елены. Потом она схватила Елену и сказала:

— Смотри! — показывая на себя лежащую в удобной постели и на молодых и романтических женщин, готовых исполнить все ее желания.

Потом она кивнула на окно, из которого было видно небольшую речку с мельницей, несколько деревьев со сверкающими на них созревшими фруктами, затем, махнув рукой, указала на огороды, сады, поля и леса в имении. Тогда она взяла руку Елены и положила ее на свой округлившийся живот.

— Ты видишь? — спросила она почти шепотом. — Ты видишь все это, и ты помнишь, какой ты меня нашла? И кто из нас ангел?

При словах: «Какой ты меня нашла» руки Елены взлетели к лицу, как будто она была не в силах вынести то, что память подсказала ей в этот момент. Потом она снова стала обнимать и целовать леди Ульму, и начался новый раунд уничтожения макияжа.

— Хозяин Деймон был настолько мил, что даже выкупил Люсьена, — продолжила леди Ульма, — и ты не представляешь себе, но... — тут она посмотрела на тихого бородатого ювелира глазами, полными слез: — я чувствую к нему, то же, что и ты к Стефану.

Она покраснела и закрыла лицо руками.

— Он освободит Люсьена сегодня, — сказала Елена, опустившись на колени и уткнувшись головой в подушку леди Ульмы. — И подарит вам имение. Он был у юриста и все неделю он должны договаривался о документах со Стражами. Но теперь они готовы и даже если отвратительный генерал вернется, он не причинит вам вреда. Вы всегда будете иметь дом.

Море слез. Море поцелуев.

Сейдж, который, невинно насвистывая, шел по коридору с прогулки со своей собакой, заглянул в комнату.

— Мы и по тебе будем скучать, — плакала Елена.

— О, благодарю вас!

В тот же день, Деймон исполнил все обещания Елены, кроме предоставления больших

бонусов каждому члену персонала.

В воздухе парили металлические конфетти, лепестки, музыка, и крики прощания как к Демону, так и к Елене, Бонни, и Мередит, которые уезжали к Блоддьювед — и скорей всего — навсегда.

— Как ты думаешь, почему Демон не освободил нас? — спросила Бонни у Мередит по пути к дому Блоддьювед. — Я могу понять, что мы должны были быть рабами, чтобы попасть в этот мир. Но ведь мы уже здесь, так почему не сделать нас достойными девушками?

— Бонни, мы и так «достойные девушки», — напомнила ей Мередит. — И я думаю, что дело в том, что мы никогда по-настоящему и не были рабами.

— Ну, ты же знаешь, Мередит, я имела в виду, почему он не освободит нас, чтобы все знали, что мы достойные девушки.

— Потому что нельзя освободить того, кто уже свободен.

— Он мог бы устроить какую-нибудь церемонию, — настаивала Бонни. — Или тут так сложно освободить раба?

— Не знаю, — ответила Мередит, сдаваясь, наконец, под градом непрерывных вопросов. — Но скажу тебе, что я думаю, что он этого не делает. Я думаю, он не освободил нас, потому что так он несет за нас ответственность. Не в том смысле, что раба нельзя наказать, мы видели, что произошло с Еленой, — Мередит замолчала на секунду, и обе содрогнулись при воспоминании. — Но, в конечном счете, именно хозяин раба может лишиться из-за него своей жизни. Помнишь, они хотели убить Демона за то, что сделала Елена?

— И он делает это для нас? Чтобы защитить нас?

— Я не знаю. Я... Вероятно, это так, — сказала Мередит медленно.

— Значит, мы, кажется, раньше ошибались на его счет? — Бонни великодушно употребила «мы» вместо «ты».

Мередит из всех друзей Елены менее всего поддавалась очарованию Демона.

— Я... Вероятно, это так, — сказала Мередит снова. — Но, кажется, все забывают, что недавно Демон помог близнецам китцунам упрятать сюда Стефана. А Стефан, определенно, не сделал ничего такого, чтобы это заслужить.

— О, ну, конечно, в этом ты права, — в голосе Бонни звучало облегчение, что она не слишком ошибалась, и в то же время странная задумчивость.

— Все, что Стефану было нужно от Демона — это мир и покой, — продолжала Мередит уже увереннее, словно почувствовала под ногами твердую почву.

— И Елена, — машинально добавила Бонни.

— Да, да, и Елена. Но все, что было нужно Елене — это Стефан. Я имею в виду, все что нужно... — Мередит осеклась. В настоящем времени эта фраза уже не звучала правильно. Она попыталась еще раз: — Все, что теперь нужно Елене...

Бонни только молча смотрела на подругу.

— Короче, что бы ей ни было нужно, — заключила Мередит несколько неуверенно, — она хочет, чтобы Стефан был частью этого. И она не хочет, чтобы кто-нибудь из нас оставался в этом... этой чертовой дыре.

В других носилках, рядом с ними, было очень тихо. Бонни и Мередит уже так привыкли путешествовать в закрытом паланкине, что не осознавали, что за ними, не

отставая, движутся носильщики с таким же экипажем на плечах, и голоса девушек были отчетливо слышны в жарком послеполуденном воздухе. Во вторых носилках оба, Деймон и Елена, внимательно вглядывались в развевающиеся шелковые занавеси.

Елена, чувствуя почти безумную потребность хоть что-нибудь сделать, поспешно размотала шнур, и занавески упали на место. Это была ошибка. Елена с Деймоном оказались заключенными в сюрреалистическом, наполненном красным свечением пространстве, где имели значение только эти недавно сказанные слова.

Елена почувствовала, как у нее учащается дыхание. Ее аура вырывалась из-под контроля. Все вокруг расплывалось.

— Они не верят, что единственное, что мне нужно — это Стефан.

— Держись, — сказал Деймон, — это последняя ночь. К завтрашнему дню...

Елена подняла руку, чтобы он замолчал.

— К завтрашнему дню мы найдем ключ, освободим Стефана и все уберемся отсюда, — все равно продолжил Деймон.

«Не сглазить бы», — подумала Елена. И взмолилась, чтобы все обошлось.

Так они и ехали в тишине ко дворцу Блоддьювед. Поразительно долго Елена не замечала, что Деймона бьет дрожь. И только его быстрый прерывистый вздох заставил ее встрепнуться.

— Деймон! Господи, святые небеса! — Елена не могла найти, нет, не слова — нужные слова. — Деймон, посмотри на меня! Почему?

«Почему»? — ответил Деймон единственным способом, при котором был уверен, что его голос не будет дрожать, не надтреснет и не сломается. — «Потому что, думала ли ты, что происходит со Стефаном, в это самое время, когда ты в шикарном платье идешь на вечеринку? С тобой все носят, ободряют и поддерживают, ты будешь пить лучшее вино и танцевать, в то время как он... как он...» — эта мысль так и осталась незавершенной.

«Именно это мне надо было услышать, перед тем, как показаться на людях», — подумала Елена. Их уже несли по длинной подъездной дороге к дому Блоддьювед. Она попыталась собраться с силами перед тем, как занавеси откроются и они окажутся там, где сегодня им предстояло найти второй ключ.

Глава 31

«Я не думаю об этом», — ответила Елена тем же способом, что и Деймон, — «и по той же причине. Потому что, если я буду об этом думать — я сойду с ума, а если я сойду с ума — какой прок от меня будет Стефану. Я не смогу помочь ему. Поэтому я заперла эти мысли за железными стенами и удержу их там любой ценой».

«И у тебя получается»? — спросил Деймон слегка неверным голосом.

«Я могу, потому что должна. Помнишь, вначале, когда мы спорили по поводу связанных рук? У Бонни и Мерedit были сомненья, но они знали, что я позволю надеть на себя наручники и буду за тобой ползти, если потребуется».

Елена обернулась к Деймону в багровой темноте, и добавил:

«Ведь и ты раз за разом жертвовал собой», — она обвила его руками, дотронулась до зажившей спины, чтобы было совершенно ясно, что она имеет в виду.

— Это было ради тебя, — резко сказал Деймон.

— На самом деле нет, — ответила Елена. — Подумай об этом. Если бы ты не согласился на Наказание, мы могли бы сбежать из города, но тогда уже не смогли бы помочь Стефану. Если разобраться, то все, что ты делал — ты делал ради Стефана.

— Если разобраться, то в первую очередь именно из-за меня Стефана посадили сюда, — устало сказал Деймон. — Оказывается, даже сейчас мы не называем вещи своими именами.

— Сколько можно, Деймон, — проговорила Елена, чувствуя смертельную усталость, — ты был одержим, когда позволил Шиничи уговорить тебя на это. Может быть, нужно, чтобы кто-нибудь снова овладел твоим разумом — слегка, — просто чтобы ты вспомнил, как это...

Каждая клетка Деймона дрогнула от этой идеи.

Но вслух он только проговорил:

— Ты знаешь, что есть кое-что, что каждый из нас упустил: обо всем известной истории о двух братьях, которые одновременно убили друг друга и стали вампирами, из-за того, что встречались с одной и той же девушкой.

— Что? — сказала резко Елене, пораженная своей усталостью, — Деймон, что ты имеешь в виду?

— То, что я сказал. Тут-то вы все кое-что упустили. Ха. Может быть, Стефан даже не понимает. Я эту историю вам рассказывал еще и еще раз, но никто не ловит ее смысл, — Деймон отвернулся.

Елена придвинулась к нему ближе, слегка, так, что он мог почувствовать запах ее духов, это было эфирное масло роз этим вечером.

— Деймон расскажи мне. Расскажи мне, пожалуйста! — Деймон поворачивался к ней, как раз в тот момент, когда носильщики остановились.

У Елены была только секунда на то чтобы вытереть лицо, и занавески распахнулись.

Мерedit рассказала им все мифы о Блоддьвед, который она нашла во всемирной паутины. О том, как боги сделали ее из цветов и оживили. О том, как она убила своего мужа, и в наказание за это, обречена проводить каждую ночь в облике совы, от полуночи до рассвета. Но, видимо о чем-то мифы не рассказали. Не было ни слова о том, что она вынуждена была жить здесь, изгнанная из Небесного Двора в вечные багровые сумерки Темного измерения. Так что вполне логично, что все ее приемы начинались в шесть вечера. Мысли Елены перескакивали с предмета на предмет. Она приняла предложенный слугой бокал «Черной Магии» и огляделась. Все женщины и почти все мужчины на празднике были облачены в эти хитрые наряды, цвет которых менялся на солнце. Елена почувствовала себя одетой очень скромно — ведь буквально все вокруг было окрашено в розовые, алые или винные оттенки.

Потягивая «Магию» из бокала, она с удивлением обнаружила, что неосознанно ведет себя так, как принято на вечеринках — в знак приветствия целует в щечку и обнимает людей, с которыми впервые встретилась на прошлой неделе, словно они знакомы годами. Между тем они с Деймоном потихоньку пробирались к особняку, двигаясь в людском потоке иногда по, иногда против течения.

Они преодолели пролет белой (розовой на солнце) мраморной лестницы, окруженной по бокам бордюром из великолепных голубых (фиолетовых) дельфиниумов и розовых (алых) диких роз, и Елена остановилась. По двум причинам: во-первых, она хотела взять новый бокал «Черной Магии». От первого ее щеки слегка покраснелись, хотя тут все вокруг словно сияло румянцем. Елена надеялась, что второй бокал поможет ей забыть то, о чем Деймон говорил в паланкине, обо всем, кроме ключа, — и поможет вспомнить, что волновало ее вначале, до того, как услышала разговор Бонни и Мерedit.

— Я думаю, нам лучше кого-нибудь спросить, — сказала Елена Деймону, который вдруг тихо возник рядом с ней.

— Спросить о чем?

Елена слегка склонилась к слуге, у которого только что брала бокал вина:

— Позвольте спросить, где находится главная бальная зала Леди Блоддьвед?

Слуга выглядел слегка ошарашенным. Потом мотнул головой вокруг:

— Эта площадка, под навесом, и называется Главным Бальным Залом, — ответил он и поклонился, нагнувшись над подносом.

Елена уставилась на него. Потом посмотрела вокруг. Под гигантским пологом, который казался Елене почти капитальной крышей, и был весь увешан прелестными фонариками в абажурчиках, красиво подсвеченных солнцем, раскинулась ровная зеленая лужайка — на

сотни ярдов вокруг. Она была больше, чем футбольное поле.

— Не подскажите, — обратилась Бонни к женщине, которая явно была завсегдатаем вечеринок Блоддьювед и которая хорошо ориентировалась в доме, — какой из этих залов — главный бальный?

— О, дорогуша, это зависит от того, что вы имеете в виду, — с готовностью ответила гостья. — На улице находится Большой Бальный зал, вы наверняка его видели, когда поднимались. Огромный такой шатер? А в доме есть Белый Бальный зал. Шторы в нем всегда задернуты и в канделябрах горят свечи. Его еще называют Комнатой Вальсов, потому что в нем играют только вальсы.

Но Бонни застыла в ужасе еще несколько фраз назад.

— Так это снаружи — бальный зал? — спросила она дрожащим голосом, надеясь, что ослышалась.

— Да, дорогуша, его видно через стену.

Женщина говорила правду. Через стену действительно было видно, потому что все стены были стеклянными. И Бонни видела, словно в фокусе с зеркалами, анфиладу ярко освещенных комнат со множеством людей. Только одна комната на первом этаже, казалось, была сделана из чего-то твердого. Наверное, это и есть Белый бальный зал. Но через противоположную стену, там, куда указывала гостья... о, да. Была крыша шатра. Бонни припомнила, что они проходили мимо. И еще она вспомнила...

— Они танцуют на траве? На этом... огромном газоне?

— Конечно. Он особым образом подстрижен и гладко укатан. Вы не зацепитесь ни за бугорок, ни за сорняк. С вами все хорошо? Как-то вы побледнели. Ну, — гостья засмеялась, — насколько возможно побледнеть при таком освещении.

— Я в порядке, — механически проговорила Бонни, — в полном порядке.

Позже обе пары исследователей встретились и поделились друг с другом ужасными новостями. Деймон с Еленой обнаружили, что земля в открытом бальном зале тверда как камень, и если в нее что-то зарыли до того, как по ней прошли тяжелыми катками, считай, оно покоится теперь под слоем цемента. Копать можно разве что по периметру.

— Нам нужно было привести с собой предсказателя, — сказал Деймон. — Знаете, лозоходца, кого-нибудь, кто может с помощью рогатины или маятника или предмета одежды пропавшего человека сузить зону поиска.

— Ты прав, — в голове Мередит отчетливо звучало «в первый раз». — Так почему же мы не привели с собой никакого предсказателя?

— Потому что я ни одного не знаю, — свирепо улыбнулся Деймон очаровательной улыбкой рыбы-барракуды.

Бонни и Мередит, в свою очередь, установили, что во внутреннем бальном зале пол каменный — из великолепного белого мрамора. И вся комната украшена цветами. Но в какое бы украшение Бонни ни запустила свою маленькую ручку, это всегда оказывался просто букет в вазе с водой. Никакого грунта, ничего, к чему можно было бы применить слово «зарыто».

— И с какой стати Шиничи и Мисао положили бы ключ в воду, зная, что ее выльют через несколько дней, — хмурясь, сказала Бонни.

А Мередит добавила:

— В мраморном полу не бывает расшатавшихся половиц, так что вряд ли там можно

что-то «схоронить». Кроме того, я проверила, Белый Бальный Зал расположен здесь долгие годы, значит так же исключено, что они закопали ключ под фундаментом.

Елена отпила из уже третьего по счету бокала «Черной Магии» и сказала:

— Хорошо. Давайте посмотрим на это так: одной комнатой в списке меньше. У нас ведь уже есть одна половинка ключа, и вспомните, как это было просто...

— Может быть, просто было только для того, чтобы подразнить нас, — Деймон поднял одну бровь. — Чтобы вселить в нас надежду, а потом растоптать ее — здесь.

— Этого не может быть, — отчаянно возразила Елена, сверля его взглядом. — Мы зашли так далеко, дальше, чем Мисао когда-либо могла себе представить. Мы сможем его найти. Мы найдем его.

— Хорошо, — внезапно посерьезнел Деймон. — Если нам придется изображать слуг и, вооружившись тяпками, мотыжить землю — мы это сделаем. Но давайте сначала осмотрим весь дом изнутри. Кажется, в прошлый раз это хорошо сработало.

— Хорошо, — сказала Мередит, в кои-то веке посмотрев на него без порицания. — Бонни я возьмем верхние этажи, а вы можете взять нижний, возможно вы найдете что-нибудь в этом Белом Вальсовом Зале.

— Хорошо.

Они принялись за работу. Елена надеялась, что она сможет успокоиться. Несмотря на эти три бокала «Черной Магии», циркулирующие внутри нее, или, возможно, благодаря им она стала видеть вещи в новом свете. Но она должна сконцентрировать свои мысли на поиске — и только на поиске. Она сделает все, абсолютно все, твердила она себе, чтобы достать ключ. Все ради Стефана. В Белом Бальном Зале пахло цветами, и украшен он был гирляндами с большими, пышными цветами посреди богатой растительности. Область вокруг фонтана была огорожена и представляла собой укромный уголок, где могли сидеть влюбленные парочки. И хотя здесь не было видно оркестра, музыка хлынула в Бальный Зал, требуя ответа от чувствительного тела Елены.

— Я не полагаю, что ты знаешь, как вальсировать, — вдруг сказал Деймон, и Елена осознала, что она покачивалась в такт музыке, закрыв глаза.

— Конечно, я знаю, ответила Елена, слегка задетая. — Мы все посещали занятия мисс Хоупвелл. Это было что-то вроде школы обаяния в Феллс Чёрч, — добавила она, и рассмеялась над собой, услышав, как забавно это звучало. — Но мисс Хоупвелл действительно любила танцевать, и она обучила нас каждому танцу и движению, которые считала изящным. Мне тогда было примерно одиннадцать лет.

— Я полагаю, что было бы нелепо с моей стороны просить, тебя потанцевать со мной, — сказал Деймон.

Елена взглянула на него своими, как она знала, большими и озадаченными глазами. Несмотря на узкое алое платье, она не чувствовала себя неотразимой сиреной сегодня ночью. Она была слишком взвинчена, чтобы почувствовать волшебство, вотканное в ткань, волшебство, которое она теперь поняла, говорило ей, что она была танцующим пламенем, настоящим огнем. Она предположила, что Мередит должна чувствовать себя подобно тихому потоку, текущему стремительно и неуклонно к месту ее назначения, искрящемуся и сверкающему на протяжении всего пути. И Бонни — Бонни, конечно была духом воздуха, танцующей так легко, словно перышко, что опаловое платье, едва подчинялось законам гравитации. Но внезапно Елена вспомнила определенно восхищенные взгляды, обращенные на нее. И теперь вдруг Деймон был уязвлен? Все же он не предполагал, что она будет танцевать с ним?

— Конечно, я с удовольствием потанцую, — сказала она, понимая, с легким испугом, что раньше не замечала — Деймон был в безупречном белом галстуке.

Конечно, это было одной ночью, когда это могло бы помешать им, но он делал его похожим на принца крови. Ее губы немного изогнулись при мысли об этом титуле. Принц крови... о, да.

— Ты уверен, что знаешь, как вальсировать? — спросила она его.

— Хороший вопрос. Я разучил его в 1885, потому что тогда он считался вызывающим и недостойным. Но это зависит от того, имеешь ли ты ввиду крестьянский вальс, Венский вальс или Застенчивый Вальс, или...

— О, прекрати, или мы пропустим следующий танец.

Елена схватила его за руку, чувствуя, крошечные искры, как если бы она погладила кошку против шерсти, и потянула его в танцующую толпу. Следующий вальс начался. Музыка затопила залу и почти сбила Елену с ног, заставляя маленькие волоски на ее затылки встать дыбом. Все ее тело горело, словно она выпила какой-то небесный эликсир. Это был ее любимый вальс с детства: тот, на котором она была воспитана. «Спящая Красавица», вальс Чайковского.

Но часть ее сознание, его ребяческая часть, ничем не могла помочь, кроме соединения сладких мечт, которые пришли после грома и электрификации, со словами из песни диснеевского мультика: «я знаю тебя; мы танцевали однажды во сне...»

Как всегда, они принесли слезы на ее глаза; они заставили ее сердце петь, а ее ноги хотели взлететь, а не танцевать. Ее платье было с глубоким вырезом на спине. Теплая рука Дэймона лежала на ее голой спине.

— Я понял, — прошептал ей кто-то, — почему они называли этот танец вызывающим и недостойным.

И теперь, конечно, Елена чувствовала себя подобно пламени.

«Как мы и думали».

Она не могла вспомнить, была ли это старая цитата Дэймона или что-то новое, которую он только что прошептал в ее голове. Как два пламени, которые объединяются и сливаются в одно.

— Ты хороша, — сказал ей Дэймон, и сейчас она поняла — тогда говорил он, как и в настоящий момент.

— Тебе не нужно опекать меня.

— Я уже слишком счастлив! — Елена рассмеялась в ответ.

Дэймон был экспертом, и не только в точности шагов. Он танцевал вальс, как если бы он до сих пор был вызывающим и недостойным. У него было прочное преимущество, которое конечно не могла сломать человеческая сила Елены. Он мог точно предугадывать исходящие от нее сигналы, чего она хотела, и что он мог ей дать, как если бы они танцевали на льду и могли взлететь и подпрыгнуть в любой момент. Живот Елены медленно исчезал, увлекая остальные органы за собой. И ни разу не пришла в голову мысль, что могут подумать ее друзья, соперники и враги о ней, исчезающей посередине музыкального класса. Она была свободна от мелочной злости, мелочного стыда от ссор. Она была свободна от предрассудков. Ей мечтала вернуться, чтобы показать всем, что эта мысль не была для нее первостепенной. Вальс кончился слишком быстро, и Елена хотела нажать на кнопку «перемотка» и сделать это с самого начала еще раз.

Был момент, именно тогда, когда музыка смолкла, когда она и Дэймон посмотрели друг на друга, с одинаковым восторгом и тоской, а потом Дэймон склонился к ее руке.

— Вальс это нечто большее, чем простое движение ногам, — сказал он, не глядя на нее. — Это колеблющееся изящество, вложенное в движения, прыгающее пламя радости и единение — с музыкой, с партнером. Это не вопрос мастерства. Большое спасибо за предоставленное мне удовольствие.

Елена засмеялась, потому что ей хотелось плакать. Ей не хотелось прекращать танцевать. Ей хотелось танцевать танго с Дэймоном — настоящее танго, после которого вы обязаны были пожениться. Но у них была другая миссия... неотложная миссия, которая должны быть выполнена. И, когда она повернулась, то была окружена целой толпой других мужчин. Людей, демонов, вампиров, звероподобных существ. Все они хотели танцевать. Облаченная в смокинг спина Дэймона удалялась от нее.

«Дэймон!»

Он остановился, но не обернулся.

«Да?»

«Помоги мне! Нам нужно найти вторую половину ключа!»

Это, казалось, дало ему момент оценить ситуацию, но потом он все понял. Он подошел к ней и, взяв ее за руку, и сказал ясным, звонким голосом:

— Эта девушка мой... личный помощник. Я не желаю, чтобы она танцевала с кем-то кроме меня.

В ответ раздался беспокойный ропот. Рабы, которых брали на балы такого сорта, обычно не принадлежали к тому типу, которому запрещалось общаться с незнакомцами. Но в это время возникла какая-то суматоха в другом конце зала, противоположенном тому, где находились Деймон и Елена.

— Что там такое? — спросила Елена, и танец и ключ были забыты.

— Скорее, я бы спросил, кто там, — ответил Деймон. — И я ответил бы: наша хозяйка, Леди Блоддьювед собственной персоной.

Елена толпилась позади других людей, чтобы хоть как-то увидеть это самое экстраординарное существо. Но когда она увидела, что в дверном проеме зала стояла девочка, она задохнулась. Она была сделана из цветов... вспомнила Елена. На что была бы похожа девушка сделанная из цветов? У нее была бы кожа как самый слабый розовый румянец цветущей яблони, подумала Елена, смотря не стесняясь. Ее щеки были бы немного более глубокого розового, как роза цвета зари. Ее глаза, огромные на маленьком, прекрасном лице, были бы цвета живокости (цветок голубого или пурпурного цвета), с тяжелыми пушистыми черными ресницами, от которых глаза казались полузакрытыми, как будто она всегда находилась в полудрему.

И у нее были бы светлые волосы, столь же бледные как первоцветы, спадающие почти до пола, заплетенные в косички, которые в свою очередь были уложены в одну толстую косу, доходящую почти до ее тонких лодыжек. Ее губы были бы столь же красными как маки, полуоткрытыми и манящими. И она испускала бы аромат, который походил бы на букет из всех первых весенних цветов. Она шла бы, словно колеблясь на ветру. Елена могла только не забыть стоять, пристально глядя вслед этому видению, как и множество других гостей вокруг нее.

— Но что было на ней одето? — услышала Елена собственный вопрос.

Она не могла вспомнить ни ошеломляющего платья, ни проблеск блестящей кожи яблоневого цвета, просвечивающей через многочисленные косички.

— Какое-то платье.

— Из чего же оно было сделано?

— Из цветов, — усмехаясь, сказал Деймон. — Она одета в платье из всех цветов, какие я когда-либо видел. Я не понимаю, как они остались на месте — возможно, они были шелковыми и сшитыми вместе.

Он был единственным, кто не казался ослепленным этим видением.

— Мне бы хотелось, чтобы она сказала нам хотя бы пару слов, — сказала Елена.

Ей хотелось услышать нежный волшебный голос девушки.

— Я сомневаюсь в этом, ответил ей человек из толпы. — Она не говорит много — по крайней мере, до полуночи. Скажите! Это вы! Как вы себя чувствуете?

— Очень хорошо, благодарю вас, — Елена ответила вежливо, а затем быстро отступила.

Она признала говорившего как одного из молодых людей, которые дали свои визитки Деймону в конце церемонии Крестного Отца, в ночь ее Наказания. Теперь она просто хотела уйти незаметно. Но было слишком много людей, и было ясно, что они не собирались позволить ей и Деймону уйти.

— Это та самая девушка, о которой я тебе говорил. Она вошла в транс и было безразлично как ее хлестали; она не чувствовала ничего... кровь стекала по ней как вода, а она даже не вздрогнула...

— Они профессиональные артисты. Они идут по пути...

Елена уже собиралась сказать прохладно, что Блоддьювед строго запретила подобное варварство на ее вечеринке, когда услышала, что один из молодых вампиров, сказал:

— Разве вы не знаете, я был тем, кто уговорил Леди Блоддьювед пригласить вас на эту вечеринку. Я рассказал ей о вашем представлении, и она очень захотела увидеться с вами.

«Заслужил прощение», — подумала Елена. По крайней мере, быть милой с этими молодыми людьми стоит. Они могут быть полезны как-нибудь позже.

— Боюсь, я не смогу сделать это сегодня вечером, — сказала она тихо, так что они примолкли. — Я, конечно, лично извинюсь перед Леди Блоддьювед. Но это просто не возможно.

— Это возможно, — голос Деймона, прямо позади нее, изумил ее. — Это вполне возможно, — только если кто-нибудь найдет мой амулет.

«Деймон! Что ты говоришь?»

«Тише! Я делаю то, что нужно».

— К несчастью, около трех с половиной недель назад я потерял очень важный амулет. Он выглядит как этот, — он вынул половинку лисьего ключа и дал им хорошенько взглянуть на него.

— Это и есть то, чем ты воспользовался, чтобы исполнить тот трюк? — спросил кто-то, но Деймон был слишком ловкий в этих вещах. — Нет, много людей видело, что я сделал это только около недели назад без него. Это — личный амулет, но без пропавшей половинки я просто не испытываю желания делать волшебство.

— Он выглядит как маленькая лиса. Ты не китцун? — спросил кто-то — слишком умный, чтобы испортить их маленький план, подумала Елена.

— Для тебя он, может, выглядит и так. Но на самом деле это стрела. Стрела с двумя зелеными камнями на наконечнике. Это — мужской шарм.

Женский голос где-то в толпе сказал:

— Мне думается, что вам не нужно больше мужского шарма, чем в вас есть прямо сейчас, — и раздался смех.

Глава 32

— Тем не менее, — в глазах Деймона появился стальной блеск, — без амулета моя помощница и я не дадим представления.

— Но, будь он у вас, вы это сделаете? Я понимаю, что вы говорите, что потеряли свой амулет здесь?

— Собственно говоря, да. Как раз примерно в то время, когда происходила подготовка к Балу, — Деймон осветил молодого вампира красивой, запоминающейся улыбкой, а затем внезапно погасил ее. — Я понятия не имел, что у меня будет ваша помощь, и я пытался найти способ получить приглашение. Поэтому я решил осмотреть расположение этого места.

— Не говорите, что это было до того, как траву укатали, — сказал кто-то с опаской.

— К сожалению, да. И я получил сверхъестественное послание, в котором говорилось, что клю... амулет закопан где-то здесь.

Раздался хор стонов из толпы. Потом раздались отдельные голоса, указывающие на трудности: твердость закатанной травы, большое количество бальных залов с их цветочной аранжировкой на земле, сад и цветники («Которые мы даже еще не видели», — подумала Елена).

— Я осознаю возможную невыполнимость поисков амулета, — сказал Деймон, взяв половинку лисьего ключа в руку и заставив ее исчезнуть из виду, аккуратно передав ее в находящуюся рядом руку Елены, которая была готова принять ее.

Сейчас у нее было специальное место для ее хранения — Леди Ульма предусмотрела это.

Деймон говорил:

— Вот почему я просто сказал «нет» в самом начале. Но вы надавили на мне, и сейчас я дал вам исчерпывающий ответ.

Раздался ропот, но потом люди начали прогуливаться по одному, по двое и по трое, обсуждая места, с которых лучше начать поиск.

— Деймон, они собираются разрушить сад Блоддьювед, — молча запротестовала Елена.

— Хорошо. Мы предложим как компенсацию все ювелирные изделия, что три девушки имеют на себе, так же как все золото, что есть на мне. Но что четыре человека не могут сделать, возможно, тысяча людей сможет.

Елена согласилась.

— Я все еще бы хотела, чтобы у нас был шанс поговорить с госпожой Блоддьювед. Не только для того, чтобы услышать ее голос, но и задать ей несколько вопросов. Я имею в виду, какая причина могла заставить прекрасный цветок подобно ей защищать Шиничи и Мисао?

Телепатический ответ Деймона был краток:

«Хорошо, давай тогда посмотрим в комнатах наверху. В любом случае, именно туда она и направлялась».

Они нашли кристальную лестницу, местонахождение которой было весьма трудным определить, так как все стены были прозрачны, и по ней было страшно подняться. Как-то они уже искали такую. На втором этаже. В итоге Елена нашла лестницу, споткнувшись о первую ступеньку.

— Ой, — произнесла она, переводя взгляд со ступеньки, которую теперь было видно благодаря красной полоске, тянувшейся по переднему краю, на свою голень, на которой была такая же полоска.

— Может быть она и невидима, но мы то нет.

— Она не совсем невидима.

Она знала, что Деймон смотрел сквозь Силу. Она делала тоже самое, но последнее время гадала, у кого из них больше ее крови — у нее или у него?

— Не напрягайся, я вижу ступеньки, — сказал он. — Просто закрой глаза.

— Мои глаза... — прежде чем она смогла спросить, почему и закричать, он подхватил ее на руки, его тело было теплым и крепким — самым крепким из всего, что было вокруг нее.

Он направился вверх по лестнице, держа ее так, что кровавые капли, которые падали отовсюду, не попадали на ее платье. Для того, кто боялся высоты, это был дикий и ужасающий аттракцион: даже несмотря на то, что она знала, что Деймон находится в наилучшем состоянии и не выронит ее, даже несмотря на то, что она была уверена, что он знает, куда идет. И все же, если она была бы одна по своей воле, она не смогла бы подняться дальше первой ступеньки. Поэтому, она не смела даже пошевелиться, чтоб Деймон, ни дай Бог, не потерял равновесие. Единственное, что ей оставалось — шмыгать носом и попытаться все это вынести. Позже, спустя вечность, когда они дошли до конца лестницы, она стала гадать, понесет ли ее кто-нибудь обратно или она останется тут до конца жизни. Они предстали перед Блоддьювед, самым очаровательным нечеловеческим существом, которое Елена когда-либо видела в жизни — очаровательным... но странным. Не было ли изящного бледно-желтого узора сзади и по бокам ее волос? Не было ли ее лицо формы лепестка яблоневого цвета с еле заметным румянцем?

— Вы находитесь в моей личной библиотеке, — сказала она.

И как если бы разбилось зеркало, Елена освободилась от очарования Блоддьювед. Боги сотворили ее из цветов... но цветы не разговаривают. Голос Блоддьювед был тусклым и монотонным. И это совершенно испортило ее вид девушки, созданной из цветов.

— Просим прощения, — сказал абсолютно не запыхавшийся Деймон. — Мы хотели бы задать тебе несколько вопросов.

— Если вы думаете, что я помогу вам, вы ошибаетесь, — сказала цветочная девушка таким же тусклым голосом. — Я ненавижу людей.

— Но я — вампир, как вы уже наверно поняли, — Деймон начал говорить, вкладывая в слова все свое обаяние, когда Блоддьювед прервала его.

— Родившийся человеком, останется им всегда.

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

«Если Деймон выйдет из себя, это будет лучше всего», подумала Елена, стараясь держаться за его спиной. Его презрение к людям выглядело таким искренним, что Блоддьювед немного смягчилась.

— Вы пришли что-то спросить?

— Только если вы недавно видели двух китцунов: они брат и сестра и зовут себя Шиничи и Мисао.

— Да.

— Или они могли... извините, «ДА»?

— Эти воры пришли в мой дом ночью. Я был на вечеринке. Я прилетела обратно домой с приема и почти поймала их. Не смотря на то, что поймать китцуна тяжело.

— Где... — Деймон сглотнул. — Где они?

— Убежали по парадной лестнице.

— Вы помните дату, когда они были здесь?

— Это была ночь, в которую готовили земли к этому приему. Мы раскатывали траву. И устанавливали навес.

Странное занятие для ночи, подумала Елена, но потом она вспомнила... опять. Тут в любое время суток светло. Но ее сердце сильно стучало. Шиничи и Мисао могли прийти сюда только по одной причине: бросить здесь половину двойного ключа.

«И может быть бросить его в Большом Бальном Зале», — подумала Елена.

Она без интереса наблюдала, как все за пределами библиотеки вращалось почти как гигантский планетарий так, что Блоддьювед могла бы взять глобус и поместить его в устройство, которое сделало бы так, чтоб музыка играла в разных комнатах.

— Извините, — сказал Деймон.

— Это моя личная библиотека, сказала холодно Блоддьювед...

— Вы имеете в виду, что мы должны уйти?

— Я имею ввиду, что теперь я собираюсь вас убить.

— Что? — закричал Дамон, перекрывая музыку. И телепатически — Елене, — «уходи! Быстро!»

Если бы речь шла только о ее жизни, Елена с радостью умерла бы здесь, перед грозной красотой Жар-птицы, лишь бы не спускаться в одиночку по крутым невидимым ступеням. Но это была не просто ее жизнь. Это была жизнь Стефана также. Однако цветочная дева выглядела не настолько угрожающей, чтобы выброс адреналина заставил Елену попытаться спуститься.

«Деймон, уйдем вместе! Нам надо обыскать Большой Бальный зал снаружи. Только у тебя хватит сил...»

Мгновение колебания. «Деймон предпочел бы схватку здесь, чем гигантское зеленое поле внизу» — подумалось Елене.

Но Блоддьювед, несмотря на свои угрозы, вновь вращала комнату вокруг них, чтобы найти нужный шар на краю какого-то невидимого прохода.

Деймон подхватил Елену на руки и сказал:

— Закрой глаза.

Девушка не только закрыла глаза, но и прикрыла их ладонями. Если Деймон уронит ее, то не потому, что она будет кричать ему под руку «Осторожно!» Ощущения и без того были самые неприятные. Деймон прыгал по лестнице, как горный козел. Казалось, он едва касается ступеней, и Елена вдруг испугалась, а не гонятся ли за ними. Если так, то она должна знать. Только она начала убирать руки от глаз...

— Не открывай! — шепотом прорычал Деймон таким тоном, с которым мало кто захотел бы спорить.

Елена выглянула в щелочку между пальцами и встретила взглядом с яростными глазами Деймона. Их никто не преследовал. Она сжала руки и взмолилась.

— Знаешь, если бы ты в самом деле была рабыней, то не протянула бы тут и дня, — сообщил он, последний раз взвился в воздух и приземлился, опустив ее на невидимую, но, по крайней мере, ровную поверхность.

«Я бы и не хотела», — холодно подумала Елена.

— Клянусь, я лучше умру.

— Будь осторожна, как и обещала, — Деймон неожиданно блеснул ей восхитительной улыбкой. — Ты можешь застрять в других измерениях, пытаясь исполнить свое слово.

Елена даже не пыталась спорить с ним. Они неслись прочь, на свободу, по стеклянному дому вниз по лестнице, на первый этаж — с несколько запутанным состоянием души, но все же, сносным — и, наконец, оказались за дверь.

На траве Большого Бального Зала они нашли Мередит и Бонни... и Сейджа. Как ни удивительно он также был в белом галстуке, хотя его пиджак с трудом натягивался на его плечи. Кроме того, Талон сидела на нем — так что проблема могла возникнуть довольно скоро, так как она рвала материал и вырисовывалась кровь. Сейдж, казалось, не осознал этого. Сайбер находился рядом со своим хозяином и смотрел на Елену слишком задумчивыми глазами, чтобы это были просто глаза животного, но без злобы.

— Слава Богу, вы вернулись! — выкрикнула Бонни, подбегая к ним. — Пришел Сейдж, и у него есть изумительная идея.

Даже Мередит была взволнована.

— Ты помнишь, как Деймон сказал, что мы должны были привести предсказателя? Так вот, у нас есть два теперь, — она повернулась к Сейджу: — расскажи им пожалуйста.

— Как правило, я не беру этих двух на торжества, — Сейдж протянул руку вниз, чтобы почесать Сайбера под горлом. — Но птичка нашептала мне, что вы можете попасть в беду.

Его рука поднялась погладить Талон и легонько взъерошила перья сокола.

— Так, *dites-moi*,²⁴ пожалуйста: просто, сколько раз вы двое прикасались к полу-ключу, которым владеете?

— Я трогала его сегодня вечером и в самом начале, когда мы нашли его, — сказал Елена. — Но Леди Ульма трогала его, и Люсьен делал шкатулку для него, и мы все трогали его.

— Но не в коробке?

— Я держал его и рассматривал несколько раз, — сказал Деймон.

— *A bien!*²⁵ Запах китцунов должен быть гораздо сильнее на нем. А китцуны имеют сильно отличающийся запах.

— Так ты имеешь в виду, что Сайбер, — голос Елены выдавал полнейшую слабость, — может унюхать запах китцуна на чем-то.

— К тому же, у Талон очень хорошее зрение. Она может летать над головами и искать блеск золота в случае, если это где-то открыто в поле зрения. Теперь покажи им, то, что они будут искать.

Елена вежливо протянула полумесяц ключа Сайберу, чтобы он его обнюхал.

— *Voilà!*²⁶ А ты, Талон, посмотри внимательно.

Сейдж отошел назад. «Чтобы соколиха могла рассмотреть ключ с оптимального

²⁴ скажите мне (фр.)

²⁵ хорошо (фр.)

²⁶ Вуаля (фр.)

расстояния», — предположила Елена.

— Communier,²⁷ — вернувшись, приказал Сейдж. Черный пес сорвался с места, опустив нос к земле, а птица взвилась вверх и начала набирать высоту широкими стремительными кругами.

— Значит, ты думаешь, что китцуны были на этой траве? — спросила Елена Сейджа, поскольку Сайбер начал носиться взад и вперед, не отрывая нос от травы — и затем внезапно повернул на середину мраморных ступеней

— Ну, разумеется, они были здесь. Видишь, как он идет? Как пантера, голова вниз, хвост прямой. Он знает свое дело. Он идет по следу.

«Тут кое-кто еще испытывает подобные чувства», — подумала Елена и оглянулась на Деймона. Тот стоял, сложив на груди руки, неподвижный, как туго взведенная пружина, в ожидании, что найдут пес и сокол. Тут взгляд ее случайно упал на Сейджа. У него было такое выражение лица... наверное, такое же, какое было у нее минуту назад. Сейдж посмотрел на нее, и девушка вспыхнула.

— Pardonnez-moi, Monsieur,²⁸ — извинилась Елена, быстро отводя взгляд.

— Parlez-vous français, Madame?²⁹

— Un peu,³⁰ — скромно ответила она, хотя скромность не входила в число ее основных добродетелей. — Я не смогу поддержать серьезный разговор. Но мне нравилось бывать во Франции.

Она собиралась сказать что — то еще, когда Сайбер резко залаял, чтобы привлечь внимание и затем присел у обочины, вытянувшись в струнку.

— Они приехали или уехали в экипаже или на паланкине, — перевел Сейдж.

— Но что они делали в доме? Мне нужен след, ведущий в другую сторону, — Деймон посмотрел на Сейджа. Взгляд его выражал что-то очень похожее на отчаяние.

— Хорошо, хорошо. Сайбер! Contremarche!³¹

Черный пес тут же развернулся, уткнул нос в землю с таким видом, словно это доставляло ему величайшее удовольствие, и стал носиться по ступеням и газону, который и представлял собой Большой Бальный Зал. Люди с лопатами, кирками и даже большими ложками уже порядком перекопали его.

— Китцунов сложно поймать, — шепнула Елена Деймону в ухо.

Он кивнул, взглянув на часы:

— Надеюсь, что и нас тоже, — шепнул он в ответ.

Тут коротко взлаял Сайбер. Сердце Елены подпрыгнуло в груди.

— Что? — крикнула она. — Что там?

Деймон опередил ее, схватил за руки и потащил за собой.

— Что он нашел? — выдохнула Елена, когда они вдвоем прибежали на место.

— Не знаю. Это даже не часть Бального Зала, — ответила Мередит.

Сайбер гордо восседал перед клумбой с высокими бледно-сиреневыми (темно-фиолетовыми) гортензиями.

— Что-то они не очень хорошо выглядят, — сказала Бонни.

— А наверху над этой клумбой нет никаких бальных комнат, — Мередит наклонилась,

²⁷ Объединитесь (фр.)

²⁸ Простите меня, сударь (фр.)

²⁹ Вы говорите по-французски, мадам? (фр.)

³⁰ Лишь немного (фр.)

³¹ Двигайся в обратном направлении (фр.)

чтобы их с Сайбером головы оказались на одном уровне, и поглядела вверх. — Там только библиотека.

— Что ж, одно не вызывает сомнений, — начал Деймон, — нам придется перекопать эту клумбу, и я не испытываю ни малейшего желания спрашивать разрешения у миссис А-Теперь-Мне-Придется-Вас-Убить с глазками из дельфиниума.

— О, вы решили, что у нее глаза из дельфиниума? А я бы подумал, что это, скорее, колокольчики, — сказал кто-то из гостей позади Бонни.

— Она, правда, сказала, что должна вас убить? Но почему? — взволнованно спросил другой, стоявший недалеко от Елены.

Елена не обратила на них внимания.

«Признаем: ей это точно не понравится, но это наша единственная зацепка. Возможно, китцуны собирались вначале оставить ключ здесь, а потом передумали и уехали отсюда в карете», — добавила Елена мысленно, обращаясь к Деймону.

— Это значит, что можно начинать шоу! — воскликнул один из молодых вампиров — фанатов, подступая к Елене.

— Мне еще не вернули мой амулет, — решительно возразил Деймон, закрывая собой девушку, как нерушимая стена.

— Но это дело нескольких минут. Послушайте, пусть несколько ребят возьмут собаку и найдут, откуда пришли плохие парни. Я имею в виду, откуда они пришли в этот дом, понимаете? А мы тем временем начнем представление.

— Сайбер сможет это сделать? — спросил Деймон, — найти по следу карету?

— С лисой-то внутри? Естественно. На самом деле я и сам могу пойти, — Сейдж понизил голос: — И прослежу, чтобы этих дьяволят поймали, если след приведет нас к ним. Покажи мне их.

— Я видел их только в таком обличье, — Деймон дотронулся двумя пальцами до виска Сейджа. — Но, конечно, они могут принимать множество форм, возможно, бесконечное множество.

— Ну, я полагаю, не они наша первостепенная задача, а, хм, амулет.

— Да, — ответил Деймон.

— Даже если вам не удастся «ударить» по ним, хватайте половину ключа и мчитесь обратно.

— Даже так? Важнее, чем месть, — тихо удивился Сейдж, качая головой. И быстро добавил:

— Что же, пожелаю нам удачи. Есть среди вас авантюристы, готовые пойти со мной? О, четыре — хорошо. Пять — отлично. Madame, достаточно.

И он ушел.

Елена посмотрела на Деймона; а он, в ответ, на нее — пустыми черными глазами.

— Ты действительно думаешь, что я снова это сделаю?

— Единственное, что тебе придется сделать — просто постоять там. Я сделаю так, что ты потеряешь минимум крови. Если ты захочешь прекратить — можно договориться об условном сигнале.

— Да, но теперь я все понимаю. Я этого просто не вынесу.

Его лицо вдруг стало жестким. Он закрылся от Елены.

— От тебя и не требуется ничего выносить. Кроме того, это всего лишь справедливая расплата за Стефана, разве нет?

Стефан! В теле Елены словно произошли изменения на молекулярном уровне.

— Позволь мне разделить это с тобой, — взмолилась Елена, зная, что умоляет, и, зная, что ответит Деймон.

— Ты понадобишься Стефану, когда мы выберемся отсюда. Убедись, что сможешь вынести это. «Остановись. Подумай. Не дави на него», — сказал Елене голос разума. — «Он использует твои слабые места. Он знает их. Не давай ему пользоваться этим».

— Я вынесу и то, и другое, — сказала Елена, — пожалуйста, Деймон. Не воздействуй

на меня, как если бы я была одной из твоих девушек на одну ночь или даже твоей Принцессой Тьмы. Говори со мной, как если бы я была Сейджем.

— Сейдж? Сейдж — один из самых коварных обманщиков.

— Я знаю. Но ты разговариваешь с ним. Ты говорил и со мной, не сейчас ты не хочешь. Послушай меня. Я не смогу пройти через это еще раз. Я буду кричать!

— Сейчас ты угрожаешь...

— Нет! Я говорю тебе, что сделаю. Если ты мне не поставишь кляп, я буду кричать. И кричать. Как если бы я кричала ради Стефана. Я не могу помочь ему. Я практически сломалась...

— Ты не видишь?

Вдруг он повернулся и взял ее руки.

— Мы почти дошли до конца. Ты, кто была самой сильной из нас в процессе всего этого — ты не можешь сломаться сейчас.

— Самой сильной... — Елена трясла головой. — Я думала, мы почти понимаем друг друга.

— Хорошо, — сказал Деймон, и слова его были твердыми, как осколки мрамора. — Что если будет пять?

— Пять?

— Пять ударов вместо десяти. Мы пообещаем, что остальные пять, будут после того, как найдется амулет, а сами сбежим, как только он окажется у нас.

— Тебе придется нарушить слово...

— Если потребуется...

— Нет, — решительно возразила Елена. — Ты ничего не будешь говорить. Я им расскажу. Я — лгунья, изменница и я всегда играла с мужчинами. Посмотрим, смогу ли я, в конце концов, использовать свои таланты во благо. И нет смысла брать в ассистентки кого-то из девочек, — добавила она, взглянув на Деймона. У Бонни и Мерedit платья, которые просто с них свалятся, если ты рассечешь их. Только у меня открыта спина.

Она сделала пируэт, демонстрируя, что платье держится на лямке высоко на шее, а глубокий V-образный вырез заканчивается достаточно низко.

— Договорились.

Деймон подозвал раба, чтобы тот снова наполнил ему бокал, и Елена подумала: «по крайней мере, мы будем самыми пьяными актерами в истории».

Она никак не могла справиться с дрожью. В прошлый раз Елена чувствовала внутренний трепет оттого, что теплая рука Деймона лежала на ее обнаженной спине во время танца. Теперь она ощущала там что-то гораздо более холодное. Возможно, просто дуновение свежего ветерка, но оно напомнило Елене, как по ее бокам текла кровь. Вдруг рядом с ней оказались Бонни и Мерedit, отгораживая ее от толпы, в которой нарастало любопытство и возбуждение.

— Елена, что случилось? Говорят, что сейчас здесь будут бить плетью человеческую девушку, дикарку, — начала Мерedit.

— И вы сразу догадались, что это я, — закончила Елена: — да, это правда. И я понятия не имею, как этого избежать.

— Но это то, что необходимо было делать? — яростно спросила Бонни.

— Проявить идиотизм. Позволить шайке глупых мальчишек-вампирам вообразить, что это было нечто вроде волшебного представления, — вмешался Деймон — лицо мрачнее тучи.

— Несколько незаслуженные обвинения, — возразила Мерedit, — Елена рассказала нам о том, что было в первый раз. Мне показалось, что они сами пришли к выводу, что это был спектакль.

— Надо было сразу все отрицать. Теперь у нас связаны руки, — сказал Деймон. И добавил, словно делая над собой усилие, — ладно, во всяком случае, мы, возможно, получим то, зачем пришли.

— Именно так мы и узнали: какой-то придурок неся по лестнице и вопил про амулет с двумя зелеными камнями.

— Это единственное, что мы смогли придумать, — устало произнесла Елена. — Если в результате мы добудем вторую половину ключа, значит, оно того стоило.

— Вы не обязаны это делать, — сказала Мередит. — Вы можете просто уйти.

Бонни удивленно уставилась на нее:

— Без лисьего ключа?

Елена покачала головой:

— Мы уже все обсудили. И единогласно решили, что сделаем это.

Она огляделась вокруг:

— И где же эти парни, которые так хотели на нас поглазеть?

— Рыщут в поле, которое раньше было Бальным залом, — ответила Бонни. — Или берут лопаты, много лопат, из садовых инструментов Блоддьювед. Оу! Почему ты меня бьешь, Мередит?

— О, да разве же я бью? Я хотела сделать вот так...

Но Елена уже стремительно удалялась от них, как и Деймон, страстно желая, наконец, покончить с этим. Наполовину покончить.

«Надеюсь, он не забудет переодеться в кожаную куртку и черные джинсы», — думала она, — «на этом костюме кровь...»

«Не будет никакой крови».

Мысль появилась так внезапно, что Елена не поняла, откуда она. Где-то в глубине души она знала: он наказан достаточно. Как он дрожал тогда в паланкине. Как раз за разом беспокоился о благополучии других людей. С него хватит. Стефан не хотел бы, чтобы его брат вновь испытывал боль. Елена подняла глаза вверх, на одну из маленьких уродливых лун Темного Измерения, плывущих над ней. И подчинилась ей. Это решение сияло прозрачно-алым в зловещем багровом свете. Но Елена отдалась ему без остатка, душой и телом, оно брало начало из священного источника вечной крови — ее женской сущности. Тогда она поняла, что нужно делать.

— Бонни, Мередит, послушайте. Нас трое, мы — триумвират. Мы должны попытаться разделить это с Деймоном.

Предложение восторга не вызвало. С тех пор, как Елена увидела Стефана в камере, гордость ее была сломлена. Девушка опустила перед подругами на колени на мраморных ступенях:

— Прошу вас...

— Елена! Прекрати! — задохнулась Мередит.

— Пожалуйста, встань. О, Елена... — Бонни почти плакала.

И маленькая мягкосердечная Бонни решила все.

— Я постараюсь научить Мередит, как это сделать. Но в любом случае, мы сможем разделить это на троих.

Объятия. Поцелуи. Шепот в рыжеватые локоны:

— Я знаю, что ты видишь в темноте. Ты самый храбрый человек из всех, кого я знаю.

И, оставив позади ошеломленную Бонни, Елена пошла собирать зрителей на собственную экзекуцию.

Глава 33

Елена была привязана к столбу, словно героиня какого-нибудь низко бюджетного фильма, ожидающая, что ее вот-вот освободят. Раскопки на поле все еще продолжались, но уже в более медленном темпе, поскольку вампиры, по чьей милости Елена находилась сейчас в таком положении, достали ясеневого прута, который принесли с собой, и позволили

Деймону осмотреть его. Деймон двигался как в замедленной съемке. Он старался найти повод для иронического замечания и до последнего надеялся услышать грохот подъезжающего экипажа. Действовал проворно, но внутри ощущал себя таким же закаменелым, как остывающий свинец.

«Я никогда не был садистом», — подумал он, — «если не считать битв, то моей целью всегда было доставить удовольствие. Но это я должен был оказаться в той тюремной камере. Неужели Елена не понимает этого? И сейчас, это моя очередь подставить спину под удары».

Он переоделся в свои «магические одежды», заняв под эту процедуру максимально возможное количество минут, но так, чтобы со стороны не могло показаться, что Деймон намеренно тянет время.

Сейчас вокруг импровизированной сцены собралось около шестисот-восьмисот созданий, жаждущих увидеть, как прольется кровь Елены, и как ее рассеченная спина магическим образом исцелится.

«Хорошо. Я готов, насколько только можно быть готовым к этому».

Он пришел в себя, к тому, что происходило.

Елена сглотнула. «Разделить боль» сказала она, даже не представляя, как это сделать. И вот она стоит, словно жертва, привязанная к столбу, и глазеет на дом Блоддьювед, ожидая удара. Деймон тем временем произносил вступительную речь перед толпой, он говорил что-то невнятное и прекрасно справлялся с задачей. Елена выбрала одно из окон, чтобы упереть в него взгляд. Вдруг, до нее дошло, что Деймон замолчал. Прикосновение прута к ее спине.

Телепатический шепот:

«Ты готова?»

«Да», — немедленно откликнулась она, понимая, что совсем не готова.

В абсолютной тишине раздался свист удара. Бонни объединила свой разум с Еленой. Разум Мередит струился, как поток. Удар был всего лишь легким хлопком, хотя Елена почувствовала, как течет кровь. Она ощущала замешательство Деймона. То, что должно было быть подобно удару меча, оказалось не более чем шлепком. Болезненно, но сносно. И еще раз. Триумвират разделял боль прежде, чем разум Деймона успевал принять ее на себя. Треугольник в действии. И в третий раз. Осталось еще два. Елена начала исследовать взглядом здание. Вверх, до третьего этажа, где должно быть бесится Блоддьювед из-за всего, что произошло на ее званом вечере. Еще один и все.

До Елены донесся голос одного из гостей:

— Это библиотека. У нее больше Звездных Шаров, чем в большинстве публичных библиотек, и... — речь на секунду оборвалась, — говорят, что у нее есть самые разные виды сфер. Даже запрещенные. Ты знаешь.

Елена не понимала, что имеет в виду говорящий, и, кроме того, с трудом представляла, что может считаться запрещенным здесь.

В своей библиотеке Блоддьювед, одинокая фигура, переместилась в ярко светящейся огромной сфере, чтобы найти новый Шар. Внутри дома, должно быть, играла музыка, разные мелодии в каждой комнате. Снаружи, Елена не могла слышать ничего. Последний удар. Триумвират смог справиться с этим, распределяя мучительную боль между четырьмя людьми.

«По крайней мере», — подумала Елена, — «мое платье уже было настолько красным, насколько возможно».

Все закончилось, Бонни и Мередит заспорили с несколькими вампиршами, которые рвались помочь смыть кровь со спины Елены, чтобы все могли увидеть ее вновь чистой и безупречной, сияющей золотом в солнечных лучах.

«Лучше не подпускать их», — несколько сонно обратилась Елена к Деймону. «Кто-нибудь из них может облизнуть пальцы, или оказаться любителем погрызть ногти. Нельзя допустить, чтобы кто-то попробовал мою кровь и почувствовал жизненную силу в ней. Только не теперь, когда я столько перенесла, чтобы скрыть мою ауру».

Хотя повсюду раздавались аплодисменты и одобрительные возгласы, никто и не подумал развязать запястья Елены. Так что она стояла, прислонившись к столбу, и смотрела на окна библиотеки.

Вдруг мир замер. Вокруг была музыка и движение. Елена оказалась неподвижной точкой во вращающейся вселенной. Но ей нужно было двигаться, причем быстро. Она с силой дернула свои путы, врезающиеся в кожу.

— Мередит! Развяжи меня! Перережь эти веревки, быстро! Мередит поспешно подчинилась.

Елена знала, что увидит, когда обернется: лицо, лицо Деймона, смущенное, выражающее обиду и смирение одновременно.

Ее это вполне устраивало.

«Деймон, нам нужно добраться до...» но тут их поглотила толпа.

Доброжелатели, фанаты, скептики, вампиры, умоляющие о «капельке крови, только попробовать», зеваки с вытаращенными глазами, которые хотели убедиться, что спина Елены настоящая, теплая, и что на ней нет отметин. Елена чувствовала слишком много рук, прикасающихся к ее телу.

— Отойдите от нее, черт бы вас побрал! — это был примитивный, дикий рев зверя, защищающего свою самку.

Люди отступили от Елены, лишь для того, чтобы очень медленно и робко окружить... Деймона.

«Ладно», — подумала Елена, — «я сделаю это одна. Я могу сделать это одна. Для Стефана, я могу».

Расталкивая зевак плечами она пробиралась сквозь толпу, принимая от поклонников букеты наспех вырванных цветов и чувствуя множество прикосновений к собственной спине.

— Эй, на ней действительно нет отметин! — наконец-то, Бонни и Мередит помогли ей выбраться, без них она ни за что бы не справилась.

А затем она побежала, побежала в дом, не утруждая себя использовать именно ту дверь, возле которой лаял Сайбер. Она думала, что и так знает, что за ней. На втором этаже девушка на минуту замешкалась, пока не заметила тонкую красную линию в пустоте.

Ее кровь! Однако, как много применений можно найти для этой жидкости. Сейчас, например, она отмечает первую из стеклянных ступеней, ту, о которую Елена споткнулась чуть раньше. В прошлый раз, преодолевая лестницу в крепких объятиях Деймона, она не могла представить даже то, что сможет самостоятельно заползти вверх по этим ступеням.

Сейчас, она направила всю свою Силу в помощь зрению, и лестница проявилась. Зрелище вселяло ужас. Ни с одной из сторон не было перил, а Елена чувствовала слабость от волнения и потери крови. Не смотря ни на что, она заставила себя подниматься. Вверх, вверх и еще раз вверх.

«Елена! Я люблю тебя! Елена!» — она слышала крик так отчетливо, словно Стефан был сейчас рядом с ней. Вверх, вверх, вверх... Ноги болели.

«Продолжай идти. Без отговорок! Не можешь идти нормально, хромай, ковыляй как-нибудь! Не можешь хромать, ползи!»

Елена действительно уже ползла, когда, наконец, достигла вершины лестницы, края гнезда Блоддьювед в совином обличье. Девушку, ожидающую там, можно было бы назвать довольно милой, несмотря на безжизненный вид. Елена, в конце концов, поняла, что именно в облике Блоддьювед казалось ей неправильным — в ней не было животной энергии, глубоко в сердце, она была растением.

«Знаешь, я собираюсь тебя убить».

Небольшая поправка: она была растением без сердца. Елена огляделась вокруг. Отсюда она могла видеть, что происходит снаружи, хотя купол, отделяющий их от внешнего мира, состоял из полок и стеллажей, на которых стояли сферы, из-за чего все было причудливо искажено. Здесь не висели лианы, не было ярких экзотических цветов. Она уже достигла центра комнаты, совиного гнезда Блоддьювед. Хозяйки не было поблизости, она расположилась на хитроумном изобретении, которое позволяло ей дотянуться до звездных шаров.

Ключ мог быть спрятан только в гнезде.

— Я не хочу ничего красть у тебя, — уверяла Елена, тяжело дыша.

Произнося это, она запустила обе руки в гнездо.

— Те китцуны сыграли с нами злую шутку. Они украли кое-что у меня и спрятали ключ в твоём гнезде. Я просто забираю то, что они оставили.

— Ха! Ты — человек, рабыня! Дикарка! Ты посмела ворваться в мою личную библиотеку. Снаружи люди перекапывают мой красивый бальный зал, уничтожают драгоценные цветы. Ты думаешь, что сможешь убежать и на этот раз, но ты ошибаешься! На этот раз ты умрешь! Этот голос совершенно отличался от безжизненного, гнусавого, но все же девичьего тона, который Елена слышала раньше.

Это был властный низкий голос... голос, который соответствовал размерам гнезда. Елена посмотрела вверх. Она не могла понять, что именно видит. Огромную шубу экзотического покроя? Какое-то громадное чучело? Создание повернулось к ней. Или, вернее, в ее сторону повернулась голова, в то время как туловище оставалось абсолютно неподвижным. Оно опустило голову на бок, и Елена поняла, что-то, что она видела, было лицом. Голова была даже отвратительнее и ужаснее, чем Елена могла себе представить. Казалось, на лице была единственная бровь, которая опускалась с одной стороны лба к носу (или туда, где должен был быть нос), а потом вновь поднималась вверх. Это была гигантская V-образная бровь, из-под которой, часто моргая, смотрели два огромных круглых желтых глаза. Носа и человеческого рта не было, вместо них виднелся ужасный большой кривой черный клюв. Оставшаяся часть лица была покрыта перьями, в основном белыми, цвет которых на концах, там, где, казалось, была шея, сменялся белым в серую крапинку. Также бело-серыми были два прямых рога, которые росли на макушке.

«Как у демона», — непроизвольно подумала Елена.

Вслед за головой, не сводящей пристального взгляда с Елены, повернулось туловище. Елена смогла разглядеть туловище женщины крепкого телосложения, покрытое белыми и серыми перьями... и Талон, осторожно выглядывающую из-под самых нижних перьев.

— Здравствуй, — произнесло создание скрипучим голосом, клюв открывался и закрывался, проглатывая слова

— Я — Блоддьювед, я никогда никому не позволяю приближаться к моей библиотеке. Я — твоя смерть.

Слова «А можем мы, по крайней мере, поговорить об этом сначала?» застыли у Елены на губах.

Она не хотела геройствовать и уж точно не хотела сражаться с Блоддьювед и одновременно искать ключ, который должен был быть где-то здесь.

Елена продолжала попытки объясниться, отчаянно роясь в гнезде, в то время как Блоддьювед расправила крылья, которые заняли все пространство, и напала.

Вдруг, кто-то как молния метнулся между ними, издавая хриплый крик. Это была Талон. Сейдж должно быть отдал приказания соколу, перед тем как исчезнуть.

Сова, казалось, немного отклонилась — «для лучшей атаки» — подумала Елена.

— Пожалуйста, позволь мне объяснить. Я еще не нашла это, но в твоём гнезде есть что-то, что не принадлежит тебе. Это мое... и... и Стефана. Китцуны, должно быть, спрятали это той ночью, когда ты изгоняла их из своего поместья. Ты помнишь это?

В течение минуты Блоддьювед молчала. А затем продемонстрировала, что вне зависимости от ситуации она придерживается одного простого принципа:

— Ты ступила ногой на территорию моего жилища. Ты умрешь, — сказала она и устремила вниз к Елене, на этот раз девушка услышала, как рядом с ней щелкнул клюв.

Вновь что-то небольшое и яркое бросилось на Блоддьювед, целясь в глаза. Огромная сова была вынуждена отвлечься от Елены, чтобы заняться соколом. Елена отказалась от дальнейших попыток объясниться. Иногда тебе просто необходима помощь:

— Талон! — крикнула она, неуверенная в том, насколько хорошо та понимает человеческую речь.

— Попытайся занять ее, хотя бы на минуту!

В то время как рядом метались, сталкивались и пронзительно кричали две птицы, Елена пыталась нащупать что-то руками, быстро пригибаясь, как только это было необходимо.

Тем не менее, огромный черный клюв каждый раз оказывался слишком близко. Один раз он скользнул по ее руке, но, находясь под влиянием адреналина, Елена едва почувствовала боль.

Она продолжила поиски, не останавливаясь. В конце концов, девушка поняла, что ей следовало сделать с самого начала. Она схватила шар с прозрачной полки.

— Талон! — позвала она. — Сюда!

Сокол быстро нырнул вниз, щелкнул клюв. Через мгновение Елена осознала, что все ее пальцы остались на месте, а Хоши-но-Тама в руке уже нет. Вот тут-то Елена услышала настоящий дикий, яростный вопль Блоддьювед. Гигантская сова бросалась на сокола, как человек, пытающийся прихлопнуть муху, очень сообразительную муху в данном случае.

— Отдай этот шар! Он бесценен! Бесценен!

— Ты получишь его назад, как только я найду то, что ищу.

Елена, сходя с ума от страха и испытывая огромный прилив адреналина, забралась внутрь гнезда и начала ощупывать пальцами мраморное дно. Дважды Талон спасала ее, с грохотом роняя Шары на пол, как только Блоддьювед нацеливалась на Елену. Каждый раз шум падения заставлял сову забыть о девушке и пытаться атаковать сокола. Затем Талон хватала другой шар и на огромной скорости проносилась прямо перед носом совы.

Елене начало казаться, что ей снится кошмар: все, в чем она была уверена только полчаса назад, рушилось. Обессиленная, она прислонилась к выступающей жерди, пристально глядя на то, что происходило в воздухе, на девушку, живущую здесь, и слова сами собой всплыли в ее разуме:

«Сферическая зала Блоддьювед... Зал Блоддьювед для хранения Звездных Шаров... Бальный зал Блоддьювед...»

Два разных способа понять одни и те же слова и две совершенно разных комнаты. Пока она складывала эту логическую цепочку, ее пальцы коснулись металла.

Глава 34

— Талон! Ээ... рядом! — кричала Елена, выбегая из комнаты так быстро, как только могла.

Это и была стратегия. Окажется ли сова настолько маленькой, чтобы поместиться в дверной проем или это разрушенное убежище свалится Елене на голову? Это был хороший план, но, в конце концов, все могло закончиться не в ее пользу. Сова сжалась, чтобы проскочить через дверь, а затем возвратилась к гигантскому размеру и напала на Елену, которая бежала вниз по лестнице.

Да, бежала. Со всей ее Силой, направленной к ее глазам, Елена прыгала со ступеньки на ступеньку, как прежде Деймон. Сейчас совсем не было времени бояться, не было времени думать. Было только время, чтобы перевернуть в руках маленький, твердый, предмет в форме полумесяца

Шиничи и Мисао — они действительно положили его к ней в гнездо.

Там была лестница или что-то сделанное из стекла, которую даже Деймон не мог увидеть, в клумбе, где Сайбер остановился и залаял. Нет, Деймон бы увидел, поэтому они и привезли с собой свои собственные лестницы. Именно поэтому их следы оборвались. Они поднялись прямо в библиотеку. И они испортили цветы в клумбе, вот почему новые цветы еще не прижились. Елена с детства знала от тети Джудит, что пересаженным цветам нужно некоторое время, чтобы снова возродиться и ожить.

«Прыжок... прыжок... еще прыжок... я — дух огня. Я не могу промахнуться мимо ступеньки. Я огненная стихия. Прыжок... прыжок... прыжок».

Елена уже видела землю и старалась не свалиться, и прыгнула. Она тяжело упала, отбив один бок, но продолжала держать драгоценный полумесяц, зажав его в кулаке. Гигантский клюв врезался в стекло, где мгновением раньше, прежде чем соскользнуть находилась она. Когти заскрежетали по обратной стороне стекла. Блоддьювед вилась над ней.

Сейдж с группой молодых и крепких мужчин и женщин-вампиров неслись к ней со скоростью бегущей собаки. Сайбер приведет их, но только с той скоростью, на которую сам способен.

К счастью, несколько людей, которые, кажется, хотели спровоцировать на драку собаку, которая была тяжелее, чем большинство нищих ребятишек. Дети столпились вокруг кареты, не давая им пройти. Сейдж замешкался, чтобы заменить дорогой драгоценный камень на кошелек, полный мелких монет и рассыпал их за каретой, предоставляя Сайберу свободу действий. Они прошли десятки киосков и перекрестков, но Сайбер не обычная ищейка. В нем достаточно энергии, чтобы посрамить большинство вампиров. Хватит одной или двух ключевых молекул, чтобы он учуял, и вывел их к цели. Если другая собака может обмануться одним из сотни похожих следов китцунов, то Сайбер различал и отклонял каждую из них по форме или размеру.

Но шло время и, казалось, что даже Сайбер потерпит поражение. Он стоял в центре шестистороннего перекрестка и, немного прихрамывая, бродил по кругу. Он никак не мог выбрать путь.

«И я не могу, друг мой», — подумал Сейдж. — «Мы зашли так далеко, но ясно, что они пошли еще дальше. Не было пути дальше, идти назад, чтобы копать...»

Сейдж помолчал, оглядываясь вокруг на малинового цвета кольцо дороги. А потом он увидел кое-что. Прямо перед ним, на левой стороне находилась парфюмерия. Там должно быть были сотни духов и миллиарды ароматных молекул были преднамеренно выпущены в воздух. Сайбер был «ослеплен». Не так ослеплен, что перед глазами стояла тьма. Но огромную роль сыграли миллиарды ароматов, которые ворвались в его нос и ошеломили, ослепили его.

Вампиры из команды твердили, что нужно или идти дальше, или возвращаться. У них не осталось никакого смысла продолжать приключение. Они просто жаждали хорошего шоу. Несомненно, у многих были рабы, которые «запишут» это шоу для них, чтобы те могли насладиться им дома на досуге.

В этот момент голубые и золотые вспышки заставили Сейджа принять решение.

«А, Стражи! Eh, bien...³²»

— Сайбер, ко мне!

Сейдж наугад выбрал одно из направлений, Сайбер, понунив голову и хвост, помчался за вампиром, чтобы миновать проезд и выйти на другую улицу. Но потом, чудесным образом

³² Ну конечно (фр.)

его хвост встрепелся вверх. Сейдж не поверил, одна молекула от следа китцуна попала в ноздри Сайберу... но память о тех запахах... была все еще там...

Сайбер погрузился в режим охоты: голова вниз, хвост прямой, все его силы и ум сосредоточены только на одной цели: найти еще одну молекулу, которая соответствовала бы тем трехмерным воспоминаниям о первой у него в голове. Теперь, когда он не был ослеплен, смесью различных, жгучих, концентрированных запахов, он смог мыслить более ясно. И, подумав, опередил его скольжение между улиц, вызвав позади переполох.

— А экипаж?

— Забудь про карету, не упускай из виду парня с собакой!

Сейдж, стараясь не отстать от Сайбера, не знал, подходит ли их погоня к концу.

«Спокойно»! — внушал он Сайберу. Кроме того, он еле слышно нашептывал. Он не был уверен, были у его друзей-животных телепатические способности или нет, но ему нравилось думать, что они все-таки есть, а вести себя так, будто их не было.

«Спокойно»! — говорил он самому себе.

Вот так, молча, человек и огромная черная собака с сияющими темными глазами подошли к одному ветхому зданию. Тогда, словно он просто прогуливался, Сайбер, весело дыша, посмотрел Сейджу в лицо. Он открыл и закрыл пасть в безмолвной пародии на лай. Сейдж поджидал молодых вампиров, которые торопились догнать его раньше, чем будет открыта дверь. Он хотел сохранить элемент неожиданности и не постучал. Вместо этого, он кулаком, словно мощной кувалдой ударил дверь и нащупывал замки и петли. Он почувствовал, что их нет. Так же, как и ручки.

Прежде чем открыть дверь и столкнуться лицом к лицу с неизвестной опасностью, Сейдж обратился к подоспевшим вампирам:

— Вся наша добыча принадлежит господину Деймону. Я его управляющий, и только благодаря моей собаке мы смогли добраться сюда.

Кто с ворчанием, кто с равнодушием, но согласились все.

— Кроме того, — добавил Сейдж, — там все может представлять опасность, я встречу с этим первым. Сайбер! Вперед!

И они ворвались в комнату, почти сорвав дверь с петель.

Елена не смогла сдержать крика. Блоддьювед удалось то, чего никогда не сделал бы Деймон: она оставила на спине девушки кровавые борозды от когтей. Пока Елена разыскивала стеклянную дверь наружу, два разума пробились к ней, поддерживая ее, помогая терпеть, забирая часть боли на себя. Бонни и Мередит, пробирались к Елене через огромные осколки стекла.

Они громко кричали на сову. Талон героически нападала на нее сверху. Елена не могла больше терпеть. Она должна была видеть. Ей нужно было знать, что эта металлическая штучка, которую она вытащила из гнезда Блоддьювед, не просто мусор. Она должна была узнать сейчас. Она вытерла крошечный кусочек металла о злополучное алое платье и улучила секунду глянуть вниз. Багровый солнечный луч осветил золотой, в бриллиантах, полумесяц, сверкнул на прижатых ушках и в зеленых александритовых глазах. Копия первой половинки лисьего ключа, только мордочка смотрит в другую сторону.

У Елены подкосились ноги. Она держала вторую половину лисьего ключа. Елена поспешно вынула малюсенький мешочек из потайного кармана, пришитого за алмазной вставкой на платье.

Леди Ульма специально сшила этот мешочек. В нем лежала первая половинка ключа, которую Елена ненадолго вынимала для Сайбера и Талон, а теперь она засунула туда и вторую. И сразу же почувствовала, как мешочек странно зашевелился. Это что, две половинки ключа... соединились?

В стену позади нее врезался черный клюв. Елена, не раздумывая, нырнула к земле и перекатилась, чтобы увернуться от него. Ее пальцы взлетели к кармашку, убедиться, что мешочек на месте и завязан. С удивлением она нащупала внутри предмет знакомой формы.

Но не ключ? Не ключ! Мир вокруг Елены бешено закружился. Все потеряло смысл: и этот предмет, и ее собственная жизнь. Близнецы-китцуны обманули их, одурачили глупых людишек и вампира, которые посмели бросить им вызов. Никакого лисьего ключа не существовало вовсе.

Но надежда отказывалась умирать.

«Что там обычно говорил Стефан? *Mai dire mai*³³ — никогда не говори никогда».

Зная, как это глупо, и все равно надеясь на чудо, Елена снова запустила пальцы в мешочек. Что-то холодное скользнуло на ее палец и там осталось. Она поглядела вниз и замерла на секунду, не в силах отвести взор. Там, на ее безымянном пальце блестело золотое, инкрустированное бриллиантом кольцо. Оно представляло из себя абстрактных лис переплетенных между собой и смотрящих друг на друга. У каждой лисы было два уха, два зеленых глаза из александрита и острый нос. И больше ничего.

Что за польза от этой безделушки Стефану? Кольцо не имело ничего общего с крылатыми ключами, изображенными на картинках с храмами китцунов. Как драгоценность, оно точно стоило в миллион раз меньше, чем они уже потратили, чтобы заполучить его. А затем Елена что-то заметила. Свет исходил из глаз одной из лис. Если бы она не смотрела на него так близко, или если бы она сейчас не была в Белой Бальной Комната Для Вальсов, где цвета были истинными, она бы это не заметила. Она поворачивала ладонь из стороны в сторону, но луч был направлен вперед. Теперь он светил из четырех глаз. Он светил прямо в направлении тюремной стены, где сидел Стефан. В сердце Елены родилась надежда, словно феникс, и мысленно унесла ее из этого лабиринта из стеклянных комнат.

Играл вальс из Фауста. Прочь от солнца, глубже в сердце города туда, где был Стефан. Это было там, куда направлял салатовый свет из лисьих глаз. Окрыленная надеждой, она повернула кольцо. Свет померк в глазах обеих лис, но когда она повернула кольцо так, что вторая лиса была на одной линии со стеной Стефана, он снова замигал.

Тайный знак.

Как долго у нее могло бы быть такое кольцо и ничего не показывать, если бы она уже не знала, где находится тюрьма Стефана? Теперь она только должна была оставаться в живых так долго, чтобы добраться до него.

Глава 35

Елена шагнула в толпу, чувствуя себя, как солдат. Она не знала, почему. Наверно потому что ее голова была забита мыслями о поиске, и еще ей удалось завершить свое дело, и найти то, что искала. Или может потому, что она получила очень приличные раны. А может быть потому, что над ней кружил ее враг, который все еще хотел ее крови. Придя к этой мысли, она подумала, что стоит вывести отсюда все мирное население. «Мы можем отправить их в безопасный дом — ну, безопасный в некоторых местах — и...»

О чем она думала? Безопасный дом был фразой из книжки. Она не была ответственной за всех этих людей — идиотов в своем большинстве, которые стояли и, пуская слюни, наблюдали, как ее били хлыстом. Но, несмотря на это, может, ей следовало вывести их отсюда.

— Блуддьювед! — драматично заплакала она и указала на кружащий в небе силуэт. — Блуддьювед на свободе! Это сделала она! — и продемонстрировала рваные раны на

³³ Мой дорогой друг (фр.)

спине. — Она будет преследовать и вас!

Последовало злобный вопль, вызванный этим елениным действием. У Елены не было настроения спорить. Был только один человек, с которым ее хотелось поговорить сейчас. Продолжая держать Мередит и Бонни поближе, она позвала.

«Деймон! Деймон, это я! Где ты?» — телепатический путь был так перегружен, что она сомневалась, что он ее услышит. Но, наконец, она поймала слабое: «Елена?.. Да... Держи меня. Думай о том, как я бы держал тебя физически, и я перенесу нас на другую частоту».

Держаться за голос? Но Елена представила себя, держащуюся за Деймона крепко, плотно, пока физически держалась за руки с Мередит и Бонни.

«Сейчас ты меня слышишь?»

На этот раз голос был гораздо яснее и гораздо громче.

«Да. Но я тебя не вижу. А я тебя вижу. Я иду. **БЕРЕГИСЬ!**»

Слишком поздно ее чувства смогли предупредить об огромной тени, резко обрушившейся сверху. Она не могла двигаться достаточно быстро, чтобы уйти с дороги щелкающего клюва размером с аллигатора. Но Деймон мог. Появившись из ниоткуда, сгреб одним махом ее, Бонни и Мередит и отскочил назад, скатываясь и ударяясь о траву.

— О, Господи! Деймон!

— Кто-нибудь из вас ушибся или поранился? — спросил он вслух

— Я в порядке, — тихо и спокойно сказала Мередит. — Я полагаю, что обязана тебе жизнью.

Спасибо.

— Бонни? — спросила Елена.

— Я в порядке. Я имею в виду: «Я в порядке». Но Елена, твоя спина...

Деймон повернул Елену спиной к себе, чтобы посмотреть на ее раны.

— Это сделал... я? Я думал...

— Это была Блоддьювед, — резко ответила Елена, вглядываясь в кружащую точку в темно-красном небе. — Она едва коснулась меня. У нее когти как ножи, как сталь. Мы должны идти, сейчас!

Деймон положил обе руки ей на плечи:

— И вернемся, когда все успокоится.

— И никогда не вернемся! Боже, она возвращается! — краешком глаза она заметила что-то, моментально ставшее размером с бейсбольный мяч, через секунду с волейбольный, затем размером с человека.

Они побежали со всех ног, прыгая, скатываясь, стараясь уйти; все, исключая Деймона, который схватил Елену и закричал:

— Это мой раб! Если у тебя есть претензии к ней, разберись сначала со мной!

— А я Блоддьювед, сотворенная богами, осужденная быть убийцей каждую ночь. Сначала я убью тебя, а потом съем ее, ворюга! — хриплым голосом сказала она.

— Двух укусов будет достаточно.

— Деймон, я должна рассказать тебе кое-что!

— Я буду биться с тобой, но моя рабыня — нет.

— Первый укус — я уже иду!

— Деймон, мы должны идти!

Крик животной боли и ярости. Деймон стоял, слегка согнувшись, с огромным куском стекла, словно мечом, и крупные черные капли крови стекали там, где — «О, Боже!» — подумала Елена — «он вынул глаз Блоддьювед!»

— **ВЫ ВСЕ УМРЕТЕ!**

Блоддьювед направила заряд на случайную горсть вампиров прямо под ней, и Елена кричала, когда закричали они. Черный клюв поймал Деймона за ногу и потянул вверх. Но тот бежал вперед, прыгал, рубил. С криком фурии Блоддьювед снова взметнулась в небо.

Теперь уже все понимали опасность. Два других вампира кинулись забрать своего товарища у Деймона, и Елена была рада, что ее друзья не несут ответственности за еще

чью-либо жизнь.

С нее было достаточно.

«Деймон, я ухожу сейчас же. Ты можешь пойти со мной или без меня. У меня есть ключ», — Елена послала эти слова на частоте, где они были более-менее одни, и послала их без драматизма.

Не было места драме. Она лишилась всего, кроме желания попасть к Стефану. На этот раз, она знала, Деймон слышал. Сначала она подумала, что он умирает. Блуддьювед каким-то образом вернулась и пронзила его тело сплошь, словно копьем, сделанным из света. Затем она осознала, что этим чувством был восторг, что две крошечные ручки нашли ее, и прильнула к его губам, помогая вытащить худенького, смеющегося мальчугана-оборванца на свободу.

«Никаких цепей», — осознала она с головокружением.

Он даже не носит рабские браслеты.

— Мой брат! — сказал он ей. — Мой младший брат будет жить!

— Ну, это хорошо, — Елена сказала неуверенно.

— Он будет жить! — появилась тонкая хмурая полоска. — Если ты поспешишь и позаботишься о нем! И...

Елена очень аккуратно коснулась пальцами его губ:

— Тебе не стоит беспокоиться о чем-то таком. Будь счастлив.

Мальчик засмеялся:

— Я буду! Я и есть!

— Елена!

Елена вернулась из — как она полагала — ямы, которая была более реальной, нежели многие другие вещи, что она недавно испытала.

— Елена! — Деймон отчаянно старался сдержаться. — Покажи мне ключ!

Медленно, величаво, Елена подняла руку. Плечи Деймона напряглись, затем опустились.

— Это кольцо, сказал он глухо.

Медленный и торжественный тон никак не повлиял на него.

— Это то, о чем я подумала сначала. Но это ключ. Я не спрашиваю и не смотрю, согласен ли ты со мной; я рассказываю тебе. Это ключ. Свет от его глаз указывает на Стефана.

— Что за свет?

— Я покажу тебе позже. Бонни! Мередит! Мы уходим.

— ТЫ НИКУДА НЕ УЙДЕШЬ, ЕСЛИ Я ТАК СКАЗАЛА!

— Осторожно! — закричала Бонни.

Сова спускалась снова. И снова, в последнюю секунду, Деймон схватил трех девушек и успел отскочить. Клюв совы ударился не о траву или осколки стекла, но о мраморную лестницу. Они затрещали. Это был крик боли, а Деймон, быстрый, словно танцор, полоснул по глазу гигантской птицы. Он сделал порез как раз над ним. Кровь начала заполнять глаз. Елена не выдержала больше. С начала их путешествия с Деймоном и Мэттом она была словно флаконом гнева. Капля за каплей, с каждым новым оскорблением, гнев наполнял флакон снова и снова. Теперь ее гнев переливался через край. Но тогда... Что случится? Она не хочет знать. Она боялась, что ей не выжить. То, что она знала, что прямо сейчас она не могла больше видеть боли, страданий и крови. Деймон неподдельно наслаждался борьбой.

Хорошо.

Пускай.

Елена отправится к Стефану, даже если придется пройти весь путь одной. Мередит и Бонни молчали. Они знали это настроение Елены. Она не дурачится. И никто из них не хотел оставаться. Именно в этот момент, карета с грохотом подъехала прямо к основанию мраморной лестницы.

Сейдж, который, конечно же, многое знал о природе человека, вампира, демона и даже зверя, выпрыгнул из кабинки с двумя мечами. Кроме того, он свистнул. В этот момент тень, маленькая тень, стрелой примчалась к нему с неба.

И, наконец, медленно, вытягивая каждую лапу подобно тигру, подошел Сайбер, который сразу же оскалится, обнажая огромное количество зубов. Елена подскочила к экипажу, и тут ее глаза встретились с глазами Сейджа.

«Помоги мне», — в отчаянии думала она. И его глаза были очень ясными, в них не было страха. Вслепую она добралась до кареты благодаря усилиям позади нее. Одна небольшая, с тонкими костями, слегка дрожащая рука толкала ее. Другая, тонкая холодная, тяжелая как у мальчика, но с длинными тонкими пальцами, схватила ее. Здесь не было никого, кому можно было доверять. Не с кем проститься, или оставить сообщение на прощание. Елена забралась в карету. Она разместилась на заднем сидении, подальше от входа, чтобы дать возможность войти людям и животным. И они подходили, как надвигавшаяся лавина.

Она затащила за собой Бонни, Мерedit следовала за ними, так что когда Сайбер запрыгнул на свое обычное место, он приземлился на три мягкие коленки.

Сейдж не терял зря времени. С Талон на левом запястье, он оставил достаточно места для последнего прыжка Деймона, а затем последовал и сам прыжок. Треснувший и сломанный, с сочащейся из него черной жидкостью, клюв Блуддьвед ударил по основанию лестницы, где стоял Деймон.

— Направление! — прокричал Сейдж, но только после того как лошади перешли на галоп; куда-нибудь, не важно куда, подальше отсюда.

— О, пожалуйста, не позволяйте ей навредить лошадям, — выдохнула Бонни.

— О, пожалуйста, не позволяйте ей расколоть крышу как картонку, — сказала Мерedit, как-то умудряясь иронизировать, даже когда ее жизнь была в опасности.

— Направление, *s'il vous plaot!!*³⁴ — заорал Сейдж.

— Тюрьма, конечно, — задохнулась Елена.

Она чувствовала, что много времени прошло после того, когда ей удалось нормально вздохнуть.

— Тюрьма? — Деймон казалось, отвлекся. — Да! Тюрьма! — но затем он добавил, поднимая что-то похожее на наволочку наполненную бильярдными шарами, — Сейдж, что это?

— Награбленное добро. Ценное приобретение. Добыча. Трофеи! Награбленное!

По мере того как лошади двигались в новом направлении, голос Сейджа, казалось, все более и более оживлялся:

— И посмотрите вокруг ног!

— Еще наволочки?..

— Я не был готов к большому улову сегодня вечером. Но дела пошли куда лучше!

Теперь, Елена сама чувствовала одну из наволочек. В действительности, чехол был полон прозрачных сверкающих Хоши-но-Тама. Звездные шары. Воспоминания. Стоящие... Ничего не стоящие...

— Бесценные... Хотя, конечно, мы не знаем, что на них, — голос Сейджа слегка изменился.

Елена помнила предупреждение о запрещенных сферах.

— Что, во имя солнца, они могут здесь запретить? — Бонни первая подняла запись и приложила ее к виску.

Она сделала это так быстро, мелькающими птичьими движениями, что Елена не смогла ее остановить.

— Что это? — Елена задыхалась, пытаясь оттянуть звездный шар.

³⁴ пожалуйста (фр.)

— Это... стихи. Я не понимаю поэзию, — раздраженно сказала Бонни.

Мерedit также подняла сверкающий шар. Елена потянулась к ней, но было уже поздно. Несколько мгновений Мерedit сидела в трансе, затем поморщилась и положила звездный шар вниз.

— Что? — потребовала Елена.

Мерedit покачала головой. На ее лице было выражение отвращения.

— Что? — Елена почти кричала.

Тогда Мерedit положила звездный шар к ее ногам, и Елена схватила его. Она быстро приставила его в своему виску и немедленно оказалась облаченной в черную кожу с головы до ног. Два широких, квадратных мужчины без тонуса в мышцах были перед ней. И она могла видеть всю их мускулатуру, потому что они были голые за исключением лохмотьев подобно тем, что носят нищие. Но они не были нищими — они выглядели откормленными и жирными, и это стало ясно, когда один из них начал унижаться:

— Мы согрешили. Мы просим у вас прощения. О, Господин!

Елена потянулась убрать сферу от ее виска (они приклеивались легонько, если ты приложишь небольшое давление) и сказала:

— Почему они не использовали пространство для чего-нибудь еще?

И это «чего-нибудь еще» немедленно возникло вокруг нее. Девушка, в бедных одеждах, но не в мешковине. Она выглядела ужасающе. Елена думала, была ли она под контролем.

И этой девушкой оказалась сама Елена.

— Пожалуйста-не-позволяйте-этому-забрать-меня-пожалуйста-не-позволяйте-этому-забрать-меня...

— Кому позволить забрать тебя? — спросила Елена, но это было похоже на просмотр кино или прочтение книги, в то время как они входили в одинокий дом, порывы ветра и музыка становились жуткими. Елена, которая находилась в кошмаре, не могла слышать Елену, задававшую фактические вопросы.

«Я думаю, что не хочу видеть, что из этого выйдет», — решила девушка.

Она положила звездный шар обратно, к ногам Мерedit.

— У нас есть три мешка?

— Да, госпожа; три полные мешка.

Ох. Это не очень хорошо сработало. Елена открыла рот, когда Деймон тихо добавил:

— Один из мешков пустой.

— Неужели? Мы сделали? Тогда давайте попытаемся разделить эти. В первый идет все запретное. Станные вещи, такие как стихи Бонни идут во второй. Любые новости от Стефана — в третий. И, наконец, все прекрасное, как, например, летние дни, идут в четвертый, — сказала Елена

— Я думаю, что ты оптимистичнее меня, — сказал Сейдж. — Ожидать, что во всем этом найдется шар со Стефаном...

— Все, тишина! — в отчаянии сказала Бонни. — В нем, был Шиничи, и Деймон с ним разговаривал.

Сейдж застыл, как будто принимал на себе молнии с грозового неба. Затем, он улыбнулся:

— Разговаривать с демоном, — проговорил он.

Елена улыбнулась ему, и сжала его руку, прежде чем взять следующий шар.

— На этом, кажется, какие-то правила. Я совсем это не понимаю. Раб должен носить это, чтобы я мог видеть их всех.

Елена почувствовала, что мышцы ее лица напряглись от ненависти, смотря видение о Шиничи — китцуне, который сделал столько зла. Его волосы были черные, за исключением кончиков волос, которые пылали красным. И затем, конечно же, Мисао. Сестра Шиничи, как он утверждает. Этот звездный шар, должно быть, записан рабом, потому что она могла видеть обоих близнецов, которые выглядели, как люди. Мисао, подумала Елена.

Нежная, почтительная, скромная... демоническая. Ее волосы были такими же, как и у Шиничи, но собранные сзади в хвост. Если бы кто-нибудь увидел ее глаза, он бы увидел ее дьявольскую сторону. Они были золотые и смеющиеся, как у брата; глаза, в которых никогда не было сожаления, а только лишь жестокая мстительность. Они не брали никаких обязательств. Они находили муки — забавными.

А затем произошло нечто странное.

Все три фигуры в комнате неожиданно обернулись и посмотрели на нее. Прямо на того, кто сделал эту сферу, поправила себя Елена, но это все равно приводило в замешательство. Еще больше обескуражило, когда они продолжили идти вперед.

«Кто я»? — подумала Елена, сходя с ума от беспокойства.

Затем она испытала то, что никогда не испытывала раньше, или видела, или слышала о том, что так делали. Она старательно расширила свою Силу вокруг шара. Она оказалась верти — что-то вроде секретаря юриста. Она/он вел/а записи, когда происходили важные сделки. И верти определенно не нравилось то, как сейчас шли дела. Два клиента и их начальник приближались к нему вот так, как никогда раньше. Елена вытянула себя из клерка и положила шар сбоку. Она тряслась, чувствуя себя будто ее погрузили в ледяную воду.

И затем обрушилась крыша. Блоддьювед. Даже с покалеченным клювом, сова оторвала добрую часть от крыши кареты. Все кричали, и никто не давал полезного совета. Сайбер и Деймон оба ударили по ней: Сайбер поднялся с трех мягких колен, на которых он сидел, и нанос удар прямо по ногам Блоддьювед. Он рвал и тряс одну перед тем, как позволить себе упасть обратно в карету, где он практически соскользнул назад. Елена, Бонни и Мередит схватились за первые попавшиеся части тела собаки, и снова затащили огромное животное назад на сиденье.

— Подвиньтесь! Освободите для него сиденье! — вопила Бонни, смотря на обрывки своего жемчужного платья, туда, откуда Сайбер прыгнул и порвал тонкий материал.

На своем пути он оставил красные дорожки.

— Что ж, — сказала Мередит, — в следующий раз мы попросим стальные нижние юбки.

Но я очень надеюсь, что следующего раза не будет, как бы то ни было!

Елена горячо молилась, чтобы она оказалась права. Блоддьювед скользила теперь с меньшего угла, несомненно, пытаясь отломать несколько голов.

— Все хватайтесь за дерево. И сферы! Кидайте в нее сферы, если она подойдет к нам ближе.

Елена надеялась, что вид звездных шаров — одержимость Блоддьювед — может приостановить ее. В тоже время Сейдж кричал:

— Не тратьте звездные шары попусту! Кидайте что-нибудь другое! Кроме того, мы почти на месте. Резко налево, а затем финишная прямая!

Слова обнадежили Елену.

«У меня есть ключ», — подумала она. — «Кольцо — это ключ. Все что я должна сделать — это забрать Стефана, и доставить всех нас к двери с замочной скважиной. Все в одном здании. Я практически дома».

Следующий взмах оказался ниже. Блоддьювед, ослепленная на один глаз, с залитым кровью вторым глазом, и органами чувств, заблокированными ее собственной запекшейся кровью, пыталась протаранить карету и опрокинуть ее.

«Если ей удастся это, то мы умрем», — подумала Елена. — «И любого, кто все еще извивается на земле как червяк, она может убить».

— Пригнитесь! — прокричала она одновременно вслух и телепатически.

И затем что-то похожее на аэроплан пролетела так близко, что она почувствовала, как вырываются пучки волос, захваченные когтями. Елена услышала вскрик боли с переднего сиденья, но не подняла голову, посмотреть, что это было. И это хорошо, ибо, в то время как перевозки вдруг наткнулась на тупик, в следующий миг кружащаяся, кричащая птица, подобно смерти пронеслась в том же направлении. Теперь Елене требовалось все ее

внимание, все ее способности, чтобы избежать этого монстра, который все ниже заходил в пике.

— Карета, с ней покончено! Выбирайтесь! Бегите! — донесся до нее громыхающий голос Сейджа.

— Лошади, — прокричала Елена.

— Убиты! Выбирайтесь, черт побери!

Елена никогда до этого не слышала, как Сейдж чертыхается. Она выбралась. Елена так и не узнала, как она и Мередит выбирались, спотыкаясь, падая и поднимая друг друга, пытаясь помочь, только каждый по-своему. Бонни уже вывалилась наружу и летела на землю. К счастью, она упала на клумбу с уродливым, но пружинистым красным клевером и серьезно не пострадала.

— О, мой браслет — нет, вот он, — воскликнула она, выхватывая что-то сверкающее из клевера.

Она бросила осторожный взгляд вверх, в темно-красную ночь:

— Что нам делать сейчас?

— Бежать! — раздался голос Деймона.

Он вышел из-за обломков за углом, где они упали на землю. На его ранее безупречно белом горле и на лице была кровь. Это напомнило Елене тех людей, которые пили кровь коров, так словно это было молоко. Но Деймон пил кровь только у людей. Он никогда не опустится до лошадиной крови...

— Лошади все еще будут здесь, и поэтому здесь будет и Блоддьювед, — объяснил резкий голос в ее голове.

Она играла бы с ними; это было бы больно. Это был быстрый способ. Это была... прихоть. Елена потянулась к его рукам, задыхаясь.

— Деймон! Я сожалею!

— УБИРАЕМСЯ ОТСЮДА, — воскликнул Сейдж.

— Мы должны добраться до Стефана, — сказала Елена, и схватила Бонни другой рукой. — Помоги мне сориентироваться. Я не очень хорошо вижу кольцо.

Мередит, верила она, доберется до Ши-но-Ши своими силами. И затем был кошмар с беготней, вздрагиваниями и ложными тревогам потрясенной Бонни. Дважды ужас налетал на них сверху, скользя прямо к ним, но обрушиваясь или почти прямо перед ними, или немного в стороне, ломая лес и черепицу на дороге, поднимая клубы пыли. Елена не знала, как охотятся все совы, но Блоддьювед налетала на свою добычу под углом, затем раскрывала крылья и обрушивалась на них в последний момент. Самое худшее в гигантской сове было ее беззвучие. Не раздавалось ни шороха, который мог бы предупредить их о том, где она может быть. Что-то в ее перьях приглушало звук, так, что они никогда не знали, когда она собиралась напасть снова. В конце концов, им пришлось пролезать через горы мусора, так быстро, как они могли, держа дерево, стекло и что-то острое над своими головами, поскольку Блоддьювед снова пролетела над ними.

И все это время Елена пыталась использовать свою Силу. Это была не та Сила, которую она использовала до этого, но она могла почувствовать, как ее название слетало с ее губ.

То, чего она не могла почувствовать, не могла вызвать, было связью между словами и Силой.

«Я бесполезна как героиня» — подумала она. — «Я жалкая. Они должны были наделить Силами того, кто знал бы как использовать такие вещи. Или нет, они должны были дать их кому-то и объяснить ему, как ими пользоваться. Или, нет...»

— Елена! — мусор надвигался прямо на нее, но она резко увернулась влево и как-то обошла его.

А потом она лежала на земле и смотрела на Деймона, который защищал ее своим телом.

— Спасибо тебе, — прошептала она.

— Вставай.

— Извини, — прошептала она и протянула правую руку с кольцом Деймону, чтоб он взял ее.

А затем она согнулась, поднимаясь с рыданиями. Она слышала хлопанье крыльев Блоддьювед прямо над собой.

Глава 36

Мэтт и миссис Флауэрс находились в убежище — пристройке к дому, которую дядя миссис Флауэрс соорудил для резьбы по дереву и прочих увлечений. Он стал еще более запущенным по сравнению с остальной частью дома, которая использовалась для хранения вещей. Миссис Флауэрс не знала, куда еще поместить — как, например, раскладушку кузена Джо и эту старую продавленную кушетку, которая больше не соответствовала домашней мебели. Теперь, ночью, это было их убежищем.

Ни один ребенок или взрослый Феллс Чёрча никогда не был приглашен внутрь. В самом деле, за исключением миссис Флауэрс и Стефана, который помогал двигать массивную мебель внутри — а теперь еще и Мэтт, больше никого здесь не было, как миссис Флауэрс могла помнить.

Мэтт ухватился за это. Он медленно, но верно просматривал материал исследований Мередит и один драгоценный отрывок, который много значил для него и миссис Флауэрс. Именно поэтому они могли спать по ночам, когда приходили голоса.

Китцун часто считается своего рода кузенom западных вампиров, соблазняющим мужчин (большинство лисьих духов брали женское обличие) и питающимся в основном их чи, или душой, без посредника в крови. Таким образом, можно сделать вывод, что они связаны аналогичными правилами, что и для вампиров. Например, они не могут войти в человеческое жилье без приглашения... и да, голоса... Он был очень рад последовать совету Бонни и Мередит и пошел к миссис Флауэрс перед приездом домой.

Девушки убедили его, что он только подвергнет родителей опасности, идя на самосуд, который его ждет, готовый убить его якобы в нападении на Кэролайн. Кэролайн, казалось, нашла его незамедлительно, но она не привела с собой толпы. Мэтт подумал, что, может быть, потому что это было бесполезно. Он понятия не имел, что могло случиться, если бы голоса принадлежали бывшим друзьям, давно приглашенным в этот дом, в то время как он был в дома.

Сегодня вечером...

— Давай, Мэтт, — медленный, ленивый голос Кэролайн соблазнительно мурлыкал.

Это звучало так, будто она лежала, говоря в щель под дверью. — Не будь таким занудой. Ты знаешь, что тебе когда-нибудь придется выйти.

— Дай мне поговорить с моей мамой.

— Я не могу, Мэтт. Я ведь говорила тебе, она проходит обучение.

— Чтобы стать такой как ты?

— Это займет очень много усилий, чтобы стать похожей на меня, Мэтт, — неожиданно тон Кэролайн перестал быть кокетливым.

— Бьюсь об заклад, — пробормотал Мэтт и добавил: — ты причинишь боль моей семье, и будешь так жалеть, как только сможешь себе это представить.

— Ох, Мэтт! Перестань, будь реалистом. Никто не хочет, чтобы кто-либо пострадал.

Мэтт медленно разжал руки посмотреть, что было сжато между ними. Старый револьвер Мередит, наполненный пулями, благословенными Обаасан.

— Какое второе имя у Елены? — он спросил негромко, несмотря звуки музыки и танцев на заднем дворе миссис Флауэрс.

— Мэтт, О чем ты говоришь? Что ты собираешься делать там, составлять

генеалогическое древо?

— Я задал тебе простой вопрос, осторожно. Ты и Елена играли еще со времени, когда вы были детьми, правильно? Так и какое же у нее второе имя?

Последовало волнение.

Когда Кэролайн, наконец, ответила, он мог ясно слышать шепот, как Стефан слышит очень давно, просто биение перед ее словами.

— Если все в чем ты заинтересован, это играть в игры, Мэтью Ханикатт, то я найду кого-нибудь другого, чтобы поговорить.

Он мог слышать ее практически везде. Но он испытывал желание праздновать. Он позволил себе целую чашку печенья и полчашки домашнего яблочного сока миссис Флауэрс. Они никогда не знали, сколько они могут быть запертыми здесь только с припасами, которые у них есть, и поэтому Мэтт всякий раз, когда выходил из бункера, приносил много вещей, которые он мог обнаружить, что могло быть полезным.

Барбекю, зажигалка и лак для волос равнялось огнемету. Банка после восхитительных консервов миссис Флауэрс. Кольца с ляписом на случай, если произойдет ужасное, и они обзаведутся острыми клыками.

Миссис Флауэрс повернулась во сне на кушетке.

— Кто это был, Мэтт, дорогой? — спросила она.

— Никого не было, миссис Флауэрс. Вы просто спите дальше.

— Понятно, — сказала миссис Флауэрс своим голосом милой старушки. — Ну, если никто все же возвратится, ты мог бы спросить у нее имя ее собственной матери.

— Понятно, — сказал Мэтт, наилучшим образом имитируя ее голос, и затем они оба рассмеялись.

Но, несмотря на смех, в его горле стоял ком. Он знал миссис Форбс очень давно. И он боялся, боялся времени, когда его будет звать уже голос Шиничи. Тогда они будут в беде навсегда.

— Вон она, — кричал Сейдж.

— Елена! — кричала Мередит.

— О, Боже! — кричала Бонни.

В следующий момент, Елена была отброшена, и что-то приземлилось на нее сверху. Глухо, она услышала крик. Но он отличался от других. Это был задыхающийся звук чистой боли, когда клюв Блоддьювед впился в нечто из плоти.

«В меня», — подумала Елена. Но не было никакой боли. — «Не в... меня?»

Над ней раздался кашляющий звук.

— Елена... иди... мои щиты... не продержатся...

— Деймон, мы пойдем вместе!

«Боль...»

Это была лишь тень телепатического шепота, и Елена знала, что Деймон не думал, что она услышала это. Она расширяла свою силу все быстрее и быстрее, совершая обманные маневры и заботясь только о безопасности тех, кого она любила.

«Я найду выход», — сказала она Деймону. «Я понесу тебя. Как пожарник».

Он смеялся над этим, давая Елене некоторую надежду, что он не умирает. Теперь Елене было жаль, что она не взяла доктора Меггера с ними в карету, он мог использовать свои силы на исцеление раненых...

«И что потом? Оставить его на милость Блоддьювед? Он хочет построить больницу здесь, в этом мире. Он хочет помочь детям, которые конечно не заслуживают всего зла, которое, как я видела, обращено на них», — она отбросила эти мысли в сторону.

Сейчас было не время для философских дискуссий о врачах и их обязательствах.

Сейчас было самое время бежать. Протягивая руки за спину, она обнаружила две руки. Одна была скользкой от крови, и она потянула ее сильнее, благодаря свою покойную мать за все уроки балета, всю йогу в детстве, а затем ухватила за рукав. Потом она подставила свою спину и потянула. К ее удивлению, она смогла поднять Дэймона. Она попыталась поднять его дальше вверх по спине, но это не сработало. И ей даже удалось сделать шаткий шаг вперед, и еще один...

Но потом Сейдж сгрел их обоих, и они вошли в лобби здания Ши-но-Ши.

— Все уходите! Уходите! Блоддьювед следует за нами, и она убьет кого угодно на своем пути! — кричала Елена.

Это была самая странная вещь. Она не хотела кричать. Не хотела облекать это в слова, разве что в самых глубоких частях ее подсознания. Но она действительно прокричала их в уже взбешенном лобби, и она услышала крики, поднятые другими. То, чего она не ожидала, так это того, что они побегут, не на улицу, а вниз к клеткам. Она, конечно, должна было понять, но не могла. А затем она почувствовала, что идет вместе с Дэймоном и Сейджем вниз, тем же путем, что и прошлой ночью...

Но это был действительно правильный путь? Елена вертела головой из одной стороны в другую, судя по свету лисьего кольца им нужно было повернуть направо.

— ЧТО ЭТО ЗА КЛЕТКИ СПРАВА ОТ НАС? КАК НАМ ТУДА ПОПАСТЬ? — выкрикнула она молодому вампиру стоящему рядом с ней.

— Это изоляция для страдающих психическими расстройствами, — прокричал молодой вампир. — Не ходите туда.

— Но я должна! Мне нужен ключ?

— Да, но...

— У тебя есть ключ?

— Да, но...

— Дай мне его сейчас же!

— Я не могу сделать этого, — он вопил так, что напомнил ей Бонни в ее самые трудные моменты.

— Хорошо. Сейдж!

— Madame?

— Отправь Талон выклевать глаза этому человеку. Он не хочет отдавать мне ключ от камеры Стефана!

— Считай, что уже сделано, Madame!

— П-подождите! Я пер-передумал. Вот ключ! — он снял один из ключей со связки и передал ей. Он был точно таким же, как и другие ключи на его кольце. «Слишком похож», — подсказал подозрительный ум Елены.

— Сейдж!

— Madame!

— Можешь подождать, пока я прогуляюсь с Сайбером? Я хочу, чтобы он откусил сам-знаешь-что этому парню, если он меня обманул.

— Конечно, Madame!

— П-п-подождите, — задохнулся вампир. Было ясно — он был совершенно напуган. — Я мог... мог перепутать и дать вам не тот ключ... в этом... этом освещении...

— Дай мне верный ключ и Расскажи все, что мне нужно знать или собака покусает и убьет тебя, — сказала Елена, и в этот момент она говорила это серьезно.

— В-вот.

В этот раз ключ не выглядел как ключ. Он был круглым, слегка выпуклым, с отверстием в центре. Оно похоже, на полицейский пончик. Отметила Елена и начала истерически смеяться.

«Замолчи», сказала она сама себе.

— Сейдж!

— Madame?

— Может Талон увидеть человека, которого я держу за волосы? — ей пришлось встать на цыпочки, чтобы схватить его.

— Ну конечно, Madame!

— Может она запомнить его? Если я не найду Стефана, то хочу чтобы она показала его Сайберу, чтобы он отследил его.

— Ух... ах... получите, Madame! — рука, с капающей с запястья кровью, подняла сокола высоко, в это же время удачно раздался грохот с вершины здания.

Вампир почти рыдал:

— Поверните на-направо на с-следующем повороте. Используйте к-ключ в скважине на уровне г-головы, чтобы в-войти в коридор. Там м-могут быть охранники. Но... если — если у вас нет ключа от индивидуальной камеры, которая вам нужна — то простите, но...

— Он есть! У меня есть ключ от камеры, и я знаю, что делать потом! Спасибо, Вы были очень любезны и услужливы.

Елена отпустила волосы вампира.

— Сейдж! Деймон! Бонни! Ищите коридор, закрытый, идем направо. Потом не разбегайтесь. Сейдж, держи Бонни и пусть Сайбер лает как сумасшедший. Бонни, держитесь за Мередит перед парнями. Коридор ведет к Стефану!

Елена не знала, сколько из ее союзников услышали это сообщение, отправленное с помощью голоса и телепатии. Но вперед она услышала звук, который походил на хор поющих ангелов. Сайбер лаял как безумный. Клена никогда не была бы в состоянии остановиться сама. Она была в неистовой реке людей, и неистовая река вытесняла ее из-за барьера, сделанного четырьмя людьми, соколом, и собакой, кажущейся безумной. Но восемь рук потянулись к ней, когда она была вытеснена — и рычащая, рвущая морда, прыгнула перед нею, чтобы разделить толпу.

Так или иначе, с нею сталкивались, она ушибалась, качалась, пихалась, и, схватывалась и, схватив, двигалась в сторону правой стены.

Но Сейдж смотрел на ту же стену в отчаянии.

— Madame, он обманул Вас! Здесь нет никакой замочной скважины!

Горло Елены сжалось. Она приготовилась крикнуть, «Сайбер, след», и отправиться за вампиром. Но потом, чуть ниже ее, голос Бонни сказал:

— Конечно, она там есть. Она в форме круга.

И Елена вспомнила. Маленькие охранники. Как бесята или обезьянки. Ростом с Бонни.

— Бонни, возьми его! Вставь в отверстие. Будь осторожна! У нас есть только один.

Сейдж немедленно направил Сайбера стоять и рычать только перед Бонни в туннеле, держать ее подальше от толчеи испуганных демонов и вампиров. Осторожно, торжественно, Бонни взяла большой ключ, осмотрела его, склонила голову, повертела в руках и приложила его к стене.

— Ничего не происходит!

— Попробуй повернуть или нажать...

Щелк. Дверь открылась. Елена и ее группа более или менее упали в коридор, в то время как Сайбер стоял между ними и толпой, отгораживая ее, лая, щелкая пастью и прыгая.

Елена, лежала на земле, ее ноги переплелись с кто-знает-чьими-еще, руки сжимали кольцо. Глаза лисы сияли прямо вперед и немного направо. Они указывали на камеру впереди них.

— Стефан! — кричала Елена и знала, что выглядит как сумасшедшая, крича это.

Ответа не последовало. Она бежала. Следуя за светом.

— Стефан! Стефан!

Пустая камера. Пожелтевшая мумия. Кучка пыли. Так или иначе, подсознательно, она подозревала одну из этих вещей. И любой из этих исходов заставил бы ее выбежать, чтобы бороться с Блоддьювед собственными голыми руками. Вместо этого, когда она достигла нужной камеры, она увидела, усталого молодого человека, лицо которого отражала, что он

потерял всякую надежду.

Он поднял тонкую, словно тростинка, руку, полностью отстраняя ее:

— Они сказали мне правду. Ты арестована за пособничество заключенному. Я больше не подвержен мечтам.

— Стефан! — она опустилась на колени. — Неужели мы должны проходить через это каждый раз?

— Ты знаешь, как часто они воспроизводили тебя, сука?

Елена была шокирована. Более чем шокирована. Но в следующий момент ненависть исчезла с его лица.

— По крайней мере, я могу на тебя посмотреть. У меня был... был образ. Но они и его забрали, конечно. Они отрывают от нее понемногу, очень медленно, заставляя меня смотреть. Иногда они заставляют меня рвать ее. Если бы я не рвал, они бы...

— Ах, милый! Стефан, дорогой! Посмотри на меня. Прислушайся, что творится в тюрьме. Блодьювед разрушает ее. Потому что я украла другую половинку твоего ключа из ее гнезда, Стефан, и я — не сон. Ты видишь это? Они когда-нибудь показывали тебе это? — она протянула руку с двойным лисьим кольцом на пальце. — Сейчас — сейчас — куда я положила его?

— Ты теплая. Решетки холодные, — сказал Стефан, сжимая ее руку и говоря так, будто читает из книги для детей.

— Вот! — закричала Елена торжествующе.

Она не должна была снимать кольцо. Стефан держал ее другой рукой, и этот захват запечатал кольцо. Она поместила его прямо в круглое отверстие в стене. Потом, когда ничего не произошло, она повернула его вправо. Ничего. Влево. Решетки камеры медленно начинали подниматься в потолок. Елена не могла в это поверить, и на мгновение она была ошеломлена. Затем, когда она резко повернулась, чтобы посмотреть на землю, она увидела, что решетки поднялись уже, по крайней мере, на фут. Тогда она посмотрела на Стефана, который снова стоял. Они оба опять опустили на колени. Они опустили бы и извивались бы как змеи, в случае необходимости, потребность прикоснуться к друг другу была настолько большой. Горизонтальные распорки на решетках лишили их возможности держаться за руки, когда решетки поднялись.

Потом решетки были уже на уровне макушки Елены, и она держала Стефана — она держала Стефана в своих руках! — с потрясением чувствуя его кости, но, держа его, и никто не мог сказать ей, что это галлюцинация или сон, а если она и Стефан должны были умереть вместе, то они умрут вместе.

Ничто не имело значения, но они не будут разделены снова. Она покрывала незнакомое, скуластое лицо поцелуями. Странно, не сгорбилась, не оброс дикой бородой, но у вампиров не росла борода, если у них не было ее, когда они стали вампирами. А потом появились и другие люди в камере.

Хорошие люди. Люди, смеясь и плача, помогали ей создать импровизированный выход из зловонных одеял и тюфяка Стефана, и никто не вскрикивал, когда вши прыгали на них, потому что все знали, что Елена повернется и вопьется им в горло, вместо Сайбера. Или, скорее, как Сайбер, но, как всегда говорила мисс Кортленд, с чувством.

Для Сайбера это была всего лишь работа.

Когда все-таки их разъединили, Елена смотрела в любимое лицо Стефана и хваталась за его носилки, выбегая в коридор, чтобы проверить, не было ли кого на пути. Но, по всей видимости, все в тюрьме Ши-но-Ши выбрали для бегства другой путь. Несомненно, путь до другой стороны был безопасен. И даже, когда Елена задавалась вопросом, каким образом лицо может быть таким чистым, красивым и совершенным, притом, что оно выглядело, как череп, обтянутый кожей, она думала о том, что надо бежать и пригibasья. И она наклонилась над Стефаном, а ее волосы образовали щит вокруг них, так что внутри были только они двое. Весь внешний мир был закрыт, они были одни, и она сказала ему в ухо:

— Пожалуйста, нам нужно, чтобы ты был сильным. Пожалуйста — ради меня.

Пожалуйста — ради Бонни. Пожалуйста — ради Деймона. Пожа...

Она могла бы перечислить их всех, и вероятно некоторых по несколько раз, но этого уже было более чем достаточно. После долгих лишений, Стефан был не в настроении быть несговорчивым. Его голова дернулась вверх и Елена почувствовала большую, чем обычно, боль, потому что он укусил под неправильным углом, и Елена была рада этому, так как Стефан прокусил вену в конце ее длины, и кровь текла в его рот непрерывно.

Сейчас они должны были идти немного медленнее, иначе Елена могла споткнуться и окрасить лицо Стефана в бордовый, как у демона, но они все еще бежали трусой. Кто-то еще вел их. Затем они внезапно остановились.

Елена, с закрытыми глазами, разумом сосредоточенном на Стефане, не хотела смотреть на мир. Но через мгновение они двинулись снова, возникло ощущение простора вокруг Елены, и она поняла, что они находились в холле, и она должна была удостовериться, что все знали.

«Сейчас дверь находится с левой стороны от нас», — послала она мысль Деймону. — «Она ближе к выходу. Это дверь с какими-то символами над ней».

«Я полагаю, что я знаком с дверями такого типа», — отослал сухо назад Деймон, но даже он не мог скрыть две вещи от нее.

Первая — он был рад, на самом деле рад чувствовать восторг Елены, и знать, что это был он, в главной части, кто вызывал это чувство. Остальное было просто. Что если бы был выбор между его жизнью и жизнью его брата, он отдаст собственную жизнь. Ради счастья Елены и из чувства гордости. Ради Стефана. Елена не стала задерживаться на этих секретах, права знать которые, у нее не было. Она просто приняла их, позволив Стефану чувствовать их во всей эмоциональной вибрации, и удостоверилась, что не было никакой обратной связи, сказавшей бы Деймону, что Стефан знал.

Ангелы пели на небесах для нее. Черная магия лепестками роз рассыпалась вокруг ее тела. Голубей выпустили на свободу, и она почувствовала прикосновение их крыльев. Она была счастлива. Но она не была в безопасности.

Она узнала ее только когда вошла в холл, но им очень повезло, что Межпространственная Дверь была именно на этой стороне. Блоддьювед систематически разрушала другую сторону, пока та не превратилась в насыпь, состоящую лишь из щепок. Вражда Елены и Блоддьювед, которая, возможно, началась как ссора между хозяйкой, считавшей, что ее гость нарушил правила дома, и гостьей, которая хотела лишь убежать, и эта ссора переросла в войну на выживание. А, учитывая то, как вампиры, оборотни, демоны и другой народ, здесь, в Темном Измерении, отреагировали на это, это создало сенсацию.

Стражи были полностью заняты, выводя людей из здания. На улице лежали тела погибших.

«О, Боже, люди! Бедные люди!»! — подумала Елена, поскольку это дошло до нее только сейчас. Что же касается стражей, которые удерживали это место в сохранности и боролись с Блоддьювед — «Да благословит их Господь», — думала Елена, пробуя пробраться через вестибюль со Стефаном. Как и предполагалось, они были одни.

— Сейчас нам снова нужен твой ключ, Елена, — произнес голос Деймона прямо над ней.

Елена нежно отвела Стефана от своего горла:

— Только на минуту, мой любимый. Только на минуту.

Глядя на дверь, Елена была сбита с толку несколько секунд. Там была скважина, но ничего не произошло, когда она поместила туда кольцо и надавила, или когда крутила его влево и вправо. Краем глаза она увидела какую-то темную тень над ней, но откинула эту мысль как не имеющую значения, но затем что-то начало надвигаться на нее, крича, словно бомбардировщик, и вытягивая на нее стальные когти.

Над ними не было крыши. Когти Блоддьювед методично разорвали ее. Елена это знала. Поскольку, так или иначе, Елена внезапно увидела всю ситуацию — не только ее участие в ней, но как будто она была еще и кем-то вне ее тела, кем-то, кто понял гораздо больше

вещей, чем слабая маленькая Елена Гилберт.

Стражи были здесь, чтобы предотвратить потери. Они могли остановить Блоддьювед, а могли и нет. Елена также знала и это. Все люди бежали в другой коридор, становясь добычей совы. Они мчались ко входу в подземелье. Здесь была огромная безопасная комната. Откуда-то Елена знала это.

Но сейчас, в первую очередь, Блоддьювед видела, пускай расплывчато, но точно грабителей своего гнезда, тех, кто навсегда лишили ее одного огромного, круглого, оранжевого глаза и изуродовали второй, настолько сильно, что он наполнился кровью. Елена могла чувствовать это. Блоддьювед видела, это были те, из-за кого она разбила клюв. Преступники, дикари, те, кого она будет рвать на части медленно, очень медленно, переходя от одного к другому, как она вцепится в них, в пятерых или шестерых своими когтями, как она будет смотреть, как они будут извиваться под ней. Елена могла почувствовать это.

Под ней.

Прямо сейчас, они находились прямо под Блоддьювед.

«Голубушка Блоддьювед».

— Сайбер! Талон! — крикнул Сейдж, но Елена знала, что сейчас нельзя отвлекаться.

Там не было никого, кроме убитых и плачущих и крики эхом отражались от единственной стены вестибюля. Елена могла вообразить себе это.

— Это не откроется, черт возьми, — крикнул Деймон.

Он схватил запястье Елены, чтобы поместить ключ в отверстие. Но, не зависимо от того, как он тянул или толкал его, ничего не получалось. Блоддьювед была практически над ними. Она ускорялась, бросая телепатические сигналы перед собой. Вытянуть сухожилия, переломать суставы, расколоть кости... Елена знала

— НЕЕЕЕТ!

Ее чаша ярости переполнилась. Вдруг она увидела все, что ей необходимо было знать, одно радикальное прозрение. Было уже слишком поздно, чтобы оттолкнуть Стефана к двери, так, что она крикнула:

— Крылья защиты!

Блоддьювед на расстоянии шести метров врезалась в барьер с силой ядерной ракеты. Она столкнулась с ним со скоростью гоночного автомобиля и весом самолета. Крик ужаса взорвал клюв от крыльев Елены. Сверху они были ярко-зеленые, словно переливающиеся на рассвете изумруды, а изнутри — розовыми, покрытые кристаллами. Крылья укрывали шестерых людей и двух животных и не сдвигались ни на миллиметр, когда сова врезалась в них. Блоддьювед избрала себе дорогу смерти. Закрыв глаза, стараясь не думать о девушке, сотканной из цветов, — «которая убила своего мужа!» — думала в отчаянии Елена, — с сухими губами и щеками, мокрыми от слез, Елена повернулась назад к двери.

Вставила кольцо. Удостоверилась, что оно заработало.

И сказала:

— Земля, США, Виржиния, Феллс Чёрч. Возле пансиона, пожалуйста.

Было далеко за полночь. Мэтт спал на койке в бункере, а миссис Флауэрс на диване, когда их разбудил стук.

— Что это на земле? — миссис Флауэрс встала и посмотрела в окно, за которым должно быть темно.

— Будьте осторожны, мэм, — сказал автоматически Мэтт, и, не удержавшись добавил: — что это? — как всегда, ожидая самое худшее и удостовераясь, что револьвер с благословленными пулями был наготове.

— Это... свет, — беспомощно сказала миссис Флауэрс. — Я даже не знаю, что еще сказать про это. Это свет.

Мэтт мог видеть свет, откидывающий тени на пол их убежища. Звука грома не последовало, и его не было, с тех пор, как он проснулся. Пospешно он подбежал к окну, присоединиться к миссис Флауэрс.

— Ты когда-нибудь?.. — воскликнула миссис Флауэрс, всплескивая руками.

— Что бы это могло означать?

— Я не знаю, но я помню, что все говорят о энергетических линиях. Линиях Силы на земле.

— Да, но они пролегают вдоль поверхности земли. Они не направляются вверх, как... как фонтан! — сказала миссис Флауэрс.

— Но я слышал, что где бы три лей-линии не сходились, я думаю, об этом говорил Деймон, они создают Ворота. Ворота, ведущие туда, куда они ушли.

— Неужели? — сказала миссис Флауэрс. — То есть ты думаешь, что одни из этих Ворот прямо здесь? Может быть это они, возвращаются.

— Не может быть.

Время, проведенное Мэттом с этой особенной пожилой женщиной, заставило его не то что уважать ее, но и полюбить.

— Как бы то ни было, но я не думаю, что нам стоит выходить наружу.

— Дорогой Мэтт. Ты такая поддержка для меня, — прошептала миссис Флауэрс.

Мэтт на самом деле не видел в чем. Все запасы еды и воды, которые они использовали, были полностью ее. Даже свернутое пальто было ее. Если бы он был один, он мог быть изучить эту... необычную вещь.

Три источника света светили на землю под углом так, что они могли пересечься только на высоте человеческого роста. Яркие огни. И становились ярче с каждой минутой. Мэтт вдохнул. Три лей-линии, да? Боже, возможно, это было вторжение монстров. Он даже не смел надеяться.

Елена не знала, нужно ли было сказать США или Земля, или хотя бы могла ли дверь доставить ее в Феллс Чёрч, или должен ли был Деймон сказать ей название ближайших к городу ворот. Но... совершенно точно... со всеми этими лей-линиями... Дверь открылась, показывая маленькую комнату, похожую на лифт.

Сейдж спокойно сказал:

— Можете ли вы четверо донести его, если вам тоже придется сражаться?

И, после секунды, понадобившейся на разгадывание смысла сказанного, донесли три вопля протеста, на трех разных женских тонах.

— Нет! О, пожалуйста, нет! Ох, не оставляйте нас! — умоляла Бонни.

— Ты не возвращаешься с нами домой? — рубила с плеча Мередит.

— Я приказываю тебе войти, и поживее! — сказала Елена.

— Такая властная женщина, — пробормотал Сейдж. — Ну, что, кажется, Великий Маятник качнулся снова. Я всего лишь человек. Я повинуюсь.

— Что? Это означает, что ты идешь? — прокричала Бонни.

— Это означает, что я иду, да.

Осторожно Сейдж взял истощенное тело Стефана на руки и вошел с маленькую кабину за дверь. В отличие от первых ключей, которые Елена сегодня использовала, этот больше походил на управляемый голосом лифт... она надеялась. В конце концов, Шиничи и Мисао нужен был свой собственный ключ для каждого. Здесь множество людей могли бы захотеть пойти в одно и то же место сразу. Она надеялась.

Сейдж отшвырнул старую постель Стефана. Что-то загромыхало по полу.

— О... — Стефан беспомощно подошел к этому. — Это бриллиант моей Елены. Я нашел его на полу после...

— Множество способов, как он мог попасть сюда, — сказала Мередит.

— Это важно для него, — сказал Деймон, он уже был внутри.

Вместо того чтобы дальше толпиться в лифте — маленькой комнатке, которая могла исчезнуть в любую секунду, могла отправиться в Феллс Чёрч, до того как он успеет вернуться внутрь — он вышел обратно в холл, внимательно посмотрел на пол, и опустился на колени. Затем, быстро, он взял бриллиант, а затем встал и поспешил в маленькую комнату.

— Ты хочешь взять его или мне придержать его?

— Подержи его... для меня. Береги его.

Любой, кто знал о послужном списке Деймона, особенно относительно Елены или даже старого алмаза, который принадлежал Елене, мог сказать, что Стефан должен быть сошел с ума. Но Стефан не был безумцем. Он сжал руку брата, в которой был алмаз.

— А я буду держаться за тебя, — сказал он со слабой, кривой улыбкой.

— Я не знаю, если кому-то интересно, — сказала Мередит, — но на внутренней части этого сооружения нет одной кнопки.

— Надавите на него! — кричали Сейдж и Бонни, но Елена закричала намного громче:

— Нет, подождите! — она что-то определила.

На том конце вестибюля Стражницы очевидно не могли помешать одному, явно невооруженному гражданину, войти в комнату и пересечь ее широкими шагами в изящном скольжении. Он, должно быть, был более чем шесть футов высотой, нося полностью белую тунику и бриджи, которые соответствовали его длинным белым волосам, настороженным, похожим на лисьи, ушам, и длинному плавному шелковистому хвосту, который покачивался позади него.

— Закрой дверь! — заорал Сейдж.

— О, Боже! — вздохнула Бонни.

— Может мне кто-нибудь сказать, что, черт возьми, происходит? — огрызнулся Деймон.

— Не беспокойтесь. Это просто еще один заключенный. Молчаливый парень. Эй, ты тоже выбрался! — Стефан улыбался, и этого было достаточно для Елены.

И незванный гость что-то протягивал ему — что же, это не могло быть тем, на что это было похоже — но теперь оно приближалось и выглядело как букет цветов.

— Это же китцун, не так ли? — спросила Мередит, словно мир вокруг нее сошел с ума.

— Заключенный... — сказал Стефан.

— ВОР! — выкрикнул Сейдж.

— Тише! — оборвала Елена. — Он, вероятно, может слышать, даже если он не может говорить.

К этому времени китцун был напротив них. Он встретился глазами со Стефаном, поглядел на остальных и протянул букет, который был полностью запечатан в пластмассовую обертку и обклеен длинными стикерами с магического вида надписями на них.

— Это для Стефана, — произнес он.

Все, включая Стефана, ахнули.

— А сейчас у меня есть дела с несколькими утомительными Стражами, — он вздохнул. — И вы должны нажать на кнопку, чтобы заставить комнату передвигаться, Красавица, сказал он Елене.

Елена, которая была на мгновение очарована пушистым хвостом, размахивающим вокруг шелковистых бриджей, внезапно залилась краской. Она запомнила определенные моменты. Определенные моменты, которые казались, очень различны... в одинокой темнице... в темноте искусственно сформированной ночи.

Ох, отлично. Лучше всего изобразить храброе лицо.

— Спасибо тебе, — сказала она, и нажала на кнопку.

Двери начали закрываться.

— Еще раз спасибо! — добавила она, слегка кланяясь китцу. — Я Елена.
— Ярошки. Я...
Дверь между ними закрывалась.
— Вы что сошли с ума? — закричал Сейдж. — Принять букет от лисы!
— Ты, кажется, единственный, кто его знает, монсеньер Сейдж, — сказала Мередит. — Как его зовут?
— Я не знаю его имени! Я знаю, что он украл у меня три пятых части от Сокровища Сенского Монастыря! Я знаю, что он знаток, но знаток жульничать в карты! Ах! — последнее было не крик ярости, а предупредительный возглас, так как маленькая комнатка, двигалась в сторону, погружалась вниз, почти останавливалась, перед тем как продолжить равномерно двигаться, как и прежде.
— Она действительно доставит нас в Феллс Чёрч? — неуверенно спросила Бонни, и Дэймон положил на нее руку.
— Она доставит нас куда-то, — пообещал он. — А потом посмотрим. Мы — довольно не плохо приспособились к выживанию.
— Что напомнило мне, — сказала Мередит, — я думаю, Стефан выглядит лучше.
Елена, которая помогала ему удерживаться при движениях межпространственного лифта, быстро взглянул на нее.
— Правда? Или это только из-за света? Думаю, ему нужно поесть, — с тревогой сказала она.
Стефан вспыхнул, и Елена прижала пальцы к его губам, чтобы остановить их дрожь.
«Не нужно любимый», — безмолвно сказала она. — «Каждый из этих людей был готов отдать жизнь за тебя — или за меня — за нас. Я здорова. У меня все еще идет кровь. Пожалуйста, не трать ее впустую».
Стефан прошептал:
— Я остановлю кровотечение.
И тогда она склонилась к нему, поскольку она знала, что он сделает это, он начал пить.

Глава 37

Теперь Мэтт и миссис Флауэрс больше не могли не обращать внимания на ослепляющие огни. Им пришлось выйти наружу. Но как только Мэтт открыл дверь, там... Мэтт не знал, что это было. Что-то вылетело прямо из земли в небо, где оно становилось все меньше и меньше, затем стало звездой и исчезло. Метеор, прошедший через Землю? Но не подразумевает ли это цунами и землетрясение, и ударную волну, и лесные пожары и может быть даже то, что Земля развалиться на части? Если один метеор, ударивший по поверхности, смог убить всех динозавров... Свет, сияющий вверх, медленно затухал.

— Господи помилуй! — сказала миссис Флауэрс тихим, дрожащим голосом. — Мэтт, дорогой, ты в порядке?

— Да, мэм. Но... — Мэтт не мог подобрать слова. — Какого черта это было?

И он слегка удивился, когда миссис Флауэрс ответила:

— Определенно, мне почудилось!

— Погодите — там что-то движется. Назад!

— Мэтт, дорогой, осторожнее с оружием...

— Это люди! Бог мой! Это Елена! — Мэтт сел, как подкошенный. Он смог лишь прошептать: — Елена.

Она жива. Она жива!

Мэтт разглядел группу людей, выходящих и помогающих выбраться остальным из прямоугольного отверстия, примерно пяти футов в глубину, в зарослях дягиля, посаженного миссис Флауэрс. Они могли слышать голоса.

— Все хорошо, — сказала Елена и склонилась. — А теперь, хватайся за руки.

Но как она была одета! В какие-то красные лохмотья, сквозь которые виднелись все раны и царапины на ее ногах. Наверху останки платья представляли подобие бикини. И оно было расшито таким количеством драгоценностей, какого Мэтт никогда не видел. Голосов стало больше, это вывело Мэтта из оцепенения.

— Осторожно, так? Я подниму его к тебе.

— Я могу выбраться сам, — несомненно, это был Стефан!

— Видишь? — обрадовалась Елена. — Он сказал, что может выбраться сам!

— Да, но возможно небольшая поддержка...

— Не время строить из себя мачо, братишка.

«А это», — подумал Мэтт, берясь за револьвер, — «Деймон. Есть освященные пули...»

— Нет, я хочу... сам... хорошо... готово. Вот так.

— Вот видишь! Ему с каждой секундой лучше! — воскликнула Елена.

— Где бриллиант? Деймон? — голос Стефана звучал встревоженно.

— Я держу его под надежной защитой... Успокойся.

— Я хочу поддержать его. Пожалуйста.

— Больше, чем Ты хочешь поддержать меня? — спросила Елена. Стефана было плохо видно, он лежал в ее объятиях, и она приговаривала: — тише, тише.

Мэтт посмотрел. Деймон был прямо за ними, словно был частью всего этого.

— Я присмотрю за бриллиантом, — решительно сказал он. — А ты присмотри за своей девушкой.

— Извините... Простите, но... кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне выбраться? — это был голос Бонни, звучащий жалобно, но никак не испуганно или недовольно. Бонни хихикала! — У нас остались еще мешки со звездными шарами?

— У нас есть те, что мы нашли в том доме.

И это была Мередит. Слава богу. Они сделали это. Но, несмотря на свои мысли, его глаза были обращены к одной фигуре — тому, кто, казалось, просто наблюдал за всем — кому-то с золотыми волосами.

— Нам нужны звездные шары, так как в одном из них может быть... — она начала говорить, когда Бонни закричала: — о, смотрите! Смотрите! Это миссис Флауэрс и Мэтт!

— Сейчас, Бонни, они вряд ли нас ждут, — вставила Мередит.

— Где, Бонни, где? — вскричала Елена. — Ох! Миссис Флауэрс! М-м-м... Надеюсь, мы Вас не разбудили.

— У меня ни когда не было более счастливого пробуждения, — сказала миссис Флауэрс торжественно. — Я вижу, что вы пережили в темном месте. Из-за отсутствия на вас достаточного количества одежды...

Тишина.

Мередит взглянула на Бонни. Бонни посмотрела на Мередит.

— Я знаю, может показаться, что на этих одеждах слишком много драгоценностей...

Мэтт обрел дар речи:

— Это драгоценности? Настоящие?

— О, это не важно. И мы все такие грязные...

— Простите меня. Мы воняем — это моя вина, — Стефан начал, когда Елена перебила его:

— Миссис Флауэрс, Мэтт! Стефан был в плену! Все это время! Голодал, его пытали, о, боже!

— Елена! Тшш. Ты возвратила меня. Мы вместе. Теперь, я никогда не отпущу тебя. Ни за что и никогда. Успокойся, любовь моя. Я действительно нуждаюсь в ванной и... — Стефан вдруг остановился. — Нет никаких железных решеток! Ничего, чтобы отключить мои Силы! Я могу...

Он отошел подальше от Елены, которая цеплялась за него одной рукой. Мягкая,

серебристая вспышка света, словно полная луна появилась и исчезла в воздухе.

— Сюда! — позвал он. — Я могу позаботиться о тех, кто не хочет зверских паразитов.

— О, я вся твоя! — воскликнула Мередит.

— Я боюсь блох, и даже Деймон не отнимет у меня порошок. Что за хозяин!

Последовал смех, но Мэтт не понял над чем они смеются. На Мередит было надето сапфиров, ну, скорей всего это бижутерия, но это выглядело на несколько миллионов долларов. Стефан взял Мередит за руку. Вспыхнули мягкие искры света.

А потом Мередит отступила сказав:

— Спасибо.

В ответ Стефан произнес:

— Спасибо, Мередит.

«Голубое платье Мередит было, по крайней мере, целым», — заметил Мэтт.

Бонни, чье платье было порезано на ленты цвета звездного света, подняла руку:

— Мне тоже, пожалуйста!

Стефан взял ее за руку, и все снова повторилось.

— Спасибо, Стефан! О! Я чувствую себя намного лучше! Я возненавидела этот зуд!

— Спасибо, Бонни. Мне была ненавистна мысль, что придется умирать в одиночестве.

— Другие вампиры так же заботились о тебе! — сказала Елена. — И, Стефан, пожалуйста... — она протянула к нему руки.

Он стал перед ней на колени, поцеловал обе ее руки и окутал их мягким белым светом.

— Но ванна все-таки нужна... — сказала Бонни, глядя, как вокруг следующего вампира, это был Деймон, зажигался белый свет.

Миссис Флауэрс произнесла:

— В этом доме есть четыре рабочих ванны: в моей комнате, в комнате Стефана и в соседних от него. Будьте моими гостями. Я положу немного соли для ванн в каждую из них прямо сейчас.

Затем она добавила, пожав изодранные, кровоточащие, грязные руки Стефана:

— Мой дом — ваш дом, мои дорогие.

Поднялся хор горячих благодарностей.

— Я устрою расписание дежурств. Я имею в виду для того, чтобы кормить Стефана. Если девочки согласятся, — быстро добавила Елена, глядя на подруг. Он не нуждается во многом, но через каждый час до утра.

Елена по-прежнему казалась очень застенчивой из-за Мэтта. А Мэтт очень стеснялся ее. Но он сделал шаг вперед, подняв руки, чтобы показать, что не сердится:

— Это правило касается только девушек? Потому что, у меня тоже есть кровь, и я здоров как конь.

Стефан быстро взглянул на него:

— Нет никаких правил о девушках. Но ты не должен...

— Я хочу помочь тебе.

— Тогда хорошо. Спасибо, Мэтт.

Правильный ответ, казалось был: «Спасибо, Стефан», но Мэтт не мог думать ни о чем другом до сих пор. — Спасибо за заботу о Елене.

Стефан улыбнулся:

— Благодарю за это Деймона. Он и все остальные помогли мне — и друг другу.

— При этом мы еще и собак выгуливали — по крайней мере, Сейджа, — лукаво сказал Деймон.

— О — это напомнило мне. Я должен использовать этот фокус от паразитов, на двух моих друзьях. Сайбер! Талон! Ко мне! — Сейдж свистнул так, как Мэтт никогда не смог бы повторить.

В любом случае, Мэтт как будто спал. Огромная собака, ростом почти с пони и сокол, показались из темноты.

— Давай, — сказал вампир и их окутал мягкий белый свет. И затем: — теперь. Если не

возражаете; я предпочитаю спать снаружи с моими друзьями. Я признателен вам за вашу доброту, мадам, и мое имя Сейдж. Этот ястреб — Талон; пес — Сайбер.

Елена сказала:

— Чур, ванна Стефана для нас с ним, а ванна миссис Флауэрс — для девочек. Вы ребята можете сами разобраться со своими вещами.

— Я, — сказала миссис Флауэрс серьезно, — буду на кухне делать бутерброды.

Она повернулась, чтобы уйти. В это время Шиничи возник над землей выше них. Или, скорее, возникло его лицо. Это было как яркая, но ужасающая и поражающая иллюзия. Шиничи, казалось, на самом деле был там, огромный, способный удержать мир на своих плечах. Его черные волосы, смешанные с ночью, но алыми крапинками, вызвали пылающий ореол вокруг его лица. Придя из земли, где доминировало гигантское красное солнце, день и ночь, это было странное зрелище. Глаза Шиничи были такими же красными, как две малых луны в небе, и они сосредоточились на группе с миссис Флауэрс у дома.

— Привет! — сказал он. — Вы как будто удивлены? Хотя не должны были. Я не мог позволить вам возвратиться и не поздороваться с вами. В конце концов, для некоторых из вас это было достаточно долгое время, — гигантское лицо исказила усмешка. — Еще принять участие в празднестве по случаю спасения малыша Стефана от меня, ради этого вы даже дрались с крупногабаритным цыпленком, кажется?

— Я хотела бы посмотреть на тебя, один на один с Блоддьювед, достающего секретный ключ из ее гнезда, — начала возмущенно Бонни, но остановилась, когда Мередит сжала ее руку.

Сейдж, тем временем, бормотал что-то о том, что мог сделать его собственный «Негабаритный цыпленок», Талон, если бы Шиничи был достаточно смел, чтобы показаться лично.

Шиничи проигнорировал это.

— О, да, вы как следует поразмяли свой мозг. Поистине трудная гимнастика. Что же, больше никогда мы не примем вас за тупоголовых идиотов, которые ни разу действительно не задались вопросом, зачем моя сестра вообще дала вам какие-либо подсказки, не говоря уже о том, что эти подсказки могут понять любые Неудачники. То есть, — он зловеще улыбнулся, — почему бы, прежде всего, просто не проглотить ключ, а?

— Ты блефуешь, — решительно сказала Мередит. — Все просто и ясно — ты недооценил нас.

— Может быть, — сказал Шиничи. — Или, может быть, это значит что-нибудь еще.

— Ты проиграл, — сказал Деймон. — Я понимаю, что это может быть совершенно новой идеей для вас, но это правда. Елена стала намного лучше контролировать свою Силу.

— Но сработает ли это здесь? — жутко улыбнулся Шиничи. — Или они внезапно исчезнут в свете бледного желтого солнца? Или в глубинах истинной темноты?

— Не позволяй ему обмануть себя, Madame, — крикнул Сейдж. — Твоя Сила оттуда, куда он не может попасть!

— О да, и отступник тоже. Восставший сын восстания. Интересно... как ты называешь себя на этот раз? Кейдж? Рейдж? Интересно, что подумают эти дети, когда поймут кто ты на самом деле?

— Не важно, кто он, — воскликнула Бонни. — Мы это знаем. Мы знаем, что он вампир, и что он может быть мягким и добрым, и он спасал наши жизни несколько раз.

Она закрыла глаза, но проявила твердость перед взрывом смеха Шиничи.

— И мадам, — Шиничи издеваясь, — вы на самом деле думаете что получили Сейджа. Но мне интересно, вы знаете что в шахматах называют «гамбитом»? Нет? Ну, я уверен, что ваш интеллектуальный друг будет рад просветить вас.

Настала пауза.

Затем Мередит сказала без всякого выражения:

— Гамбит — это когда шахматист жертвует чем-нибудь, например, пешкой, преднамеренно, для того, чтобы получить что-то еще. Например, желаемую позицию на

шахматной доске.

— Я знал, что ты сможешь объяснить им. Что ты думаешь о нашем первом гамбите?

Опять молчание, а затем Мередит сказала:

— Я полагаю, ты имеешь ввиду, что вы вернули нам Стефана, чтобы достичь чего-то большего.

— О, если бы только у тебя были золотые волосы, как у твоей подруги Елены, которые она так великодушно демонстрирует.

Были различные восклицания на тему «Ха?» — большинство из них направленные Шиничи, но некоторых к Елене.

Которая быстро взорвалась:

— Ты забрал воспоминания Стефана?..

— Ну-ну, ничего радикального, моя дорогая.

Елена подняла свой пристальный взгляд на гигантское лицо с видом чрезвычайного презрения.

— Ты... хам.

— О, я поражен в самое сердце.

Но было кое-что, гигантское лицо Шиничи действительно выглядело пораженным — сердитым и опасным.

— Между всеми вами, такими близкими друзьями: знаете, сколько тайн? Конечно, Мередит — владеет тайной, хранит свой секрет от своих друзей все эти годы. Вы думаете, что знаете ее как облупленную, но самое пикантное скоро обнаружится. И затем, конечно, есть тайна Деймона.

— Если она будет озвучена здесь и сейчас, это будет означать мгновенную войну, — сказал Деймон. — А ты знаешь, это странно, но у меня ощущение, что ты пришел сюда сегодня ночью для того, чтобы вести переговоры.

На этот раз, смех Шиничи действительно был бурей, и Деймону пришлось отпрыгнуть за Мередит, чтобы та не свалилась в дыру, оставленную лифтом.

— Очень галантно, — снова взорвался Шиничи, разбив стекло, где-то в доме миссис Флауэрс. — Но я действительно должен идти. Мне оставить краткий обзор призов, которые вам все еще нужно найти прежде, чем ваша небольшая компания сможет смотреть друг другу в глаза?

— Я думаю, что они у нас уже есть. И, отныне, вам не разрешено находиться на территории этого дома, — холодно сказала миссис Флауэрс.

Но ум Елены все еще работал. Даже стоя здесь, и зная, что Стефан нуждается в ней, она искала смысл во всем этом: Второй гамбит Шиничи. Поскольку она была уверена — это был первый.

— Где наволочки? — произнесла она резким голосом, что напугало и привело в растерянность половину группы, и просто напугало остальных.

— Я держал одну, но, потом, вместо этого я решил держать Сайбера, — Сейдж.

— У меня была одна, внизу того отверстия, но я выронила ее, когда кто-то вытаскивал меня наверх, — Бонни.

— У меня все еще есть одна, хотя я не понимаю, что хорошего... — начал Деймон.

— Деймон! — Елена кружились с ним. — Доверься мне! У нас есть твой и Сейджа — что случилось с наволочкой Бонни в отверстии?

Момент, который она сказала, «доверься мне» Деймон, свалил свою наволочку поверх наволочки Сейджа, и к тому времени, когда она закончена, он прыгнул в отверстие, которое все еще ярко светило лей-светом, что могло навредить глазам любого вампира. Но Деймон не жаловался. Он сказал:

— Теперь они в безопасности — нет, постойте! Корень! Проклятый корень обвился вокруг одного из звездных шаров! Кто-нибудь бросьте мне нож, быстрей!

В то время как все остальные ощупывали карманы в поиске ножа, Мэтт сделал кое-что, во что Елена не могла верить. Сначала он мельком взглянул в отверстие шестифутовой

глубины, при этом наводя — револьвер, он ли это? Да — в точности такой же, как и у Мередит. А потом, даже не пытаясь быть осторожным, он просто прыгнул в яму, как до этого сделал и Деймон.

— РАЗВЕ ВЫ НЕ ХОТИТЕ ЗНАТЬ... — орал Шиничи, но никто не обращал на него никакого внимания.

Прыжок Мэтта не окончился также благополучно, как и у Деймона. Кончилось тем, что у него перехватило дыхание, и раздалось сдавленные проклятия. Но Мэтт не стал тратить время, не вставая с колен, он передал пистолет Деймону:

— Благословленные пули — прострелили корень ими!

Деймон двигались очень быстро. Казалось, он даже не прицелился. Но он, должно быть, снял его с предохранителя и мгновенно прицелился, ибо корень сейчас быстро полз по мягкой стене ямы, его конец был плотно обмотан вокруг чего-то круглого.

Елена услышала два оглушительных выстрела револьвера; три. Тогда Деймон наклонился и поднял обернутый виноградной лозой шар, среднего размера и совершенно прозрачный там, где виднелась его истинная поверхность.

— ПОЛОЖИ ЕГО НА ЗЕМЛЮ! — гнев Шиничи был вне всей меры.

Два горящих красных пятна его глаз походили на огонь — словно луны в огне. Он, казалось, пытался заставить их подчиняться силой звука.

— Я СКАЗАЛ, НЕ ТРОГАЙ ЕГО СВОИМИ ГРЯЗНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РУЧОНКАМИ!

— О, Боже мой! — задохнулась Бонни.

Мерedit сказала просто:

— Этот — Мисао, должно быть. — Он мог рисковать своими; но не ее. Деймон, дай его мне, вместе с револьвером. Бьюсь об заклад, что он не пуленепробиваемый.

Она опустилась на колени возле ямы.

Деймон с поднятой бровью сделал, как она сказала.

— О Боже! — крикнула Бонни на краю ямы.

Мэтт подвернул ногу — по крайней мере.

— Я ЖЕ СКАЗАЛ ТЕБЕ, — орал Шиничи. — Ты еще пожалеешь...

— Сюда, — сказал Деймон Бонни, не обращая ни малейшего внимания на Шиничи.

Без лишних слов, он подхватил Мэтта и вытащил его из ямы. Он усадил белокурого парня рядом с Бонни, которая смотрела на него широкими карими глазами в полной растерянности. Мэтт, тем не менее, был южанином до конца.

Он сглотнул и произнес:

— Спасибо, Деймон.

— Нет проблем, Мэтт, — сказал Деймон, и затем:

— Что? — кто-то изумленно.

— Ты вспомнил, — Бонни закричала, — ты вспомнил его — Мерedit! — она замолкла, глядя на высокую девушку.

— Трава!

Мерedit, которая разглядывала звездный шар со странным выражением, теперь бросила револьвер Деймону и пыталась свободной рукой оторвать траву, которая опутала ее ноги и уже добралась до лодыжек. Но как раз, когда она сделала это, трава, казалось, прыгнула вверх и захватила ее руку, связывая ее с ногами. И теперь трава росла, увеличивалась и прорастала по ее телу в сторону шара, который она держала высоко в воздухе. В то же время, трава затягивалась вокруг ее груди, вытесняя воздух из легких. Все это произошло так быстро, что лишь тогда, когда она ахнула: «кто-нибудь, возьмите шар», остальные кинулись ей на помощь. Бонни первой добралась до нее, разрывая ногтями растительность, которая сжимала грудь Мерedit. Но каждая травинка была как сталь и она не могла разорвать даже одну из них. Не смогли ни Мэтт, ни Елена.

Тем временем, Сейдж пытался поднять Мерedit целиком — чтобы оторвать ее от земли — но не добился большего успеха, чем остальные. Лицо Мерedit, четко видимое в

свете, все еще исходившего от ямы, становилось белым. Деймон выхватил звездный шар из ее пальцев прямо перед тем, как запутанная растительность, прорастающая по ее руке, могла достигнуть его. Затем он начал двигаться быстрее, чем мог бы уследить человеческий глаз, не останавливаясь на одном месте достаточно долго, чтобы растения смогли схватить его. Но трава все еще смыкалась вокруг Мередит. Теперь ее лицо становилось синим. Ее глаза расширились, рот был открыт, но она не могла сделать ни вдоха.

— Прекрати это! — Елена кричала на Шиничи. — Мы дадим тебе звездный шар! Только отпусти ее!

— Отпустить ее? — Шиничи взорвался смехом: — МОЖЕТ БЫТЬ ТЕБЕ ЛУЧШЕ СНАЧАЛА ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА СВОИ ИНТЕРЕСЫ ПЕРЕД ТЕМ КАК ПРОСИТЬ ОБ ОДОЛЖЕНИИ.

Елена дико оглянулась — и увидела, что трава почти полностью захватила стоящего на коленях Стефана, который был слишком слаб, чтобы двигаться так же быстро, как другие. И он даже не издал ни звука, чтобы привлечь внимание к себе.

— Нет! — отчаянный крик Елены почти заглушил смех Шиничи. — Стефан! Нет!

Даже зная, что это бесполезно, она бросилась к нему, и попытался сорвать траву с его впалой груди. Стефан просто одарил ее самой слабой улыбкой и грустно покачал головой. Это было, когда Деймон остановился. Он поднял звездный шар к мрачному лицу Шиничи.

— Возьми его! — крикнул он. — Возьми шар, черт возьми, но отпусти этих двоих!

На сей раз, буря смеха Шиничи становилась все сильнее и сильнее. Спираль из травы, растущей рядом с Деймоном, секундой позже сформировалась в безобразный, лохматый, зеленый кулак, который почти достигал звездного шара.

— Но... не сейчас, мои дорогие, — задыхаясь, сказала миссис Флауэрс.

Она и Мэтт запыхавшись, вышли из чулана пансиона — Мэтт сильно хромая — и они оба держали в руках то, что было похоже на стикеры.

А потом Елена увидела, как Деймон снова на безумной скорости отбежал от кулака, а Мэтт приклеивал стикеры на траву, покрывавшую Стефана, миссис Флауэрс делала то же самое с зеленью на Мередит. Елена смотрела в недоверии, как трава, казалось, таяла, превращаясь в сухие былинки, падающие на землю. В следующее мгновение она держала Стефана.

— Давайте войдем внутрь, мои дорогие, — сказала миссис Флауэрс. — В кладовке безопасно — и там можно оказать помощь раненым, конечно.

Мередит и Стефан судорожно захватывали воздух. Но Шиничи оставил за собой последнее слово:

— Не волнуйтесь, — сказал он, странно спокойно, как будто понял, что проиграл — пока. — Я очень скоро верну этот шар. Все равно вы не знаете, как использовать такую силу! И, кроме того, все, что я пришел сказать вам, что вы скрываете от своих так называемых друзей. Всего пару секретов, да?

— К черту твои секреты, — крикнула Бонни.

— Язык! Язык! Как на счет этого: один из вас хранил тайну всю свою жизнь и даже сейчас продолжает это делать. Один из вас убийца... и я не говорю о вампире, или об убиении безнадежно умирающего, или чем-то подобном. И, наконец, вопрос о подлинной личности Сейджа — удачи в ваших исследованиях! Один из вас уже имеет стертую память, и я не имею в виду Деймона и Стефана. И как насчет тайного, украденного поцелуя? И затем вопрос, что случилось той ночью в мотеле, этого, похоже, никто кроме Елены не может рассказать. Вы должны когда-нибудь, спросить о ее теориях о Камелоте. И еще...

В этот момент оглушительный звук, словно гром перебил смешки Шиничи. Что-то прорвала лицо Шиничи, заставляя его причудливо провисать. Затем лицо исчезло.

— Что это было...

— У кого есть оружие...

— Какое оружие могло сделать это с ним?

— Одно, с освященными пулями, — спокойно сказал Деймон, показывая им револьвер,

направленный вниз.

— Значит, ты это сделал?

— Молодец Деймон!

— Забудьте о Шиничи! Он лжет, когда ему выгодно, вот, что я могу вам сказать.

— Я думаю, — сказала миссис Флауэрс, — мы можем вернуться в пансион сейчас.

— Да, и давайте примем ванну, наконец.

— И последнее, — оглушительный голос Шиничи, казалось, раздавался ото всюду: и с неба, и с земли. — Право же вам понравится следующее, что я готовлю для вас. На вашем месте, я начал бы вести переговоры относительно того звездного шара прямо СЕЙЧАС.

Но его смех был прерван женским возгласом позади него, как будто Мисао потеряла терпение.

— ЭТО ВАМ ПОНРАВИТСЯ! — продолжал орать Шиничи.

Глава 38

Елена испытывала чувства, которые она не могла описать. Это не разочарование. Это была... опустошенность. Из-за того, что, казалось, большую часть своей жизни она искала Стефана. Но теперь она вернула его, и он находился в безопасности и чистоте, (он принял долгую ванну, она настояла, чтобы помыть его губкой и пемзой, а затем он принял душ и довольно тесный душ с ней).

Его волосы стали мягкими и темными, и сохли немного дольше, чем обычно. Раньше у него не было сил для такой ерунды, как подстригать и мыть волосы. Елена поняла это. И теперь... поблизости не было стражей или китцунов, чтобы шпионить за ними. Им нечего было скрывать друг от друга. Они от души игрались, брызгая друг на друга, Елена всегда следила, чтобы ее ноги не скользили, и она была готова поддержать высокого Стефана.

Но они не могли быть игривыми сейчас. Распылитель душа был очень полезен, он скрывал слезы, которые текли по щекам Елены. Она могла, ах, боже мой, почувствовать каждое его ребро. Он был просто кожа, да кости, ее прекрасный Стефан, но его зеленые глаза были живыми и блестящими и светились от радости на его бледном лице. После того, как они оделись на ночь, они некоторое время просто сидели на кровати.

Наедине, чувствуя дыхание, Стефан привык, что в последнее время вокруг всегда много людей, что он постоянно недоедал, теперь они оба чувствовали тепло друг друга... и даже этого было много. Затем Стефан нащупал руку Елены, поймал ее, держа обеими руками, чувствуя некоторое недоумение. Елена сглотнула несколько раз, пытаясь начать разговор, чувствуя, что она практически излучает счастье.

«Ох, мне больше ничего и не надо», — подумала она, хотя знала, что скоро ей захочется поговорить, обнять, поцеловать и покормить Стефана. Но если бы у нее кто-либо спросил: достаточно ли ей именно этого: сидеть вместе, общаясь на ощупь и просто любить; она бы приняла это. Прежде чем она поняла это, она сказала слова, которые пришли, как пузырьки из патоки, только эти пузырьки были из ее души.

— Я думала, что потеряла тебя на этот раз. Что я побеждала так много, что в этот раз это произошло, с целью проучить тебя и меня...

Стефан по-прежнему с интересом склонился над ее рукой и старательно целовал каждый ее палец.

— Ты называешь победой смерть от боли и солнечного света, чтобы спасти мою бестолковую жизнь и моего еще более бестолкового брата?

— Я называю это лучшим призом за победу, — признала Елена. — Каждый раз, когда мы оказываемся вместе, мы выигрываем. В любой момент, даже в том подземелье...

Стефан поморщился, но Елена закончила свою мысль:

— Даже там смотреть тебе в глаза, сжимать твою руку и знать, что ты смотришь и

прикасаешься ко мне, и то, что ты счастлив, это победа в моем понимании.

Стефан поднял на нее глаза. В тусклом свете, зеленый взгляд выглядел темным и таинственным.

— И еще одно, — прошептал он. — Потому что я это я... и потому, что твое достоинство не только в замечательном золотом облаке волос, но аура, это что-то... невообразимое. Несказанное. Вне всяких слов...

Елена подумала, что если они просто посмотрят друг на друга, то утонут во взгляде, но этого не произошло. Взгляд Стефана сорвался, и Елена поняла, что он жаждал ее крови и, что он был недалеко от смерти. Торопливо Елена откинула влажные волосы в сторону от шеи и откинулась назад, зная, что Стефан поймает ее. Он сделал это, и хотя, девушка подняла подбородок, он потянул его вниз рукой, чтобы взглянуть на нее.

— Ты знаешь, как я тебя люблю? — спросил он.

Все его лицо было скрыто за маской сейчас, загадочной и волнующей странной.

— Я не думал, что ты сделаешь это, — прошептал он. — Я смотрел и смотрел, как ты была готова на все, на все, чтобы спасти меня... но я не думаю, что ты понимала, насколько я люблю тебя, Елена...

Дрожь спускалась по ее позвоночнику.

— Тогда лучше показать мне, — прошептала она. — Или я, возможно, не поверю, что ты...

— Я покажу тебе, что я имею в виду, — прошептал Стефан.

Он наклонился, чтобы тихо поцеловать ее. Чувства внутри Елены, что голодающее существо хочет целовать ее, а не приступить сразу к шее, достигли своего предела, так, что она не смогла объяснить ни в мыслях, ни на словах, а только картинкой в голове Стефана, как его рот лежит у нее на шее.

— Пожалуйста, — сказала она. — Ох, Стефан, пожалуйста...

Затем она почувствовала короткую вспышку боли, и Стефан начал пить ее кровь, а ее разум, который трепетал вокруг, подобный птице в светлой комнате, которая теперь увидела свое гнездо и своего друга, достиг, наконец, единства со своим горячо любимым. После этого, не было нужды в такой неудобной вещи, как слова. Они передавали друг другу чистые и ясные, как мерцающие самоцветы, мысли, и Елена наслаждалась тем, что все мысли Стефана были открыты для нее, и ни одна из них не была закрытой или темной, не было булыжников с секретами или закованных плачущих детей...

— Что! — она услышала, как Стефан беззвучно воскликнул. — Ребенок в цепях? Огромный валун? В чьем сознании такое твориться?

Стефан прервался, поняв ответ прежде, чем молниеносная мысль Елены могла сказать ему. Елена почувствовала ясную зеленую волну его жалости, приправленной естественным гневом молодого человека, который прошел все глубины ада, но не запятнал себя черным ядом ненависти брата к брату.

Когда Елена закончила объяснить все, что знала о психическом состоянии Деймона, она сказала:

— А я не знаю что делать!

— Я сделала все, что смогла, Стефан, я-я даже любила его. Я дала ему все, что не принадлежит лишь тебе. Но я не знаю, изменило ли это хоть что-нибудь.

— Он назвал Мэтта «Мэттом» вместо Mutt³⁵, — прервал ее Стефан.

— Да. Я... заметила это. Я просила его об этом, но, казалось, что это было бесполезно.

— Это имело значение — тебе удалось изменить его. Не многие люди могут.

Елена стиснула его тесных объятьях, но остановилась, обеспокоенная тем, что они были слишком тесными, и взглянула на него. Он улыбнулся и встряхнул головой. Он был уже похож на человека, а не на выжившего из лагеря смертников.

35 Остолоп (итал.)

— Ты должна использовать это, — сказал Стефан еле слышно. — Твое влияние на него сильнее.

— Я буду, — пообещала Елена.

Она была обеспокоена тем, что Стефан мог подумать, что она слишком самонадеянна или слишком преданная. Но одного взгляда на Стефана было достаточно, чтобы заверить ее, что она сделает все правильно. Они цеплялись друг за друга.

Это было не так сложно, как думала Елена — заставить Стефана пить кровь других людей. Стефан надел чистую пижаму, и первое, что он сказал всем троим, было:

— Если вы испугались или передумали, просто скажите об этом. Я отлично слышу, и у меня нет жажды крови. Так или иначе, я буду ощущать, что вам неприятно, и я остановлюсь. И, наконец, спасибо, спасибо всем вам. Сегодня я решил нарушить свою клятву, потому что все еще существует крошечный шанс, что если я засну, то завтра вы проснетесь без меня.

Бонни пришла в ярость от негодования и ярости.

— Хочешь сказать, что все это время ты не мог спать потому, что ты боялся, что... что...

— Время от времени я засыпал, но, спасибо судьбе, спасибо Богу, я всегда снова просыпался. Были времена, когда я не смел двигаться, чтобы сохранить энергию, но так или иначе Елена продолжала находить способы приходить ко мне, и каждый раз, когда она приходила, она приносила мне хоть какую-нибудь помощь.

Он одарил Елену взглядом, от которого ее сердце вырвалось из груди и упорхнуло вверх, далеко в стратосферу.

А затем она составила расписание, в соответствии с которым Стефан должен кормиться каждый час, после чего она и все остальные оставили первого добровольца, Бонни, одну, чтобы ей было более комфортно.

Это было на следующее утро.

Деймон успел уже посетить Ли, племянницу продавца антиквариата, которая, казалось, была очень рада его видеть. И вот теперь он вернулся, чтобы смотреть с презрением на сонь, которые были распределены по всему пансиону.

Это случилось, когда он увидел букет. Он был хорошо запечатан амулетами, распределенными через равные промежутки. Было кое-что мощное там. Деймон повернул голову на одну сторону. Хм ... интересно что?

«Дорогой Дневник,
Я не знаю, что сказать.
Мы дома.

Прошлой ночью у каждого из нас была долгая ванная... и я была наполовину разочарована, потому что моей любимой щетки с длинной ручкой не было, и не было звездного шара, чтобы создать мечтательную мелодию Стефана и теплой воды! Стефан пошел посмотреть, был ли включен водонагреватель и встретил Деймона, собирающегося сделать то же самое! Только, они не могли, потому что мы снова дома.

Но я проснулась пару часов назад, чтобы нескольких минут понаблюдать за самым красивым зрелищем в мире... восходом солнца.

Бледно-розовый и мрачно-зеленый на востоке, и ночная, все еще полная темнота на западе. Затем, розовое поднялось выше в небо, и деревья расплылись в

облаке росы. Когда над горизонтом показался блестящий солнечный диск, темный румянец, сливочный и даже зеленый цвета превратились на небе в цвет дыни, наконец, на линии огня все цвета поменялись. Линии стали дугой, на западе небо было глубокого синего цвета, затем туда пришли тепло и свет от солнца и окрасились зеленым деревья, и небо начало становиться того голубого небесного цвета, хотя почему-то у меня возникает испуг, когда я говорю: небесный. Небо становилось похожим на драгоценный камень, великолепного, лазурного, синего цвета, и золотое солнце начинает лить энергию, любовь, свет, и все хорошее на этот мир.

Которая (из женщин) бы могла быть несчастлива, наблюдая все это, в то время как Стефан обнимал бы ее? Мы, которым так посчастливилось, родиться на свет, которые видим это каждый день и никогда не задумываемся об этом, мы — благословлены. Мы могли родиться призрачными душами, которые живут и умирают в темно-красной темноте, даже не узнав, что где-то есть что-то лучше этого».

Елена проснулась от крика. Она уже просыпалась однажды в невероятном блаженстве.

Сейчас она опять спала — но это ведь был голос Деймона.

Кричит? Деймон не кричит!

Накинув халат, она выскочила в дверь и пошла вниз по лестнице. Разбужившие голоса — приводили в замешательство. Деймон стоял на коленях на полу. Его лицо было бело-голубым. Никаких растений, которые могли бы душить его, в комнате не было. «Отравление», — было следующей мыслью Елены, ее глаза метались по комнате в поисках пролитого напитка, любого признака того, что причиной был яд.

Ничего не было. Сейдж хлопал Деймона по спине. О, Боже, он возможно задышался? Но это был идиотизм. Вампиры не дышали, разве что во время разговора и построения Силы. Но тогда что случилось?

— Тебе нужно дышать, — кричал Сейдж в ухо Деймону. — Возьми дыхание как будто собираешься говорить, а потом держись на нем как на построении Силы. Думай о том, что внутри тебя. Заставь легкие работать!

Эти слова только запутали Елену.

— Вот! — прокричал Сейдж. — Вы видели?

— Это длилось всего миг.

— Тогда, я должен сделать это вновь.

— Но, да, все дело в этом!

— Говорю тебе, я умираю, а ты смеешься надо мной? — кричал растрепанный Деймон. — Я ослеп, оглох, мои чувства нарушены — и ты смеешься!

— Ладно, — Сейдж, по-видимому, старался не засмеяться. — Возможно, мой дорогой, ты открыл что-то не адресованное тебе?

— Я сорвал защиту, прежде чем сделать это. В доме было безопасно.

— Но ты не дышал! Дыши, Деймон!

— Это выглядело абсолютно безопасно... и допустимо... мы все собирались... открыть это вчера вечером... когда мы были слишком усталыми...

— Но сделать это одному, открыть подарок от китцуна... это было безрассудно, да?

Задыхающийся Деймон огрызался:

— Не читай мне лекции. Помоги мне. Почему у меня вата в ушах? Почему я не могу видеть? Или слышать? Или унюхать — что-нибудь? Я говорю Вам, что я не могу почувствовать запах чего-нибудь!

— Ты здоров и твои чувства остры настолько, насколько надлежит любому человеку. Ты, вероятно, победил бы большинство вампиров, если бы боролся с ними сейчас. Но человеческие чувства очень ограничены и очень притуплены.

Слова плавали в голове Елены: «открываешь вещи, не адресованные тебе... букет от китцуна... человек... о, Бог мой!»

Очевидно, те же самые слова пробегали в уме кого-то еще, потому что внезапно одна

фигура примчалась на кухню.

Стефан.

— Ты украл мой букет? От китцуна?

— Я был очень осторожен...

— Ты хоть понимаешь что натворил? — Стефан тряс Деймона.

— Ай. Это больно! Хочешь сломать мне шею?

— Больно! Деймон, теперь ты в мире боли! Ты понимаешь? Я разговаривал с тем китцуном. Рассказал ему всю историю своей жизни. Елена навестила меня, и он увидел ее фактически... хорошо, он и представить не мог, что увидит ее плачущей из-за меня! Ты... хоть.... Представляешь... что... ты... сделал?

Это было, как если бы Стефан начал подниматься по ступенькам, и каждая следующая ступенька поднимала его на все более высокий уровень гнева, чем предыдущая. И здесь на верхней...

— Я УБЬЮ ТЕБЯ! — Стефан кричал. — Ты забрал это — мою человечность! Он дал это мне — и ты забрал это!

— Ты убьешь меня? Я убью тебя, тебя — ты ублюдок! В середине был один цветок. Черная роза, самая большая, которую я когда-либо видел. И она пахла... изумительно...

— Она исчезла! — сообщил Мэтт, предъявляя букет.

Он показал это. В центре смешанной икебаны зияло пустое место. Несмотря на это, Стефан подбежал к нему, и уткнулся лицом в букет, вдыхая огромными порциями воздух. Он держал его и щелкнул пальцами, и каждый раз, когда он делал это, молнии вырывались из его рук

— Прости друг, — сказал Мэтт.

— Я думаю, что это сработает.

Теперь Елена могла все это видеть. Тот китцун... он был одним из тех, хороших, о которых Мередит рассказывала им в тех историях. Или, по крайней мере, достаточно хороший, чтобы посочувствовать положению Стефана. И вот, когда он получил свободу, он составил букет; китцун может сделать что-то с растениями, хотя конечно это был великий подвиг, что-то вроде, как найти секрет вечной молодости... в свою очередь, превратить вампира в человека. Стефан терпел, терпел и терпел и когда он должен был, наконец, получить свое вознаграждение... прямо сейчас...

— Я вернусь, — крикнул Стефан. — Я буду искать его!

Мередит тихо сказала:

— С Еленой или без нее?

Стефан остановился. Он посмотрел на лестницу, и его глаза встретились с Еленой.

— Елена...

— МЫ пойдем вместе.

— Нет, — закричал Стефан — Я никогда не пожелал бы тебе пройти через это.

— Я не уйду после всего.

— Я просто хочу убить тебя! — он накинута опять на своего брата.

— Сделай это. Кроме того, я один из тех, кто убьет тебя, тебя ублюдок! Ты отнял мой мир! Я вампир! Я не человек!

— Твоя участь, — сказал Мэтт. Он еле сдержался, чтоб не засмеяться: — Так я скажу, что тебе лучше привыкнуть к ней.

Деймон прыгнул на Стефана. Стефан не уступал. В одно мгновение началась драка, удары руками и ногами, нецензурная брань на итальянском, это походило на то, что дрались, как минимум четыре вампира или пять — шесть людей. Елена беспомощно села.

Деймон... Человек? Как они справятся с этим? Елена взглянула на Бонни, которая приготовила поднос со всякой едой, вкусной для людей, и, несомненно, сделала это для Деймона до того, как у него началась истерика.

— Бонни, — тихо сказала Елена, — не давай ему больше. Он просто кинет это в тебя. Но возможно позже...

— Позже он не станет бросаться этим?

Елена вздрогнула.

— Как Деймон справится с существованием в облике человека? — вслух спросила она сама себя.

Бонни наблюдала ругань, плевки находящегося в бешенстве человека/вампира.

— Я бы сказала... крича и сметая все подряд на своем пути.

В это время миссис Флауэрс вышла из кухни. Она несла огромную гору воздушных вафель, сложенных на нескольких тарелках на подносе. И увидела ругающийся, рычащий катящийся клубок, которым были Стефан и Деймон.

— Боже мой, — сказала она.

— Что-то пошло не так, как надо?

Елена посмотрела на Бонни. Бонни посмотрела на Мерedit. Мерedit посмотрела на Елену.

— Можно и так сказать, — выдохнула Елена.

И затем трое из них уступили. Взрывы и взрывы беспомощного смеха.

«Ты потеряла могущественного союзника», — прозвучал голос в голове Елены. — «Ты знаешь это? Ты можешь предвидеть последствия? Сегодня, когда мы только вернулись из мира Шиничи?»

«Мы победим», — подумала Елена. — «Мы должны».